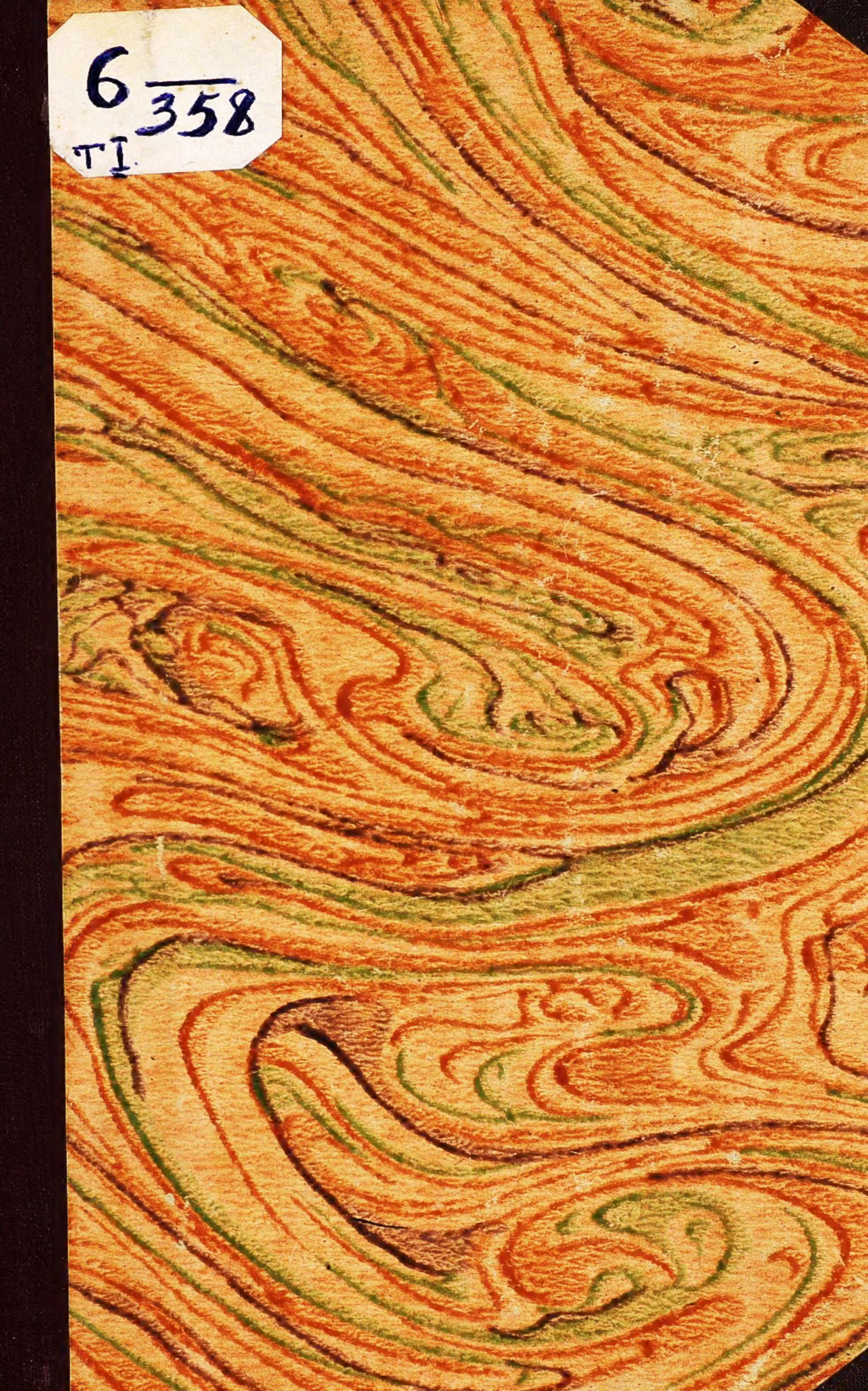

6
358
TI

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИСТПАРТ

КОМИССИЯ ПО ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И РОССИЙСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ (б-ков).

ХРЕСТОМАТИЯ

ПО ИСТОРИИ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ

ТОМ I

Составил И. АНТОКОЛЬСКИЙ

Под редакцией Н. БАТУРИНА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ПЕТРОГРАД

Гиз № 5344 Главлит № 14363 Тираж 10.000

7-я типография „Мосполиграф“, Филипповский пер., д. 11.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

I. Экономическое и политическое положение России во 2-й половине XIX века.

II. Народничество и его критика в марксистской литературе.

III. Рабочее движение 70-х и 80-х годов.

IV. Первые социал-демократические организации. Подпольная кружковая пропаганда 80-х и начала 90-х годов.

V. От „кружковщины" к массовой агитации.

Стр.

VI. 1-й С'езд Р. С.-Д. Р. П. (1898 г.).

VII. Легальный марксизм и экономизм.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Настоящая хрестоматия ставит себе целью дать сводку важнейших материалов по истории рабочего движения и Р. К. П. Первый том обнимает период от 70-х до 900-х г.г., то-есть целиком посвящен «доисторическому» периоду партии, без изучения которого немыслимо основательное знакомство с историей Р. К. П. в более тесном смысле.

Сосредоточиваясь на основных моментах в развитии рабочего движения и социалистических идей, эта хрестоматия не претендует ни на полноту, ни на связность изложения. Она не может заменить цельного и законченного курса истории. Но, с другой стороны, она может служить тем пособием для изучающего историю, какого не дают существующие курсы, ставя читателя как можно ближе к подлинным, наиболее характерным материалам и документам и, таким образом, облегчая ему более самостоятельное и вдумчивое изучение истории. На-ряду с руководящими статьями виднейших теоретиков марксизма (Энгельса, Плеханова, Ленина) и статьями повествовательного характера приводятся наиболее характерные образцы нашей подпольной литературы: прокламаций, брошюр, газет. Этот небогатый по количеству, но весьма ценный материал, остающийся до сих пор недоступным для широких кругов, составители старались не «использовать», а предоставить для «использования» читателю. Особое внимание обращено на программы и другие документы программного характера.

Н. Батурин.

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ.

Экономическое и политическое положение России во 2-ой половине XIX века.

РАЗЛОЖЕНИЕ ПАТРИАРХАЛЬНОГО КРЕСТЬЯНСТВА И ОБРАЗОВАНИЕ НОВЫХ ТИПОВ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ.

Из книги Н. Ленина «Развитие капитализма в России». Собрание сочинений т. III, Госиздат, Москва 1923 г., стр. 128—137. Первое издание этой книги вышло в Петербурге в 1899 г.

Приведенный отрывок сжато излагает выводы II главы названного сочинения, анализирующей статистические данные о крестьянском хозяйстве. Прим. ред.

1) Общественно-экономическая обстановка, в которую поставлено современное русское крестьянство, есть товарное хозяйство. Даже в центральной земледельческой полосе (которая наиболее отстала в этом отношении сравнительно с юго-восточными окраинами или с промышленными губерниями) крестьянин вполне подчинен рынку, от которого он зависит и в личном потреблении и в своем хозяйстве, не говоря даже о податях.

2) Строй общественно-экономических отношений в крестьянстве (земледельческом и общинном) показывает нам наличность всех тех противоречий, которые свойственны всякому товарному хозяйству и всякому капитализму: конкуренцию, борьбу за хозяйственную самостоятельность, перебивание земли (покупаемой и арендуемой), сосредоточение производства в руках меньшинства, выталкивание большинства в ряды пролетариата, эксплоатацию его со стороны меньшинства торговым капиталом и наймом батраков. Нет ни одного экономического явления в крестьянстве, которое бы не имело этой, специфически свойственной капиталистическому строю, противоречивой формы, т.-е., которое не выражало бы борьбы и розни интересов, не означало плюс для одних и минус

для других. Такова и аренда, и покупка земли, и «промыслы» в их диаметрально противоположных типах; таков же и технический прогресс хозяйства (×) [1].

3) Совокупность всех экономических противоречий в крестьянстве и составляет то, что мы называем разложением в крестьянстве. Сами крестьяне в высшей степени метко и рельефно характеризуют этот процесс термином: «раскрестьянивание». Этот процесс означает коренное разрушение старого патриархального крестьянства и создание новых типов сельского населения.

Прежде чем переходить к характеристике этих типов, заметим следующее. Указание на этот процесс делалось в нашей литературе очень давно и очень часто. Например, еще г. Васильчиков, пользовавшийся трудами Валуевской комиссии, констатировал образование «сельского пролетариата» в России и распадение крестьянского сословия («Землевладение и земледелие», 1-ое изд., т. I, гл. IX). Указывал на этот факт и В. Орлов (Сборн. стат. свед. по Московской губ., т. IV, в. 1, стр. 14) и многие другие. Но все эти указания оставались совершенно отрывочными. Никогда не делалось попытки систематически изучить это явление, и потому, несмотря на богатейшие данные земско-статистических подворных переписей, мы и по сю пору имеем недостаточно сведений об этом явлении (×).

4) Разложение крестьянства, развивая на счет среднего «крестьянства» его крайние группы, создает два новые типа сельского населения. Общий признак обоих типов — товарный, денежный характер хозяйства. Первый новый тип — сельская буржуазия или зажиточное крестьянство. Сюда относятся самостоятельные хозяева, ведущие торговое земледелие во всех его разнообразных формах (×), затем владельцы торгово-промышленных заведений, хозяева торговых предприятий и т. п. Соединение торгового земледелия с торгово-промышленными предприятиями есть специфически свойственный этому крестьянству вид «соединения земледелия с

---

[1]) Знаком (×) здесь, как и во всех прочих статьях настоящей хрестоматии, отмечены выпущенные редакцией места в тексте приводимых статей. Прим. ред.

промыслами». Из этого зажиточного крестьянства вырабатывается класс фермеров, ибо аренда земли для продажи хлеба играет (в земледельческой полосе) громадную роль в их хозяйстве, нередко бо́льшую, чем надел. Размеры хозяйства превышают здесь в большинстве случаев рабочие силы семьи, и потому образование контингента сельских батраков, а еще более поденщиков, есть необходимое условие существования зажиточного крестьянства [1]). Свободные деньги, получаемые в виде чистого дохода этим крестьянством, обращаются или на торговые и ростовщические операции, так непомерно развитые в нашей деревне, либо—при благоприятных условиях — вкладываются в покупку земли, улучшения хозяйства и т. п. Одним словом, это — мелкие аграрии. Численно крестьянская буржуазия составляет небольшое меньшинство всего крестьянства, — вероятно, не более одной пятой доли дворов (что соответствует приблизительно трем десятым населения), при чем это отношение, разумеется, сильно колеблется в разных местностях. Но по своему значению во всей совокупности крестьянского хозяйства, — в общей сумме принадлежащих крестьянству средств производства, в общем количестве производимых крестьянством земледельческих продуктов, — крестьянская буржуазия является безусловно преобладающей. Она — господин современной деревни.

5) Другой новый тип — сельский пролетариат, класс наемных рабочих с наделом. Сюда входит неимущее крестьянство, в том числе и совершенно безземельное, но типичнейшим представителем русского сельского пролетариата является батрак, поденщик, чернорабочий, строительный или иной рабочий с наделом. Ничтожный размер хозяйства на клочке земли и притом хозяйства, находящегося в полном упадке (о чем особенно наглядно свидетельствует сдача земли) невозможность существовать без продажи рабочей силы (= «промыслы» неимущего крестьянства), в выс-

---

[1]) Заметим что употребление наемного труда не есть обязательный признак понятия мелкой буржуазии. Под это понятие подходит всякое самостоятельное производство на рынок, при наличности в общественном строе описанных нами выше (п. 2) противоречий,—в частности при превращении массы производителей в наемных рабочих.

шей степени низкий жизненный уровень — даже уступающий, вероятно, жизненному уровню рабочего без надела, — вот отличительные черты этого типа. К представителям сельского пролетариата должно отнести не менее половины всего числа крестьянских дворов (что соответствует приблизительно $^4/_{10}$ населения), т.-е. всех безлошадных и бо́льшую часть однолошадных крестьян (разумеется, это лишь массовый примерный расчет, подлежащий в различных районах более или менее значительным видоизменениям, сообразно с местными условиями (X). Следует добавить, что в нашей литературе зачастую слишком шаблонно понимают то положение теории, что капитализм требует свободного, безземельного рабочего. Это вполне верно, как основная тенденция, но в земледелие капитализм проникает особенно медленно и среди чрезвычайного разнообразия форм. Наделение сельского рабочего землей делается очень часто в интересах самих сельских хозяев, и потому тип сельского рабочего с наделом свойственен всем капиталистическим странам. В разных государствах он принимает различные формы: английский коттер (cottager) не то, что парцельный крестьянин Франции или Рейнских провинций, а этот последний опять-таки не то, что бобыль или кнехт в Пруссии. Каждый из них носит на себе следы особых аграрных порядков, особой истории аграрных отношений, — но это не мешает однако экономисту обобщать их под один тип сельско-хозяйственного пролетария. Юридическое основание его права на кусочек земли совершенно безразлично для такой квалификации. Принадлежит ли ему земля на праве полной собственности (как парцельному крестьянину) или ее дает ему лишь в пользование лэндлорд или Rittergutsbesitzer, или, наконец, он владеет ею, как член великорусской крестьянской общины, — дело от этого нисколько не меняется. Относя неимущее крестьянство к сельскому пролетариату, мы не говорим ничего нового (X).

6) Промежуточным звеном между этими пореформенными типами «крестьянства» является среднее крестьянство. Оно отличается наименьшим развитием товарного хозяйства. Самостоятельный земледельческий труд разве лишь в лучший год и при особо благоприятных условиях по-

крывает содержание такого крестьянства, и потому оно находится в крайне неустойчивом положении. В большинстве случаев средний крестьянин не может свести концов с концами без того, чтобы не прибегать к займам под отработки и т. п., без того, чтобы не искать «подсобных» сторонних заработков, состоящих тоже отчасти из продажи рабочей силы, и т. д. Каждый неурожай выбрасывает массы среднего крестьянства в ряды пролетариата. По своим общественным отношениям эта группа колеблется между высшей, к которой она тяготеет и в которую удается попасть лишь небольшому меньшинству счастливцев, и между низшей, в которую ее сталкивает весь ход общественной эволюции (×). Крестьянская буржуазия о т т е с н я е т не только низшую, но и среднюю группу крестьянства. Таким образом происходит специфически свойственное капиталистическому хозяйству вымирание средних членов и усиление крайностей — «раскрестьянивание».

7) Р а з л о ж е н и е к р е с т ь я н с т в а с о з д а е т в н у т р е н н и й р ы н о к д л я к а п и т а л и з м а. В низшей группе это образование рынка происходит на счет предметов потребления (рынок личного потребления). Сельский пролетарий, по сравнению с средним крестьянством, м е н ь ш е п о т р е б л я е т, — и притом потребляет продукты худшего качества (картофель вместо хлеба и пр.), н о б о л ь ш е п о к у п а е т. Образование и развитие крестьянской буржуазии создает рынок двояким путем: во-первых и главным образом — на счет средств производства (рынок производительного потребления), ибо зажиточное крестьянство стремится превратить в капитал те средства производства, которые оно «собирает» и от «оскудевших» помещиков, и от разоряющихся крестьян. Во-вторых, рынок создается здесь и на счет личного потребления вследствие расширения потребностей у более состоятельных крестьян.

8) По вопросу о том, идет ли вперед разложение крестьянства и как быстро, — мы не имеем точных статистических данных. (×). Все общие данные об экономике нашей деревни свидетельствуют о непрерывном и быстром росте разложения: с одной стороны, «крестьяне» забрасывают и сдают землю, растет число безлошадных, «крестьяне» бегут в горо-

да и т. д.,—с другой стороны, идут своим чередом и «прогрессивные течения в крестьянском хозяйстве», «крестьяне» покупают землю, улучшают хозяйство, вводят плуги, развивают травосеяние, молочное хозяйство и т. д. Мы знаем теперь, какие «крестьяне» участвуют в этих двух полярно-противоположных сторонах процесса.

Затем, развитие переселенческого движения дает громадный толчок разложению крестьянства и особенно земледельческого крестьянства. Известно, что переселяются главным образом крестьяне из губерний земледельческих (из промышленных эмиграция совершенно ничтожна) и притом именно из густонаселенных центральных губерний, в которых всего более развиты отработки (задерживающие разложение крестьянства). Это во-первых. А во-вторых, из районов выселения идет главным образом крестьянство среднего достатка, а на родине остаются главным образом крайние группы крестьянства. Таким образом переселения усиливают разложение крестьянства на местах выхода и переносят элементы разложения на места вселения (батрачество новоселов в Сибири в первый период их новой жизни [1]).

ПЕРЕХОД ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЕВ ОТ БАРЩИННОГО ХОЗЯЙСТВА К КАПИТАЛИСТИЧЕСКОМУ.

Из книги Н. Ленина «Развитие капитализма в России». Собрание сочинений, т. III, стр. 142—157.

За исходный пункт при рассмотрении современной системы помещичьего хозяйства необходимо взять тот строй этого хозяйства, который господствовал в эпоху крепостного права. Сущность тогдашней хозяйственной системы состояла в том, что вся земля данной единицы земельного хозяйства, т.-е. данной вотчины, разделялась на барскую и крестьянскую; последняя отдавалась в надел крестьянам, которые (получая сверх того и другие средства производства,—например, лес, иногда скот и т. п.) своим трудом и своим инвентарем обрабатывали ее, получая с нее свое содержание.

---

[1]) Стеснение переселений оказывает таким образом громадное задерживающее влияние на разложение крестьянства.

Продукт этого труда крестьян представлял из себя необходимый продукт, по терминологии теоретической политической экономии; необходимый — для крестьян, как дающий им средства к жизни, для помещика, как дающий ему рабочие руки; совершенно точно так же, как продукт, возмещающий переменную часть стоимости капитала, является необходимым продуктом в капиталистическом обществе. Прибавочный же труд крестьян состоял в обработке ими тем же инвентарем помещичьей земли; продукт этого труда шел в пользу помещика. Прибавочный труд отделялся здесь, следовательно, пространственно от необходимого: на помещика обрабатывали барскую землю, на себя — свои наделы; на помещика работали одни дни недели, на себя — другие. «Надел» крестьянина служил таким образом в этом хозяйстве как бы натуральной заработной платой (выражаясь применительно к современным понятиям), или средством обеспечения помещика рабочими руками. «Собственное» хозяйство крестьян на своем наделе было условием помещичьего хозяйства, имело целью «обеспечение» не крестьянина,— средствами к жизни, а помещика — рабочими руками [1]).

Эту систему хозяйства мы и называем барщинным хозяйством. Очевидно, что ее преобладание предполагало следующие необходимые условия: во-первых, господство натурального хозяйства. Крепостное поместье должно было представлять из себя самодовлеющее, замкнутое целое, находящееся в очень слабой связи с остальным миром. Производство хлеба помещиками на продажу, особенно развившееся в последнее время существования крепостного права, было уже предвестником распадения старого режима. Во-вторых, для такого хозяйства необходимо, чтобы непосредственный производитель был наделен средствами производства вообще и землею в частности; мало того — чтобы он был прикреплен к земле, так как иначе помещику не гарантированы рабочие руки. Следовательно, способы получения прибавочного про-

---

[1]) Чрезвычайно рельефно характеризует этот строй хозяйства А. Энгельгардт в своих «Письмах из деревни», (Спб., 1882 г., стр. 554). Он совершенно справедливо указывает, что крепостное хозяйство было известной правильной и законченной системой. распорядителем которой был помещик, наделявший крестьян землей и назначавший их на те или другие работы.

дукта при барщинном и при капиталистическом хозяйствах диаматрально противоположны друг другу: первый основан на наделении производителя землей, второй — на освобождении производителя от земли [1]). В-третьих, условием такой системы хозяйства является личная зависимость крестьянина от помещика. Если бы помещик не имел прямой власти над личностью крестьянина, то он не мог бы заставить работать на себя человека, наделенного землей и ведущего свое хозяйство. Необходимо, следовательно, «вне-экономическое принуждение», как говорит Маркс, характеризуя этот хозяйственный режим (подводимый им (X) под категорию о т р а б о т о ч н о й р е н т ы. Das Kapital, III, 2, 324). Формы и степени этого принуждения могут быть самые различные, начиная от крепостного состояния и кончая сословной неполноправностью крестьянина. Наконец, в-четвертых, условием и следствием описываемой системы хозяйства было крайне низкое и рутинное состояние техники, ибо ведение хозяйства было в руках мелких крестьян, задавленных нуждой, приниженных личной зависимостью и умственной темнотой.

Барщинная система хозяйства была подорвана отменой крепостного права. Подорваны были все главные основания этой системы: натуральное хозяйство, замкнутость и самодовлеющий характер помещичьей вотчины, тесная связь между ее отдельными элементами, власть помещика над крестьянами. Крестьянское хозяйство отделялось от помещичьего; крестьянину предстояло выкупить свою землю в полную собственность, помещику, — перейти к капиталистической системе хозяйства, покоящейся, как было сейчас замечено, на диаметрально противоположных основаниях. Но подобный переход к совершенно иной системе не мог, конечно, произойти сразу, не мог по двум различным причинам. Во-первых, не было еще налицо тех условий, которые требуются для капи-

---

[1]) Возражая Генри Джорджу, который говорил, что экспроприация массы населения есть великая и универсальная причина бедности и угнетении, Энгельс писал в 1887 г.: «Исторически это не вполне верно... В середине века не освобождение (exprorpiation) народа *от* земли, а, напротив, прикрепление (apprоpriation) его *k* земле было источником феодальной эксплоатации. Крестьянин сохранял свою землю, но был привязан к ней в качестве крепостного и был обязан платить землевладельцу трудом или продуктом». („The condition of the working class in England in 1844" New-York. 1887. Preface. p. III).

талистического производства. Требовался класс людей, привыкших к работе по найму, требовалась замена крестьянского инвентаря помещичьим; требовалась организация земледелия, как и всякого другого торгово-промышленного предприятия, а не как господского дела. Все эти условия могли сложиться лишь постепенно, и попытки некоторых помещиков в первое время после реформы выписать себе из-за границы заграничные машины и даже заграничных рабочих не могли не окончиться полным фиаско. Другая причина того, почему невозможен был сразу переход к капиталистической постановке дела, состояла в том, что старая, барщинная система хозяйства была лишь подорвана, но не уничтожена окончательно. Крестьянское хозяйство не было вполне отделено от хозяйства помещиков, так как в руках последних остались весьма существенные части крестьянских наделов: «отрезные земли», леса, луга, водопои, выгоны и пр. Без этих земель или сервитутов крестьяне совершенно не в состоянии были вести самостоятельного хозяйства, и помещики имели таким образом возможность продолжать старую систему хозяйства в форме отработков. Возможность «вне-экономического принуждения» тоже оставалась: временно-обязанное состояние, круговая порука, телесное наказание крестьянина, отдача его на общественные работы и т. д.

Итак, капиталистическое хозяйство не могло сразу возникнуть, барщинное хозяйство не могло сразу исчезнуть. Единственно возможной системой хозяйства была, следовательно, переходная система, система, соединявшая в себе черты и барщинной и капиталистической системы. И действительно, пореформенный строй хозяйства помещиков характеризуется именно этими чертами. При всем бесконечном разнообразии форм, свойственном переходной эпохе, экономическая организация современного помещичьего хозяйства сводится к двум основным системам в самых различных сочетаниях, именно к системе о т р а б о т о ч н о й[1]) и к а п и т а л и с т и ч е с к о й. Первая состоит в обработке земли инвентарем окрестных крестьян, при чем форма платы не изменяет

[1]) Мы заменяем теперь термин «барщины»—термином «отработки», так как последнее выражение более соответствует пореформенным отношениям и пользуются в нашей литературе правом гражданства.

сущности этой системы (будет ли это плата деньгами, как при издельном найме, или плата продуктом, как при испольщине, или плата землей или угодьями, как при отработках в узком смысле слова). Это—прямое переживание барщинного хозяйства, и данная выше экономическая характеристика последнего приложима к отработочной системе почти целиком (единственное исключение то, что при одной из форм отработочной системы отпадает одно из условий барщинного хозяйства: именно, при издельном найме, вместо натуральной оплаты труда мы видим денежную). Капиталистическая система состоит в найме рабочих (годовых, сроковых, поденных и пр.), обрабатывающих землю инвентарем владельца. Названные системы переплетаются в действительности самым разнообразным и причудливым образом: в массе помещичьих имений соединяются обе системы, применяемые по отношению к различным хозяйственным работам. Вполне естественно, что соединение столь разнородных и даже противоположных систем хозяйства ведет в действительной жизни к целому ряду самых глубоких и сложных конфликтов и противоречий, что под давлением этих противоречий целый ряд хозяев терпит крушение и т. д. Все это — явления, свойственные всякой переходной эпохе (X).

Соединение отработочной и капиталистической систем делает современный строй помещичьего хозяйства чрезвычайно похожим по экономической организации на тот строй, который преобладал в нашей текстильной индустрии до появления крупной машинной индустрии. Там часть операций купец производил своими орудиями и наемными рабочими (снование пряжи, окраска и отделка тканей и пр.), а часть—орудиями крестьян-кустарей, работавших на него из его материала; здесь часть операций исполняется наемными рабочими, употребляющими инвентарь владельца, часть — трудом и инвентарем крестьян, работающих на чужой земле. Там с промышленным капиталом соединялся торговый, и над кустарем тяготела, кроме капитала, кабала, посредничество мастерков, truck-system [1]) и пр.; здесь точно так же с промышленным капиталом соединяется торговый и ростовщический со всяческими формами понижения платы и усиления лич-

[1]) Система выплаты заработка рабочим товарами. Прим. ред.

ной зависимости производителя. Там переходная система держалась веками, основываясь на ручной примитивной технике, и была сломана в каких-нибудь три десятилетия крупной машинной индустрией; здесь отработки держатся едва ли не с начала Руси (землевладельцы кабалили смердов еще во времена Русской Правды), увековечивая рутинную технику, и начинают быстро уступать место капитализму только в пореформенную эпоху. И там и здесь старая система означает лишь застой в формах производства (а следовательно, и во всех общественных отношениях) и господство азиатчины. И там и здесь новые, капиталистические формы хозяйства являются крупным прогрессом, несмотря на все свойственные им противоречия.

Спрашивается теперь, в каком отношении стоит отработочная система к пореформенной экономике России?

Прежде всего, рост товарного хозяйства не мирится с отработочной системой, так как эта система основана на натуральном хозяйстве, на неподвижной технике, на неразрывной связи помещика и крестьянина. Поэтому эта система в полном виде совершенно неосуществима, и каждый шаг в развитии товарного хозяйства и торгового земледелия подрывает условия ее осуществимости (×).

Как на главнейшую причину падения отработочной системы следует указать на разложение крестьянства (×)

Чем дальше идет падение натурального хозяйства и среднего крестьянства, тем сильнее отработки должны быть оттесняемы капитализмом. Зажиточное крестьянство, естественно, не может служить основанием для системы отработков, так как только крайняя нужда заставляет крестьянина браться за наихудше оплачиваемые и разорительные для его хозяйства работы. Но и сельский пролетариат равным образом не годится для отработочной системы, хотя уже по другой причине: не имея никакого хозяйства или имея ничтожный клочек земли, сельский пролетарий не так привязан к нему, как «средний» крестьянин, и вследствие этого ему гораздо легче уйти на сторону и наняться на «вольных» условиях, т.-е. за более высокую плату и без всякой кабалы. Отсюда — повсеместное недовольство наших аграриев против ухода крестьян в города и на «сторонние заработки» вообще, от-

сюда их жалобы на то, что крестьяне «мало привязаны». Развитие чисто-капиталистической наемной работы подрывает под корень систему отработков.

ТРИ СТАДИИ РАЗВИТИЯ КАПИТАЛИЗМА В РУССКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Из книги Н. Ленина «Развитие капитализма в России». Собр. соч., т. III, стр. 440—447.

Главных стадий этого развития три: мелкое товарное производство (мелкие, преимущественно крестьянские, промыслы) — капиталистическая мануфактура — фабрика (крупная машинная индустрия). Факты совершенно опровергают распространенное у нас воззрение об оторванности «фабрично-заводской» и «кустарной» промышленности. Напротив, разделения их — чисто искусственно. Связь и преемственность указанных нами форм промышленности самая непосредственная и самая тесная. Факты совершенно ясно показывают, что основная тенденция мелкого товарного производства состоит в развитии капитализма, в частности — в образовании мануфактуры, а мануфактура на наших глазах с громадной быстротой перерастает в крупную машинную индустрию. Может быть, одним из наиболее рельефных проявлений тесной и непосредственной связи между последовательными формами промышленности служит тот факт, что целый ряд крупных и крупнейших фабрикантов сами были мелкими из мелких промышленников и прошли через все ступени от «народного производства» до «капитализма». Савва Морозов был крепостным крестьянином (откупился в 1820 г.), пастухом, извозчиком, ткачем-рабочим, ткачем-кустарем, который пешком ходил в Москву продавать свой товар скупщикам, затем владельцем мелкого заведения — раздаточной конторы — фабрики. Умер он в 1862 г., когда у него и у его многочисленных сыновей было 2 большие фабрики. В 1890 г. на 4 фабриках, принадлежащих его потомкам, было занято 39 тысяч рабочих, производящих изделий на 35 милл. руб. В шелковом производстве Владимирской губ. целый ряд крупных фабрикантов вырос из ткачей-рабочих и ткачей-кустарей.

Крупнейшие фабриканты Иваново-Вознесенска (Куваевы, Фокины, Зубковы, Кокушкины, Бобровы и мн. др.) вышли из кустарей. Парчевые фабрики Московской губ. все были кустарными светелками. Фабрикант Павловского района, Завьялов, еще в 1864 г. «живо помнил то время, когда он сам был простым работником у мастера Хабарова». Фабрикант Варыпаев был мелким кустарем; Кондратов был кустарем, пешком ходил в Павлово с кошелем своих изделий. Фабрикант Асмолов был погонщиком лошадей у коробейников, потом мелким торговцем, владельцем маленькой мастерской табачных изделий, затем фабрики с многомиллионными оборотами. И т. д., и т. д. (X).

Три основные формы промышленности, названные выше, отличаются прежде всего различным укладом техники. Мелкое товарное производство характеризуется совершенно примитивной, ручной техникой, которая оставалась неизменной чуть ли не с незапамятных времен. Промышленник остается крестьянином, перенимающим по традиции приемы обработки сырья. Мануфактура вводит разделение труда, вносящее существенное преобразование техники, превращающее крестьянина в мастерового, в «детального рабочего». Но ручное производство остается, и на его базисе прогресс способов производства неизбежно отличается большой медленностью. Разделение труда складывается стихийно, перенимается так же по традиции, как и крестьянская работа. Только крупная машинная индустрия вносит радикальную перемену, выбрасывает за борт ручное искусство, преобразует производство на новых, рациональных началах, систематически применяет к производству данные науки. До тех пор, пока капитализм не организовал в России крупной машинной индустрии, и в тех отраслях промышленности, в которых он еще не организовал ее, мы наблюдаем почти полный застой техники, мы видим употребление того же ручного ткацкого станка, той же водяной или ветряной мельницы, которые применялись к производству века тому назад. Наоборот, в тех отраслях промышленности, которые подчинила себе фабрика, мы видим полный технический переворот и чрезвычайно быстрый прогресс способов машинного производства.

В связи с различным укладом техники мы видим различ-

ные стадии развития капитализма. Мелкое товарное производство и мануфактура характеризуются преобладанием мелких заведений, из которых выделяются лишь немногие крупные. Крупная машинная индустрия окончательно вытесняет мелкие заведения. Капиталистические отношения образуются и в мелких промыслах (в виде мастерских с наемными рабочими и торгового капитала), но они развиты здесь еще слабо и не фиксируются в резкие противоположности между группами участвующих в производстве лиц. Ни крупных капиталов, ни широких слоев пролетариата здесь еще нет. В мануфактуре мы видим образование и того и другого. Пропасть между владельцем средств производства и работником достигает уже значительных размеров. Вырастают «богатые» промышленные поселения, в которых массу жителей составляют совершенно неимущие работники. Небольшое число купцов, ворочающих громадными суммами по закупке сырья и сбыту продуктов—и масса живущих со дня на день детальных рабочих, такова общая картина мануфактуры. Но обилие мелких заведений, сохранение связи с землей, сохранение традиций в производстве и во всем строе жизни, все это создает массу посредствующих элементов между крайностями мануфактуры и задерживает развитие этих крайностей. В крупной машинной индустрии все эти задержки отпадают; крайности общественных противоположностей достигают высшего развития. Все мрачные стороны капитализма как бы концентрируются вместе: машина дает, как известно, громадный импульс к безмерному удлинению рабочего дня; в производство вовлекаются женщины и дети; образуется (и по условиям фабричного производства должна образоваться) резервная армия безработных и т. д. Однако обобществление труда, совершаемое фабрикою в громадных размерах, и преобразование чувств и понятий занимаемого ею населения (в частности, разрушение патриархальных и мелкобуржуазных традиций) вызывают реакцию: крупная машинная индустрия, в отличие от предыдущих стадий, настоятельно требует планомерного регулирования производства и общественного контроля над ним (одно из проявлений этой тенденции—фабричное законодательство).

Самый характер развития производства изменяется на

различных стадиях капитализма. В мелких промыслах это развитие идет вслед за развитием крестьянского хозяйства; рынок крайне узок, расстояние от производителя до потребителя невелико, ничтожные размеры производства легко приспособляются к мало колеблющемуся местному спросу. Поэтому наибольшая устойчивость характеризует промышленность на этой стадии, но эта устойчивость равносильна застою техники и сохранению патриархальных общественных отношений, опутанных всяческими остатками средневековых традиций. Мануфактура работает на крупный рынок, иногда — на всю нацию, и сообразно с этим производство приобретает свойственный капитализму характер неустойчивости, которая достигает наибольшей силы при фабрике. Развитие крупной машинной индустрии не может итти иначе, как скачками, периодическими сменами периодов процветания и кризисов. Разорение мелких производителей в громадной степени усиливается этим скачкообразным ростом фабрики; рабочие то притягиваются массами фабрикою в эпохи горячки, то выталкиваются. Условием существования и развития крупной машинной индустрии становится образование громадной резервной армии безработных и готовых взяться за всякую работу людей (X). «Неустойчивость» крупной машинной индустрии всегда вызывала и вызывает реакционные жалобы людей, которые продолжают смотреть на вещи глазами мелкого производителя и забывают, что только эта «неустойчивость» и заменила прежний застой быстрым преобразованием способов производства и всех общественных отношений.

Одним из проявлений этого преобразования служит отделение промышленности от земледелия, освобождение общественных отношений в промышленности от тех традиций крепостного и патриархального строя, которые тяготеют над сельским хозяйством. В мелком товарном производстве промышленник еще совершенно не вылупился из крестьянина; он остается в большинстве случаев земледельцем, и эта связь мелкой промышленности и мелкого земледелия настолько глубока, что мы наблюдаем интересный закон параллельного разложения мелких производителей в промышленности и в земледелии. Выделение мелкой буржуазии и наемных рабочих идет рука об руку в обеих областях народного хозяйства, под-

готовляя тем самым, на обоих полюсах разложения, разрыв промышленника с земледелием. В мануфактуре этот разрыв уже очень значителен. Образуется целый ряд промышленных центров, не занимающихся земледелием. Главным представителем промышленности становится уже не крестьянин, а купец и мануфактурист, с одной стороны, «мастеровой» — с другой стороны. Промышленность и сравнительно развитые торговые сношения с остальным миром поднимают жизненный уровень населения и его культурность; на крестьянина-земледельца работник мануфактуры смотрит уже сверху вниз. Крупная машинная индустрия доканчивает это преобразование, отделяет окончательно промышленность от земледелия, создает, как мы видели, особый класс населения, совершенно чуждый старому крестьянству, отличающийся от него другим строем жизни, другим строем семейных отношений, высшим уровнем потребностей как материальных, так и духовных. В мелких промыслах и в мануфактуре мы видим всегда остатки патриархальных отношений и разнообразных форм личной зависимости, которые, в общей обстановке капиталистического хозяйства, чрезвычайно ухудшают положение трудящихся, унижают и развращают их. Крупная машинная индустрия, концентрируя вместе массы рабочих, сходящихся нередко из разных концов страны, абсолютно уже не мирится с остатками патриархальности и личной зависимости, отличаясь поистине «пренебрежительным отношением к прошлому».

И именно этот разрыв с устарелыми традициями был одним из существенных условий, создавших возможность и вызвавших необходимость регулирования производства и общественного контроля за ним. В частности, говоря о преобразовании фабрикой условий жизни населения, необходимо заменить, что привлечение к производству женщин и подростков есть явление в основе своей прогрессивное. Бесспорно, что капиталистическая фабрика ставит эти разряды рабочего населения в особенно тяжелое положение, что по отношению к ним особенно необходимо сокращение и регулирование рабочего дня, обеспечение гигиенических условий работы и пр., но стремления совершенно запретить промышленную работу женщин и подростков, или поддержать тот патриархальный

строй жизни, который исключал такую работу, были бы реакционными и утопичными. Разрушая патриархальную замкнутость этих разрядов населения, которые прежде не выходили из узкого круга домашних, семейных отношений, привлекая их к непосредственному участию в общественном производстве, крупная машинная индустрия толкает вперед их развитие, повышает их самостоятельность, то-есть создает такие условия жизни, которые стоят несравненно выше патриархальной неподвижности до капиталистических отношений.

Первые две стадии развития промышленности характеризуются оседлостью населения. Мелкий промышленник, оставаясь крестьянином, прикреплен к своей деревне земельным хозяйством. Мастеровой в мануфактуре остается обыкновенно прикованным к тому небольшому замкнутому району промышленности, который создается мануфактурой. В самом строе промышленности на первой и второй стадии ее развития нет ничего, что бы нарушало эту оседлость и замкнутость производителя. Сношения между различными районами промышленности редки. Перенесение промышленности в другие местности совершается лишь путем переселения отдельных мелких производителей, основывающих новые мелкие промыслы на окраинах государства. Напротив, крупная машинная индустрия необходимо создает подвижность населения; торговые сношения между отдельными районами громадно расширяются; железные дороги облегчают передвижение. Спрос на рабочих возрастает в общем и целом, то поднимаясь в эпохи горячки, то падая в эпохи кризисов, так что переход рабочих с одного заведения на другое, из одного конца страны в другой становится необходимостью. Крупная машинная индустрия создает ряд новых индустриальных центров, которые с невиданной раньше быстротой возникают иногда в незаселенных местностях,—явление, которое было бы невозможно без массовых передвижений рабочих.

Описанные выше характеристические черты, отличающие крупную машинную индустрию от предыдущих форм промышленности, можно резюмировать словами: обобществление труда. В самом деле, и производство на громадный национальный и интернациональный рынок, и развитие тесных коммерческих связей с различными районами страны и с раз-

ными странами по закупке сырых и вспомогательных материалов, и громадный технический прогресс, и концентрация производства и населения колоссальными предприятиями, и разрушение обветшалых традиций патриархального быта, и создание подвижности населения, и повышение уровня потребностей и развитие работника,—все это элементы того капиталистического процесса, который все более и более обобществляет производство страны, а вместе с тем и участников производства.

ТЯГА ИНОСТРАННОГО КАПИТАЛА В РОССИЮ.

Из книги М. Туган-Барановского «Русская фабрика в прошлом и настоящем». Изд. «Моск. Рабочий» 1922 г., стр. 284—286. (Первое издание книги появилось в 1899 г.)

Русский промышленный капитал питается не только соками эксплоатируемых им рабочих, но и соками других, некапиталистических производителей, прежде всего земледельца-крестьянина. Земледелец, который покупает плуг или косу по цене, вдвое высшей стоимости производства, еще больше участвует в создании высокой нормы прибыли Юзов, Коккерилей и прочих владельцев металлургических заводов, чем их собственные рабочие.

В этой возможности стричь овец, так сказать, вдвойне, жечь свечу с обоих концов, и заключается секрет привлекательности России для иностранных капиталистов. В России продавец-капиталист находится в привилегированном, монопольном положении, которое не может не утратиться с дальнейшим ростом капиталистического производства. Рынок для капиталистической промышленности складывается всего благоприятнее в таких странах, в которых, как в России, при обилии естественных богатств, масса населения еще не порвала с прежними архаическими формами хозяйства.

Прилив иностранных капиталов и иностранной предприимчивости явился могучим стимулом нашего промышленного развития последнего времени. В нашей металлургической промышленности повторяется то же, что раньше имело место в других отраслях производства, освободившихся теперь от владычества ино-

земного капитала и ставших достоянием «отечественных» капиталистов. Наиболее прочно укоренившеюся отраслью капиталистической индустрии может считаться у нас хлопчато-бумажная промышленность, представители которой (Морозовы, Крестовниковы и др.) выступают обыкновенно во главе «всероссийского» купечества во всех тех случаях, когда наш отечественный торгово-промышленный капитал обращается за какой-нибудь новой поддержкой к государству. Однако, и в этой, казалось бы, вполне национальной отрасли нашего капитализма пионерами и «насадителями» явились те же иностранцы. Не восходя уже в глубь времен, к началу нашей хлопчато-бумажной промышленности в конце прошлого века, еще так недавно полновластным владыкой хлопчато-бумажного прядильно-ткацкого производства был немецкий выходец Л. Кнопп. В интересной брошюре «Контора Кнопп и ее значение» (Спб. 1895) сообщается много весьма любопытных подробностей о совершенно исключительной роли этой конторы в нашем мануфактурном мире в течение нескольких десятилетий. Контора Кнопп была долгое время почти единственным посредником по приобретению из Англии хлопчато-бумажных прядильно-ткацких машин, и на этом основалось ее значение. Почти все хлопчато-бумажные фабрики центрального промышленного района России были выстроены конторой Кнопп, владелец которой скоро сделался важнейшим акционером целого ряда фабрик.

Устройство и оборудование новых фабрик производилось при посредстве этой конторы весьма просто. Процесс заказа и сооружение фабрики обыкновенно происходили так.

«Надумал фабрикант строить ту или другую фабрику,— читаем в названной брошюре, — и является с почтительным видом в контору, куда уже ранее наведывался, будет ли с ним иметь дела и впредь. Одного его имени в конторе достаточно, чтобы тотчас справиться: какая у него фабрика, не было ли провинности по отношению конторы, сколько у него и его жены денег, где положены, сколько его фабрика приносит дохода или убытка. Само собою разумеется, что такой фабрикант удостоится приема только в том случае, когда справка благоприятна».

«Окончательные переговоры вел сам Роман Романович

(управляющий конторой) и окончательная резолюция его выражалась словами: хорошо, мы тебе построим фабрику». Обрадованный фабрикант в таких случаях иногда осмеливался заметить, что он-де слышал о кое-каких новостях или усовершенствованиях, и просит, чтобы это было введено в новую фабрику, но всегда получал сердитый ответ: «это не твое дело, в Англии лучше тебя знают».

«Таким образом, фабрика заказана, заказчик получал свой номер в списках конторы, и тогда контора сообщала своему агентству в Англии, что для такого-то № в России следует оборудовать такую-то фабрику... Получив из Англии все чертежи и указания, как по расположению машин и орудий, так и по их движению, контора отсылает их в том виде, как получила, на строящуюся фабрику, если там находятся директора англичане, которым будет поручена новая фабрика; если же таких англичан нет, то вручает все это вновь назначенному ею же самою директору... Как только стройка подвигалась к концу, появлялись английские машины в полном ассортименте, а с ними и английские монтеры. Последние были совершенно независимы не только от директоров и механиков фабрик, но и от конторы Кнопп. По делам своим они переписывались лично каждый со своим заводом» [1]).

Кроме участия в качестве пайщика или акционера во многих фабриках, фирма Кнопп имеет свои собственные, в том числе первую в России по технической высоте и размеру производства Кренгольмскую мануфактуру около Нарвы. По словам Шульце-Геверница, Кренгольмская бумаго-прядильня—величайшая в свете. Она имеет более 400.000 веретен и представляет собой, по словам того же автора, «уголок Англии на русской почве». Шульце-Геверниц полагает, что издержки производства в Кренгольме не выше, чем на германских фабриках. Вообще Кренгольмская мануфактура в техническом отношении не уступает лучшим германским бумаго-прядильням.

Все эти факты приводят Шульце-Геверница в несколько восторженное состояние, и он помещает в своих содержательных этюдах о русской промышленности настоящий ди-

---

[1]) «Контора Кнопп и ее значение», стр. 35, 36, 39.

фирамб Кноппу, видя в его деятельности опровержение мнения Ницше об измельчании современной породы людей. Но даже при вполне хладнокровной оценке роли Кноппа, нельзя не признать эту роль весьма выдающейся в деле «европеизирования» нашего доморощенного грубого и неповортливого капитализма. Англичане, которых выписывал Кнопп, сыграли роль шведов, которые учили русское войско победам. Московские фабриканты и русские техники мало-по-малу начинают усваивать высшую капиталистическую культуру, представителями которой на русской почве являлись полуграмотные и пьянствовавшие кнопповские мастера-англичане, и фирма Кнопп утратила свое полновластное владычество в главной твердыне нашей национальной промышленности — хлопчато-бумажной индустрии.

Металлургическое производство юга является самым новейшим продуктом нашего капитализма, и здесь еще полновластно царят иностранцы. Без помощи иностранного капитала криворожским рудам еще долго пришлось бы мирно покоиться под черноземными полями Приднепровского края. Точно так же в металлургическом деле Донецкого бассейна пионером явился англичанин Юз, стоящий и поныне во главе железоделательной промышленности южного района.

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ КЛАССОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ.

КРУПНОЕ И СРЕДНЕЕ ДВОРЯНСТВО.

Из статьи М. Н. Покровского «Общая политика правительства 1866—1892 г.». «История России в XIX веке», изд. т-ва Гранат, т. V, стр. 24—25, 30—31.

Классовое содержание высшей политики не только Александра II, но и его преемника, было в сущности дано уже в 60-х годах. С особенной отчетливостью выразилось оно в одном документе, поводом к появлению которого было покушение Каракозова [1],—высочайшем рескрипте на имя председателя Комитета министров, кн. Гагарина. Призывая в лице последнего исполнительную власть «иметь в виду

---

[1]) Подробнее обо всем этом деле см. «Общественные движения в России в 60-х годах».

содействие здравых, охранительных и добронадежных сил, которыми Россия всегда была обильная и доселе, благодаря бога, преизобилует», рескрипт так конкретнее определяет «добронадежные силы»: «Эти силы заключаются во всех сословиях, которым дороги права собственности, права обеспеченного и огражденного законом землевладения, права общественные, на законе основанные и законом определенные, начала общественного порядка и общественной безопасности, начала государственного единства и прочного благоустройства, начала нравственности и священные истины веры». Но из всех этих прекрасных вещей право собственности считалось, видимо, наиболее «добронадежным»: о нем упомянуто особенно еще два раза, и раньше, и после цитированного места. А какой вид собственности является в качестве опоры порядка наиболее ценным, этого рескрипт также не скрывал. «Надлежит прекратить повторяющиеся попытки к возбуждению вражды между разными сословиями и в особенности к возбуждению вражды против дворянства и вообще против землевладельцев, в которых враги общественного порядка естественно усматривают своих прямых противников». После этого уже не могло быть сомнений, что должны означать слова рескрипта: «Надлежит пользоваться этими (добронадежными) силами и сохранять в виду их важные свойства при назначении должностных лиц по всем отраслям государственного управления». Они могли значить только, что непосредственное управление страною попрежнему сосредоточивается в руках дворянства. Феодальная собственность по-старому оставалась господствующей. Буржуазная собственность покровительствовалась — иногда даже к некоторому материальному ущербу феодальной, — но не господствовала. Год спустя после этого рескрипта было ограничено право земских собраний облагать налогами торгово-прмышленные предприятия; протесты земств против этого были грубо подавлены. Но когда зашла речь о предоставлении русскому обществу — имущему и цензовому — политических прав, на первом плане оказались дворянские земства, а буржуазные городские думы на втором, даже на третьем. Отличие от Николаевской эпохи заключалось в том, что дворянство было теперь не одно

наверху: но оно все-таки сохраняло все права и прерогативы старшего сына. А капиталистическая буржуазия была на положении юного Вениамина, которого ласкали и холили,—но еще не давали ему прав взрослого человека (X).

Правительственная политика, будучи классовой помещичьей политикой вообще, не одинаково чисто и непосредственно отражала интересы всех дворянских групп. Ближайшим образом правительство было комитетом «лучшего, высшего дворянства», употребляя термин одного документа XVIII века, — т.-е. самого крупного землевладения. Создав искусственное малоземелье и прикрепив крестьянина к земле, реформа 19 февраля обеспечила этому последнему прочного, почти вечного арендатора и в новой форме земельной ренты сохранила за богатыми помещиками тот оброк, который они получали до 1861 года. Иное было положение среднего помещика, который и до 19 февраля и после сам вел хозяйство, а не только получал оброк. Многочисленные остатки крепостного режима помогли просуществовать наиболее отсталым из этой группы: но должен же был наступить момент, когда и самые отсталые оказались на уровне передовых землевладельцев 50-х годов. Должен был наступить момент, когда и им понадобился оборотный капитал, когда и для них появился вопрос о «вольнонаемном труде». И в том и в другом случае они имели все основания жаловаться, что правительство совсем не приходит им на помощь. Капитал можно было достать лишь на условиях, крайне стеснительных и невыгодных до разорительности. Правительство перестало кредитовать помещиков как раз ко времени крестьянской реформы (операции сохранных казен прекратились к 1860 году). В 70-х годах существовал только частный кредит, стоивший номинально не менее 7%, а в действительности более. Между тем, по отзыву Кавелина, «семь процентов не выдержит теперь (1873 г.) никакое имение». Заемщики взаимного поземельного кредита, по его словам, спасались только тем, что здесь оценки были всегда значительно ниже действительной стоимости имения, а ссуды гораздо ниже оценки. «Не знаю, что делают новые поземельные банки. Если справедливо, как говорят, что они ценят высоко и дают много, то большинство их заемщиков непременно пойдет ко дну [1]).

[1]) «Из деревенской записной книжки». Сочинения II, 784—785.

В помещичьей прессе уже давно и весьма настойчиво указывалось на необходимость вернуться к прежней системе государственного поземельного кредита. «Поземельный кредит всегда заключает в себе элемент политический, а потому благонадежными могут считаться только такие учреждения поземельного кредита, которые находятся в руках правительства», внушали «Московские Ведомости» еще в 1865 году. Но высшие сферы, непосредственно не заинтересованные в создании дешевого поземельного кредита, оставались пока глухи. Не менее беззаботности обнаруживали они и в другом жгучем для среднего помещика вопросе — о сельско-хозяйственных рабочих. Несмотря на то, что крестьянин был лишен почти всех прав, помещик перед лицом наемного батрака чувствовал себя совершенно беспомощным. Весь аппарат принуждения был рассчитан на полукрепостного мужика: как скоро отношения принимали иную юридическую форму, помещик не знал, что ему делать.

РОЛЬ БУРЖУАЗИИ В РОССИИ И НА ЗАПАДЕ.

Из книги М. Н. Покровского «Русская История», т. IV, изд. т-ва «Мир» 1920 г., стр. 370—377.

С точки зрения общественной теории, явившейся в России, прямой реакцией на неудачу народнической революции 70-х годов, новые экономические факты сулили совершенно новые и необыкновенно привлекательные политические перспективы. «Русское революционное движение, торжество которого послужило бы прежде всего на пользу крестьянства, почти не встречает в нем ни поддержки, ни сочувствия, ни понимания», констатировала в 1885 году группа «Освобождение Труда» — по своему личному составу почти прямая наследница «Черного Передела», т.-е. той группы, революционеров-народников, которая заранее отказалась от террора и сближения с либералами. «Главнейшая опора абсолютизма заключается именно в политическом безразличии и умственной отсталости крестьянства. Необходимым следствием этого является бессилие и рабство тех образованных слоев высших классов, материальным и умственным интересам ко-

торых противоречит современная политическая система. Возвышая голос во имя народа, они с удивлением видят, что он равнодушен к их призывам. Отсюда неустойчивость политических воззрений, а временами уныние и полное разочарование нашей интеллигенции». Итак, мужик был виновен даже в трусости российской буржуазии («образованные слои высших классов»); такого полного и совершенного мужикофобства мы не встретим и в позднейшей марксистской литературе, — с этой точки зрения, «проект программы» «Освобождения Труда» навсегда остался наиболее решительным и последовательным памятником русского марксизма. Но глубочайшими пессимистами выйдя из русской революции через одну дверь, первые русские марксисты не меньшими оптимистами возвращаются в нее через другую: «Такое положение дел было бы вполне безнадежно, если бы указанное движение русских экономических отношений (выше мы читаем: «старая система натурального хозяйства уступает место товарному производству и тем самым открывает огромный внутренний рынок для крупной промышленности») не создавало новых шансов успеха для защитников интересов трудящегося класса. Разложение общины создает у нас новый класс промышленного пролетариата. Более восприимчивый, подвижной и развитой, класс этот легче отзывается на призыв революционеров, чем отсталое земледельческое население. Между тем, как идеал общинника лежит назади, в тех условиях патриархального хозяйства необходимым политическим дополнением которых было царское самодержавие, участь промышленного рабочего может быть улучшена, лишь благодаря развитию новейших, более свободных форм общежития». Группа «Освобождение Труда» не говорила, станет ли от выступления рабочего буржуазия более революционной: в этом пункте параллель между «отсталым крестьянством» и «подвижным, восприимчивым промышленным пролетариатом» оказывалась недоделанной. Но о чем мудро умалчивали основоположники русского марксизма, то не возбуждало никаких сомнений среди их ближайших учеников. Мы не будем загромождать наш очерк выписками из писаний легальных марксистов 90-х годов (развивавших, применительно к условиям русской цензуры, те

самые идеи, которые десятью годами раньше были формулированы группой «Освобождение Труда»): для таких выписок у нас нехватило бы и места, а иллюстрировали бы они факт, в сущности, общепризнанный. Мы возьмем резюме, принадлежащее очень известному марксистскому же автору. «Литературные представители новой марксистской группы (во главе с П. Струве) в своих первых произведениях выступают прежде всего как защитники русского капитализма от народнических обличений и как обличители некапиталистических экономических отношений, идеализируемых народничеством. Они доказывают прогрессивность капиталистического развития и убожество, неспособность к развитию и невыгодность для самих трудящихся отсталых форм производства... Защита капитализма, подкрепляемая аргументами, взятыми у Шульце-Геверница или Брентано, превращалась в почти абсолютную его идеализацию; внутренняя противоречивость защищаемого от народнических обличений капиталистического строя затушевалась, и антагонисты народничества вплотную подходили к той границе, за которою временное совпадение некоторых интересов капитала и труда (в лице пролетариата капиталистической промышленности) начинало приобретать вид прочной и длительной их гармонии [1]). Автор усваивает эту аберрацию, главным образом, той части русских марксистов, которые довольно скоро совсем перешли на позицию «Шульце-Геверница или Брентано»: но объективность историка заставляет его признать, что к нашему «буржуазному марксизму» «снисходительно относились» и сами бывшие члены группы «Освобождение Труда». Г. В. Плеханов поправляет П. Струве с его призывом «итти на выручку к капитализму», но оправдывает эту заключительную тираду «Критических заметок», как естественное «благородное увлечение западника», аналогичное тем, которые совершал Белинский. Провести разграничительную черту между «апологетическим отношением к русскому капитализму, освобождающему страну от крепостничества», и «апологетизмом по отношению к буржуа-

---

[1]) Л. Мартов. «Общественные движения и умственные течения в период 1884—1905 г.г.» «История русской литературы XIX века», изд. т-ва «Мир», т. V, стр. 18—19.

зии», удалось с достаточной отчетливостью, по мнению нашего автора, только Тулину (Н. Ленину); но, прибавим мы от себя, и Тулин не предвидел того, что дала русская действительность,—что, при известной конъюнктуре на рынке, в особенности, крупная промышленная буржуазия может стать вернейшей опорой политической реакции—не менее надежной, чем крупное землевладение. Оптимистическое настроение группы «Освобождение Труда» действовало сильнее, чем ее логика: на палитре всех теоретиков российского капитализма 90-х годов были одни розовые краски, когда делю заходило о политическом будущем. Буржуазия казалась классом, самою природою предназначенным для того, чтобы быть либеральным: заранее предполагалось, что она, в известный момент «изменит», и что к ее, слишком купеческому, либерализму придется вносить поправки в демократическом духе: к этому и должна была готовиться рабочая партия; но к тому. что в самый критический момент буржуазия громко и внятно выразит свое сочувствие военно-полевым судам—к этому решительно никто не готовился. В недолгой тогда еще истории германской социал-демократии таких эпизодов не было, а далеко за пределы этой истории тогдашний кругозор не шел. Казалось бы, имелся довольно свежий пример—парижская коммуна 1871 года; но по-французски читали мало, французской историей интересовались еще меньше. А главное, свойственная русскому интеллигенту международная скромность мешала делать какие бы то ни было сопоставления ближайшего политического будущего России с ближайшим же политическим прошлым западно-европейских стран. Когда рисовали себе русскую революцию, образцом был 1789,—самое новое 1848 г.; что в первом из них на всю Францию была одна паровая машина, а во втором—на всю Германию две тысячи верст железной дороги, что в революционной Франции крупный промышленный капитализм почти не существовал и в зародыше, а в революционной Германии было немного больше зародыша,—на это как-то не обращали внимания, хотя бы, казалось, для «экономических материалистов» анализ экономической действительности должен был стоять в центре всего прогноза. Быть может, эта скромность по отношению к «буржуазной революции», была искуплением, переходившей

всякие границы самоуверенности старых народников в вопросе о социализме: как бы то ни было, предвидели и меньше, и больше того, что случилось; остроту классовых противоречий в России 1900 года считали меньшей, нежели она была на самом деле, а потребность буржуазии в политической свободе далеко большей, чем действительная. И тут уже нехватало наблюдательности прямо в кругу русских отношений: достаточно было присмотреться к тому, к т о делает русскую экономическую политику, чтобы понять, что в «парламентском образе правления» русские фабриканты и заводчики нуждаются не так уж жгуче, особенно, когда парламент приходилось покупать ценою 8-часового рабочего дня, приличного фабричного законодательства и прочих неприятностей. При полной, официально, бесправности «общества» в делах, его касающихся, при чем самое упоминание, публично, о возможности каких-либо прав каралось, как преступление, фактически ни один закон, задевавший интересы русских предпринимателей, шло ли дело о таможенном или о фабричном законодательстве, не проходил без их согласия,—не говоря уже о том, что им же нередко принадлежала и инициатива. Так, пошлины на каменный уголь (с 2 коп. за пуд золотом в 1884 г. до 4 коп. в 1892 г.). были прямым ответом на ходатайства с'ездов горнопромышленников—самостоятельность правительства выразилась только в том, что оно позволяло себе «торговаться»: копевладельцы просили 3½ коп., им давали 3; просили 6, получали 4. Но когда речь заходила о металлургии, даже и торг становился весьма робким: пошлина в 15 коп. зол. с пуда чугуна аккуратно отвечала заявлениям 5-го—8-го съездов, при чем последний заявил свое «прошение» в 1883 году, а уже в 1884 г. оно было полностью удовлетворено. Немедленно же следующий съезд пожелал получить 25 коп.: помявшись года три, министерство финансов уступило и в этом пункте—в 1887 году горнопромышленники получили свой четвертак. Представитель министерства строго держался пределов истины, когда он заявлял на торгово-промышленном с'езде 1896 года (том самом с'езде, по поводу которого газета «Волгарь» писала, что купечество в России «все может»): «Министерство финансов признало нужным ознакомиться со взглядами пред-

ставителей торгово-промышленного класса по вопросам, наиболее их интересующим. Так поступало оно и прежде. Свыше 40-летняя деятельность моя по министерству финансов дает мне право и основание засвидетельствовать, что министерство всегда чутко прислушивалось к голосу промышленников и купечества». А когда речь заходила о сюжетах, не особенно приятных сердцу предпринимателя, в роде рабочего законодательства, в голосе представителей правительства слышались, иной раз, прямо рыдающие ноты. В комиссии, вырабатывавшей в 1897 г. проект закона о нормировке рабочего дня, председатель ее, В. Ковалевский, держал такую речь: «Я должен обратить внимание г.г. присутствующих здесь на то, почти невозможное, положение, в которое ставят нас, представителей министерства финансов некоторые из находящихся здесь промышленников. Они направляют свои возражения не только против существа проекта, но и против самого способа его выработки... Мы пригласили в совещание 20-го декабря минувшего года больше 30 представителей промышленности; нам говорили, что этого мало. Теперь мы вызвали около 200 человек и снова слышим, что этого также недостаточно» [1]).

Итак, политически, отсутствие оппозиционного настроения среди русских капиталистов совершенно понятно: в этой политической области купец имел полное основание находить, что стражники и жандармы гораздо лучше оградят его «материальные и умственные интересы», нежели это мог бы сделать парламент. «Выборные учреждения для России вообще новы,—говорил в 1882 г. Крестовников,—и вряд ли могут считаться хорошо привившимися, а потому полагаю, что польза от сих учреждений сомнительна по отношению к интересам промышленности и торговли...»

Если мы сопоставим эту позицию русских капиталистов 80—90 годов с тем, что выше говорилось о происхождении русского промышленного капитала [2]), экономический базис «благонамеренности» Крестовниковых и К° будет для нас совершенно ясен. Если бы русский предприниматель зависел исключительно, или хотя бы, главным образом, от ту-

---

[1]) А. Ерманский. «Крупная буржуазия до 1905 года», passim («Общественное движение в России в начале XX века», т. I).

[2]) Автор ссылается здесь на одну из предыдущих глав цит. соч. (см. т. IV, гл. XVIII). Прим. ред.

земного накопления, он не мог бы оставаться равнодушным к режиму, который ставил всяческие препятствия на пути развития производительных сил России. Усилившееся значение туземного капитала в первое десятилетие XX века не осталось без влияния на весьма, конечно, относительное «полевение» крупной буржуазии в наши дни. В предыдущие десятилетия всего приходилось ожидать не от роста национального богатства (при данной конъюнктуре на хлебном рынке этот рост мог быть лишь очень медленным), а от заграничного кредита. Но посредником в сношениях с заграницей было правительство, и чем прочнее было оно, тем надежнее был кредит: играть в оппозицию при таких условиях, значило подрубать тот сук, на котором сам сидишь, и российское купечество было слишком умно для этого. С другой стороны, тот же заграничный кредит делал это правительство независимым от туземной буржуазии более, нежели в какой бы то ни было другой стране: отношение правительства и туземных капиталистов было в России диаметрально противоположным тому, какое установилось, например, с XVII века в Англии. Там буржуазия держала в руках кошелек правительства, у нас последнее держало в руках кошелек буржуазии. Не нужно забывать и того, что, в классовом смысле, правительство это было чужое—дворянское. Протекционизм был нужен для фабрикантов, для помещиков, напротив, он был убыточен, заставляя их втридорога покупать необходимые им фабрикаты, начиная с сельско-хозяйственных машин. По существу дела, отказаться от протекционизма русское дворянство не могло все из-за того же заграничного кредита, но этот кредит был нужен опять-таки для поддержания существующего порядка. Русские либералы искони были фритредерами—отступление от этой вековой традиции наблюдается только в наши дни. Переход власти в руки либеральной оппозиции ничего доброго не сулил купечеству, и недаром сама эта оппозиция так твердо держалась народнических, т.-е. антикапиталистических теорий. Словом, с какого бы конца мы ни подошли к вопросу, политическая позиция русской буржуазии конца XIX века всегда будет представляться нам диаметрально противоположной классическим образцам западной истории. Революционный, как и на западе, в области народного хозяй-

ства, крупный капитал был у нас политически-консервативной силой: чудо, которое осталось бы необ'яснимым, если бы российская империя конца XIX века представляла собою нечто столь же архаическое, как французская монархия старого порядка, например. На самом деле, в городе и в кругу отношений городского типа—на фабрике, в амбаре, на железной дороге и пароходной пристани, у нас и после реакции 80-х годов продолжали господствовать те минимально буржуазные порядки, которые были закреплены реформами 60-х годов. От этих порядков почти ничего не осталось в деревне, в кругу отношений сельского типа, между помещиком и крестьянином: это делало город европейским островом среди азиатского океана. Но на фоне промышленного под'ема островитянам жилось недурно, и они старались не думать, что когда-нибудь азиатские крепостнические волны могут снести их наскоро сколоченную европейскую постройку.

ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА.

Из книги М. Н. Покровского: «Русская история». Изд. т-ва «Мир», 1920 г., т. 4, стр. 378—380.

Положение рабочего класса в России 70—80-х годов определялось, главным образом, двумя условиями: во-первых, почти непрерывной промышленной депрессией, дошедшей к началу 80-х годов до размеров настоящего кризиса, во-вторых, тем способом, каким было произведено «освобождение» крестьян в 1861 году. Мы помним, что освобожденного» крестьянина поостереглись сделать пролетарием — его пролетаризация, напротив, была даже искусственно затруднена. Крестьянин был сделан «принудительным владельцем» небольшого клочка земли, недостаточного, чтобы с него существовать, не приарендовывая барской земли или не прирабатывая в барской экономии, но юридически привязывавшего крестьянина к деревне. На первых порах это «освобождение с землей» как-будто вредно отразилось на интересах русского фабриканта: ему стало чуть ли не труднее находить рабочих, нежели до 19 февраля, когда этих рабочих можно было нанимать прямо от барина. За пятилетие 1863—

67 г.г. число рабочих (на фабриках и заводах, не обложенных акцизом) увеличилось крайне незначительно: с 358 тысяч до 407 тысяч [1]). Но нет худа без добра: привязанный к земле рабочий обходился за то хозяину гораздо дешевле, нежели его пролетаризованный собрат за границей. Денежная заработная плата рабочего Московской губернии в 80-х годах прошлого столетия была вчетверо ниже, чем в Англии, и впятеро ниже, чем в Соединенных Штатах. Уже с первого взгляда видно, что реальная плата никоим образом не могла быть равна у нас и в Англии или в Америке: ибо цены на продукты у нас, и в этих странах, не могли различаться так сильно. Детальные вычисления автора, у которого мы заимствуем эти данные, показывают, что если «первый взгляд» грешит чем-нибудь, то разве излишним оптимизмом по отношению к русским ценам и пессимизмом по отношению к ценам английским и американским. В общем, последние выше первых были тогда не вчетверо или впятеро, а самое большое, в полтора раза, при чем по главной статье питания — хлебу — английские и американские цены были выгоднее русских (не забудем, что мы в разгаре аграрного кризиса). Цитруемый нами автор считает себя в праве заключить, что реальная заработная плата в Московской губернии была в 1884 году втрое ниже, чем в Массачузетсе [2]). Как бы низко ни ставили мы потребности московского рабочего той поры сравнительно с американским, такую колоссальную разницу мы можем об'яснить только специфическими особенностями русского рабочего рынка. В то время, как американский и английский рабочий всецело существовал на свой фабричный заработок, его русский собрат покрывал им только часть своих расходов: другую часть он — или его семья — находили в своем принудительном деревенском хозяйстве, опять-таки недостаточном, чтобы жить только им одним, но вместе с фабрикой кое-как заполнявшим бюджет. Детальное обследование положения рабочих на московской фабрике Цинделя, в 1898 го-

---

[1]) Туган-Барановский. «Русская фабрика», стр. 313, (2 изд.). Для сравнения отметим, что за пятилетие 1893 — 1897 г.г. крайние цифры будут 860 тыс. и 1.100 т.

[2]) Е. М. Дементьев. «Фабрика», 2-ое изд., стр. 164—183.

ду, показало, что почти для ¾ всех эксплоатируемых им «пролетариев» фабрикант имеет это «подспорье»: 11,9% цинделевских рабочих сами уходили ежегодно на полевые работы, и 61,4% вели сельское хозяйство при помощи своих семей. А если прибавить к этому 12,3% сдававших свои наделы в аренду, т.-е. тоже кое-что получавших из деревни — то фабрикант оказывался «разгруженным» от необходимости платить своим рабочим полным рублем почти на $^9/_{10}$ всего своего персонала [1]). Промышленный кризис 80-х годов толкал в том же направлении еще дальше: Заработная плата русского рабочего не только была ниже заграничной, но ниже даже той, какую получали русские рабочие в предшествующую эпоху. Тот же автор составил сравнительную таблицу средней месячной платы рабочим в Шуйском уезде, во второй половине 50-х годов и в 1883 году. За исключением квалифицированных рабочих, главным образом, кузнецов и столяров, плата которых повысилась в 2½ раза, остальные получали, в среднем, лишь 50% больше прежнего, а некоторые разряды — механические ткачи, например, всего на 4%. Между тем цена хлеба в Шуйском уезде повысилась, за то же время, на 95%. Отсюда автор сделал заключение, что «реальная заработная плата рабочих на хлопчато-бумажных фабриках Шуйского уезда понизилась, в общем, не менее, чем на 20—30%». Не мудрено, если, по отзыву одного местного автора-фабриканта, во Владимирской губернии в это время замечалась обратная тяга—с фабрики в деревню: «начинается опять поворот к земледелию» [2]).

То же было и в Московской губернии. Но если рабочему центрального района сравнительно легко было произвести такой «поворот»—его деревня, откуда он пришел на фабрику, была тут же, рядом, то гораздо труднее было превратиться снова в крестьянина рабочему Петербурга или юга России, за тысячи верст ушедшему от родного угла и часто сохра-

---

[1]) Цит. соч. Туган-Барановского, стр. 449. У автора в этом месте очень резко сказался марксистский «оптимизм» 90-х годов, но факт он все же признал, и вывод из него сделал (стр. 450).

[2]) О положении рабочего класса в России, см. также в III и IV отделе наст. хрестоматии. Прим. ред.

нившему лишь номинальную связь с родиной. Особенно трудно было проделать эту операцию «заводскому» рабочему — с машиностроительного, литейного и т. п. завода. Уже в Московской губернии лишь ничтожный процент машиностроительных рабочих (по вычислениям д-ра Дементьева, 2,7%) уходили на лето на полевые работы. В Петербурге дело шло, конечно, еще дальше.

ОТДЕЛ ВТОРОЙ

Народничество и его критика в Марксистской литературе

О БАКУНИЗМЕ.

Из письма Фр. Энгельса к Куно 24 января 1872 г. Фр. Энгельс. «Политическое завещание» (из неопубликованных писем). Стр. 1—2, изд. «Красная Новь», Главполитпросвет, М. 1922 г.

Народничество, зародившееся, как господствующее направление передовой русской интеллигенции еще при крепостном праве, характерно для переходной эпохи русской экономической и общественной жизни. Мелкобуржуазное по своей природе, оно было одновременно выражением протеста и против отживающих докапиталистических «устоев», в виде многочисленных остатков крепостничества с царским самодержавием во главе, и против надвигающегося господства крупного капитала. В своем учении о государстве и политической борьбе русское революционное народничество не представляло ничего оригинального и целиком примыкало к современным ему анархическим учениям Зап. Европы. Наиболее талантливое и яркое выражение идеалы мелкого производителя получили в анархических произведениях французского «мужика» Прудона. Борьба марксизма, опиравшегося на пролетарские организации крупной (гл. обр., английской) промышленности, с мелкобуржуазными анархическими секциями отсталых стран (Италия, Испания, Швейцария), наполняет всю историю I-го Интернационала (1864—1872 г.г.). Одним из виднейших вождей этих отсталых секций 1-го Интернационала был наш соотечественник М. Бакунин, оценку теории которого дает Фр. Энгельс в помещаемом ниже письме. Эта оценка, явившаяся отзвуком длительной борьбы марксизма с бакунизмом в I Интернационале, вполне сохраняет свою силу по отношению к нашему народничеству, поскольку «бакунисты» (или «бунтари») составляли преобладающее течение в народническом движении 70-х годов. Прим. ред.

У Бакунина своеобразная теория, представляющая смесь прудонизма с коммунизмом, при чем существенная черта первого заключается в том, что он об'являет борьбу не против капитала, не против классового противоречия между трудом и капиталом, возникшего на почве общественного бесправия, но — против государства. В то время, как значительная масса социал-демократических рабочих заодно с нами держится того взгляда, что государственная власть есть не что иное, как организация, созданная для себя самими же земледельцами и капиталистами, Бакунин думает, что государ-

ство создало капитал, что капиталист владеет своим капиталом по милости государства. И так как государство, таким образом, является главным злом, то надо прежде всего его разрушить, а тогда уж капитал сам уберется к чорту. Мы же говорим как раз обратное: свергните капитал, уничтожьте присвоение меньшинством средств производства, тогда и государство падет само собою. Различие существенное, так как уничтожение государства без социального переворота — бессмыслица. Уничтожение же капитала как раз и есть социальный переворот и заключает в себе видоизменение всего способа производства. Но так как для Бакунина главное зло — государство, то отсюда следует, что нельзя ничего предпринять, что могло бы поддерживать существование государства, т.-е. какого бы то ни было государства — республику, монархию или еще что-нибудь. Отсюда, таким образом, полное воздержание от всякой политики. Совершить какой-либо политический акт, в особенности принять участие в выборах, — значило бы изменить принципу. Нужно вести пропаганду, ругать государство, организовываться и, когда будем иметь на своей стороне всех рабочих, т.-е. большинство, — то останется только сместить всех чиновников, уничтожить государство и поставить на его место организацию Интернационала. Этот великий акт, который откроет эру тысячелетнего царства, называется социальной ликвидацией.

Все это звучит очень радикально и так несложно, что в пять минут можно все это выучить наизусть, и потому эта теория Бакунина быстро нашла отклик также в Италии и Испании, у молодых адвокатов, докторов и других доктринеров. Но масса рабочих никогда не даст себя убедить, что общественные дела их страны не суть также и их дела; они — политики по самой своей природе, и кто им будет внушать, что они должны отмежеваться от политики, того они сами отметут [1]). Проповедывать рабочим воздержание от политики при всяких обстоятельствах — значит гнать их в об'ятия попов или буржуазных республиканцев.

---

[1]) Блестящее подтверждение этих слов Энгельса дало русское рабочее движение, в лице «Северного Союза Русских Рабочих», отмежевавшегося в конце 70-х г.г. от народничества. См. об этом союзе в III отделе хрестоматии. Прим. ред.

Так как Интернационал, по мнению Бакунина, создан не для политической борьбы, а для того, чтобы в момент социальной ликвидации сейчас же стать на место старой государственной организации, то необходимо, чтобы этот Интернационал возможно более приближался к бакунинскому идеалу будущего общества. В этом же обществе, прежде всего, не существует никакой в л а с т и, ибо власть, — государство — абсолютное зло (как они будут управлять фабрикой, железной дорогой, пароходом, не прибегая, в последней инстанции, к чьей-то решающей воле, без планомерного руководства—этого они нам, конечно, не говорят). Упраздняется также власть большинства над меньшинством. Каждый индивидуум, каждая община—автономны. Но как возможно существование общества хотя бы из двух человек без того, чтобы каждый из них не пожертвовал частью своей автономии, об этом опять-таки Бакунин умалчивает.

И вот, по этому образцу должен строиться также Интернационал. Такова вкратце существенная часть бакунинского вздора.

О СОЦИАЛЬНОМ РАЗВИТИИ РОССИИ. ОТВЕТ ТКАЧЕВУ.

(Volksstaat, 1875 г.)

Русский перевод в брошюре: Ф р. Э н г е л ь с. «Статьи 1871—1875 г.г.». Изд. Союза Коммун Сев. обл., 1919 г., стр. 55—72.

В этой статье 1875 г. Фр. Энгельс разбирает все основные пункты самобытного» народнического социализма: непонимание классового строения общества, «непризнавание» капитализма в России, вопросы о роли крестьянства в борьбе за социализм, о русской земельной общине, об артелях. Таким образом, Фр. Энгельс выступает первым критиком русского народничества, еще задолго до появления русских марксистов. П р и м. р е д.

Последующие строки были написаны по поводу полемики, в которую я был вовлечен с некиим г. Петром Никитичем Ткачевым. В статье (напечатанной в «Volksstaat» 1874 г., №№ 117 и 118) об издающемся в Лондоне русском журнале «Вперед». мне пришлось упомянуть имя этого господина, хотя вскользь, но в такой форме, что я навлек на себя его драгоценную вражду. Г. Ткачев поспешил напечатать «Открытое письмо к г.

Фридриху Энгельсу, Цюрих, 1874 г.», в котором рассказывает обо мне разные страшные вещи и затем, в противовес моему грубому невежеству, излагает свое собственное мнение о положении вещей и о видах на социальную революцию в России. Как форма, так и содержание этого произведения носят обычный бакунистский отпечаток (X). Г. Ткачев рассказывает немецким рабочим, что по вопросу об общественных отношениях России я обнаруживаю не то, что «недостаток знаний», а прямо-таки «невежество», и потому чувствует себя вынужденным раз'яснить им настоящее положение дел, а в особенности — те причины, по которым именно теперь в России крайне легко совершить социальную революцию,—несравненно легче, чем в Западной Европе.

«У нас нет городского пролетариата, это, конечно, правда, но зато у нас нет и буржуазии... Нашим рабочим придется бороться только с политической властью,— власть капитала находится у нас еще в зародыше. А вы, милостивый государь, конечно, согласитесь, что борьба с первой силой гораздо легче, чем со второй».

Переворот, к которому стремится современный социализм, заключается, коротко говоря, в победе пролетариата над буржуазией и преобразовании общества посредством уничтожения всяких классовых различий. Для этого требуется не только пролетариат, который совершает подобный переворот, но и буржуазия, в руках которой общественные производительные силы достигли такого развития, что является возможность окончательно уничтожить классовые различия. У дикарей и полудикарей тоже часто не существует классовых различий; всякий народ переживал в прошлом подобное состояние. Восстановлять его уже по одному тому нам не может притти в голову, что из него необходимо вырастают, с развитием общественных производительных сил, классовые различия. Лишь на известной, даже по нынешним временам весьма высокой, ступени развития общественных производительных сил становится возможным настолько увеличить производство, что уничтожение классовых различий будет действительным прогрессом, что классовые различия можно будет уничтожить навсегда, без риска вызвать остановку в развитии или даже регресс общественного способа производства. Но такой ступе-

ни развития производительные силы достигли только в руках буржуазии. Значит буржуазия и с этой стороны является таким же необходимым предисловием социалистической революции, как и пролетариат. Поэтому человек, способный утверждать, что социалистическую революцию легче произвести в известной стране потому, что она, хотя и не имеет пролетариата, но зато не имеет и буржуазии, доказывает этим только то, что он незнаком еще и с азбукой социализма.

Итак, русским рабочим, — а эти рабочие, как говорит и сам г. Ткачев, суть «сельские рабочие и, как таковые, не пролетарии, а собственники», — русским рабочим легче совершить революцию, потому, что им приходится бороться не с силой капитала, а «только с политической властью», с русским государством. А это государство «только издали кажется силой... Оно не имеет корней в экономической жизни народа; оно не является воплощением интересов какого-нибудь сословия... У вас государство — действительная, а не кажущаяся только сила. Оно обеими ногами опирается на капитал; оно воплощает в себе (!) известные экономические интересы... У нас — как раз наоборот; наш общественный строй обязан своим существованием государству, — государству, так сказать, висящему в воздухе, государству, которое не имеет ничего общего с существующим общественным строем, государству, корни которого кроются в прошлом, а не в настоящем».

Не будем останавливаться ни на сбивчивом представлении, будто экономическим интересам нужно государство, которое они создают сами, чтобы воплотиться в нем, ни на смелом утверждении, будто русский общественный строй (а к нему принадлежит, ведь, и крестьянская община), обязан своим существованием государству, ни на том противоречии, что это самое государство «не имеет ничего общего» с существующим общественным строем, который является будто бы его собственным созданием. Всмотримся лучше теперь в это «висящее в воздухе государство», не представляющее интересов ни единого сословия.

В Европейской России крестьяне владеют 105 миллионами десятин, дворяне (так буду я здесь называть, для краткости крупных землевладельцев)—100 мил. дес., в том числе около половины принадлежит 15.000 дворянам, из которых

на каждого приходится, таким образом, в среднем 3.300 десятин. Так, площадь крестьянского землевладения лишь немногим более площади дворянского землевладения. Отсюда видно, что дворяне ни капли не заинтересованы в существовании русского государства, которое охраняет их земельную собственность, обнимающую полстраны. Далее. Крестьяне платят со своей половины 195 миллионов рублей в год податей, а дворяне — 13 мил.! Земли дворян, в среднем, вдвое плодороднее земель крестьян, так как, при отмене крепостного права государство отняло у крестьян и отдало дворянам не только большую, но и лучшую часть земель, заставив при этом крестьян платить дворянам за самую худшую землю столько, сколько назначено за самую лучшую землю. И русское дворянство не заинтересовано в существовании русского государства!

Громадное большинство крестьян очутилось после освобождения в крайне тяжелом, совершенно неустойчивом положении. У них не только отняли бо́льшую и лучшую часть их земли, так что во всех плодородных местностях империи крестьянские наделы, при русской системе земледелия, оказываются недостаточными для их прокормления; их не только заставили платить за эту землю чрезмерно высокий выкуп; на них не только взвалили почти все бремя поземельных налогов, между тем, как дворянство почти совсем свободно от него, так что один лишь поземельный налог поглощает всю земельную ренту с крестьянских наделов, и даже более того, и все остальные платежи, которые несет крестьянство, и о которых мы сейчас будем говорить, являются прямыми вычетами из части его дохода, представляющей заработную плату, — нет, всего этого мало: кроме поземельного налога и выкупных платежей, крестьяне принуждены платить, со времени введения земельного самоуправления еще губернские и уездные земские сборы. Главнейшим результатом этой последней «реформы» явилось для крестьян увеличение податного бремени. Государство в общем сохранило свои доходы, но значительную часть своих расходов переложило на земства, которые для покрытия их установили новые налоги; а в России такое правило, что высшие сословия почти свободны от налогов, — за всех платит крестьянин.

Такие условия будто нарочно созданы для поощрения ростовщичества; и при почти неслыханных способностях русских к низшим видам торговли, при их умении пользоваться благоприятными обстоятельствами и неразрывно связанных с этим плутовских талантах, — недаром еще Петр I сказал, что один русский стоит трех евреев,—ростовщики растут, точно грибы после дождя. Когда подходит время платить подати, является ростовщик, кулак — нередко богатый крестьянин той же общины — и предлагает деньги. Крестьянину деньги нужны до-зарезу, и он вынужден безропотно согласиться на условия ростовщика. Но, взяв деньги, крестьянин попадает в еще худшее положение, — нужда в деньгах все более и более увеличивается. Ко времени жатвы является хлебный скупщик, нужда в деньгах заставляет крестьянина продавать часть того хлеба, который необходим для существования его и его семьи. Скупщик распространяет ложные слухи, влияющие на понижение цены хлеба, дает самую низкую цену, да и ту выплачивает нередко различными втридорога оцененными товарами, — система расплаты натурой (truck-system) также очень развита в России. Отсюда видно, что огромный хлебный вывоз России зиждется прямо на голодании крестьянского населения. Другой вид эксплоатации крестьян заключается в следующем: спекулянт арендует у правительства на долгий срок казенную землю, обрабатывает ее сам, пока она дает хороший урожай без всякого удобрения; потом разбивает эту истощенную землю на участки и сдает ее по высокой цене в аренду соседним малоземельным крестьянам. Как в первом случае мы имели английскую truck-system, так в данном случае перед нами не кто иной, как ирландский middleman (посредник). Одним словом, нет такого государства, где при всей первобытной дикости буржуазного строя капиталистический паразитизм был бы так сильно развит, так опутывал бы своими сетями всю страну, всю народную массу, как именно в России. И все эти пиявки, сосущие кровь из крестьян, не заинтересованы будто бы в существовании русского государства, законы и суды которого охраняют их приятный и прибыльный труд?

Крупная буржуазия Петербурга, Москвы, Одессы, с неслыханной быстротой выросшая в течение последнего десятилетия, благодаря, главным образом, железным дорогам, и в

последние годы горячки весело принимавшая участие в крахах, экспортеры хлеба, конопли, льна и сала, все предприятия которых держатся на нищете крестьян, вся русская крупная промышленность, существующая только благодаря покровительственным пошлинам, которыми охраняет ее государство, — все эти важные и быстро растущие элементы населения не заинтересованы будто бы в существовании русского государства? Не говорим уже о бесчисленной армии чиновников, которая наводняет и обворовывает Россию и образует здесь настоящее сословие. Когда г. Ткачев уверяет нас, что русское государство не имеет «корней в экономической жизни народа», что оно «не не воплощает в себе интересов какого-либо сословия», что оно «висит в воздухе», то нам представляется, что в воздухе висит не русское государство, а скорее сам г. Ткачев.

Что положение русских крестьян, со времени освобождения от крепостной зависимости, стало невыносимым и весьма шатким, и что уже по одному этому в России нужно ожидать революции, — это, несомненно. Вопрос только в том, каков может быть, каков будет результат этой революции? Г. Ткачев говорит, что это будет социальная революция. Это чистейшая тавтология. Всякая настоящая революция, есть революция социальная, так как она передает власть в руки нового класса и доставляет ему возможность перестроить общество по образу и подобию своему. Но г. Ткачев хочет сказать, что она будет революцией социалистической, что она установит в России, еще прежде, чем мы достигнем этого на Западе, тот общественный строй, к которому стремится западно-европейский социализм, — и это при таких общественных условиях где как пролетариат, так и буржуазия встречаются пока лишь спорадически и находятся еще на низкой ступени развития. Все это может будто бы произойти потому, что русские являются, так сказать, избранным народом социализма и обладают артелью и земельной общиной.

Артель, о которой г. Ткачев упоминает лишь вскользь, но которую мы ставим здесь рядом с общиной, так как она уже со времени Герцена играет у некоторых русских таинственную роль, — артель есть широко распространенный в России вид ассоциации, — простейшая форма свободной кооперации,

встречающаяся у охотничьих народов. Как сама артель, так и ее название — не славянского, а татарского происхождения. И то и другое мы находим, с одной стороны, у киргизов, якутов и т. д., с другой — у лапландцев, самоедов и иных финских племен [1]). Поэтому артель развивается в России первоначально на севере и на востоке, по соседству с финнами и татарами, а не на юго-западе. Суровый климат понуждает к различного рода промышленной деятельности, при чем недостаток капитала, при слабом развитии городской жизни, и возмещается, сколько возможно, этой формой кооперации. Один из самых характерных признаков артели — круговая ответственность всех ее членов за каждого из них перед третьим лицом — является отголоском отношений, основанных на кровном родстве, как и вира у древних германцев, кровная месть и т. д. Впрочем, в России артелью называют не только всякого рода кооперативную деятельность, но и кооперативные учреждения. Рабочие артели всегда выбирают себе старосту, который исполняет функции кассира, бухгалтера и пр., а где требуется, и управляющего предприятием, и получает особое содержание. Такие артели устраиваются:

1) для временных предприятий, по окончании которых они уничтожаются;

2) между лицами, занятыми одной и той же работой, наприм., грузчиками, носильщиками и пр.;

3) для собственно-промышленных постоянных предприятий.

При учреждении артели заключается контракт, подписываемый всеми членами. Если у артели не имеется необходимого капитала, как это очень часто случается в артелях сыроваренных и рыболовных (на сети, лодки и т. п.), то она попадает в руки ростовщика, который снабжает ее деньгами за высокие проценты и потом берет себе львиную долю из артельного дохода. Но еще безобразнее эксплоатируются те артели, которые нанимаются в рабочие к какому-нибудь подрядчику. Они управляют своим предприятием сами и, таким образом, избавляют капиталиста от расходов на надзор за ними.

---

[1]) Об артелях см., между прочим, «Сборник материалов об артелях в России», С.-Петербург 1873, выпуск I.

Подрядчик сдает в наймы членам артели избы для жилья, отпускает им в долг харчи, при чем и тут развивается отвратительная система уплаты натурой (truck-system). В таком положении находятся артели дровосеков и смолокуров в Архангельской губернии, артели рабочих многих промыслов в Сибири и т. д. (см. Флеровский, «Положение рабочего класса в России», Петербург 1869 г.). Здесь артель служит, следовательно, к тому, чтобы существенно облегчать капиталисту эксплатацию рабочих. С другой стороны, существуют и такие артели, которые сами держат рабочих, не состоящих членами товарищества.

Отсюда видно, что артель есть естественно возникшее и потому еще весьма неразвитое кооперативное товарищество, и, как таковое, она отнюдь не составляет исключительно русской или славянской формы кооперации. Такие товарищества образуются везде, где в них возникает потребность, напр., в Швейцарии, в производстве молочных продуктов, в Англии у рыболовов, где они даже принимают весьма разнообразные формы. Силезские землекопы (немцы, а не поляки), построившие в 40-х годах столько германских железных дорог, были организованы в настоящие артели. Преобладание этой формы кооперации в России свидетельствует, несомненно, о существовании в русском народе сильного стремления к ассоциации, но оно далеко еще не доказывает, что русский народ может, с помощью одного только этого стремления, перескочить от артели прямо к социалистическому общественному строю. Для этого прежде всего необходимо, чтобы артель сама сделалась способной к развитию, чтобы она сбросила с себя свою первобытную форму, в которой она, как мы видим, служит не столько рабочим, сколько капиталу, и поднялась, по крайней мере, до уровня западно-европейских кооперативных товариществ. Однако, если только можно доверять словам г. Ткачева (что после всего вышеизложенного представляется более чем рискованным), ничего подобного в действительности не замечается. Напротив, с крайне характерной для своей точки зрения гордостью, он сообщает нам: «Что касается искусственно пересаженных недавно в Россию кооперативных и кредитных товариществ немецкого (!) образца, то они приняты большинством наших рабочих с полнейшим

равнодушием и почти везде потерпели фиаско». Современные кооперативные товарищества показали, по крайней мере, что они могут с выгодой для себя вести крупные промышленные предприятия на собственный счет (прядильная и ткацкая промышленность в Ланкашире). Артель же до сих пор не только не проявляет такой способности, но даже в теперешней своей неразвитой форме неминуемо гибнет от соприкосновения с крупной промышленностью.

Русская крестьянская община была открыта в 1845 г. прусским регирунгсратом Гакстгаузеном, который протрубил о ней всему миру, как о каком-то чуде, хотя у себя на родине, в Вестфалии, он легко мог найти еще остатки подобной общины, а в качестве правительственного чиновника обязан был даже хорошо знать о них. Лишь от Гакстгаузена узнал Герцен, сам бывший крупным русским помещиком, что его крестьяне владеют землею на общинных началах, и воспользовался этим случаем, чтобы противопоставить русских крестьян, как истинных носителей социализма и прирожденных коммунистов, рабочим дряхлого, прогнившего европейского Запада, которым социализм приходится вбивать в голову искусственно. От Герцена узнал это Бакунин, от Бакунина г. Ткачев. Послушаем г. Ткачева.

«Наш народ... в огромной своей массе... проникнут принципами общинного владения; он является, если можно так выразиться, коммунистом по инстинкту, по традиции. Идея коллективной собственности столь глубоко вросла во все мировоззрение русского народа (мы увидим сейчас, насколько широко представление о мире у русского крестьянина), что теперь, когда правительство начинает понимать, что эта идея несовместима с принципами «благоустроенного» общества, и во имя этих принципов хочет внедрять идею индивидуальной собственности в сознание и жизнь народа, ему удается достигать этого только при помощи штыка и нагайки. Отсюда следует, что наш народ, несмотря на свое невежество, гораздо ближе к социализму, чем народы Западной Европы, хотя они и образованнее русского народа».

В действительности общинное владение землею — такое учреждение, которое мы находим на низшей ступени развития у всех индо-германских народов, от Индии до Ирландии,

и даже у развивавшихся под индийским влиянием малайцев, например, на о. Яве. Еще в 1608 г. в только что завоеванной англичанами северной части Ирландии существовала, на законном основании, общинная земельная собственность, и англичане воспользовались этим обстоятельством, чтобы провозгласить земли никому не принадлежащими и, как таковые, об'явить их собственностью короны. В Индии до сих пор сохранилась общинная собственность в разнообразных формах. В Германии она существовала повсеместно; встречающиеся и теперь местами общинные угодья представляют собой остатки ее; попадаются нередко и ясные следы ее, периодические переделы общинных земель и т. д. Подробные сведения относительно общинной собственности в древней Германии можно найти в различных сочинениях Маурера, которые являются классическими по этому вопросу. В Западной Европе, включая Польшу и Малороссию, эта общинная собственность, на известной ступени общественного развития, превратилась в оковы, в тормаз сельско-хозяйственного производства, и потому она все более и более уничтожалась. В Великороссии же (т.-е. в настоящей России) общинная собственность сохранилась до сих пор, и это дает основание сразу предположить, что здесь сельско-хозяйственное производство и соответствующие ему общественные отношения деревни находятся еще на очень низкой ступени развития. Так оно и есть в действительности. Русский крестьянин живет только интересами своей общины; весь остальной мир существует для него лишь постольку, поскольку он затрагивает его общину. Это подтверждается и тем, что в русском языке одно и то же слово мир означает, с одной стороны, вселенную, с другой — сельскую общину. «Весь мир» (весь свет), значит в устах крестьянина собрание членов его общины. Поэтому, когда г. Ткачев говорит о «мировоззрении» русских крестьян, то он, очевидно, неверно переводит русское слово «мир». Подобная отчужденность одной общины от другой, создающая хотя и одинаковые во всей стране интересы, но такие, которые являются полной противоположностью общественных интересов, составляют самую естественную основу восточного деспотизма, и всюду, от Индии до России, где преобладала такая общественная форма, она создавала всегда такой

деспотизм, всегда находила себе дополнение в нем. Не только русское государство вообще, но даже и его специфическая форма, царский деспотизм, отнюдь не висит в воздухе, а, напротив, представляет собою логически необходимый продукт тех русских общественных отношений, с которыми он, по мнению г. Ткачева, «не имеет ничего общего»! Дальнейшее развитие России в буржуазном направлении постепенно уничтожит и здесь общинную собственность, и русскому правительству не придется вмешиваться в это дело со своими «штыками и нагайками». Уничтожение общины может произойти тем легче, что в России члены общины вовсе не обрабатывают общинную землю сообща, чтобы затем делить между собою продукты, — как это еще и до сих пор делается в некоторых местностях Индии; напротив, общинная земля от времени до времени распределяется между отдельными главами семейств, и каждая семья обрабатывает свой участок для себя. Благодаря этому, степень благосостояния членов одной и той же общины может быть весьма различна, что мы и видим в действительности. Почти везде существуют между ними несколько богатых крестьян, — иногда миллионеров, — которые занимаются ростовщичеством и сосут кровь из крестьянской массы. Г. Ткачеву известно это лучше, чем кому-нибудь другому. Немецких рабочих он старается уверить, что из головы русского мужика, этого инстинктивного традиционного коммуниста, «идею коллективной собственности» можно выбить только штыком и нагайкой, а между тем в своей русской брошюре он пишет на стр. 15: «в среде крестьян образуется класс кулаков, скупщиков и арендаторов крестьянских и дворянских земель, — крестьянская аристократия». Это те самые кровопийцы, которых мы описывали выше.

Сильнейший удар земельной общине нанесла отмена крепостного права. Дворяне получили большую и лучшую часть земель; у крестьян же осталось количество земли, едва достаточное, а зачастую и совсем недостаточное для прокормления. При этом леса отошли к дворянам; прежде крестьянин мог свободно рубить там дрова, лес для построек и различных изделий, — теперь ему приходится все это покупать. Таким образом, у крестьянина остался только дом, да голая земля, без

средств для ее обработки; но и такой земли у него оказывается, в среднем выводе, так мало, что он не в состоянии прокормиться с семьею от одной жатвы до другой. Прибавьте к этому непосильные подати и кулачество. При таких условиях общинная собственность на землю перестает быть благодеянием, она превращается в цепи. Крестьяне нередко бегут из общины с семьей или без нее, бросая свои земли и превращаются в кочующих рабочих [1]).

Отсюда видно, что земельная община в России давно уже пережила период своего расцвета и, судя по всем данным, идет навстречу своей гибели. Тем не менее, несомненно, существует возможность превратить эту общественную форму в высшую, более развитую, если только она сохранится до того времени, когда созреют необходимые для этого условия, и если она окажется способною к развитию, в смысле перехода крестьян от индивидуальной обработки земель к обработке общественной [2]); при таких условиях можно будет придать теперешней общине эту высшую форму, не заставляя русских крестьян проходить промежуточную стадию буржуазной парцеллярной собственности. Но это может произойти лишь в том случае, если, еще до окончательного разложения общинной собственности в России, в Западной Европе совершится пролетарская революция и доставит русскому крестьянину предварительные условия для такого перехода, в том числе и материальные, в которых он нуждается, чтобы произвести неразрывно связанный с этим переворот во всей своей системе земледелия. Поэтому г. Ткачев говорит чистейшую бессмыслицу, утверждая, что русские крестьяне, хотя и являются «собственниками», все же стоят ближе к социализму, чем лишенные собственности рабочие Западной Европы. Как раз наоборот. Если что и может еще спасти русскую общину и

---

[1]) О положении крестьян см. официальный отчет правительственной комиссии о сельско-хозяйственном производстве (1873 г.), а также книгу Скалдина «В захолустье и в столице», Петербург, 1870 г.; последний труд принадлежит перу русского либерального консерватора.

[2]) В Польше, особенно в Гродненской губ., где большая часть дворянства была разорена восстанием 1863 г., крестьяне нередко покупают и арендуют теперь дворянские имения и обрабатывают их без раздела и на *общий счет*. Между тем, эти крестьяне уже целые столетия не имеют общинной собственности и вдобавок они—не великороссы, а поляки, литовцы и белоруссы.

дать ей возможность перейти в новую, действительно жизнеспособную форму, так это именно пролетарская революция в Западной Европе.

Столь же легкомысленно, как с экономической революцией, обращается г. Ткачев и с революцией политической. Русский народ, по его словам, «беспрерывно протестует» против рабства; протест этот выливается в такие формы: «религиозные секты... отказ от уплаты податей... разбойничьи шайки (немецкие рабочие могут себя поздравить: разбойник оказывается отцом германской социал-демократии)... поджоги... бунты... и потому можно назвать русский народ инстинктивным революционером». Поэтому Ткачев убежден, что «стоит только пробудить одновременно во многих местах накопившееся чувство раздражения и недовольства, которое... вечно клокочет в груди русского народа», — и тогда «с а м о с о б о ю» произойдет об'единение всех революционных сил, и борьба... должна будет окончиться благоприятно для народного дела. «Практическая необходимость, инстинкт самосохранения» сами собой приведут тогда к «созданию прочной и неразрывной связи между протестующими общинами».

Более легкой и приятной нельзя себе и представить революцию. Стоит лишь начать разом в трех-четырех местах, а там «уже сами» совершат все остальное «инстинктивный революционер», «практическая необходимость» и «инстинкт самосохранения». Дело так легко и просто, что остается только удивляться, как это революция давным-давно не совершилась, народ не освободился, и Россия не превратилась в классическую страну социализма?

СОЦИАЛИЗМ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА.

Сочинения Г. В. П л е х а н о в а, т. II, Госиздат. 1923 г. Стр. 29—86. Брошюра Г. В. Плеханова «Социализм и политическая борьба появилась в 1883 г., как первое издание первой русской социал-демократической группы «Освобождение Труда». О деятельности этой группы и о происхождении названной брошюры см. в IV отделе.
П р и м. р е д.

С тех пор, как русское революционное движение окончательно выступило на путь открытой борьбы с абсолютизмом, вопрос о политических задачах социалистов сделался самым

насущным, самым жгучим вопросом для нашей партии. Из-за него расходились люди, связанные многими годами совместной практической деятельности, из-за него распадались целые кружки и организации. Можно даже сказать, что все русские социалисты временно разделились на два лагеря, державшиеся диаметрально-противоположных взглядов на «политику». Как и всегда бывает в подобных случаях, дело не обошлось без крайностей. Одни считали политическую борьбу чуть ли не изменой народному делу, проявлением в нашей революционной интеллигенции буржуазных инстинктов, осквернением чистоты социалистической программы. Другие не только признавали необходимость этой борьбы, но и готовы были, в ее мнимых интересах, итти на компромиссы с либерально-революционными элементами нашего общества. Некоторые доходили даже до того, что считали вредным для настоящего времени всякое проявление классового антагонизма в России. Таких взглядов держался, напр., Желябов, которому «русская революция представлялась, по словам его биографа, не исключительно в виде освобождения крестьянского или даже (?) рабочего сословия, а в виде политического возрождения всего русского народа вообще» [1]). Другими словами, революционное движение против абсолютной монархии сливалось в его представлении с социально-революционным движением рабочего класса во имя своего экономического освобождения; частная специально-русская задача настоящего времени заслоняла собою общую задачу рабочего класса всех цивилизованных стран. Далее этого разногласие итти не могло, и разрыв стал неизбежен.

Время сгладило, однако, крайности и разрешило значительную часть спорных вопросов в удовлетворительном для обеих сторон смысле. Мало-по-малу все или почти все признали, что начатая политическая борьба должна продолжаться до тех пор, пока широкое освободительное движение в народе и обществе не разрушит здания абсолютизма, как землетрясение разрушает курятник, если можно употребить энергическое выражение Маркса. Но очень многим из наших социалистов борьба эта до сих пор представляется каким-то

---

[1]) См. брошюру: «Андрей Иванович Желябов», стр. 10.

вынужденным компромиссом, временным торжеством «практики» над «теорией», насмешкой жизни над бессилием мысли. Сами «политики», оправдываясь от сыпавшихся на них упреков, избегали всякой апелляции к основным положениям социализма, а ссылались опять на неотразимые требования действительности. В глубине души они и сами, повидимому, верили, что им не совсем к лицу политические тенденции, но утешали себя тем соображением, что только в свободном государстве они могут предоставить мертвым хоронить своих мертвецов и, покончивши всякие счеты с политикой, всецело посвятить себя делу социализма. Это смутное убеждение приводило иногда к нелишенным курьеза недоразумениям. Разбирая речь «русского гостя» на Хурском конгрессе и пытаясь оправдаться от мнимого упрека в политиканстве, «Народная Воля» заметила, между прочим, что ее сторонники не социалисты и не политические радикалы, а просто «народовольцы». Орган террористов полагал, что на «Западе» внимание радикалов исключительно поглощено политическими вопросами, а социалисты, наоборот, знать не хотят «политики». Всякий, знакомый с программами западно-европейских социалистов, понимает, конечно, насколько ошибочно такое представление по отношению к огромному их большинству. Известно, что социальная демократия Европы и Америки никогда не придерживалась принципа политического «воздержания». Ее сторонники не игнорируют «политики». Они только не представляют себе задач социалистической революции в виде «возрождения всего народа вообще». Они стараются организовать рабочих в особую партию, чтобы отделить, таким образом, эксплоатируемых от эксплоататоров и дать политическое выражение экономическому антагонизму. Откуда же взялась у нас уверенность в том, что социализм обусловливает собой политический индифферетизм,—уверенность, стоящая в полном противоречии с действительностью? У Шиллера Валленштейн говорит Максу Пикколомини, что человеческий ум широк, между тем как мир узок, и что поэтому мысли легко уживаются в первом, между тем как вещи резко сталкиваются между собой во втором. Должны ли мы сказать про себя, что в нашем мозгу, наоборот, не могут ужиться рядом понятия о таких ве-

щах, которые не только прекрасно уживаются на практике, но и вообще немыслимы вне взаимной связи? Чтобы ответить на этот вопрос, нам нужно, прежде всего, привести в ясность те представления о социализме, которые существовали у наших революционеров в эпоху возникновения в их среде политических тенденций. Убедившись в том, что эти представления были ошибочными или отсталыми, мы посмотрим, какое место отводит политической борьбе то учение, которому даже буржуазные его противники не отказывают в названии научного социализма. После этого нам останется только сделать в наших общих выводах поправки, неизбежные ввиду тех или других особенностей современного положения дел в России — и наша тема будет исчерпана; политическая борьба рабочего класса с врагами, принадлежащими к той или иной исторической формации, окончательно обнаружит перед нами свою связь с общими задачами социализма.

Социалистическая пропаганда оказала огромное влияние на весь ход умственного развития в цивилизованных странах. Нет почти ни одной отрасли общественной науки, на которую эта пропаганда не повлияла бы в том или ином смысле. Она частью разрушила старые, научные предрассудки, частью превратила их из наивного заблуждения в софизм. Понятно, что еще сильнее должно было отозваться влияние социалистической пропаганды на самих сторонниках нового учения. Все традиции прежних «политических» революционеров подверглись беспощадной критике, все приемы общественной деятельности были анализированы с точки зрения «нового Евангелия». Но так как дело научного обоснования социализма было закончено лишь с появлением «Капитала», то понятно, что результаты этой критики далеко не всегда были удовлетворительны. А так как, с другой стороны, в утопическом социализме существовало несколько школ, почти равносильных по своему влиянию, то мало-помалу выработался род какого-то среднего социализма, которого и придерживались люди, не претендовавшие на основание новой школы и не принадлежавшие к числу особенно рьяных сторонников школ прежде существовавших. «Этот эклектический социализм представляет собой, — как говорит

Фр. Энгельс,—различных оттенков смесь из наиболее общепризнанных и наименее глубоких критических замечаний, экономических положений и общественных идеалов различных основателей сект, смесь тем легче получаемую, чем скорее составные части ее утрачивают в потоке дебатов — как камни в ручье—свои острые углы и грани» [1]). «Этот средний социализм,—замечает тот же автор,—господствует до сих пор в головах большинства рабочих в Англии и Франции». Мы, русские, могли бы прибавить, что такая же точно смесь господствовала в половине семидесятых годов в умах наших социалистов и представляла тот общий фон, на котором выделялись два крайние направления, так называемых, «впередовцев» и «бакунистов». Первые склонялись к немецкой социал-демократии, вторые представляли собою русское издание анархической фракции Интернационала. Расходясь между собой в очень многом, почти во всем, оба направления сходились, как это ни странно сказать, в отрицательном отношении к «политике». И нужно сознаться, что анархисты были в этом отношении последовательнее русских социал-демократов того времени.

С анархической точки зрения политический вопрос является пробным камнем всякой рабочей программы. Анархисты не только отрицают всякие сделки с современным государством, но исключают из своих представлений о «будущем обществе» все, что напоминает так или иначе государственную идею». «Автономная личность в автономной общине»—таков был и есть девиз всех последовательных сторонников этого направления. Известно, что родоначальник его, Прудон, поставил себе, в своем органе «La voix du peuple» не совсем скромную задачу «сделать по отношению к идее правительства (которую он смешал с государственной идеей) то же, что сделал Кант по отношению к идее религиозной» [2]), и дошел в своем государственном рвении до того, что об'явил самого Аристотеля «скептиком в вопросе о государстве» [3]). Решение поставленной им себе зада-

---

[1]) См. «Entwicklung des Sozialismus», S. 18.

[2]) См. «Confession d'un revolutionnaire», Prèface, p. 4.

[3]) До какой степени Аристотель был «скептиком» в вопросе о государстве, видно из первой книги его «Политики», где он говорит, что «государство есть самая законченная форма общественности»: что цель его есть «высшее благо», и что, поэтому, оно оказы-

ии было очень просто и вытекало, если угодно, совершенно логично из экономических учений французского Канта. Прудон никогда не мог представить себе экономического строя будущего иначе, как в форме товарного производства, исправленного и дополненного новой, «справедливой» формой обмена на началах «конституированной стоимости». При всей «справедливости» этой новой формы обмена, она не исключает, разумеется, ни купли, ни продажи, ни долговых обязательств, сопровождающих товарное производство и обращение. Все эти сделки предполагают, конечно, различные договоры, которыми и определяются взаимные отношения обменивающих сторон. Но в современном обществе «договоры» основываются на общих правовых нормах, обязательных для всех граждан и охраняемых государством. В «будущем обществе» дело должно будет происходить несколько иначе. Революция должна была, по мнению Прудона, уничтожить «законы», оставяя одни «договоры». «Не нужно законов, вотированных большинством или единогласно, говорит он в своей «Idée générale de la Révolution au XIX siècle»,—каждый гражданин, каждая коммуна и корпорация установят свои особые законы» (p. 259). При таком взгляде на дело, политическая программа пролетариата упрощалась до последней возможности. Государство, признающее лишь общие обязательные для всех граждан законы, не могло служить даже средством для достижения социалистических идеалов. Пользуясь им для своих целей, социалисты лишь укрепляют то зло, с искоренения которого должна начаться «социальная ликвидация». Государство должно «разложиться», открывая, таким образом, «каждому гражданину, каждой коммуне и корпорации» полную свободу издавать «свои собственные законы» и заключать необходимые для них «договоры». Если же анархи-

---

вается явлением «естественным в самом высоком смысле этого слова, а человек есть животное, самой природой предназначенное к государственной форме общественности». (B. I, c. I, §§ I—XI немецкого издания Зюсемиля, 1879 г.). Автор «Политики» так же «скептично» относится к государству, как Прудон к товарному производству: первый не мог представить себе иной. высшей формы общественности, второй не подозревал, что продукты могут распределяться между членами общества, не являясь в виде товаров.

сты не будут терять времени в период «ликвидации», то «договоры» эти будут заключены в духе «Системы экономических противоречий», и торжество «Революции» будет обеспечено.

Задача русских анархистов упрощалась еще более. «Разрушение государства» (занявшее мало-по-малу в анархической программе место рекомендованного Прудоном его «разложения») должно было расчистить путь для развития «идеалов» русского народа. А так как в этих «идеалах» общинное землевладение и артельная организация промыслов занимают очень видное место, то предполагалось, что «автономные» россияне демократического происхождения будут заключать свои «договоры» уже не в духе прудоновской взаимности, а скорее в духе аграрного коммунизма. Как «прирожденный социалист», русский народ не замедлит понять, что одно общинное владение землей и орудиями производства не гарантирует еще желанного «равенства», и вынужден будет взяться за организацию «автономных общин» на совершенно коммунистических основаниях.

Впрочем, русские анархисты—по крайней мере, анархисты так называемого «бунтарского» оттенка—мало задумывались об экономических последствиях проповедуемой народной революции. Они считали своей обязанностью устранить те общественные условия, которые мешали, по их мнению, нормальному развитию народной жизни; но они не спрашивали себя о том, по какому пути пойдет это развитие, освободившись от внешних препятствий. Что эта своеобразная переделка на революционный фасон знаменитого девиза манчестерской школы laissez faire, laissez passer, исключала всякую возможность серьезной оценки современного состояния нашей общественно-экономической жизни и уничтожала всякий критерий для определения самого понятия о «нормальном» ходе ее развития—этого также не подозревали ни «бунтари», ни появившиеся впоследствии «народники». При том же подобная оценка была бы совершенно безнадежной попыткой до тех пор, пока исходной точкой рассуждений наших революционеров оставались учения Прудона. Слабейшей частью этих учений, пунктом их логического грехопадения, является понятие о товаре и меновой стоимости, т.-е. именно

те посылки, на основании которых только и можно сделать правильное заключение о взаимных отношениях производителей в экономической организации будущего. С точки зрения прудоновских теорий не имеет никакой особенной важности то обстоятельство, что современное русское общинное землевладение отнюдь не исключает товарного производства. Прудонист понятия не имеет о «внутренней, неизбежной диалектике», превращающей товарное производство на известной стадии его развития в капиталистическое [1]). Его русскому кузену и в голову не приходило, поэтому, спросить себя, достаточно ли раз'единенных усилий «автономных» лиц, коммун и корпораций для борьбы с этой тенденцией товарного производства, грозящей снабдить в один прекрасный день некоторую часть «прирожденных» коммунистов «благоприобретенными» капиталами и превратить их в эксплоататоров остальной массы населения. Анархист отрицает созидающую роль государства в социалистической революции именно потому, что не понимает задач и условий этой революции.

Мы не можем вступать здесь в подробный разбор ни анархизма вообще, ни «бакунизма» в частности. Мы хотим лишь обратить внимание наших читателей на то обстоятельство, что как Прудон, так и русские анархисты были, с своей точки зрения, вполне правы, возводя «политическое невмешательство» в основной догмат своей практической программы. Социально-политический склад русской жизни, казалось, в особенности оправдывал обязательное для всех анархистов отрицание «политики». Прежде чем выступить на поприще политической агитации, русский обыватель должен превратиться в гражданина, т.-е. завоевать себе хоть какие-нибудь политические права, а прежде всего, разумеется, право думать, что хочет, и говорить, что думает. Такая задача сводится на практике к «политической революции», а опыт Западной Европы ясно «показал» всем анархистам, что такие революции никакой пользы народу не принесли, не принесут и принести не могут. Соображение же о необходимости политического воспитания народа путем участия его в общественной жизни своей страны, не могло иметь места уже потому, что анархисты считают, как мы видели,

[1]) См. «Das Kapital», 2. Auflage, S. S. 607—608.

такое участие не воспитанием, а развращением народных масс: оно развивает в них «веру в государство», а следовательно, и тенденцию к государственности или, как сказал бы покойный М. А. Бакунин, заражает его официально-общественным ядом, и, во всяком случае, отвлекает его хоть на малое время от единственно ныне полезного и спасительного дела—от бунта [1]). Притом же по философии истории наших «бунтарей» выходило, что русский народ целым рядом крупных и мелких движений доказал свои антигосударственные наклонности, а потому и может считаться достаточно зрелым в политическом отношении. Поэтому прочь всякое «политиканство!» Поможем народу в его антигосударственной борьбе, сольем в один революционный поток его разрозненные усилия—и тогда неуклюжее здание государства разлетится в прах, открывая своим падением новую эру социальной свободы и экономического равенства! В этих немногих словах выражалась вся программа нашего «бунтарства».

В этом беглом обзоре программ различных фракций русских революционеров мы не должны упускать из виду, что взгляды, с точки зрения которых «всякие конституции» являлись, по выражению старого Ф. Г. Якоби, лишь более или менее невыгодной сделкой с чортом—такие взгляды, говорим мы, были свойственны не одним народникам и анархистам. Если читателю известна полемика Фр. Энгельса с П. Ткачевым [2]), то он, вероятно, помнит, что редактор «Набата», расходясь с бакунистами по вопросу о практической борьбе, совершенно сходился с ними в основных взглядах на социально-политическое положение нашего отечества. Он рассматривал его через ту же призму русской самобытности и «прирожденных коммунистических наклонностей русского народа» [3]). Как истинный бланкист, он не отрицал, разумеется, «политики», но понимал ее исключительно в форме заговора с целью захвата государственной власти. Эта цель занимала, повидимому, все поле зрения наших тогдашних бланкистов

---

[1]) См. весьма интересную и характерную брошюру М. А. Бакунина «Наука и насущное революционное дело».

[2]) См. «Offener Brief an Herrn F. Engels».

[3]) Чтобы убедиться в этом, стоит лишь сравнить названное «Письмо к Фр. Энгельсу» с цитированной выше брошюрой М. А. Бакунина.

и приводила их ко многим противоречиям. Оставаясь последовательными, они должны были признать, что деятельность их может быть полезна делу прогресса лишь в том исключительном случае, когда направляемый ими удар ни на волос не минует своей цели. Если задуманный захват власти не удастся, если заговор будет открыт или революционное правительство будет низвергнуто либеральной партией, то русский народ не только ничего не выиграет, но, напротив, рискует очень много потерять. В особенности гибелен последний из предположенных случаев. Либералы создадут сильное правительство, борьба с которым будет гораздо труднее, чем борьба против современной «абсолютно-нелепой» и «нелепо-абсолютной» монархии; а «огонь экономического прогресса» разрушит коренные основы народной жизни. Под его влиянием разовьется обмен, упрочится капитализм, уничтожится самый принцип общины, словом, река времен унесет тот камень, с которого рукой подать до коммунистического неба. В случае неудачи русские бланкисты должны были нанести страшный вред делу народного освобождения и попадали, таким образом, в трагическое положение Вильгельма Телля, рисковавшего жизнью собственного сына. Но так как они едва ли отличались ловкостью мифического швейцарского «крамольника», то русский народ не крикнул бы им:

Стреляй! я не боюсь!

если бы усвоил их взгляд на «коренные основы» своей жизни и был приглашен высказать свое мнение об их программе.

Такая узкая и безнадежная философия русской истории должна была логически вести к тому поразительному выводу, что экономическая отсталость России является надежнейшим союзником революции, а застой должен красоваться в качестве первого и единственного параграфа нашей «программы-минимум». «Каждый день приносит нам новых врагов, создает новые враждебные нам общественные факторы»,— читаем мы в первом ноябрьском номере «Набата» за 1875 год. «Огонь подбирается и к нашим государственным формам. Теперь они мертвы, безжизненны. Экономический прогресс пробудит в них жизнь, вдохнет в них новый дух, даст им силу и крепость, которых пока еще в них нет» и т. д. Но если Иису-

су Навину удалось, по библейскому рассказу, остановить солнце «на десять ступеней», то время чудес прошло, и нет ни одной партии, которая могла бы крикнуть: «стойте производительные силы, не шевелись, капитализм»! История так же мало обращает внимания на опасения революционеров, как и на реакционные иеремиады. «Экономический прогресс» делает свое дело, не дожидаясь того времени, когда анархисты или бланкисты осуществят свои намерения (×).

Честь сообщения нового размаха нашему движению бесспорно принадлежит «Народной Воле». У всех еще на памяти те нападения, которые вызвали против себя тенденции народовольцев. Пишущий эти строки сам принадлежал к числу решительных противников этого направления, и хотя совершенно признает теперь, что борьба за политическую свободу стала злобой дня современной России, но до сих пор разделяет далеко не все взгляды, высказывавшиеся в «народовольческих» изданиях. Это не мешает ему, однако, признать, что в спорах, происходивших в организации «Земля и Воля» около времени ее распадения, народовольцы были совершенно правы, пока они оставались на почве нашего практического опыта. Этот опыт и тогда уже приводил к поразительным и совершенно неожиданным выводам, хотя мы и не умели сделать их именно вследствие их неожиданности. Попытки практической борьбы «против государства», в сущности, и тогда уже должны были навести на ту мысль, что русский «бунтарь» непреодолимой силой обстоятельств вынужден направлять свою агитацию не против государства вообще, а только против а б с о л ю т н о г о государства, воевать не с государственной, а с бюрократической идеей, не во имя полного экономического освобождения народа, а во имя устранений тех тягостей, которыми обременяет народ самодержавное императорство. Конечно, аграрный вопрос лежал в основании всех или почти всех проявлений народного недовольства. Иначе и быть не могло в среде земледельческого населения, где «власть земли» сказывается решительно во всем складе и нуждах частной и общественной жизни. Этот аграрный вопрос настойчиво требовал своего разрешения, но он не вызывал п о л и т и ч е с к о г о недовольства. Крестьяне с спокойной уверенностью ожидали решения этого вопроса сверху;

они «бунтовались» не во имя земельного передела, а против притеснений администрации, против непомерных тягостей податной системы, против азиатского способа взыскания недоимок и т. д., и т. д. Формулой, обобщавшей большую часть случаев активного протеста, являлось «правовое государство», а не «Земля и Воля», как нам всем казалось в то время. Но если это было так, и если революционеры считали свою обязанностью принимать участие в разрозненной и неосмысленной борьбе отдельных общин против абсолютной монархии, то не пора ли было им понять смысл своих собственных усилий и направить их с большею целесообразностью? Не пора ли им было призвать к этой борьбе все прогрессивные, живые силы России и, найдя для нее наиболее общее выражение, атаковать абсолютизм в самом центре его организации? Отвечая утвердительно на эти вопросы, «народовольцы» только подводили итог революционному опыту предшествующих лет; поднимая знамя политической борьбы, они только не пугались этих итогов и сознательно продолжали итти по дороге, на которую мы выступили, имея ошибочное понятие об ее направлении. «Терроризм» совершенно логически вырос из нашего «бунтарства».

Но с появленим «Народной Воли» логическое развитие нашего революционного движения переходило уже в тот фазис, в котором оно не могло более удовлетворяться народническими теориями доброго старого,—т.-е. чуждого политических интересов,—времени. Примеры перерастания теории практикой очень нередки в истории человеческой мысли вообще и революционной мысли в частности. Внося то или другое изменение в свою тактику, подвергая тем или другим переделкам свою программу, революционеры часто и не подозревают, какому серьезному испытанию подвергают они общепризнанные в их среде учения. Многие из них так и умирают в тюрьмах или на виселицах, вполне уверенные в том, что они действовали именно в духе тех учений, между тем как в сущности они были представителями новых тенденций, возникших на почве старых теорий, но уже переросших их и готовых найти новое теоретическое выражение. Так было и у нас с тех пор, как окрепло «народовольческое» направление. С точки зрения старых народнических теорий, направление это

не выдерживало критики. Народничество стояло в резком отрицательном отношении ко всякой государственной идее; народовольцы рассчитывали осуществить свои социально-реформаторские планы с помощью государственной машины. Народничество открещивалось от всякой «политики»; народовольцы видели «в демократическом политическом перевороте» самое надежное «средство социальной реформы». Народничество основывало свою программу на так называемых «идеалах» и требованиях крестьянского населения, народовольцы должны обращаться, главным образом, к городскому и промышленному населению, а следовательно, и отвести интересам этого населения несравненно более широкое место в своей программе. Словом, в действительности, «народовольство» было новым и всесторонним отрицанием народничества, и пока спорящие стороны апеллировали к основынм положениям последнего, «новаторы» были совершенно не правы: их практическая деятельность стояла в непримиримом противоречии с их теоретическими взглядами. Нужен был полный пересмотр этих взглядов, чтобы придать программе «Народной Воли» характер цельности и последовательности; практическая революционная деятельность ее сторонников должна была, по крайней мере, сопровождаться теоретической революцией в умах наших социалистов; взрывая Зимний дворец, нужно было, вместе с тем, взорвать и наши старые анархические и народнические традиции. Но «ход идей» и здесь отстал от «хода вещей», и пока еще трудно предвидеть, когда он, наконец, его нагонит. Не решаясь разорвать с народничеством, новая фракция необходимо должна была прибегать к фикциям, приносящим с собой хоть кажущееся разрешение присущих ее программе противоречий. Идея русской самобытности получила новую переработку, и если прежде она вела к полному отрицанию политики, то теперь оказывалось, что самобытность русского общественного развития именно в том и заключается, что экономические вопросы решались и должны решаться у нас путем государственного вмешательства. Весьма распространенное у нас в России незнакомство с экономической историей Запада способствовало тому, что подобного рода «теории» никого не приводили в изумление.

Период капиталистического накопления в России противопоставлялся периоду капиталистического производства на Западе, и неизбежное несходство этих двух фазисов развития экономической жизни приводилось, как убедительнейшее доказательство, во-первых, нашей самобытности, а во-вторых, обусловленной этой самобытностью целесообразности «народовольческой программы» (X).

К кому обращается, к кому *может* и должна обращаться «Народная Воля» в своей борьбе с абсолютизмом? «Привлечение в организацию (Народной Воли) *отдельных лиц из среды крестьянства* — способных к ней примкнуть, — читаем мы в «Календаре Народной Воли»[1]), — конечно, всегда признавалось очень желательным. Но что касается организации в настоящее время в *массе* крестьянства, то она признавалась в эпоху составления программы совершенной фантазией, и, если не ошибаемся, дальнейшая практика не могла изменить в этом отношении мнений наших социалистов». Быть может, партия «Народной Воли» рассчитывает опереться на более передовой слой нашего трудящегося населения, т.-е. на городских рабочих? Она, действительно, придает весьма большое значение делу пропаганды и организации в их среде, она считает, что «городское рабочее население должно обратить на себя серьезное внимание партии». Но уже самая мотивировка необходимости этого дела показывает, что, по ее понятиям, городские рабочие должны быть лишь одним из элементов нашего революционного движения. Они «имеют особенно важное значение *для революции*, как по своему положению, так и по относительно большей развитости, — поясняет нам тот же документ, — успех первого нападения всецело зависит от поведения рабочих и войска». Значит, предстоящая революция не будет рабочей революцией в полном смысле этого слова, но рабочие должны принять в ней участие, так как они «имеют *для нее* особенно важное значение». Какие же другие элементы войдут в это движение? Мы видели уже, что войдет, между прочим, «войско», а в войске, «при настоящих условиях пропаганда между солдатами затруднена в такой степени, что на нее едва ли можно

[1]) «Подготовительная работа партии», стр. 129 в примечании.

возлагать много надежд. Гораздо удобнее воздействие на офицерство: более развитое, более свободное, оно более доступно влиянию!» Это, конечно, совершенно справедливо, но не будем пока останавливаться на этом и пойдем далее. Кроме рабочих и «офицерства», партия «Народной Воли» имеет в виду также либералов и «Европу», по отношению к которой «политика партии должна стремиться к тому, чтобы обеспечить русской революции сочувствие народов, вызвать к этой революции симпатии европейского общественного мнения». Для достижения этой цели «партия должна знакомить Европу со всем пагубным значением русского абсолютизма для самой европейской цивилизации, с истинными целями партии, со значением нашего революционного движения, как выражения всенародного протеста». Что же касается «либералов», то в отношении к ним, «следует, не скрывая своего радикализма, указывать на то, что при современной постановки партионных задач, интересы наши и их заставляют совместно действовать против правительства».

Мы видим, таким образом, что партия «Народной Воли» рассчитывает не на один только рабочий и крестьянский классы и даже не главным образом на эти классы. Она имеет в виду также и общество, и офицерство, которое, в сущности, есть «плоть от плоти и кость от кости» того же общества. Она хочет убедить либеральную часть этого общества, что «при современной постановке партионных задач» интересы русского либерализма сходятся с интересами русской социально-революционной партии. Что же она делает, чтобы вселить в русских либералах это убеждение? Она издает, во-первых, программу «Исполнительного Комитета», в которой говорится, что «Народная Воля» была бы достаточно хорошо высказана и проведена Учредительным Собранием, избранным свободно, всеобщей подачей голосов, при инструкциях от избирателей». В известном «Письме к Александру III» Исполнительный Комитет также требует «созыва представителей от всего русского народа для пересмотра существующих форм государственной и общественной жизни и переделки их сообразно с народными желаниями». Такая программа, действительно, совпадает с ин-

тересами русских либералов, и для ее осуществления они, пожалуй, примирились бы и со всеобщим избирательным правом, которого не может не требовать «Исполнительный Комитет». Во всем этом программа названного «Комитета» обнаруживает гораздо бо́льшую зрелость, чем все предшествовавшие ей программы. Но, не говоря уже о таком крупном промахе, как требование свободы сходок, слова, печати и избирательных программ лишь «в виде временной меры» [1]), припомним другие заявления партии «Народной Воли». Орган этой партии поспешил предупредить читающую публику, что большинство депутатов Учредительного Собрания будет состоять из сторонников радикального экономического переворота. Мы уже говорили выше, что эта уверенность была не более, как фикцией, придуманной для соглашения несогласимых между собой элементов народовольческой программы. Взглянем теперь на печатное выражение такой уверенности с точки зрения тактики. Спрашивается, разве экономический переворот входит в интересы русского либерализма? Разве наше либеральное общество сочувствует аграрной революции, которой, по словам «Народной Воли», будут добиваться крестьянские депутаты? Западно-европейская история говорит нам весьма убедительно, что там, где «красный призрак» принимал хоть сколько-нибудь грозные формы, «либералы» готовы были искать защиты в об'ятиях самой бесцеремонной военной диктатуры. Думал ли террористический орган, что наши русские либералы составят исключение из этого общего правила? Если так, то на чем основывал он свое убеждение? Думал ли он также, что современное «общественное мнение Европы» до такой степени проникнуто социалистическими идеями, что будет сочувствовать созыву социально-революционного Учредительного Собрания? Или он думал, что, трепеща красного призрака у себя дома, европейская буржуазия будт аплодировать появлению его в России? (X).

Передовая статья №№ 8—9 «Народной Воли» говорит об экономическом равенстве, которое будет «отвоевано» самим

---

[1]) См. «Письмо к Александру III», «Календарь Народной Воли», стр. 14.

народом, а в случае недостатка в нем инициативы, создано временным правительством. Мы говорили уже, что это так называемое экономическое равенство возможно лишь при социалистической организации производства [1]). Но допустим, что «Народная Воля» считает его возможным и при других условиях, что экономическое равенство будет, по ее мнению, достаточно обеспечено переходом земли и орудий производства в собственность трудящихся. Такое мнение было бы не чем другим, как возвратом к старым народническим идеалам «Земли и Воли» и, с экономической точки зрения, обнаруживало бы те же самые слабые стороны, которые свойственны были этим идеалам. Взаимные отношения отдельных общин друг к другу, превращение продуктов труда общинников в товары и связанное с ним капиталистическое накопление грозили бы сделать это «равенство» весьма неустойчивым. При самостоятельности мира, как «экономической и административной единицы», при «широком областном самоуправлении, обеспечением выборностью всех должностей и принадлежности земли народу»,— которых требует программа Исполнительного Комитета, центральное правительство не могло бы принять никаких мер для упрочения этого равенства; если даже и предположить, что оно придумало бы такие меры, которые упразднили бы не только писанные законы Российской империи, но и законы самого товарного производства. Да оно и не захотело бы принимать таких мер, так как оно состояло бы из представителей того «освобожденного экономически и политически народа», идеалы которого в лучшем случае выражались бы словами «Земли и Воли» и не оставляли бы места для какой-либо организации национального производства (мы не говорим уже об интернациональном).

Предположим, что ввиду этой опасности «временное правительство» «Народной Воли» не передаст захваченной им власти народным представителям и превратится в постоянное. Тогда ему будет предстоять такая нальтернатива:

---

[1]) Это, опущенное нами, пространное доказательство невозможности «экономического равенства» повторяется в сокращенном виде в последующем изложении. Прим. ред.

или оно должно будет оставаться равнодушным зрителем медленного разложения созданного им «экономического равенства», или оно вынуждено будет организовать национальное производство. Решить эту трудную задачу оно должно будет или в духе современного социализма, чему помешают как его собственная непрактичность, так и современная степень развития национального труда и привычки самих трудящихся, или же оно должно будет искать спасения в идеалах «патриархального и авторитарного коммунизма», внося в эти идеалы лишь то видоизменение, что вместо перувианских «сынов солнца» и их чиновников, национальным производством будет заведывать социалистическая каста. Но русский народ уже и теперь слишком развит, чтобы можно было льстить себя надеждой на счастливый исход таких опытов над ним. Несомненно, кроме того, что при такой опеке народ не только не воспитался бы для социализма, но или окончательно утратил бы всякую способность к дальнейшему прогрессу, или сохранил бы эту способность, лишь благодаря возникновению того самого экономического неравенства, устранение которого было бы непосредственной целью революционного правительства. Мы не говорим уже о влиянии международных отношений и о невозможности перувианского коммунизма даже на востоке Европы XIX или XX столетия.

Впрочем, зачем так много говорить о результатах захвата власти нашими революционерами. Вероятен ли, возможен ли самый захват? По нашему мнению, очень, очень мало вероятен; так мало вероятен, что его можно считать совсем невозможным. Наш «мыслящий пролетариат» сделал уже очень много для освобождения своей родины. Он расшатал абсолютизм, пробудил политический интерес в обществе, занес семя социалистической пропаганды в среду нашего рабочего класса. Он составляет переход от высших классов общества к низшему, обладает образованием первых и демократическими инстинктами второго. Это положение облегчало ему разностороннюю работу агитации и пропаганды. Но то же самое положение дает ему очень мало надежды на успех заговора с целью захвата власти. Для такого заговора недостаточно талантов, энергии и образования: нужны свя-

зи, богатство и влиятельное общественное положение заговорщиков. Именно этого-то и недостает нашей революционной интеллигенции. Пополнить этот недостаток она может, лишь вступая в союз с другими недовольными элементами русского общества. Допустим, что ее планы встретят сочувствие со стороны этих элементов, допустим, что к заговору примкнут богатые землевладельцы, капиталисты, чиновники, штаб- и обер-офицеры. Успех заговора станет тогда вероятнее, хотя вероятность эта будет еще очень невелика; припомним только исход большей части известных в истории заговоров. Но главная опасность будет грозить социалистическому заговору не со стороны существующего правительства, а со стороны его собственных участников. Вошедшие в него влиятельные и высокопоставленные лица могут быть искренними социалистами лишь в виде «счастливой случайности». Относительно же большей части этих лиц не может быть никаких гарантий в том, что они не пожелают воспользоваться захваченной ими властью для целей, не имеющих ничего общего с интересами рабочего класса. А раз заговорщики отклонятся от социалистической цели заговора, его можно считать не только бесполезным, но даже вредным для социального развития страны; ведь нельзя же из ненависти к абсолютизму сочувствовать успехам «новейших Сеянов» — как выражается Степняк в своей известной книге, — которые захотели бы воспользоваться заговором в своих собственных интересах. Таким образом, результаты заговора социалистической интеллигенции с целью захвата власти в ближайшем будущем станут тем более сомнительными, чем более сочувствия встретит он во влиятельных сферах, т.-е. чем вероятнее будет его внешний успех; и наоборот, результаты такого заговора, поскольку речь идет о намерениях его участников, будет тем несомненнее, чем более его сфера ограничится нашей социалистической «интеллигенцией», т.-е. чем невероятнее будет его счастливый исход. Все заставляет думать, что в настоящее время русскому социалистическому заговору грозила бы неудача скорее второго, чем первого рода.

Ввиду всего сказанного, мы думаем, что единственною нефантастической целью русских социалистов может быть

теперь только завоевание свободных политических учреждений, с одной стороны, и выработка элементов для образования будущей рабочей социалистической партии России, — с другой. Они должны выставить требование демократической конституции, которая, вместе с «правами человека», обеспечила бы рабочим «права гражданина» и дала бы им, путем всеобщего избирательного права, возможность активного участия в политической жизни страны (X)

Современное положение буржуазных обществ и влияние международных отношений на социальное развитие каждой цивилизованной страны дают право надеяться, что социальное освобождение русского рабочего класса последует очень скоро за падением абсолютизма. Если немецкая буржуазия «пришла слишком поздно», то русская запоздала еще более, и господство ее не может быть продолжительным. Нужно только, чтобы русские революционеры, в свою очередь, «не слишком поздно» начали дело подготовки рабочего класса, дело, теперь уже ставшее вполне современным и насущным.

ОБЩИНА.

Из книги Г. В. Плеханова «Наши разногласия». Сочинения Г. В. Плеханова, т. II, Госиздат. 1923 г., стр. 236—239. Книга «Наши разногласия» появилась (нелегально) в 1884 г. См. о ней в статье о группе «Освобождение Труда» в IV отд. Прим. ред.

Если послушать наших народников, то действительно можно подумать, что русская община представляет собой совершенно исключительную, по своей прочности, организацию. «Ни междоусобия удельного времени, ни иго монгольское, ни кровавая эпоха Ивана Грозного, ни смутные годы междуцарствия, ни реформы Петра и Екатерины, вносившие в русскую жизнь начала западно-европейской культуры,— ничто не поколебало, не изменило этого заветного учреждения крестьянской жизни,—говорит один из самых легковоспламеняющихся народников, г. К—н, в книге о «формах землевладения у русского народа»; его не могло стереть крепостное право; на его уничтожение не повлияли ни доброволь-

ные выходы крестьян на новые земли, ни принудительные выселения», и т. д. и т. д. Словом,

Века проходили, все к счастью стремилось,
Все в мире по нескольку раз изменилось,

а русская община осталась неизменной и неизменимой. К сожалению, словословие это, при всем его бесспорном красноречии, ровно ничего не доказывает. Сельские общины обнаруживают несомненную живучесть до тех пор, пока они не выходят из условий натурального хозяйства. «Простой производительный механизм этих общин, довольствующихся своими собственными продуктами и постоянно воспроизводящихся в одной и той же форме, а в случае разрушения вновь возникающих на том же самом месте, под тем же самым именем,—этот механизм открывает нам тайну неизменного состояния азиатских обществ, находящегося в таком резком противоречии с беспрерывной сменой государств и династий. Структура основного экономического элемента этих обществ остается нетронутой бурями политического горизонта» [1]).

Но тот же самый основной элемент варварских обществ, стойко выдерживающий бури политических революций, оказывается бессильным и беззащитным перед логикой экономической эволюции. Развитие денежного хозяйства и товарного производства мало-по-малу подкапывает общинное землевладение [2]).

---

[1]) «Das Kapital», 2, Aufl., S. 371.

[2]) Влияние денежного хозяйства на разложение первобытного коммунизма прекрасно обрисовано г. Г. Ивановым (Успенским) в применении к семейной общине.

«В настоящее время,—говорит г. Иванов («Из деревенского дневника», «Отечественные Записки», сентябрь, 1880, стр. 38—39),—в жизни крестьянских семейств есть такое безмерное скопище неразрешимых и трудных задач, что если еще и держатся крепко большие крестьянские семейства (я говорю о подгородных), то только, так сказать, соблюдением внешнего ритуала, а внутренней правды уже мало. Довольно часто мне приходится сталкиваться с одним из таких больших крестьянских семейств. Во главе семьи стоит старуха лет 70, женщина крепкая, по-своему, умная и опытная. Но весь ее опыт почерпнут в крепостном праве и касается хозяйства исключительно земледельческого, где участвует своими трудами весь дом, при чем весь доход идет в руки старухи, а она уже распределяет его по своему усмотрению и общему согласию. Но вот прошла шоссейная дорога, и вдруг кадушка капусты, распродаваемая извозчиком, стала

К этому присоединяется разрушающее влияние государства, которое самою силою обстоятельств вынуждается к поддержанию принципа индивидуализма. На этот путь выводят его как собственные все более и более растущие нужды, так и давление высших сословий, интересы которых враждебны общинному принципу. Развитие денежного хозяйства, в свою очередь являющееся следствием развития производительных сил, т.-е. роста общественного богатства, вызывает к жизни новые общественные функции, поддержание которых немыслимо было бы с помощью прежней системы взимания налогов натурой. Нужда в деньгах заставляет правительство поддерживать все те мероприятия и все те принципы общественного хозяйства, которые увеличивают прилив денег в страну и ускоряют пульс общественно-экономической жизни. Но эти отвлеченные принципы общественного хозяйства существуют не сами по себе, а представляют лишь общее

приносить столько доходу, что сделалась выгоднее целого года работы на пашне, положим, одного человека. Вот уже явное нарушение в одинаковости труда и заработка. Прошла машина, телята стали дорожать, потребовались в столицу. Один из сыновей пошел в извозчики, и в полгода заработал больше всей семьи, работавшей в деревне год. Другой брат пожил дворником в Петербурге, получая в месяц по 15 руб., чего бывало не получал и в год. А младший брат с сестрами целую весну, целое лето драли корье и не выработали третьей части того, что выработал извозчик в два месяца... И вот, благодаря этому, хотя по виду в семье все ладно, все несут в нее «поровну» плод своих трудов, но на деле не то: дворник «скрыл» от маменьки четыре красных бумажки, а извозчик скрыл еще того больше. Да и как тут поступить иначе? Это вот девушка ободрала себе до крови руки и целое лето билась с корьем, чтобы выработать пять целковых, а извозчик выработал 25 в одну ночь за то только, что путался с господами по Питеру часов с 12 вечера до белого света. Кроме того, авторитет старухи еще значил бы, и значил бы очень много, если бы заработок семьи был исключительно результатом земледельческого труда. В этом деле она точно авторитет; но спрашивается: что же такое может она смыслить в дворницкой, извозчицком и в других новых заработках. Что она тут понимает и, что может присоветывать? Авторитет ее, поэтому, чисто фиктивный и если значит что-нибудь, то для остающихся дома баб, да и бабы очень хорошо знают, что мужья их относятся к старухе с почтением и покорностью только повиду, так как вполне подробно знают достатки своих мужей, знают, много ли кем от нее скрыто, и сами скрывают эти тайны наикрепчайшим образом. Авторитет главы фиктивный и фиктивны все семейно-общинные отношения; у всякого скрыто нечто от старухи, представительницы этих отношений, скрыто для себя. Умри старуха, и большая семья эта не продержится даже в том виде, как теперь, и двух дней. Все захотят более искренних отношений, и это желание непременно приведет к другому—жить каждому по своему достатку: сколько кто добыл, тем и пользуйся».

выражение действительных интересов известного,—именно, торгово-промышленного, — класса. Выделившийся частью из прежних общинников, частью из лиц других сословий, класс этот существенно заинтересован в том, чтобы мобилизовать как недвижимую собственность, так и самих собственников, поскольку эти последние являются работниками. Принцип общинного землевладения препятствует достижению каждой из этих целей. Вот почему оно и становится предметом сначала антипатии, а затем и более или менее решительных нападений со стороны нарождающейся буржуазии. Но и эти удары не сразу разрушают общину. Ее гибель подготовляется постепенно. Долгое время внешние отношения общинников остаются, повидимому, совершенно неизменными, между тем как внутренний характер общины переживает тяжелые метаморфозы, которые и приводят ее, наконец, к полному разложению. Этот процесс совершается порой в течение очень продолжительного времени, но, раз дойдя до известной степени интенсивности, он уже не может быть остановлен никакими «захватами власти» со стороны того или другого тайного общества. Единственный серьезный отпор торжествующему индивидуализму может быть дан лишь теми общественными силами, которые вызываются к существованию самим процессом разложения общины. Ее члены, когда-то равные по своему имущественному положению, по своим правам и обязанностям, подразделяются, благодаря указанному процессу, на два слоя. Один тяготеет к городской буржуазии, стремясь слиться с ней в один класс эксплоататоров. В руках этого привилегированного слоя скопляется, мало-по-малу, вся мирская земля. Другой слой частью выкидывается из общины и, оторванный от земли, несет свои рабочие руки на рынок, а частью образует новую категорию общинников-париев, эксплоатация которых облегчается, между прочим, удобствами, представляемыми общинной организацией. Только там, где исторические обстоятельства вырабатывают новый экономический базис для переустройства общества в интересах этого низшего класса; только тогда, когда класс этот начинает сознательно относиться к коренным причинам своего рабства и к существенным условиям своего освобождения,—только там и только тогда можно, не впадая в маниловщину, «ждать»

новой социальной революции. Этот новый процесс также совершается лишь мало-по-малу, но, раз начавшись, он точно также доходит до своего логического конца с неуклонностью астрономических явлений. Социальная революция опирается, в этом случае, не на «возможный» успех заговорщиков, а на верный и неотразимый ход общественной эволюции.

Mutato nomine de te fabula narratur [1]), — можем сказать мы обращаясь к русской общине. Именно недавним развитием в России денежного хозяйства и об'ясняется та прочность, которая обнаруживалась до последнего времени нашей общиной и которая до сих пор продолжает умилять людей, слабоватых в деле мышления. До уничтожения крепостного права почти все общественное, а в значительной степени и государственное хозяйство России было хозяйством натуральным, в высшей степени благоприятным сохранению поземельной общины. Вот почему этой последней и не могли разрушить политические события времен удельно-вечевого уклада и московской централизации, петровских реформ и «барабанного просвещения» петербургских самодержцев. Как ни тяжело отзывались на народном благосостоянии многие из этих событий, но несомненно, что сами они, в последнем счете, являлись не предвестниками коренных переворотов в общественном хозяйстве, а лишь следствием тех взаимных отношений, в которых стояли между собой отдельные общины. В основе московского деспотизма лежали именно те «вековые устои, народной жизни», которыми восхищаются наши народники. Это одинаково ясно понимали и реакционный барон Гакстгаузен, и революционный агитатор Бакунин. Будь Россия изолирована от экономических и политических влияний западно-европейской жизни,—трудно было бы и предвидеть, когда история подкопает, наконец, экономический фундамент ее политического устройства. Но влияние международных отношений ускорило естественный, хотя и медленный, процесс развития денежного хозяйства и товарного производства. Реформа 19-го февраля была необходимой уступкой новому экономическому течению и в свою очередь придала ему новую

---

[1]) Под другим именем сказка о тебе сказывается. Прим. ред.

силу. Община не сумела, да и не могла приспособиться к новым условиям. Ее организм надломился, и только ослепленные люди не замечают теперь признаков его разложения.

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ ВЗГЛЯДОВ НАРОДОВОЛЬЦЕВ.

Колебания Л. Тихомирова между бланкизмом и бакунизмом.

Из книги Г. В. Плеханова «Наши разногласия», Сочинения Г. В. Плеханова, т. II, Госизд. 1923 г., стр. 318—322.

Лев Ал. Тихомиров вместе с Плехановым был редактором «Земли и Воли» (1878—1879 г.г.). После раскола «Земли и Воли» он примкнул к народовольцам и был редактором «Вестника Народной Воли» (с 1883 г.). В конце 80-х годов он перекинулся в лагерь крайних реакционеров и стал деятельным сотрудником черносотенных «Московских Ведомостей». Тихомирову-ренегату была посвящена особая брошюра Г. В. Плеханова 1889 г.: «Новый защитник самодержавия или горе г. Тихомирова». Прим. ред.

В своих проектах социалистической организации России г. Тихомиров является бакунистом чистейшей воды. Правда, он не уничтожает государства, но его государство помогает процессу названной организации «с чисто внешней стороны», оно не создает элементов такого процесса, оно «только поддерживает их». Ближайший литературный предок г. Тихомирова, П. Н. Ткачев, полагал, что, захвативши власть, меньшинство должно «навязать» социализм большинству. Правительство г. Тихомирова «без всякой насильственности» облегчает народу организацию общественного производства, причем «приходит на помощь только такому движению», которое не может не возникать в стране самостоятельно. В своих рассуждениях о настоящем г. Тихомиров был верным учеником Ткачева. Его «ожидания» от будущего представляют собой случай идейного атавизма, возвратом к теориям более отдаленного духовного предка.

Анархист Артур Арну писал, как мы знаем: уничтожьте государство, и экономические силы придут в равновесие вследствие простого закона статики. Г. Тихомиров говорит: уничтожьте современное государство, экспроприируйте крупных собственников, и экономические силы России начнут «самостоятельно» приходить в равновесие. Первый апеллирует

к «закону статики», второй—к «народным понятиям и привычкам», т.-е. к тому же «народному идеалу», о котором мы знаем из сочинений М. А. Бакунина. Артур Арну метит в «государство» и не замечает, что его «критика» касается лишь государства современного, буржуазно - централистического. Г. Тихомиров хочет создать государство «народное» и придумывает новый вид мелко-буржуазного государства, такого государства, которое, не отказываясь окончательно от принципа laissez faire, laissez passer, — т.-е. ничего «не создавая», умеет, однако, «поддерживать» самостоятельное «движение истории» нашего отечества к социалистическому строю.

Бакунизм—не система, это—ряд противоречий, которые распределяются между г.г. бакунистами и анархистами, сообразно общей совокупности «понятий и привычек» каждого из них.

Наш автор выбрал ту своеобразную разновидность бакунизма, которая выродилась в «программу» П. Н. Ткачева.

Но он не остался до конца верным этой программе. Ему слишком памятны были наставления «первоучителя», он не забыл, что хотя и «народ наш явным образом нуждается в помощи», но в то же время «нужно быть олухом царя небесного», чтобы «пытаться учить народ чему бы то ни было, или стараться дать его жизни новое направление». И вот он решился придумать такое революционное правительство, которое помогло бы народу «с чисто внешней стороны», которое, не стремясь «ни приневоливать народную массу, ни учить ее», направило бы, тем не менее, ее дело к благополучному окончанию.

Мы спрашивали г. Тихомирова, чем отличается социально-политическая философия его статьи от философии «Открытого письма к Фр. Энгельсу»? Теперь нам самим нетрудно будет ответить на этот вопрос. Она отличается бледностью и робостью мысли, стремлением согласить несогласимое. Что же сказать о бледной копии, если самый оригинал мог, по словам Энгельса, увлекать только «зеленых гимназистов»?

М. А. Бакунин проповедывал непримиримую ненависть ко всякому государству и советовал нашим революционерам не захватывать власти, ибо всякая власть—от дьявола. П. Н. Ткачев находил, что им нужно захватить власть и надолго

удержать ее в своих руках. Г. Тихомиров выбрал золотую середину. Он думает, что захват власти «легко может оказаться полезным и необходимым», но он полагает, в то же время, что революционерам следует не удерживать власть на неопределенное время, а только подержать ее, пока не начнется народная революция.

Из этого неудобного положения между двумя стульями может быть только два выхода. Наш автор может сесть или на бакунинский или на ткачевский стул; он может сделаться анархистом, может стать решительным последователем (а не тайным только учеником) П. Н. Ткачева. Но едва ли удастся ему вдохнуть в «народовольскую программу» действительно новое содержание, едва ли удастся ему доказать, что та или другая новая идея нашла «признание только с появлением народовольства». Никогда еще бессодержательный эклектизм не рождал новых могучих теорий, никогда еще робкое нерешительное колебание между двумя старыми «программами» не открывало новой эпохи в истории революционных идей той или другой страны!

Итак, г. Тихомиров будет последователем Ткачева в «первый день революции» и превратится в бакуниста немедленно по истории ее медового месяца.

Но что же такое бакунизм в его применении к «lendemain de la rëvolution»? [1]).

Повторяем, бакунизм—не система. Это—смешение социалистических теорий «латинских стран» с русскими крестьянскими «идеалами», народного банка Прудона—с сельской общиной, Фурье—с Стенькой Разиным.

Такая именно смесь характеризует собой тот «род процесса обобществления труда», который рекомендует нашему отечеству г. Тихомиров, и которого не только «нигде и никогда не бывало», но «нигде и никогда» не может быть.

Об этом процессе можно без преувеличения сказать словами Фамусова:

Тут все есть, если нет обмана!

Тут есть и община, есть и «переход общины в ассоциацию», есть и «организация обмена между общинами и союзами общин», есть даже, кроме всего этого, «самый союз не-

[1]) Т. е. на другой день после революции. Прим. ред.

скольких общин в целях того или другого производства»; словом, сюда целиком вошла пресловутая бакунинско-анархическая «организация производителей снизу вверх». Если читатель имеет понятие об этой «организации», то он не нуждается в дальнейших доказательствах тихомировского бакунизма. Если же ему не случилось ознакомиться с анархическими теориями (что, конечно, не составляет особенной потери), то мы рекомендуем ему прочитать небольшую брошюру известного когда-то Гильома—«Idées sur l'organisation sociale». Ознакомившись с предлагаемым в этой брошюрке «процессом обобществления труда», он увидит, что революционные теории русских самобытников находятся в очень близком родстве с теориями европейских анархистов.

Русскому интеллигентному человеку трудно уйти от влияния «Запада». Об'являя «неприменимыми» к своей стране наиболее передовые теории Европы, русский общественный деятель не спасает этим своей самобытности, а только переносит свои симпатии с серьезного образца на карикатуру, Г. В. В. [1]) оказывается родным братом императорско-королевских «штатс-социалистов», г. Тихомиров — поставленным на голову анархистом.

Но такое неудобное положение нашего автора мало благоприятствует последовательности его мысли. Вот почему он и не доходит до тех выводов, до которых доходил когда-то М. А. Бакунин. Даже самые смелые порывы «революционной фантазии» г. Тихомирова не простираются до уничтожения выгод предпринимателя. При организации «общественного» производства, «предприниматель, как инициатор и способный распорядитель (от такой мотивировки не отказался бы и сам Бастиа), приобретает все-таки некоторые выгоды, меньшие, конечно, чем в настоящее время, но единственно ему доступные в то время» [2]). Эта часть проекта «социалистической организации России» как-то невольно напоминает, с одной стороны, ревнивое отношение мелко-буржуазного социалиста к большим «выгодам» крупного предпринимателя, а с другой — рекомендованное Фурье распределение

---

[1]) В. В. — псевдоним теоретика народничества Воронцова. Прим. ред.

[2]) «В. Н. В.», № 2, ст. «Чего нам ждать» и т. д. (стр. 258).

дохода между трудом, капиталом и талантом. Не даром мы говорили, что некоторые разновидности «русского социализма» представляют собой не более, как смесь Фурье со Стенькой Разиным.

Однако, во всем этом нет, по крайней мере, обмана, подумает читатель.

Обмана, действительно нет, но есть самообман. Нет даже самомалейших дурных намерений, но есть огромная доля наивности. И заключается она не в чем ином, как в толках «о социалистической организации обмена». Для всякого понимающего дело эта последняя есть абсурд, «сапоги в смятку». Только мелко-буржуазные последователи мелко-буржуазного Прудона могли принимать эту нелепость за нечто возможное и желательное. Но зато о Прудоне и говорили, что он столько же понимает в диалектике, сколько дровосек в ботанике. Созданный пролетариатом общественный строй не может иметь ничего общего с обменом, он будет знать только распределение продуктов по потребностям трудящихся. Некоторые непоследовательные коммунисты находят более удобным распределение, соответствующее участию работника в производстве. Нетрудно бы было обнаружить слабые стороны такого требования [1]). Тем не менее, даже пред'являющие его люди понимали и понимают невозможность «обмена» в социалистическом государстве.

Кто говорит обмен—говорит товар; кто оставляет товар, тот предполагает все свойственные товару противоречия. И опять-таки только анархисты могли думать, со слов Прудона, что существует философский камень, дающий возможность устранить из «социалистического обмена» все, заключающиеся в обыкновенном обмене, «буржуазные» противоречия.

Такого камня нет и быть не может, потому что обмен есть коренное неотемлемое свойство буржуазного производства, а буржуазное производство есть необходимое следствие обмена. Карл Маркс еще в конце пятидесятых годов прекрасно выяснил эту сторону дела и тем оставил далеко назади современного движения науки мелко-буржуазные теории анархи-

---

[1]) Разумеется, это требование несостоятельно лишь как идеал, а как переходная мера — оно может оказаться вполне уместным.

стов и бакунистов всех цветов и оттенков. Нужно не знать азбуки революционного социализма, чтобы основывать свои ожидания «от революции» на социалистической организации обмена.

РУССКИЙ КРЕСТЬЯНИН В ИЗОБРАЖЕНИИ Г. И. УСПЕНСКОГО.

Из статьи Г. В. Плеханова: «Наши беллетристы-народники». «Социал-демократ». кн. 1, Женева, 1888 г. Цитиров. по сборнику: Бельтов (Г. В. Плеханов), «За двадцать лет», СПБ., 1908 г., стр. 51—55.

Народническое направление, господствовавшее у нас почти до конца XIX века об'единяло под общим знаком сочувствия мужику всю нашу передовую литературу — как общественно-научную и публицистическую, так и художественную. Г. В. Плеханов в своих блестящих критических очерках показал, насколько художественная правда, наиболее талантливых беллетристов-народников, разошлась с народническими теориями. В начале взятого нами отрывка автор приводит изображенный Г. И. Успенским разговор «нового человека». т.-е. попавшего в деревню просвещенного народника, с серым, но рассудительным героем деревни Иваном Ермолаевичем, от которого отскакивают все социалистические доводы «нового человека». Примеч. ред.

«Скажите, пожалуйста, неужели нельзя исполнять вообще таких работ, которые не под силу в одиночку? Ведь вот солдат, ваш работник и другие — каждый из них мучается, выбивается из сил, врет и обманывает, и, в конце концов, нищенствуют все... Но, соединив свои силы, своих лошадей, работников и т. д., они были бы сильней самой сильной семьи? Ведь тогда не за чем отдавать малолетних детей в работу и т. д.

— То-есть, это сообща работать?

— Да.

Иван Ермолаевич подумал и ответил:

— Нет! Этого не выйдет.

Еще подумал и опять сказал:

— Нет! Куда. Как можно! Тут десять человек не поднимут одного бревна, а один-то я его как перо снесу, ежели мне потребуется... Нет, как можно! Тут один скажет: «бросай, ребята, пойдем обедать?» А я хочу работать! Теперь как же

будет? — он уйдет, а я за него работай. Да нет — невозможно этого... Это все равно, вот ежели б одно письмо для всей деревни писать».

Подобные же ответы слышит автор и от других крестьян, которым он пытается доказать выгоды общинной обработки земли. Крестьянин Иван Босых, в очерке «Власть земли», с энергией и горячностью, сверкая глазами, доказывает, что хороший хозяин никогда «не доверит своей лошади» чужому, и приводит множество других, совершенно непредвиденных «новым человеком» возражений. Оказывается, что землю нужно удобрить, а между тем навоз на различных крестьянских дворах далеко неодинаков. «Теперь я везу назем конины, а другой какой-нибудь плетется с коровьим, — какое же тут может быть равновесие?.. Нет, не выйдет этого... Да, нет! нет! Это и думать даже... Помилуйте, лошадь... да как же можно, чтоб я, хозяин, доверил кому-нибудь? Навозят мне на пашню неведомо чего... Нет, не выйдет!... Тут с одним наземом греха наживешь... Или взять так: я привез кониный (навоз), а сосед куриный... ну, возможно ли ему дать согласие?.. Ведь, куриный, птичий, все одно червонец?.. за что же он должен? Да, нет, нет. Тут никаких способов нет. Как можно! Какой же я буду хозяин?».

«Миллионы самых тончайших хозяйственных ничтожностей, — прибавляет Гл. Успенский, — ни для кого, как мне казалось, не имевших решительно ни малейшего значения, не оставлявших, как мне казалось, даже возможности допустить к себе какое-либо внимание, вдруг выросли неодолимою преградою на пути ко всеобщему благополучию. Горячность, даже азарт, какой овладел Иваном во время этого монолога, доказывали, что эти ничтожности задевали его за живое, т.-е. за самое чувствительное место его личных интересов».

На подобное же, совершенно отрицательное отношение крестьян к общинной обработке, указывает и г. Энгельгардт в своих «Письмах из деревни» [1]) Мы вполне пони-

---

[1]) Вот как описывает г. Энгельгардт крестьянскую работу «сообща». «Пахать облогу (т.-е. луг) нужно всем вместе. Сговорились начать тогда-то. Выезжают утром. Шестеро уже приехали, а двоих нет: проспал, выпивши вчера был, сбруя разладилась. Приехавшие стоят на десятине, поджидают опоздавших, лошадям сенца подкинули, трубочки покуривают, ругаются. Но вот приехали и осталь-

маем такое отношение. При общинном владении землей в нашей деревне существует частная или подворная собственность на движимость. Отсюда—неравенство в хозяйственных силах различных дворов и полная невозможность такого соглашения всех частных интересов, которое позволило бы взяться за «дружный артельный труд на общую пользу». А против этого, действительно, бессильны всякие «разглагольствования». Но, с другой стороны, как же быть с общиной? Ведь сам Гл. Успенский заметил в ее организации такие «несовершенства», которые ведут к тому, что в самых богатых местностях, при самых благоприятных условиях появляются «лондонская теснота» и «самая поразительная бедность». А много ли у нас общин, поставленных в благоприятные условия? Если «лондонская теснота» может дать себя почувствовать даже и в богатых общинах, то что же происходит в общинах бедных или хотя бы просто небогатых? Обратите внимание на положение Ивана Ермолаевича. Он, хороший, «обстоятельный», хозяйственный мужик, «ропщет» и даже хочет выходить из общины именно потому, что она мешает ему жить сообразно его хозяйственным идеалам. Рядом с ним, обстоятельным крестьянином, в общине народились и два новых слоя: богачи и беднота, или, как выражается Успенский, третье и четвертое сословия. «Стройность сельско-хозяйственных земледельческих идеалов беспощадно разрушается так называемой цивилизацией». Ее влияние «отражается на простодушном поселянине решительно при самом ничтожном прикосновении. Буквально прикосновение, одно только легкое касание,—и тысячелетние идеальные постройки превращаются в щепки». Гл. Успенский думает, что если дело пойдет так, как оно идет теперь, то «через десять лет—много-много—Ивану Ермолаевичу нельзя будет жить на свете». Где же выход из этого безнадежного положения?

В прежнее время некоторые наши народники полагали, что выход найти очень нетрудно; нужно было сделать обще-

---

ные—кому вперед ехать? Спор. Наконец, установили очередь. Пашут. У одного соха разладилась—все стоят. Наладил, пошли; у одного лошадь и сбруя лучше, другой сам плох; неудовольствие. Кабы я отдельно пахал, то выехал бы до свету, а то в деревне жди пока встанут. Здесь жди на пашне. Я на своих лошадях давно бы вспахал, а тут жди—ну его, этот лен, говорит другой», и т. д. («Письма из деревни». Спб., 1885, стр. 205—206).

ственную реформу, которая в корне задавила бы зародыши третьего и четвертого сословий, так что Ивану Ермолаевичу осталось бы только жить, поживать да добра наживать. Опыт показал, что легко говорить о такой реформе, но невозможно ее сделать. Иван Ермолаевич чужд всяких реформаторских стремлений. Он—консерватор и по мыслям и по положению. Он думает, что надо жить, как жили деды и отцы, и что за думываться о переменах могут только самые пустые и вздорные люди. Гл. Успенский никогда не думал «бунтовать» крестьян. Он пытался иногда лишь поколебать основы некоторых «интеллектуальных несовершенств» деревенских порядков. А между тем и он роковым образом пришел к безотрадному выводу: «не суйся». Гл. Успенский увидел, что в ответ на все его доводы «Иван Ермолаевич» может сказать только одно: без этого нельзя. Но это только имеет за себя вековечность и прочность самой природы. Но кротким ответом колебателю основ Иван Ермолаевич может ограничиться единственно только по своей доброте; ежели же он человек не с слишком мягким сердцем, то ответ его колебателю той или другой из основ должен непременно выразиться в представлении этого самого колебателя «к начальству».

Итак, ввести коллективную обработку полей невозможно: натолкнуть Ивана Ермолаевича на мысль о реформе немыслимо; мало того, даже пытаться изменить что-либо в его обиходе—значит являть из себя легкомысленного «колебателя основ», которого Иван Ермолаевич должен «представить к начальству». Вот к каким выводам приводит народника «удивительная стройность» народного миросозерцания. Что же делать? Обучать грамоте народ? Но сам Иван Ермолаевич плохо понимает пользу грамоты, пока остается в сфере своих земледельческих идеалов. Находясь под влиянием этих идеалов, сам автор никак не мог понять, зачем нужно было бы учить грамоте сына Ивана Ермолаевича—Мишутку. «И, главное, решительно не мог представить себе того, чему бы именно нужно было его учить. Поэтому, в разговорах об учении, мы с Иваном Ермолаевичем только твердили одно: надо... Надо, надо, а сущность и цели Ивану Ермолаевичу неизвестны, непонятны, а я уж ленюсь раз'яснить их, да и призабыл, чем именно это надо следует оправдать?»

Иван Ермолаевич все-таки отдает сына в учение, но поступает так единственно потому, что смутно чувствует приближение новых экономических порядков. «Ему начинает казаться, что где-то в отдалении что-то зарождается недоброе, трудное, с чем надо справляться умеючи».. И в такие-то минуты он говорит: «Нет, надо Мишутку обучить грамоте—надо!». Выходит, стало быть, что пока народный быт хотя немного соответствует народническим «идеалам», до тех пор в грамоте не видится и надобности, а когда сознается польза учения, тогда старые народные «устои» оказываются близкими к разрешению, в деревне является четвертое сословие, и хозяйственному мужику, Ивану Ермолаевичу, остается «много-много десять лет жить на свете». Какая злая насмешка истории! И до какой степени прав наш автор, когда, подводя итог всем противоречиям положения интеллигентного человека в деревне, он восклицает: «И выходит, поэтому, для всякого, что-нибудь думающего о народе (т.-е. думающего о нем с народнической точки зрения) человека, задача поистине неразрешимая: цивилизация (т.-е. капитализм) идет, а ты, наблюдатель русской жизни, мало того, что не можешь остановить этого шествия, но еще, как уверяют тебя и как доказывает сам Иван Ермолаевич, не должен, не имеешь ни права, ни резона соваться ввиду того, что идеалы земледельческие прекрасны и совершенны. И так, остановить шествия не можешь и соваться не должен!». Народничество, как литературное течение, стремящееся к исследованию и правильному истолкованию народной жизни—совсем не то, что народничество, как социальное учение, указывающее путь «ко всеобщему благополучию». Первое не только совершенно отлично от другого, но оно может, как мы видим, притти к прямому противоречию с ним.

Самый наблюдательный, самый умный, самый талантливый из всех народников-беллетристов, Гл. Успенский, взявшись указать нам «совершенно определенные», «реальные формы народного дела», совсем, незаметно для самого себя, пришел к тому, что подписал смертный приговор народничеству и всем «программам» и планам практической деятельности, хоть отчасти с ним связанным.

О КАПИТАЛИЗМЕ В РОССИИ.

Письмо Фр. Энгельса к Николаю — ону 22 сентября 1892 года.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма. Изд. «Моск. Рабочий». 1923 г., стр. 297—301.

Николай — он (Ник. Франц. Даниельсон, р. в 1844 г.) — один из самых видных экономистов народничества. Не принимая никакого участия в революционном народническом движении, он выступил главным теоретиком реакционных утопий народничества и своими произведениями («Очерки нашего пореформенного хозяйства») оказал большое влияние на целое поколение русской интеллигенции 80-х и 90-х г.г. Как переводчик «Капитала» и многолетний корреспондент Маркса и Энгельса, он (подобно П. Л. Лаврову и многим другим народникам) считал себя «последователем» Маркса, т.-е. «признавал» марксизм для капиталистического Запада и решительно отвергал его для «самобытного уклада русской экономической жизни. В одном из примечаний ко 2 изд. своих сочинений (1905 г.) Г. В. Плеханов пишет: «Работа г. Н.—она произвела на очень хорошо расположенного Энгельса весьма неприятное впечатление. В одном из своих писем ко мне Энгельс говорит, что он потерял уже всякую веру в то поколение русских людей, к которому принадлежал г. Н.—он, так как о чем бы ни заговорили эти люди, они непременно сведут речь «на святую Русь», т.-е. обнаружат славянофильские предрассудки. Главный упрек, делаемый Энгельсом г. Н.—ону, состоял в том, что тот не понимает революционного значения переживаемого Россией экономического переворта».

В помещаемом ниже письме к Н.—ону 1892 г. Энгельс пытается еще бороться с этим безнадежным народническим непониманием роли капитала и в весьма вежливой форме раз'ясняет нашему «марксисту» те основные пункты вопроса «о судьбах капитализма в России», которые с половины 90-х годов стали предметом ожесточенной борьбы марксизма с народничеством в легальной печати. Как можно видеть из этого письма, Ф. Энгельс в начале 90-х годов так же, как и на заре развития промышленного капитализма в России, в 70-х годах, был предшественником русских марксистов в их критике народничества. Примеч. ред.

Итак, мы согласны пока хотя в этом одном пункте: что Россия в 1892 году не могла существовать, как исключительно земледельческая страна, что она должна была пополнять свое земледельческое производство еще и производством промышленным.

Так вот, я утверждаю теперь, что промышленное производство означает в настоящее время непременно крупную промышленность, с приложением пара, электричества, самодействующих прядильных и ткацких станков, и, наконец, с машинным производством самих машин. С того момента, как Россия ввела у себя железные дороги, введение всех этих но-

вейших средств производства стало для нее предрешенным вопросом. Вы должны иметь возможность исправлять и чинить ваши собственные локомотивы, вагоны, железные дороги и проч.; а чтобы делать это дешево, вы должны быть способны строить дома все те вещи, которые вам придется исправлять и чинить. С того момента, как военное дело стало одной из отраслей крупной промышленности (броненосцы, нарезная артиллерия, скорострельные и магазинные ружья, пули со стальной оболочкой, бездымный порох и проч.), крупная промышленность, без которой все эти вещи не могут изготовляться, стала и для вас политической необходимостью. Все эти вещи не могут быть изготовляемы без высоко-развитого металлургического производства, а металлургическое производство не может развиваться без соответственного развития всех других отраслей мануфактуры и, в особенности, текстильной.

Я совершенно согласен с Вами, когда Вы утверждаете, что началом новой промышленной эры для Вашей страны следует считать приблизительно 1861 год. Крымскую войну, действительно, можно характеризовать, как безнадежную борьбу нации с первобытными способами производства против наций с новейшими его формами. Русский народ прекрасно понял это. Отсюда этот переход к новым формам,—переход, сделавшийся неустранимым и невозвратным после освободительного акта 1861 года.

Но раз мы согласимся с этой необходимостью и неизбежностью перехода от первобытных методов производства, господствовавших в 1854 году, к новым его методам, начинающим господствовать теперь, то для нас становится очень второстепенным вопрос о том, был ли выгодным или даже необходимым для государства этот тепличный процесс споспешествования промышленной революции путем покровительственных и запретительных пошлин, или же лучше было бы действовать тут как-нибудь иначе.

Эта тепличная атмосфера в области промышленности придала совершившемуся тут процессу его острую форму, тогда как в противном случае, он долго еще удерживал бы более хронический характер. Это обстоятельство втеснило в краткий период каких-нибудь двадцати лет такое развитие, кото-

рое, при других условиях, заняло бы, быть может, шестьдесят лет и более. Но быстрота развития ничуть не повлияла на самую природу этого процесса, который, как Вы говорите, ведет свое начало с 1861 года.

Одна вещь не подлежит сомнению: если для России действительно требовалась собственная крупная промышленность, и если она твердо решилась иметь ее, то она не могла получить ее иначе, как при помощи хотя бы некоторой степени правительственного покровительства (как Вы допускаете это и сами). С этой точки зрения, вопрос о покровительстве становится только вопросом о степени, а не о принципе; самый же принцип был неизбежен.

И еще одна вещь столь же несомненна: если для России после Крымской войны потребовалась собственная крупная промышленность, то она могла получить ее лишь в одной форме, т.-е. в капиталистической, а не в какой-либо иной. Ну, а вместе с этой формой она обязана была принять также и все те последствия, которые обыкновенно сопровождают капиталистическую крупную промышленность во всех других странах.

Так вот, я решительно не вижу, чтобы результаты промышленной революции, совершающейся на наших глазах в России, отличались в чем-нибудь от того, что мы видим или видели в Англии, Германии и Америке. (Впрочем, в Америке условия земледелия и землевладения довольно своеобразны, что действительно вызывает некоторые различия.)

Вы сетуете на медленность возрастания числа рабочих в текстильной промышленности, по сравнению с возрастанием количества произведенных продуктов. Но то же самое имеет место повсюду. Иначе откуда бы бралось чрезмерное изобилие «промышленного резерва»? («Капитал», гл. XXIII, отд. 3 и 4.) Вы доказываете постепенное вытеснение мужского труда трудом женщин и детей. Но этого и следовало ожидать заранее («Капитал», гл. XIII, отд. 3, а).

Вы сетуете, что товары машинного производства вытесняют продукты домашней промышленности, и, таким образом, губят дополнительное, вспомогательное производство, без которого крестьянин не может жить. Но мы имеем в этом безусловно необходимое последствие капиталистической крупной

промышленности: создание домашнего (внутреннего) рынка «Капитал», гл. XIV, отд. 5), т.-е. то, что происходило в Германии уже в мое время и на моих собственных глазах. Даже то, что Вы говорите далее касательно того, что вторжение хлопчато-бумажных товаров губит не только домашнее прядение и тканье крестьян, но также и крестьянскую культуру льна, даже это имело место и в Германии между 1820 годом и нынешним временем. И вообще, что касается до этой стороны дела, т.-е. до уничтожения домашней промышленности и тех ветвей земледелия, на которые она опирается, то мне кажется, что истинный вопрос стоит здесь так: русские должны решить, будут ли их домашние мануфактуры уничтожены их собственной крупной промышленностью, или же это дело будет выполнено путем ввоза английских товаров. При участии покровительственных пошлин задача эта будет исполнена самими русскими; при отсутствии покровительства — англичанами. Мне лично все это кажется вполне очевидным.

Ваше исчисление,—что общая сумма текстильных продуктов как крупной, так и домашней промышленности не возрастает, а остается тою же самою или даже уменьшается,— не только совершенно верно, но оно было бы неверным, если бы Вы пришли к другому результату. Пока русская промышленность ограничена только своим внутренним рынком, ее продукты могут покрывать только внутреннее потребление. А это последнее может возрастать лишь очень медленно; и мне даже кажется, что, при нынешних условиях русской жизни, оно должно скорее уменьшаться.

Потому что одно из необходимых последствий развития крупной промышленности заключается именно в том, что она разрушает свой собственный внутренний рынок путем того самого процесса, которым она создала его. Она создает его, разрушая основу домашней промышленности крестьянства. Но без домашней промышленности крестьянство не может жить. Крестьяне разоряются, как крестьяне; их покупательная сила сводится до минимума, и пока они не обоснуются в новых условиях существования, в качестве пролетариев, они будут представлять лишь очень жалкий рынок для вновь возникших фабрик и заводов.

Капиталистическое производство, будучи переходной экономической фазой, преисполнено внутренних противоречий, которые развиваются и становятся очевидными лишь по мере его собственного развития. Это стремление—создавать себе рынок и в то же самое время разрушать его—представляет как раз одно из таких противоречий. Другое такое противоречие, это—то «безвыходное положение», к которому оно ведет и которое наступает скорее в стране без внешнего рынка, какова Россия, чем в странах более или менее способных к соперничеству с другими на открытом мировом рынке. Это положение без всякого видимого исхода находит, однако, себе исход у последних стран в героических средствах торговой политики, т.-е. в насильственном открытии себе новых рынков. Последний новый рынок, открывшийся этим путем, для английской торговли и оказавшийся способным вызвать временное оживление благосостояния, это—Китай. Поэтому-то, английский капитал так настаивает на постройке китайских железных дорог. Но китайские железные дороги означают разрушение всей основы мелкого китайского земледелия и домашней промышленности; при чем здесь это зло не будет даже уравновешено хотя бы в некоторой мере развитием собственной крупной промышленности; а потому сотни миллионов народа будут поставлены тут в полную невозможность жить. Последствием этого будет такая массовая эмиграция, какой свет еще не видывал раньше, и которая затопит Америку, Азию и Европу ненавистными китайцами. Этот новый соперник в области труда начнет соперничать с американским, австралийским и европейским трудом на основе китайских понятий об удовлетворительном уровне жизни; а как известно, китайский уровень жизни есть самый низший из всех существующих в мире уровней. И вот, если вся система производства в Европе не успеет перемениться ранее наступления этого момента, то ей придется приступить тогда к этой перемене.

Капиталистическое производство непрерывно работает над своей собственной гибелью, и Вы можете быть уверены, что то же самое оно будет делать и в России. Оно может произвести,—а если оно продолжится достаточно долго, то даже несомненно произведет,—коренную аграрную революцию,—я

разумею революцию в условиях землевладения, которая разорит и помещика, и мужика, и заместит их новым классом крупных землевладельцев, вышедших из деревенских кулаков или из городских мещан-спекулянтов. Во всяком случае, я убежден, что почтенные консерваторы, насаждавшие в России капитализм, будут в один прекрасный день страшно изумлены неожиданными последствиями их собственных дел.

РЕАКЦИОННЫЕ ЧЕРТЫ ПОЗДНЕЙШЕГО НАРОДНИЧЕСТВА.

Из статьи Н. Ленина «От какого наследства мы отказываемся?» Цитиров. по собранию сочин. Н. Ленина, т. II. Москва, Госизд. 1923 г., стр. 328—340.

Названная статья была напечатана т. Лениным в ссылке в Сибири зимою 1897—1898 г. Поводом послужила очередная выходка г. Н. Михайловского, заявившего в своем журнале по адресу русских марксистов: «Эти люди не желают состоять ни в какой преемственной связи с прошлым и решительно отказываются от наследства» «Русское Богатство» № 10, 1897 г., стр. 178—179). Статья предназначалась для маркисистского легального журнала «Новое Слово», закрытого цензурой в декабре 1897 г. и появилась в 1899 г. в сборнике сочинений Вл. Ильина (Ленина) «Экономические этюды и статьи». Под словом «наследство» в подцензурной печати 90-х годов разумелось то течение русской общественной мысли 60-х годов, представителями которого были Чернышевский, Добролюбов, Шелгунов и др.
Примеч. ред.

Под народничеством мы разумеем систему воззрений, заключающую в себе следующие три черты: 1) признание капитализма в России упадком, регрессом. Отсюда стремления и пожелания «задержать», «остановить», «прекратить ломку» капитализмом вековых устоев и т. п. реакционные вопли, 2) признание самобытности русского экономического строя вообще и крестьянина с его общиной и артелью и т. п. в частности. К русским экономическим отношениям не считают нужным применять выработанные современной наукой понятия о различных общественных классах и их конфликтах. Общинное крестьянство рассматривается как нечто высшее, лучшее сравнительно с капитализмом; является идеализация «устоев». Среди крестьянства отрицаются и

затушевываются те же противоречия, которые свойственны всякому товарному и капиталистическому хозяйству, отрицается связь этих противоречий с более развитой формой их в капиталистической промышленности и в капиталистическом земледелии. 3) Игнорирование связи «интеллигенции» и юридико-политических учреждений страны с материальными интересами определенных общественных классов. Отрицание этой связи, отсутствие материалистического об'яснения этих социальных факторов заставляет видеть в них силу, способную тащить историю по другой линии (г. В. В.) «свернуть с пути» (г. Н.—он, г. Южаков и т. д.) и т. п. (×).

Первая черта—признание капитализма в России упадком, регрессом. Как только вопрос о капитализме в России был поставлен, очень скоро выяснилось, что наше экономическое развитие есть капиталистическое, и народники об'явили это развитие регрессом, ошибкой, уклонением с пути, предписываемого якобы всей исторической жизнью нации, от пути, освещенного якобы вековыми устоями и т. п., и т. д. Вместо горячей веры просветителей в данное общественное развитие явилось недоверие к нему, вместо исторического оптимизма и бодрости духа—пессимизм и уныние, основанные на том, что чем дальше пойдут дела так, как они идут, тем хуже, тем труднее будет решить задачи, выдвигаемые новым развитием; являются приглашения «задержать» и «остановить» это развитие, является теория, что отсталость есть счастье России и т. д.

С «наследством» все эти черты народнического миросозерцания не только не имеют ничего общего, но прямо противоречат ему. Признание русского капитализма «уклонением с пути, упадком и. т. п. ведет к извращению всей экономической эволюции России, к извращению той «смены», которая происходит перед нашими глазами. Увлеченный желанием задержать и прекратить ломку вековых устоев капитализмом, народник впадает в поразительную историческую безтактность, забывает о том, что позади этого капитализма нет ничего, кроме такой же эксплоатации в соединении с бесконечными формами кабалы и личной зависимости, отягчавшей положение трудящегося, ничего, кроме рутины и застоя

в общественном производстве, а, следовательно, и во всех сферах социальной жизни. Сражаясь с своей романтической, мелкобуржуазной точки зрения против капитализма, народник выбрасывает за борт всякий исторический реализм, сопоставляя всегда действительность капитализма с вымыслом до-капиталистических порядков. «Наследство» 60-х годов с их горячей верой в прогрессивность данного общественного развития, с их беспощадной враждой, всецело и исключительно направленной против остатков старины, с их убеждением, что стоит только вымести до чиста эти остатки, и дела пойдут как нельзя лучше,—это «наследство» не только не при чем в указанных воззрениях народничества, но прямо противоречит им.

Вторая черта народничества—вера в самобытность России, идеализации крестьянина, общины и т. п. Учение о самобытности России заставило народников хвататься за устарелые западно-европейские теории, побуждало их относиться с поразительным легкомыслием к многим приобретениям западно-европейской культуры: народники успокаивали себя тем, что ели мы не имеем тех или других черт цивилизованного человечества, то за то «нам суждено» показать миру новые способы хозяйничанья и т. п. Тот анализ капитализма и всех его проявлений, который дала передовая западно-европейская мысль, не только не принимался по отношению к святой Руси, а, напротив, все усилия были направлены на то, чтобы придумать отговорки, позволяющие о русском капитализме не делать тех же выводов, какие сделаны относительно европейского. Народники расшаркивались перед авторами этого анализа и... продолжали себе преспокойно оставаться такими же романтиками, против которых всю жизнь боролись эти авторы. Это общее всем народникам учение о самобытности России, опять-таки не только не имеет ничего общего с «наследством», но даже прямо противоречит ему. «60-ые года», напротив, стремились европеизировать Россию, верили в приобщение ее к общеевропейской культуре, заботились о перенесении учреждений этой культуры и на нашу, вовсе не самобытную, почву. Всякое учение в самобытности России находится в полном несоответствии с духом 60-х годов и их традицией. Еще более не соответствует этой

традиции народническая идеализация, подкрашивание деревни. Эта фальшивая идеализация, желавшая во что бы то ни стало видеть в нашей деревне нечто особенное, вовсе не похожее на строй всякой другой деревни во всякой другой стране в период до-капиталистических отношений,—находится в самом вопиющем противоречии с традициями трезвого и реалистического наследства. Чем дальше и глубже развивался капитализм, чем сильнее проявлялись в деревне те противоречия, которые общи всякому товарно-капиталистическому обществу, тем резче и резче выступала противоположность между сладенькими россказнями народников об «общинности», «артельности», крестьянина и т. п., с одной стороны, — и фактическим расколом крестьянства на деревенскую буржуазию и сельский пролетариат,—с другой; тем быстрее превращались народники, продолжавшие смотреть на вещи глазами крестьянина, из сентиментальных романтиков в идеологов мелкой буржуазии, ибо мелкий производитель в современном обществе превращается в товаропроизводителя. Фальшивая идеализация деревни и романтические мечтания насчет «общинности» вели к тому, что народники с крайним легкомыслием относились к действительным нуждам крестьянства, вытекающим из данного экономического развития. В теории можно было, сколько угодно, говорить о силе устоев, но на практике каждый народник прекрасно чувствовал, что устранение остатков старины, остатков дореформенного строя, опутывающих и по сю пору с ног до головы наше крестьянство, откроет дорогу именно капиталистическому, а не какому другому развитию. Лучше застой, чем капиталистический прогресс—такова, в сущности, точка зрения каждого народника на деревню, хотя, разумеется, далеко не всякий народник с наивной прямолинейностью г-на В. В. решится открыто и прямо высказать это. «Крестьяне, прикованные к наделам и обществам, лишенные возможности употреблять свой труд там, где он оказывается производительнее и для них выгоднее, как бы застыли в той скученной, стадообразной, непроизводительной форме быта, в которой они вышли из рук крепостного права». Так смотрел один из представителей «наследства» с своей характерной точки зрения «просветителя».—«Пускай лучше крестьяне продолжают за-

стывать в своей рутинной, патриархальной форме быта, чем расчищать дорогу для капитализма в деревне» — так смотрит, в сущности, каждый народник. В самом деле, не найдется, вероятно, ни одного народника, который бы решился отрицать, что сословная замкнутость крестьянской общины с ее круговой порукой и с запрещением продажи земли и отказа от надела стоит в самом резком противоречии с современной экономической д е й с т в и т е л ь н о с т ь ю, с современными товарно-капиталистическими отношениями и их развитием. Отрицать это противоречие невозможно, но вся суть в том, что народники, как огня, боятся такой постановки вопроса, такого сопоставления юридической обстановки крестьянства с экономической действительностью, с данным экономическим развитием. Народник упорно хочет верить в несуществующее и романтически сфантазированное им развитие без капитализма и поэтому... поэтому он готов задерживать данное развитие, идущее путем капиталистическим. К вопросам о сословной замкнутости крестьянской общины, о круговой поруке, о праве крестьян продавать землю и отказываться от надела народник относится не только с величайшей осторожностью и боязливостью за судьбу «устоев» (устоев рутины и застоя); мало того, народник падает даже до такой степени низко, что приветствует полицейское запрещение крестьянам продавать землю. «Мужик глуп»—можно сказать такому народнику словами Энгельгардта — «сам собой устроиться не может. Если никто о нем не позаботится, то он все леса сожжет, всех птиц перебьет, всю рыбу выловит, землю попортит и сам весь перемрет». Народник здесь уже прямо отказывается от «наследства», становясь реакционным. И заметьте притом, что это разрушение сословной замкнутости крестьянской общины, по мере экономического развития, становится все более и более настоятельной необходимостью для сельского пролетариата, тогда как для крестьянской буржуазии неудобства, проистекающие отсюда, вовсе не так значительны. «Хозяйственный мужичок» легко может арендовать землю на стороне, открыть заведение в другой деревне, с'ездить куда угодно в любое время по торговым делам. Но для «крестьянина», живущего, главным образом, продажей своей рабочей силы, прикрепление к наделу и к

обществу означает громадное стеснение его хозяйственной деятельности, означает невозможность найти более выгодного нанимателя, означает необходимость продавать свою рабочую силу именно местным покупателям ее, дающим всегда дешевле и изыскивающим всяческие способы кабалы. — Поддавшись раз во власть романтическим мечтаниям, задавшись целью поддержать и охранить устои вопреки экономическому развитию, народник незаметно для самого себя скатился по этой наклонной плоскости до того, что очутился рядом с аграрием, который от всей души жаждет сохранения и укрепления «связи крестьянина с землей». Стоит вспомнить хотя бы о том, как эта сословная замкнутость крестьянской общины породила особые способы наемки рабочих, рассылку хозяевами заводов и экономий своих приказчиков по деревням, особенно недоимочным, для наиболее выгодного найма рабочих. К счастью, развитие земледельческого капитализма, разрушая «оседлость» пролетария (таково действие так назыв. отхожих земледельческих промыслов) постепенно вытесняет эту кабалу вольным наймом.

Другое, пожалуй, не менее рельефное подтверждение нашего положения о вреде современных народнических теорий дает тот факт, что среди народников обычное явление — идеализация отработков (X). Энгельгардт, совершивши свое народническое грехопадение, дописался до того. что «хорошо было бы» развивать в деревне отработки! То же самое находили мы в знаменитом проекте г-на Южакова о земледельческих гимназиях («Русское Богатство», 1895 г., № 5) [1]. Такой же идеализации предавался в серьезных экономических статьях сотрудник Энгельгардта по журналу г. В. В., который утверждал, что крестьянин одержал победу над помещиком, желавшим будто бы ввести капитализм: но беда состояла в том, что крестьянин брался обработать земли

[1]) Известный народник С. И. Южаков выступил с планом насаждения всенародного среднего образования, путем создания земледельческих гимназий, которые летним трудом учеников обеспечили бы собственное существование; за безвозмездное пользование содержанием в детском возрасте, ученики отрабатывают по окончании курса; к обязательному обучению в земледельческих гимназиях не привлекаются состоятельные категории населения. См. Ленин, «Перлы народнического прожектерства», собр. соч., т. II, стр. 281—307. Прим. ред.

помещика, получая за это от него землю «в аренду»—т. е. восстановлял совершенно тот же самый способ хозяйства, который был и при крепостном праве. Это — самые резкие примеры реакционного отношения народников к вопросам нашего земледелия. В менее резкой форме вы встретите эту идею у каждого народника. Каждый народник говорит о вреде и опасности капитализма в нашем земледелии, ибо капитализм, изволите видеть, заменяет самостоятельного крестьянина батраком. Действительность капитализма («батрак») противопоставляется вымыслу о «самостоятельном» крестьянине: основывается этот вымысел на том, что крестьянин до-капиталистической эпохи владеет средствами производства, при чем скромно умалчивается о том, что за эти средства производства надо платить вдвое против их стоимости; что эти средства производства служат для отработков, что жизненный уровень этого самостоятельного крестьянина так низок, что в любой капиталистической стране его отнесли бы к пауперам, что к беспросветной нищете и умственной инертности этого «самостоятельного» крестьянина прибавляется еще личная зависимость, неизбежно сопровождающая до-капиталистические формы хозяйства.

Третья характерная черта народничества—игнорирование связи «интеллигенции» и «юридико-политических учреждений» страны с материальными интересами определенных общественных классов—находится в самой неразрывной связи с предыдущими: только это отсутствие реализма в вопросах социологических и могло породить учение об «ошибочности» русского капитализма и о возможности «свернуть с пути». Это воззрение народничества опять-таки не стоит ни в какой связи с «наследством» и традициями 60-х годов, а, напротив, прямо противоречит этим традициям. Из этого воззрения естественно вытекает такое отношение народников к многочисленным остаткам дореформенной регламентации в русской жизни, которое ни в каком случае не могли бы разделить представители «наследства» (X).

Отсутствие социологического реализма, кроме указанной в высшей степени важной ошибки народников, ведет также у них к той особой манере мышления и рассуждения об общественных делах и вопросах, которую можно назвать

узко-интеллигентным самомнением, или, пожалуй, бюрократическим мышлением. Народник рассуждает всегда о том, какой путь для отечества должны «мы» избрать, какие бедствия встретятся, если «мы» направим отечество на такой-то путь, какие выходы могли бы «мы» себе обеспечить, если бы миновали опасностей пути, которым пошла старуха Европа, если бы «взяли хорошее» и из Европы и из нашей исконной общинности и т. д., и т. п. Отсюда полное недоверие и пренебрежение народника к самостоятельным тенденциям отдельных общественных классов, творящих историю сообразно с их интересами. Отсюда то поразительное легкомыслие, с которым пускается народник (забыв об окружающей его обстановке) во всевозможное социальное прожектерство, начиная от какой-нибудь «организации земледельческого труда» и кончая «обмирщением производства» стараниями нашего общества». «Mit der Gründlichkeit der geschichtlichen Action wird der Umfang der Masse zunehmen, deren Action sie ist» [1])—в этих словах выражено одно из самых глубоких и самых важных положений той историко-философской теории, которую никак не хотят и не могут понять наши народники. По мере расширения и углубления исторического творчества людей должен возрастать и размер той массы населения, которая является сознательным историческим деятелем.

Народник же всегда рассуждал о населении вообще и о трудящемся населении в частности, как об об'екте тех или других более или менее разумных мероприятий, как о материале, подлежащем направлению на тот или другой путь, и никогда не смотрел на различные классы населения, как на самостоятельных исторических деятелей при данном пути, никогда не ставил вопрос о тех условиях данного пути, которые могут развивать (или, наоборот, парализовать) самостоятельную и сознательную деятельность этих творцов истории.

Итак, хотя народничество сделало крупный шаг вперед против наследства просветителей, поставив вопрос о капитализме в России, но данное им решение этого вопроса оказалось настолько неудовлетворительным, вследствие мел-

---

[1]) Marx, Die heilige Familie, 120.

ко-буржуазной точки зрения и сентиментальной критики капитализма, что народничество по целому ряду важнейших вопросов общественной жизни оказалось п о з а д и по сравнению с «просветителями». Присоединение народничества к наследству и традициям наших просветителей оказалось в конце концов м и н у с о м: тех новых вопросов, которые поставило перед русской общественной мыслью пореформенное экономическое развитие России, народничество не решило, ограничившись по поводу их сентиментальными и реакционными ламентациями, а те старые вопросы, которые были поставлены еще просветителями, народничество загромоздило своей романтикой и задержало их полное разрешение.

ОТДЕЛ ТРЕТИЙ

Рабочее движение 70-х и 80-х годов

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ 70-х И 80-х ГОДОВ.

Из книги М. Лядова «История Российской Социалистической Рабочей Партии» Спб. 1906 г., стр. 11—27.

Россия все больше переставала быть страной исключительно земледельческой, а земледелие, в свою очередь, из хозяйства натурального превращалось в хозяйство денежное. Деньги приобретали все большее и большее значение в крестьянской жизни, и нужда в них становилась все настойчивей, нужно было не только уплачивать подати, но и покупать предметы первой необходимости. Добыть же деньги у себя дома, земледельческим трудом на своем собственном наделе, для большинства крестьян оказывалось совершенно невозможным. Арендная плата росла [1]), плата же за сельско-хозяйственный труд все понижалась [2]), а вместе с тем с поразительной быстротой увеличивалось и число крестьян, бросающих свои наделы, число бесхозяйных бобылей или «шалтаев», как зовут разорившихся крестьян на юге [3]). Эти бобыли, эти сельские пролетарии массами бегут в отхожие промысла, массами предлагают свои рабочие руки обрабатывающей промышленности.

Городская промышленность не в силах поглотить всех жаждущих труда деревенских пришельцев. Сотнями стоят они ежедневно у ворот фабрик и заводов, готовые по первому зову хозяина занять освободившееся место. И предпринима-

---

[1]) И росла именно плата за землю вненадельную (частновладельческую), что же касается арендной платы за надельную землю, сдаваемую крестьянской беднотой, то она, наоборот, все падала.

[2]) 32,88 коп. в день в первую половину восьмидесятых годов и 31,24 к.—во вторую.

[3]) Еще до голодного 1891 года крестьянских дворов, совершенно не имевших рабочего скота, в Европейской России (без 3-х балтийских и 10-ти польских губерний) насчитывалось 25,3 проц., а с одной штукой рабочего скота—27,2 проц.

тели умеют пользоваться этими охотниками, котами, как называют их в Иванове-Вознесенске. Присутствие таких «котов» у ворот фабрики служит лучшим условием для понижения расценок и ухудшения положения уже занятых рабочих. Обрабатывающая промышленность растет, и предприниматели отправляют к себе в карман невероятные с западно-европейской точки зрения барыши [1]).

Благодаря страшной дешевизне рабочих рук, высоким, почти запретительным таможенным ставкам и устранению вследствие этого всякой опасности заграничной конкуренции, фабриканты (в особенности в текстильной промышленности) не ощущали никакой потребности в переходе от ручного труда к машинному. Господствующей формой промышленности остается домашнее отделение крупной фабрики, раздаточные конторы, так называемая «кустарная» промышленность, где воцаряются самые ужасные формы эксплоатации, известные под названием «системы выжимания пота».

Заграничные капиталисты, которым у себя на родине очень и очень приходилось считаться с организованным движением западно-европейских рабочих, усиленно устремляются в Россию, в эту обетованную страну, где рабочий спит еще непробудным сном и где почти всеобщее невежество и безграмотность служат лучшей гарантией продолжительности этого сна. Иммигрировавшие в наше отечество капиталисты всколыхнули весь юг России и Кавказа и, что особенно характерно, чрезвычайно быстро усвоили себе методы доморощенных Кит Китычей. Какой-нибудь республиканец-француз, демократ-бельгиец или строгий защитник Habeas Corpus Act'а — англичанин, попав в Россию, очень скоро постигают примитивную азбуку русской промышленной теории, которая учит, что в деле получения дивидентов земский начальник, полицеймейстер и сотня казаков—гораздо выгоднее всех конституций в мире.

Да, заграничные капиталы эмигрировали в Россию далеко не только потому, что их товарам трудно было

---

[1]) Фабрика Тортона получала, например, 45 проц. чистой прибыли, Кренгольмская мануфактура — 44,9 проц., Невская бумаготкацкая—38 проц., Савва Морозов—28 проц. и т. д. (Ходат. Имп. Вольно-Экономическ. О-в о пересмотре русского таможенного тарифа).

пробить брешь сквозь высокую пограничную таможенную стену. Они пустились на восток потому, что он манил их полным политическим застоем. Западно-европейская буржуазия шла в Россию или, вернее, вкладывала свои капиталы в русские предприятия потому, что господствовавший здесь политический строй обеспечивал ее доход от посягательств рабочих. Круппы, Штуммы, Ротшильды и другие бароны и короли металлургической и прочей промышленности передвинули свое золото, свои заводы и мастерские по сю сторону Вержболова потому, что здесь не было ни профессиональных союзов, ни какой бы то ни было другой организации рабочих. Здесь, по выражению щедринского Ямудского принца, было «помпадур видать, народ не видать... чисто».

И действительно, народа не слыхать было на Руси в 80-е годы. Он покорно жил, как предназначалось ему судьбой, покорно платил подати и исполнял всякую повинность, покорно ложился под розги, если подати платить было нечем и молча голодал в периодические «недороды». Он полагал, что на все это—воля божия, считал, по обычаю, отцом-благодетелем всякого, кому заблагорассудится закабалить его выдачей ссуды под отработки и тем паче видел благодетеля в фабриканте-заводчике, который давал ему возможность не умереть с голоду (X).

Доведенные до крайности своим тяжелым положением и голодными заработками, рабочие восстают то тут, то там, пытаясь хоть отчасти сбросить с своих плеч лежащий на них непосильный гнет. Прежде и сильней всего это движение стихийно проявляется в той части нашей промышленности, где этот гнет был наиболее чувствительным, где предложение рабочих рук значительно превышало спрос и где конкуренция между ручным (кустарным) трудом и машинным (фабричным) всей своей тяжестью главным образом ложилась на заинтересованных рабочих. Мы говорим здесь о текстильной промышленности. В этой отрасли производства рабочие находились в таких условиях, которые трудно даже себе представить не только западно-европейскому рабочему, но и многим современным рабочим России. Рабочее время на механических ткацких фабриках колебалось между 12 и 16 часами,

а на ручных—между 16 и 20 [1]). Без прогула на бумагопрядильных фабриках мужчина в среднем зарабатывал 10,18 р. в месяц (25 дней); женщина — 8,33 р. [2]). Из этого нищенского заработка рабочим в среднем приходилось уплачивать (на самоткацких фабриках) от 5 р. 97 к. до 6 р. 29 к. штрафов, а затем шли вычеты за баню, за лекарства, за челноки и другие инструменты, на лампадное масло, на архиерейские молебны и т. д., и т. д. Но и жалкий остаток после всех этих вычетов уплачивался не наличными, а принудительным забором продуктов в лавке, принадлежавшей фабриканту или его родственнику. Разумеется, цены при этом заламывались такие, какие бог на душу положит. Так, по приведенной Песковым выписке из харчевой книжки одного рабочего видно, например, что ржаная мука, которая во Владимире продавалась в розницу по 1 р. за пуд, в фабричной лавке стоила 1 р. 30 коп., чай—вместо 1 р. 60 к.—2 рубля и т. д. Рабочим очень часто запрещалось покупать что-либо в вольных лавках, нередко им насильно навязывались совершенно ненужные товары, которые потом со значительной уступкой они принуждены были сбывать своему же хозяину. Мы не станем здесь останавливаться на подробностях «жизни» рабочих, обрисовывать гигиенические и санитарные условия помещений мастерских и фабричных казарм [3]), не будем также останавливаться на том, каким образом эти условия отзывались на здоровьи рабочих и их потомства и сколько ежегодно выбрасывалось фабрикантами на мостовую калек и сирот [4]). Для иллюстрации приведем только описание положения вещей на одной из крупнейших фабрик того времени—на Хлудовской мануфактуре в Ярцеве. «Служа гнездом всякой заразы миллионная фабрика (Хлудова) является в то же время образцом беспощадной эксплоатации народного труда капиталом,—так говорится в исследовании земской санитарной комиссией (1880 г.),—и Духовщинское земское собрание дважды ходатайствовало об уч-

---

[1]) Песков. «Фабричный быт Владимирской губ.», стр. 94—95.

[2]) Там же, стр. 78.

[3]) По Дементьеву, количество воздуха в этих помещениях спускалось иногда до 0,3 куб. саж. на человека. См. «Фабрика, что она дает...».

[4]) На некоторых фабриках Московского уезда процент получивших трамватические повреждение равнялся 20—22% общего числа рабочих. Погожев. «Фабричный быт в Германии и России».

реждении на фабрике купца Хлудова должности земского комиссара для наблюдения за исполнением санитарных правил.

«Работа на фабрике обставлена крайне неблагоприятными условиями, рабочим приходится вдыхать хлопчато-бумажную пыль, находиться под действием удушливой жары—до 28,2° R. и переносит удушливый запах, распространяющийся из дурно устроенных ретирад. Фабричная администрация об'яснила, что потому не принимается мер к их (ретирад) улучшению, что в противном случае, с уничтожением миазмов, эти места превратились бы в места отдохновения для рабочих, и их пришлось бы выгонять оттуда силой. Каковы должны быть удобства жизни и работы на фабрике Хлудова, если даже ретирады могут сделаться местами отдохновения!

«Работа идет, и днем, и ночью. Каждому приходится работать две смены в сутки, через 6 часов делая перерыв, так что в конце концов рабочий никогда не может выспаться вполне При фабрике рабочие помещаются в громадном сыром корпусе, в 3 этажа, разделенном, как гигантский зверинец, на клетки или каморки, грязные, смрадные, пропитанные вонью отхожих мест. Жильцы набиты в этих каморках, как сельди в бочке. Земская комиссия приводит такие факты. Каморка в 13 куб. саж. служит помещением, во время работ, для 17 человек, а в праздники или во время чистки машин для 35—40 человек. Вообще, по словам хлудовского фабричного доктора Михайлова, в каморках приходится по 0,6 куб. с. зараженного всякими испарениями и газами воздуха на человека. Рабочие нанимаются на год. В рабочих книжках, которые рабочим не выдаются, точно обозначается обязанность рабочих не покидать фабрики до истечения года, что касается фабричной конторы, то она может всегда прогнать рабочего, коль скоро она, как говорится в книжке, «недовольна» им. Штрафы были так велики и многочисленны, что положительно отравляли всю жизнь, на некоторых рабочих насчитывалось по 10—15 рублей в месяц штрафов и вычетов разного рода. «Иной раз работаешь, работаешь, ан тебя в одной рубашке выпустят»,—жаловались рабочие при разборе мировым судьей дела о «бунте». Наконец, рабочих нередко гнали с фабрики без всякого расчета. Жалованье, как водится, получали не деньгами, а с'естными припасами и одеждой из хозяйских лавок.

«Эксплоатация детского труда производилась в широких размерах. Из общего числа рабочих 24,6 проц. составляли дети до 14 лет, другую четверть (25,6 проц.) составляли подростки до 18 лет. Утомление, сопряженное с трудом на фабрике, было так велико, что, по словам земского врача, дети, подвергшиеся какому-нибудь увечью, засыпали во время операции таким крепким, как бы летаргическим сном, что не нуждались в хлороформе.

«В заключение можно сказать, что чистый доход равнялся 45 проц. в год [1]).

Уже сказанного достаточно, чтобы понять, что рабочие не могли долго выносить такого порядка вещей. Их недовольство проявлялось и должно было проявляться тем чаще, чем дольше они оставались на фабрике, т.-е. по мере того, как они переставали быть одновременно и фабричными, и крестьянами. Крестьянин, придя из какой-нибудь Нееловки или Голодаевки на фабрику, первое время обыкновенно не нахвалится привольным житьем, возможностью каждое воскресенье есть мясо, которое у себя дома он видывал разве только по большим праздникам. Но стоило такому крестьянину пожить некоторое время в городе, на заводе и он начинал чувствовать всю относительность этого привольного житья, всю недостаточность средств существования для поддержания своего организма при упорной, интенсивной фабрично-заводской работе.

Сначала стихийное рабочее движение проявлялось лишь тогда, когда фабриканты делали попытки еще больше ухудшить положение рабочих. Значительное большинство стачек вплоть до девяностых годов носило характер чисто оборонительный. Рабочие вступали в борьбу для того, чтобы отстоять существующее положение вещей, а не для того, чтобы улучшить его. Большие нашумевшие стачки, в Юзове, на Оренбургской ж. д. (1875 г.), в вагонных мастерских Курской ж. д., на Бумагопрядильне, у Штиглица (1878 г.), у Коншина, Дило, Третьяковых (1879 г.), у Хлудова на Ярцевской мануфактуре (1880 г.), и Иванове-Вознесенске, Петербурге, Жирардове (1882 г.), на Вознесенской мануфактуре (1883), на Николь-

[1]) Пажитнов. «Положение рабочего класса в России», стр. 24—26.

ской мануфактуре в Орехове-Зуеве (1885 г.) и т. д., все они возникали из за непомерных штрафов, надувательств при расплате, произвольной браковки, прогулов по вине хозяина, сбавки расценок и т. п.

В большинстве этих стачек мы напрасно стали бы искать подстрекателей или инициаторов. Единственным виновником их, этих «бунтов» рабочих, являлась одна лишь администрация фабрик. Она так нажимала пресс эксплоатации, так старалась использовать долготерпение и безропотность рабочих, что это терпение, наконец, лопнуло. Жить становилось невмоготу, и вот, почти без всякого предварительного сговора, рабочие решают, что ждать уже больше нечего, и принимаются действовать так, как подсказывало им их непосредственное чувство. Редко, очень редко, в этих стачках руководятся опытом предыдущей борьбы, или встречается какое-либо воздействие извне. Правда, в петербургских стачках конца 70-х годов и в особенности на Новой Бумагопрядильне, мы встречаем уже участие организованных землевольцами революционных кружков рабочих. Но эти кружки не руководят забастовкой и не решают начала ее, они служат лишь исполнительным аппаратом для воли всей массы. Так, например, составляют адрес к наследнику (на Новой Бумагопрядильне), пишут требования рабочих, собирают деньги и т. п. Само-собой разумеется, что если среди самих рабочих попадается человек опытный, т.-е. принимавший участие в бывших раньше забастовках, он становится фактическим руководителем, и вся толпа невольно подчиняется ему. Так было с Моисеенком и Волковым в знаменитой Морозовской стачке. Удачная стачка на одной фабрике открывает глаза рабочим соседних, и они решаются на противодействие там, где без ободряющего примера покорно несли бы все усиливающийся гнет.

Чаще всего «бунт» (употребляем обычный в то время полицейский термин) начинался старым крестьянским способом—с подачи челобитной. Прошения подавались хозяевам, которые обыкновенно жили где-нибудь вдали от фабрики. Посылались ходоки и к «начальству», чтобы оно разобрало чинимые рабочим обиды и вступилось бы за них, защитило бы от произвола директора или мастера. Типичным примером

такой «челобитной» тактики служит уже упомянутая стачка на Новой Бумагопрядильне, где рабочие, начав с прошения приставу и пройдя все административные инстанции, дошли, наконец, до самого наследника. Одновременно с ходоками рабочих, директором фабрики отправлялся обыкновенно нарочный или телеграмма губернатору с извещением о «бунте» и просьбой о немедленной присылке вооруженной силы для его подавления. Бунтом считался уже самый факт подачи коллективного прошения. Ходоков, как «зачинщиков и подстрекателей», сажали в тюрьму, а на место «бунта» являлось начальство, в лице исправника и жандармского полковника, которое и водворяло спокойствие при помощи нагаек и розог.

Но иногда рабочие к начальству не обращались, а предпочитали действовать самостоятельно. Выведенные из себя бесконечными притеснениями, они избивали тогда своих непосредственных мучителей—директоров и наиболее ненавистных мастеров—и в бессознательном стихийном гневе громили все, что можно было разгромить из хозяйского добра, стараясь нанести как можно больше ущерба своим эксплоататорам. Дело кончалось обыкновенно так же, как и в первом случае, т.-е. военно-административной экзекуцией, с той только разницей, что, кроме высеченных, оказывались еще рабочие, которые предавались суду, и очень многие, в качестве политических преступников, административным порядком ссылались в места более или менее отдаленные, или в лучшем случае на родину.

Непосредственных практических результатов такое стихийное движение в большинстве случаев не имело. Чаще всего, после небольшого перерыва, фабрика снова начинала работать с совершенно или отчасти новым составом рабочих, на тех же, а иногда и на худших условиях. Но если мы вглядимся в историю этих стихийных стачек в связи с историей развития нашего фабричного законодательства, то для нас станет очевидным, что без них правительство не сделало бы и тех жалких попыток урегулировать условия фабрично-заводского труда, какие им были сделаны.

Все законы об ограничении рабочего времени, о запрещении расплаты товаром, о введении фабричной инспекции

сначала в московском и владимирском районах, а затем о распространении ее, вслед за забастовками, и на другие районы и проч., все это являлось ответом на крупные фабричные беспорядки. В этом смысле значение стихийных экономических стачек очень значительно. Но не менее велико было значение их в ином отношении: даже неудачные, неорганизованные стачки подготовляли почву для дальнейшей работы среди масс. «Все за одного и один за всех» уже в 70-х годах становится общим лозунгом рабочих. Правда, лозунг этот в то время они не научились еще применять ко всему рабочему классу и ограничивали его смысл пределами лишь данной фабрики. Впрочем, тогда и не могло быть иначе, капитализм был еще слишком слабо развит и не мог еще нивеллировать всех рабочих, он не успел еще отлиться сам и отлить рабочую массу в законченные классовые формы. Борьба между трудом и капиталом не была еще классовой борьбой пролетариата с буржуазией. В каждом отдельном случае это была еще борьба определенной группы рабочих против определенной специфической формы эксплоатации, присущей определенному предприятию, часто даже личности определенного предпринимателя. И тем не менее, в стачках этого рода уже ясно намечались первые шаги в классовой борьбе. Это начинают понимать и отдельные личности из рабочих, ставшие выше массы, как, например, Петр Алексеев и Семен Агапов [1]), Степан Халтурин и Обнорский—основатели «Северного союза русских рабочих» [2]), Моисеенко и Волков—руководители Морозовской стачки. Все это рабочие, которые по своему классовому сознанию возвысились не только над общем уровнем рабочей массы, но и над общим уровнем тогдашних революционеров, своих учителей.

---

[1]) Оба привлекались по процессу 50-ти, в 1877 году.

[2]) «Северный союз русских рабочих» возник в конце 1878 г. и просуществовал около 3-х лет.

ПЕРВАЯ СТАЧКА.

Ст. Н. Батурина: «Стачка на Невской бумагопрядильне в С.-Петербурге в 1870 г.». Из «Календаря для всех» на 1908 г. Изд. «Зерно», Петрогр., 1907 г. Этот Календарь был немедленно по выходе конфискован, но до конфискации был распространен в большом количестве среди петербургских рабочих. В Календаре была напечатана, между прочим, одна статья тов. Ленина (о Штуттгардтском Международном Социалистическом Конгрессе). Примеч. ред.

В конце мая 1870 г. все газеты облетела весть о необыкновенном происшествии в С.-Петербурге: забастовали 800 рабочих на Невской бумагопрядильне. Что собственно случилось на этой фабрике, об этом еще толком не знали, но все говорили: стачка. Слово это еще было мало употребительно, а в применении к рабочим и совсем не употреблялось, так как о рабочих стачках никогда не было слышно. И когда распространилось известие о петербургской стачке, газеты в длинных передовицах об'ясняли публике, из-за чего и каким образом происходят заграницей рабочие стачки, а некоторые газеты заменяли даже это малоупотребительное русское слово иностранным: грэв. Но ведь то за границей, а какие же грэвы возможны у нас, когда всем известно, что русский рабочий— тот же крестьянин, человек смирный и ни на какие грэвы не пойдет?

На Невской бумагопрядильне работали 15 часов в сутки. На обед полагался 1 час, по 2 раза в неделю нужно было чистить машины во время обеденного перерыва. Плата у прядильщиков была задельная. За черную работу, которую они должны были исполнять в рабочее время, не платили ничего. А такой работы было много: таскали железо на фабрику, мыли полы, вставляли и выставляли рамы и пр. Расчет производился 1 раз в месяц, при чем платили только за предыдущий месяц не раньше 15 числа текущего месяца. Задерживая плату, фабрика всегда держала рабочего в страхе быть выгнанным без расчета. Такие порядки не были исключением и существовали на фабриках повсюду. Никакого рабочего законодательства тогда еще не было [1]). Законом для рабочих

[1]) Единственное, кажется, обязательство для хозяев по закону (1866 г.)—предупреждать рабочего за 2 недели о расчете—при полном отсутствии контроля никогда не соблюдалось.

служили обыкновенно «правила», составленные фабричной администрацией. Для некоторых больших фабрик такие правила утверждались обер-полицеймейстером. Правила состояли, главным образом, из расценка штрафов за всевозможные провинности. Вот, например, один из параграфов таких правил на чугунолитейном заводе С.-Петербургского купца П. К. Е-ва: «За грубости, дерзости, ослушание против хозяина, конторы, мастеров, приказчиков или же сторожей, виновный подвергается штрафу по усмотрению конторы, в размере 1—10 р. За более же важные беспорядки и проступки виновные исключаются из завода без всякого расчета или же, по усмотрению конторы, передаются в руки полиции». «Оскорбления» и «дерзости» переводились, таким образом, на рубли и составляли статью дохода. Существовали «правила» и на Невской бумагопрядильне. Они были изданы еще в 1835 г. и после того только один раз, в 1860 г., были незначительно изменены и утверждены обер-полицеймейстером. Прядильщики должны были нанимать на свой счет мальчиков и подручных, и, согласно правилам, фабрика не должна была вмешиваться в их расчеты. Несмотря на это, администрация бумагопрядильни требовала, чтобы прядильщики, получавшие задельную плату, сами платили подручным и мальчикам помесячно. Это было очень выгодно для фабрики. Но положение прядильщиков могло иногда оказаться хуже подручных. Так именно и случилось в апреле месяце 1870 г., когда было много нерабочих дней. При расчете за этот месяц, 16 мая, прядильщики, за вычетом месячного жалованья мальчикам и подручным, получили так мало, что не хватило на харчи. Некоторым пришлось получить даже меньше своих мальчиков, которым платили по 5—6 р. в месяц. Хотели-было прядильщики рассчитаться со своими подручными и мальчиками по числу рабочих дней, но этого им не разрешили и даже пригрозили выгнать всякого, кто не расплатится помесячно.

Целую неделю после расчета среди прядильщиков шло брожение. Полученные деньги были на исходе, до следующей получки не дотянуть—это было всем ясно. Что было делать? Все знали хорошо, что ожидало всякого, кто ходил заявлять жалобу или просить прибавки: того немедленно выгоняли без

расчета, удерживая все оставшиеся за фабрикой деньги. Действовать всем за одно приучила сама фабрика. И вот сговорились итти просить прибавки всем вместе, и, если откажут, на работу не итти.

Так и сделали. 22 мая все 62 прядильщика одного отделения вышли из мастерской в коридор и обратились к главному мастеру, англичанину Бэку, с просьбой о прибавке. Мастер с ними об'ясняться не стал. Он только спросил через сторожа, чего им нужно. Когда ему доложили, что рабочие просят прибавки, он велел сторожу отворить двери и гнать их вон. Они ушли. А на другой день вместе с ними не явились все 240 прядильщиков, и вся фабрика, на которой работало 800 ч., стала.

Это была стачка. Но по своему характеру; по всей обстановке, она еще мало была похожа на заграничные «грэвы».

Прекратив работы, прядильщики выбрали трех человек и отправили их в участок заявить жалобу на притеснения фабрики. Стачечники хотели этим показать, что «бунтовать» они не хотят, и в то же время надеялись, что начальство поддержит их справедливые требования. В участке депутатам сказали, что разбирать такие дела полиция не обязана, и что они могут подавать об этом прошение мировому. Но судиться у мирового рабочие не пожелали. Решено было дождаться ответа от самого директора фабрики, и если в прибавке платы откажут,—обратиться с жалобой к высшему начальству, которое стоит и над ними, и над фабрикой. Уже выделившиеся из рабочей массы агитаторы и вожаки стачки собрались в трактире, где, по их просьбе, хозяин заведения переписал составленные ими проект нового расценка и прошение на имя С.-Петербургского обер - полицемейстера. 25 мая на фабрику прибыл директор; рабочие подали ему новый расценок через уполномоченных, и, когда тот ответил, что никакой прибавки платы не будет, в тот же вечер заготовленное прошение от имени 800 рабочих на имя обер-полицеймейстера было отнесено и опущено в почтовый ящик около его дома.

Ходатайство по начальству при столкновении с фабрикой еще долго после этой стачки было обычным явлением в рабочей жизни. Этот обычай, несомненно, укоренился еще с

давних времен, когда не было не только фабричной инспекции, но и мирового суда, и полицейская власть ведала «рабочий вопрос», не только в технической области (напр., утверждение «правил»), но и в правовой. И мы знаем примеры такого полицейского суда. Так, еще в 1861 г., на той же Невской бумагопрядильне были остановлены работы по случаю ремонта. Рабочим обещали заплатить за время остановки, и, когда возобновились работы, им приходилось получить по 45 руб. Но фабрика не заплатила ничего. Рабочие подали жалобу генерал-губернатору Суворову, который расследовал дело и присудил заплатить рабочим, правда, не всю сумму, которая следовала, а только по 15 руб. Чинившая суд полицейская власть могла, конечно, делать это только по-своему по-полицейски, и даже такие случаи, как приговор генерал-губернатора Суворова, были редким подарком для рабочих.

Как ни низок был уровень сознания первых стачечников 70-х годов, мы все же не можем оценивать их хождения по начальству меркой позднейшего рабочего движения. Если, напр., в конце 90-х годов вмешательство полиции в стачечную борьбу неизменно означало обострение этой борьбы, то в начале 70-х годов оно, напротив, должно было означать мирное разрешение спора.

Но вернемся к нашим стачечникам.

28 мая, вследствие поданной жалобы, на Невскую бумагопрядильню явился, по поручению обер-полицеймейстера, полковник Козлов. Во дворе фабрики собрались рабочие. Полковник начал с того, что предложил выбрать депутатов для переговоров. Рабочие выбрали 5 человек, конечно, из числа тех, которые более смело ратовали за общее дело и пользовались общим доверием. Это были: С. Владимиров, Ф. Петров, Б. Потапов, В. Иванов и В. Акулов. Выборным предложили подписать проект расценка в знак того, что оп составлен действительно рабочими, и один из них (С. Владимиров) подписался. Оказалось, что это была провокация. Нужны были «зачинщики» и вещественные доказательства для суда над ними. Полковник Козлов вместе с директором долго убеждал депутатов в конторе прекратить стачку и не подвергать себя ответственности по закону. От имени рабочих депутаты приступить к работам отказались. Тогда Козлов

вышел на двор и обратился к собравшейся толпе рабочих помимо депутатов. Он прочитал закон о стачках и уговаривал их приступить к работе. Но рабочие стояли на своем: пока не получат прибавки, на работу не станут. Кроме того, рабочие, в ответ на все доводы полковника, ссылались на своих выборных и говорили, что будут делать то, что они. Выбор депутатов с разрешения начальства послужил, таким образом, на пользу организованности забастовки. Вся масса стачечников дружно держалась за требования, пред'явленные их вожаками, выбор которых еще больше усилил их авторитет.

Итак, запугать рабочих законом не удалось. Оставалось применить к ним закон. В конце мая в «Ведомостях С.-Петербургского Градоначальства» появилось краткое извещение о стачке и сообщалось о том, что по распоряжению судебной власти о ней начато уже предварительное следствие. Благодаря широкой огласке, которую получило это дело в печати, невские стачечники выступили перед судом русского «общества». Первые, смутные еще вести о большой рабочей забастовке не на шутку встревожили не только реакционную, но и либеральную печать. И любопытно было, и боязно. Вот что писала, напр., под свежим впечатлением первого известия о стачке одна из либеральных газет того времени — «Русские Ведомости»: «Прямое призвание власти — ограждать личность, семью и достояние насилуемой партии рабочих, а также иметь вдвойне бдительный надзор за сохранением общественного порядка в том пункте, где произошла стачка, так как этому порядку, в периоде забастовки, грозит более нарушений от праздной толпы людей, нежели в обычное время. Местных полицейских средств в подобных случаях бывает недостаточно, а потому в те пункты, где произошла забастовка, в помощь полиции посылаются войска. Такова, нам кажется, роль, подобающая власти, при стачках» [1]).

Таков был привет от русских либералов пробуждающемуся к борьбе рабочему классу. Еще на заре рабочего движения они имели случай засвидетельствовать ему свои волчьи зубы.

---

[1]) «Русские Ведомости». 1870 г., № 115.

Но когда выяснились все обстоятельства стачки, интерес к ней, и вообще к «рабочему вопросу», значительно ослабел. Наиболее ученые и передовые современники заявили даже, что и «рабочего вопроса»-то у нас никакого нет и быть не может, так как русская общественная жизнь стоит выше зап.-европейского капитализма с его классовой борьбой. На страницах «Отечественных Записок»—самого радикального народнического органа —мы находим следующее рассуждение по поводу невской стачки:

«Отчет процесса (то-есть судебного процесса по делу о стачке. Н.Б.) раскрыл кое-что, и мы полагаем, что с устранением некоторых причин неудовлетворительного состояния рабочих, последние, всего вероятнее, не обратились бы к стачке с требованием противоусловного повышения задельной платы, и Александровская (Невская) мануфактура, всего вероятнее, также была бы избавлена от потерь и от неприятного положения подарить историю развития нашей промышленности, если не ошибаемся, первым гласным процессом о стачке, что с большим для себя успехом мы могли бы и не заимствовать от З. Европы, создавшейся на деспотической почве капитализма, перерядившегося в новейшей истории в фрачный, буржуазный деспотизм капитала, несвойственный основным началам общественного быта России, минуя крепостное право, занесенное, как эпидемия, из той же рабской истории Европы» [1]).

Так судила о «рабочем вопросе» передовая народническая интеллигенция. Вооруженная (вернее, обезоруженная) своей теорией, она не могла понять смысла явлений нарождающейся общественной жизни, в которой быстро растущий «деспотизм капитала» должен играть решающую роль. Один писатель из тех же «Отечеств. Записок», по поводу незначительной стачки в Кронштадте, в том же году, прямо заявил, что «настоящее значение стачки у нас неизвестно и неподходяще к характеру русских рабочих» [2]). Но люди, которые так смело судили о характере русских рабочих, не хотели понять, что стачка неизбежно вытекала из их положения и

[1]) «Отечественные Записки», 1870 г., март, (ст. Троицкого: «Договоры личного найма».

[2]) «Отеч. Записки», 1870 г. 8, стр 250.

в ходе экономической борьбы должна была все больше определять и их характер. Стачка на Невской мануфактуре не была новостью в рабочей жизни. Один старый рабочий, Цыганов, работавший на этой фабрике 14 лет и потом уволенный, рассказал на суде, что за время своей работы он помнит 5—6 стачек, совершенно подобных настоящей: когда собирались просить прибавки, то всегда шли всей толпой, так как одиночек выгоняли [1]). Оказывается, что, как ни смирен был русский рабочий, но к тому времени, о котором идет речь, он уже давно привык действовать солидарно, и когда приходилось «просить» предпринимателя, то он действовал «всей толпой», при чем не останавливался ни перед стачкой с «противоусловным требованием заработной платы», ни перед «потерями», которые происходили от такого способа «просить».

Невская стачка являла собою первый случай, когда «рабочим вопросом» должна была заняться не только печать, но и новый реформированный суд, суд присяжных, позаимствованный, кстати сказать, целиком из той же «рабской истории Европы». Судили не всех стачечников,—это было бы невозможно,—а только 62 прядильщиков, которые начали стачку прежде других. Рабочие держались перед судом так же дружно, как и перед хозяевами. Показывали, что все действовали с обоюдного согласия, никто главным не был. На суде обнаружилось, что администрация фабрики сама не исполняла правил, за нарушение которых судили прядильщиков. Как свободно чувствовала себя администрация, можно судить по тому, что главный управляющий бумагопрядильней Ландезен признался, что он даже не знал о существовании закона, по которому фабрика при расчете рабочего должна была предупреждать его за 2 недели. Защитники (Турчанинов, Герке, Герард) пытались доказать, что и стачки никакой не было, так как разрешение уйти было дано администрацией (мастером Бэком). Это было, конечно, неверно, так как, если даже стачка и началась по принуждению мастера, то продолжалась она по доброй воле рабочих. Суд прежде всего установил, что «правила» Невской бумагопрядиль-

---

[1]) Свидетель, очевидно, разумел здесь под словом «стачка» предварительный сговор «действие скопом», которое всегда являлось прямой или косвенной угрозой остановки работ. Но из его показания не видно, чтобы в предыдущих «стачках» дело доходило до действительной остановки.

ни являются частным договором, а не законом, и потому нарушение их не может преследоваться в уголовном порядке. Все-таки прядильщики были признаны виновными по 1358 статье (изд. 1866 г.), воспрещавшей стачки, и приговорены к аресту от 3 до 7 дней. Что же касается попытки обвинить депутатов, выбранных по настоянию полиции, и вообще выделившихся чем-либо рабочих, как «зачинщиков» стачки, то суд это обвинение отверг и признал, что стачка была делом всех. Они были, однако, присуждены к высшей мере наказания, то-есть к 7-дневному аресту, как более деятельные участники стачки.

Такой сравнительно милостивый приговор стачечникам, а, главное, широкая гласность суда, которая должна была будить сочувствие к рабочему движению, вовсе не входила в расчеты правительства, и «милость суда» снова была заменена ежовыми рукавицами администрации. 6 июня, то-есть еще до окончания процесса, был издан циркуляр министра внутренних дел: «...государь император повелеть соизволил предоставить губернаторам при первом известии о стачке рабочих, не доводя дела до судебного разбирательства, немедленно, по обнаружении главных зачинщиков между фабричными, высылать таковых в одну из назначенных для того губерний».

Так невская стачка послужила поводом к «раз'яснению» одной из «великих реформ». Правительство не смотрело так благодушно на «рабочий вопрос», как народники, и оно имело к тому свои основания.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ПРОПАГАНДА СРЕДИ ПЕТРОГРАДСКИХ РАБОЧИХ В 70-е ГОДЫ.

Из брошюры Г. В. Плеханова: «Русский рабочий в революционном движении» (по личным воспоминаниям). Сочинения, т. III. Госиздат. 1923, стр. 139—143.

Г. В. Плеханов, состоя в партии «Земля и Воля», много занимался пропагандой среди петроградских рабочих. Его весьма ценные воспоминания о рабочем движении этого времени были впервые напечатаны в III и IV книгах «Социал-демократа», издававшегося группой «Освобождение Труда» в 1888—1892 г.г., и вышли отдельной брошюрой в 1892 г.

Проникнутые народническими предрассудками, все мы видели тогда в торжестве капитализма и в развитии проле-

тариата величайшее зло для России. Благодаря этому, наше отношение к рабочим всегда было двойственным и совершенно непоследовательным. С одной стороны, в своих программах, мы не отводили пролетариату никакой самостоятельной политической роли и возлагали свои упования исключительно на крестьянские бунты; а с другой—мы все-таки считали нужным «заниматься с рабочими» и не могли отказаться от этого дела уже по одному тому, что оно, при несравненно меньшей затрате сил, оказывалось несравненно более плодотворным, чем наши излюбленные «поселения в народе». Но, идя к рабочим не то, чтобы против воли, а, так сказать, против теории, мы, разумеется, не могли хорошо выяснить, им то, что Лассаль называл идеей рабочего сословия. Мы проповедывали им не социализм и даже не либерализм, а именно тот переделанный на русский лад бакунизм, который учил рабочих презирать «буржуазные» политические права и «буржуазную» политическую свободу и ставил перед ними, в виде соблазнительного идеала, допотопные крестьянские учреждения. Слушая нас, рабочий мог проникнуться ненавистью к правительству и «бунтарским» духом, мог научиться сочувствовать «серому» мужику и желать ему всего лучшего, но ни в каком случае не мог он понять, в чем заключается его собственная задача, социально-политическая задача пролетария. До этого ему приходилось додумываться собственным умом, и читатель увидит ниже, что когда рабочие додумались до этого, то ужаснули всех правоверных «интеллигентов».

Здесь надо оговориться. Сказанное мною об отношениях интеллигенции к рабочему вопросу касается только бунтарей-«землевольцев» и лиц, стоящих на их, т.-е. на народнической точке зрения. Рядом с ними действовали еще «лавристы». Люди этого направления были тогда в меньшинстве и быстро сходили со сцены. Но надо отдать им справедливость: их пропаганда, вероятно, была разумнее нашей. Правда, и они, подобно нам, отрицали «буржуазную» политическую свободу, и они,—по крайней мере, многие из них—готовы были трепетать за участь «устоев». В их взглядах было тоже много непоследовательности, но их непоследовательность имела одну счастливую особенность: отрицая «политику», они с вели-

чайшим сочувствием относились к немецкой социальной демократии [1]). Нельзя быть высокого мнения о логичности человека, отрицающего «политику» и в то же время сочувствующего названной мною политической рабочей партии. Но своими рассказами о ней такой человек мог заронить семя здоровых понятий в другие головы, которые, при благоприятных обстоятельствах, сумеют вполне усвоить социал.-демократическую программу или хоть приблизиться к ней в бо́льшей или меньшей степени. В таком случае за ним останется все-таки не малая заслуга. Именно такую заслугу и нужно признать за лавристами. Вспоминая теперь лекции, читанные в рабочих кружках «бунтарями», я думаю, что существенную пользу рабочие могли выносить только из лекций по политической экономии покойного И. Ф. Фесенко. Этот, к сожалению, слишком рано умерший человек, хорошо знал выбранный им предмет и умел излагать его общедоступно и увлекательно. Но его лекции продолжались всего несколько месяцев. С его от'ездом из Петербурга политическая экономия была у нас совсем заброшена; на первый план выступили «очерки из русской истории», сводившиеся, главным образом, к рассказам о бунтах Разина, Булавина и Пугачева, да отчасти к истории крестьянства (преимущественно по известной книге Беляева: «Крестьяне на Руси»). Для уразумения рабочего вопроса эти «очерки» ничего не давали. Иногда мы говорили своим слушателям и о Международном Обществе Рабочих, но в качестве «бунтарей», разумеется, превозносили деятельность Бакунина, а «централистов», т.-е. сторонников Маркса и Энгельса, изображали довольно-таки злостными реакционерами. Такое освещение истории Международного Общества не могло содействовать политическому развитию наших слушателей. У лавристов было хорошо хоть то, что они изображали не в превратном виде западно-европейское рабочее движение, и под влиянием их рассказов русский рабочий мог лучше выяснить себе соб-

---

[1]) Сведения об этой партии некоторые рабочие могли почерпнуть и из других источников. В. Бурцев, в статье «Сев. Союз Русских рабочих», («Былое» 1906 г., январь). упоминает о полковнике А. Н. Фалецком, читавшем в Петербурге в 1873—1874 г.г. лекции о германской социал-демократии. Примеч. ред.

ственную задачу. Если в программе образовавшегося зимою 1878—1879 года Северно - Русского Рабочего Союза сильно слышалась социал-демократическая нота, то это, кажется, в значительной степени нужно приписать влиянию лавристов.

Но вообще в роли лектора тогдашний интеллигент-революционер был неблестящ по той простой причине, что знал он мало, а то, что знал, не всегда понимал, как следует. Он полезен был рабочим больше в качестве удалого доброго молодца, способного и книжку запрещенную достать, и паспорт сделать, и устроить подходящую квартиру для тайных собраний, словом, научить всем тонкостям «конспиративного дела». Он шевелил, будил и увлекал вперед рабочих своей подвижностью, своим самоотвержением, своей удалью и своей безграничной склонностью ко всяческому отрицанию. Хотя многие, в особенности более развитые рабочие, иногда скептически относились к интеллигенту, но обойтись без этого незаменимого фактора «конспирации» они не могли. Под влиянием Халтурина и его ближайших товарищей рабочее движение Петербурга в течение некоторого времени стало совершенно самостоятельным делом самих рабочих. Но и Халтурину постоянно приходилось обращаться к интеллигенции за помощью, то в том, то в другом практическом деле.

Какие книги больше всего читались в рабочей среде? Во всяком случае не те революционные брошюры,—сказки о четырех братьях и о копейке, Мудрица Наумовна и проч.—которые, в особенности, предназначались революционерами для народа. Все они так бедны содержанием, что удовлетворить хоть сколько-нибудь грамотного рабочего не могли. Они годились разве только для ничего не читавших новичков, да и по отношению к тем служили больше пробным камнем их настроения: если рабочий, прочитав такую книжку, не испугался, значит—из него будет толк, значит верноподданнические чувства и «страх иудейский» сидят в нем не глубоко; если—струсил, значит—иди от него подальше, или, по крайней мере, будь с ним осторожнее. Но раз вы убедились в революционном настроении рабочего, вы должны были—или доставлять для его чтения более серьезный печатный материал, или в личной беседе отвечать на возникавшие в его голове вопросы. Только изданная в Женеве книга «Сытые

и голодные», анархическая и по духу и по литературному исполнению, да еще, пожалуй, «Хитрая Механика» считались рабочими более основательным чтением. На все остальные революционные брошюры для народа они смотрели как на нечто слишком уже элементарное. «Это для серых», говорили о них заводские рабочие. Вообще я заметил, что читая книжку, изданную специально «для народа», способный рабочий чувствует себя как бы несколько униженным, поставленным в положение ребенка, читающего детскую сказку. Ему хочется поскорее перейти к сочинениям, предназначающимся для всех вообще толковых читателей, а не только для «серого» народа. Для многих рабочих чтение серьезных и даже ученых книг было своего рода вопросом чести. Я помню некоего И. Е. здоровенного молотобойца из Архангельской губернии, который с усердием, достойным более подходящего для него чтения, сидел по вечерам над «Основами Биологии» Спенсера. «Что это, вы думаете, что уже мы, рабочие — совсем дураки»,—сердито отвечал он мне, когда я советовал ему взять что-нибудь полегче. Такие рабочие охотно читали все, что печаталось революционерами для интеллигенции: «Государственность и Анархию» Бакунина, «Вперед», «Общину», «Землю и Волю», переизданную в Петербурге брошюру г. Драгоманова: «До чего довоевались» и т. п. Но тут являлась новая беда. В революционных изданиях «для интеллигенции» много и часто говорилось о таких вещах, которые не могли иметь большого интереса для рабочего. Таковы были, например, специально «интеллигентные» вопросы о «долге образованных классов народу» и о вытекающих из этого долга нравственных обязательствах, об отношении революционеров к «обществу» и споры о «программах», те, иначе сказать, споры о том, как легче и удобнее воздействовать на народ и, между прочим, на того же рабочего. К таким программным спорам, как уже сказано и как это, впрочем, понятно само собою, рабочие относились довольно равнодушно, хотя для них было далеко не все равно, в какую сторону направится их собственная революционная деятельность.

— Нет, не для нас этот журнал,—наш журнал должен вестись совсем иначе,—часто говорил мне Халтурин по поводу издававшейся тогда в Петербурге «Земли и Воли». И

он был, разумеется, совершенно прав. «Земля и Воля»—как и «Община», как и «Вперед!»—не могла быть рабочей газетой ни по содержанию, ни по направлению.

Спрашивая рабочих, что именно требуют они от революционной литературы, я получал самые разнообразные ответы. В большинстве случаев каждому из них хотелось, чтобы она разрешила вопросы, почему-нибудь занимавшие его в данное время. Вопросов этих через голову мыслящих рабочих проходило многое множество, и у каждого рабочего, смотря по его наклонностям и характеру ума, были свои излюбленные вопросы. Один больше всего интересовался вопросом о боге и утверждал, что революционная литература должна направить главные свои усилия на разрушение религиозных верований народа. Других интересовали преимущественно исторические, политические или естественно-научные вопросы. В числе моих приятелей фабричных был даже такой, которого особенно занимал женский вопрос. Он находил, что рабочие не уважают женщины и обращаются с ней, как с низшим существом. По его словам, многие женатые рабочие даже удаляли своих жен, когда гости их заводили революционные разговоры: не нужно, мол, путать баб в это дело. Поэтому у женщин не было никаких общественных интересов, что, в свою очередь, вредно отзывались на мужчинах, которых они, по своей неразвитости, всегда старались отвлечь от опасного революционного дела. Мой приятель никогда не упускал случая «спропагандировать» женщину и всеми силами старался заводить особые революционные кружки между работницами. Своим товарищам он очень энергично — т.-е. не отступая перед употреблением крепкого слова,—внушал достойные развитых людей взгляды на женщин. Занятый своей идеей, он, естественно, требовал помощи от революционной литературы и сожалел, что она слишком мало занимается женским вопросом.

ТКАЧ ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ АЛЕКСЕЕВ.

(1849—1891 г.г.).

Статья Н. Батурина. Из «Рабоче-крестьянского календаря» на 1922 г.

21 февраля 1877 года царские сенаторы надели мундиры для очень важного заседания. Судили «политических преступников», которых было 50 человек. То были больше студенты, курсистки, разночинцы. На теперешних коммунистов они были мало похожи. Это были революционеры-народники, которые стояли за народ, старались поднять всенародное восстание против царя и помещиков. Но что из этого восстания должно выйти,— в этом они плохо разбирались. Будущий коммунистический строй они представляли себе, как союз отдельных самостоятельных крестьянских общин.

Петр Алексеевич Алексеев.

Суды над революционерами бывали и раньше. Не мало было их уже осуждено в тюрьмы, в Сибирь и даже на смерть. Но то были все люди из среднего и высшего класса и притом больше одиночки.

Суд над 50-ю народниками был первым, небывалым еще в России судом не только по числу подсудимых, но еще и потому, что царским судьям пришлось в первый раз столкнуться с сознательными, смелыми революционерами из самых низов народа. В числе 50 подсудимых было несколько человек московских фабричных рабочих; самым выдающимся из них был ткач Петр Алексеевич Алексеев.

Он уже по наружности резко отличался от прочих подсудимых-разночинцев. Вот как описывают его наружность знавшие его люди. Невысокого роста, коренастый, могучего телосложения, крупная голова с крупными чертами смуглого лица, с шапкой густых, черных, волнистых волос и с такими же, несколько курчавыми, усами и бородой; ясные пламенные глаза, открытое и добродушное лицо.

По своему происхождению П. А. Алексеев был выходцем из самой темной и обездоленной деревенской бедноты. Он родился в 1849 году в деревне Новинской, Сычевского уезда, Смоленской губ. Земля в той местности очень неплодородная, и бедные родители Петра еще маленьким мальчиком привезли его в город и отдали на фабрику. Самым правдивым и самым ярким описанием его собственной жизни, горькой фабричной с самого малолетства, может служить та знаменитая речь, которую он произнес на этом суде. Вот что рассказывал он жирным царским сенаторам о положении русских рабочих.

«Мы, миллионы рабочего населения, чуть только станем на ноги, бываем брошены отцами и матерями на произвол судьбы, не получая никакого воспитания, за неимением школ и времени от непосильного труда и скудного за это вознаграждения. С девяти лет—мальчиками—нас стараются проводить с хлеба долой на заработки. Что же нас там ожидает? Понятно, продаемся капиталисту из-за куска черного хлеба, поступаем под присмотр взрослых, которые розгами и палками приучают нас к непосильному труду; питаемся кое-чем, задыхаемся от пыли и испорченного, зараженного разными нечистотами воздуха. Спим где попало, на полу, без всякой постели и подушек в головах, завернутые в какое-нибудь лохмотье и окруженные со всех сторон бесчисленным множеством всяких паразитов».

Таково было детство П. А. Алексеева. Таково же было, правда, положение миллионов рабочего люда, бежавшего из разоренной «реформой» голодной деревни в город. Чем же отличался П. А. Алексеев от миллионов?

«В таком положении,—говорил он,—некоторые навсегда затупляют свои умственные способности», и, действительно, трудно было среднему рабочему того времени устоять под одуряющей рабочей кабалой, не погрязнуть на всю жизнь во тьме невежества, нищеты и пьянства.

Но П. А. Алексеев был человек особенный. Сильный телом и душой, этот богатырь сумел не только устоять на ногах, но нашел в себе силы развить свои умственные способности, пробиться к свету политического сознания, какое только было доступно в то время самым передовым людям, стать в ряды самых смелых революционеров.

Из деревни пришел П. А. Алексеев, конечно, неграмотным. В городе, работая с малых лет по 17 часов в сутки, он нашел время научиться грамоте самоучкой. Но одна только грамота в то время еще ничего не давала. «Разве у нас есть свободное время для каких-нибудь занятий?—спрашивает он в своей речи на суде.—Разве у нас учат с малолетства чему-нибудь бедняка? Разве у нас есть полезные и доступные книги для работника?». И он перечисляет тогдашние ходовые книги для народа: «Бова-Королевич», «Еруслан Лазаревич», «Ванька Каин», «Жених в чернилах и невеста во щах». «Оттого-то,—говорит он,—в нашем рабочем народе и сложились такие понятия о чтении: одно забавное, другое божественное. А если и попадалась книжка интересная, в особенности книжка о положении рабочих, то она была мало доступна даже и хорошо грамотному рабочему, да и говорила-то далеко не обо всем, что было интересно, потому что вся печать была под цензурой».

Нелегко было разбираться в книжках П. А. Алексееву. Но судьба столкнула его с революционерами-народниками, которые много помогли ему уяснить и осмыслить те вопросы, на которые в цензурной печати никаких ответов найти было невозможно. Жадно слушал он речи народников, а по ночам, после долгого трудового дня, читал их книжки, отпечатанные на тайном станке. Народническая пропаганда расши-

рила его прежние познания, укрепила в нем ненависть к правительству и ко всем дармоедам и кровососам трудящихся масс.

Живой и деятельный характер Алексеева не мог удовлетвориться одной книжной мудростью. Он спешил немедленно приложить свои знания к собственной революционной работе. Он сам становится пропагандистом и, не переставая работать на фабриках, устраивает кружки среди своих товарищей, распространяет среди них книжки. Оставаться долго на одной фабрике ему было невозможно, так как его легко могли бы выследить и арестовать. Поэтому, наладив кружок в одном месте, он спешил перейти на другое, чтобы там приняться за ту же работу.

Вести революционную работу среди фабричных рабочих П. А. Алексеев мог только при помощи народнической организации и народнических подпольных книжек, так как других революционных организаций тогда не было. Но народники и сами до настоящего коммунизма еще не доросли. Успех их «всенародного восстания» должен был зависеть от крестьянства, как главной массы населения, а основой будущего коммунистического порядка должна была служить крестьянская земельная община. Словом, только крестьянство было у народников настоящим народом, городской же рабочий должен был, так сказать, равняться на мужика.

Понятно, что при такой «программе» широкая пропаганда среди рабочего класса не могла вестись вполне сознательно и планомерно, не могла освещаться ясной, конечной целью. И вот П. А. Алексеев (как рассказывает народник Волховский) порою допытывается у своих учителей-народников: «Скоро ли будет назначено восстание?». И когда получал в ответ или сам убеждался, что народ не был готов к такому шагу, он впадал в уныние, почти в отчаяние.

И действительно, всякого сознательного рабочего народническая программа могла приводить только в отчаяние, так как зарождавшееся в России рабочее движение с этой программой совсем не вязалось. Нужно, однако, думать, что П. А. Алексеев жил больше рабочим движением, чем программой своих учителей, так как его отчаяние, по свидетельству того же Ф. Волховского, продолжалось обыкновенно недолго,

и он снова с головой уходил в революционную работу среди рабочей братии.

Это была самая счастливая пора в жизни П. А. Алексеева. Ему было в это время 25—26 лет; все свои силы и все свое знание, которое стоило стольких трудов и лишений, он спешил отдать целиком своему темному, но родному рабочему классу. Едва ли был в то время человек, который принес больше пользы рабочему делу.

Эта кипучая работа московского ткача-революционера, как и всех народных работников революции, продолжалась недолго, всего несколько месяцев.

4 апреля 1875 г. он вместе с другими восемью товарищами был арестован в Москве, в доме Корсакова. Целых два года просидел он в тюрьме, до суда, и за это время много перечитал книг, так как досуга для чтения было в тюрьме больше, чем на воле. Но вернуться к своей прежней работе ему уже было не суждено.

Улик против него у суда было мало, и он мог бы отделаться легким наказанием, если бы старался оправдаться и просто промолчал на суде. Но царский суд он презирал, от защитника отказался, заявив, что этот суд—одна комедия, так как приговор заранее приготовлен. Но и сам защищаться не хотел. Он словно ждал случая, чтобы громко, в упор выложить все накопившееся негодование против правительства и капиталистов, чтобы бросить им в лицо вызов от лица всего рабочего класса, едва только пробуждавшегося.

Отчитывал он царское правительство и всех эксплоататоров так основательно и так смело, что обозленный председатель суда много раз его прерывал и едва дал докончить. По словам свидетелей, впечатление от этой громкой речи было в суде такое, что если бы П. А. Алексеев тотчас по окончании ее попытался уйти из залы суда, никто бы его не остановил: так были огорошены все присутствовавшие, не исключая стражи.

За эту смелую речь П. А. Алексеев поплатился 10-ю годами каторги. По отбытии срока в Карийской каторжной тюрьме в 1884 г., он был сослан на поселение в глухой улус Якутской области, в 200 верстах от Якутска. Здесь прожил он еще семь лет, занимаясь земледелием. Он дожил таким

образом до начала 90-х годов и мог скоро вернуться на родину в то время, когда уже широко разлилось по России рабочее движение, когда появились уже в рабочих центрах кружки пропагандистов, которые несли рабочим не доморощенные народнические теории, а настоящий научный коммунизм.

Но не суждено было П. А. Алексееву вернуться из гиблой Якутской ссылки. В 1891 г. летом поехал он из своего улуса в город на ярмарку. В пустынной дороге на него напали якуты-разбойники, ограбили его и зверски убили. Только через несколько дней был найден в лесу его полуистлевший труп, брошенный в яму и покрытый листьями.

Прошло 30 лет со дня смерти знаменитого ткача-революционера, но в памяти трудящихся масс П. А. Алексеев никогда не умрет.

Уже бывшие учителя П. А. Алексеева, народники, очень гордились своим выучеником и последователем из «народа» и добродушно хлопали по плечу мужика «Петруху». Но они никогда не могли понять его роли в истории, как провозвестника могучего рабочего движения, потому что сами этого движения не признавали.

Народники совершенно не понимали классовых различий в народе. Идя в народ, надевая грязные рубахи, они никогда не могли порвать духовного родства с буржуазной средой, из которой сами вышли.

П. А. Алексеев, конечно, не имел еще научного понятия о классах. Но плоть от плоти рабочего класса, он сумел так близко подойти к живому народному рабочему движению, так хорошо понять его нужды и его задачи, что, например, в его замечательной речи на суде мы не находим и следов надуманных народнических теорий. Своим пролетарским чутьем он верно угадывал силу своего класса и его будущую великую роль в деле освобождения.

Теперь, когда судьба русской революции указала настоящее место всем классам и их теориям, интересно сравнить два пророчества, высказанные на суде представителями двух общественных сил, столь неравной мощности.

Народница Софья Бардина в конце своей речи предсказывала:

«...Наступит день, когда даже и наше сонное и ленивое общество (то-есть буржуазия. Н. Б.) проснется, и стыдно ему станет, что оно так долго позволяло безнаказанно топтать себя ногами, вырывать у себя своих братьев, сестер и дочерей и губить их за одну только свободную исповедь убеждений. И тогда оно отомстит за нашу гибель...»

Петр Алексеев в конце своей речи горячо превознес революционную молодежь, как просветительницу рабочих. И предсказал, что она, эта молодежь, «неразлучно пойдет с нами (то-есть рабочими) до тех пор, пока подымется мускулистая рука миллионного рабочего люда, и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах».

Могучее рабочее движение, выросшее на костях его первых борцов, действительно смело царский трон. Оно отомстило не только за своих погибших, но и за старых революционеров из буржуазной среды. А что же сталось с образованным буржуазным «обществом». Оно, конечно, проснулось от громов двух революций. Но когда ярмо царского деспотизма разлетелось в прах, и затрещало от мускулистой рабочей руки ярмо капиталистической эксплоатации,—тогда выявилась истинная, классовая природа образованного, буржуазного общества и вся фальшь мещанского народолюбия. Сонное и ленивое при царизме это общество яростно и дружно выступило против власти рабочих и крестьян. А самые левые его выходцы, последыши и выродки старого народничества, социалисты-революционеры, оказались в рядах врагов рабочей революции. До сих пор не могут они примириться с истинной властью трудящихся масс, до сих пор они мутят и бунтуют против нас тайно и явно. И вот только руки у них не мускулистые...

РЕЧЬ ПЕТРА АЛЕКСЕЕВА.

Произнесена на суде перед особым присутствием правительствующего сената 10 марта 1877 г. Мы перепечатываем ее из брошюры, нелегально изданной «Петербургской Вольной Типографией 20 ноября 1878 г.
Примеч. ред.

Мы, миллионы людей рабочего населения, чуть только станем сами ступать на ноги, бываем брошены отцами и матерями на произвол судьбы, не получая никакого воспита-

ния, за неимением школ и времени от непосильного труда и скудного за это вознаграждения. Десяти лет—мальчиками нас стараются проводить с хлеба долой на заработки. Что же нас там ожидает? Понятно, продаемся капиталисту на сдельную работу из-за куска черного хлеба, поступаем под присмотр взрослых, которые розгами и палками приучают нас к непосильному труду; питаемся кое-чем, задыхаемся от пыли и испорченного, зараженного разными нечистотами воздуха. Спим, где попало, без всякой постели и подушки в головах, завернутые в какое-нибудь лохмотье и окруженные со всех сторон бесчисленным множеством разных паразитов... В таком положении некоторые навсегда затупляют свою умственную способность и не развиваются нравственные понятия, усвоенные еще в детстве; остается все то, что только может выразить одна грубо воспитанная, всеми забытая, от всякой цивилизации изолированная, мускульным трудом зарабатывающая хлеб, рабочая среда. Вот что нам, рабочим, приходится выстрадать под ярмом капиталиста в этот детский период. И какое мы можем усвоить понятие по отношению к капиталисту, кроме ненависти? Под влиянием таких жизненных условий с малолетства закаляется у нас решимость до поры терпеть, с затаенной ненавистью в сердце, весь давящий нас гнет капиталистов и без возражений переносить все причиняемые нам оскорбления.

Взрослому работнику заработную плату довели до минимума; из этого заработка все капиталисты без зазрения совести стараются всевозможными способами отнимать у рабочих трудовую копейку и считают этот грабеж доходом. Самые лучшие для рабочих, из московских фабрикантов и те, сверх скудного заработка, эксплоатируют и тиранят рабочих следующим образом. Рабочий отдается капиталисту на задельную работу, беспрекословно и с точностью исполняет все рабочие дни и работу, для которой поступил, не исключая и бесплатных хозяйских чередов. Рабочие склоняются перед капиталистом, когда им, по праву или не по праву, пишут штраф, боясь лишиться куска хлеба, который достается им 17-ти часовым дневным трудом. Впрочем, я не берусь описывать подробности всех злоупотреблений фабрикантов, потому что слова мои могут показаться неправдопо-

добными для тех, которые не хотят знать жизни работников и не видели московских рабочих, живущих у знаменитых русских фабрикантов: Бабкина, Гучкова, Бутикова, Морозова и других...

Председатель, сенатор Петерс. Это все равно. Вы можете этого не говорить.

Петр Алексеев: Да, действительно, все равно, везде одинаково рабочие доведены до самого жалкого состояния. 17-ти часовой дневной труд—и едва можно заработать 40 копеек. Это ужасно. При такой дороговизне с'естных припасов приходится выделять из этого скудного заработка на поддержку семейного существования и уплату казенных податей. Нет, при настоящих условиях жизни работников невозможно удовлетворять самым необходимейшим потребностям человека. Пусть пока они умирают голодной, медленной смертью, а мы, скрепя сердце, будем смотреть на них до тех пор, пока освободим из под ярма нашу усталую руку и свободно можем тогда протянуть ее для помощи другим. Отчасти все это странно, все это непонятно, темно и отчасти как-то прискорбно, а в особенности сидеть на скамье подсудимых человеку, который чуть ли не с самой колыбели всю свою жизнь зарабатывал 17-ти часовым трудом кусок черного хлеба. Я несколько знаком с рабочим вопросом наших собратьев западников. Они во многом не походят на русских: там не преследуют, как у нас, тех рабочих, которые все свои свободные минуты и много бессонных ночей проводят за чтением книг; напротив, там этим гордятся, и об нас отзываются, как о народе рабском, полудиком. Да как иначе о нас отзываться? Разве у нас есть свободное время для каких-нибудь занятий? Разве у нас учат с малолетства чему-нибудь бедняка? Разве у нас есть полезные и доступные книги для работника? Где и чему они могут научиться? А загляните в русскую народную литературу. Ничего не может быть разительнее того примера, что у нас издаются для народного чтения такие книги, как «Бова-королевич», «Еруслан Лазаревич», «Ванька-Каин», «Жених в чернилах и невеста во щах» и т. п. Оттого-то в нашем рабочем народе и сложились такие понятия о чтении: одно—забавное, а другое—божественное. Я думаю, каждому известно, что у нас в России рабочие все еще

не избавлены от преследований за чтение книг; а в особенности, если у него увидят книгу, в которой говорится о его положении—тогда уж держись. Ему прямо говорят: «ты, брат, не похож на рабочего, ты читаешь книги». И страннее всего то, что и иронии не заметно в этих словах, что в России походить на рабочего то же, что походить на животное. Господа, неужели кто полагает, что мы работники, ко всему настолько глухи, слепы, и немы, и глупы, что не слышим, как нас ругают дураками, лентяями, пьяницами? Что уже как будто и на самом деле работники заслуживают слыть в таких пороках? Неужели мы не видим, как вокруг нас все богатеют и веселятся за нашей спиной? Неужели мы не можем сообразить и понять, почему это мы так дешево ценимся и куда девается наш невыносимый труд. Отчего это другие роскошествуют, не трудясь, и откуда берется ихнее богатство? Неужели мы, работники, не чувствуем, как тяжело повисла на нас так называемая, всесословная воинская повинность? Неужели мы не знаем, как медленно и нехотя решался вопрос о введении сельских школ для образования крестьян, и не видим, как сумели это поставить? Неужели нам не грустно и не больно было читать в газетах высказанное мнение о найме рабочего класса? Те люди, которые такого мнения о рабочем народе, что он не чувствителен и ничего не понимает, глубоко ошибаются. Рабочий же народ, хотя и остается в первобытном положении и до настоящего времени не получает никакого образования, смотрит на это, как на временное зло, как на самую правительственную власть, захваченную силою, и только для одного разнообразия ворочащую все с лица на изнанку. Да больше и ждать от нее нечего. Мы, рабочие, желали и ждали от правительства, что оно не будет делать тягостных для нас нововведений, не станет поддерживать рутины и обеспечит материально крестьянина, выведет нас из первобытного положения и пойдет скорыми шагами вперед. Но, увы! Если оглянемся назад, то получаем полное разочарование, и если при этом вспомним незабвенный предполагаемый день для русского народа, день, в который он, с распростертыми руками, полный чувства радости и надежды обеспечить свою будущую судьбу, благодарил царя и правительство,—19-го февраля. И что же? И это для нас было только одной мечтой и сном... Эта крестьянская реформа

19 февраля 61 года, реформа «дарованная», хотя и необходимая, но не вызванная самим народом, не обеспечивает самые необходимые потребности крестьянина. Мы по-прежнему остались без куска хлеба с клочками никуда негодной земли и перешли в зависимость к капиталисту. Именно, если свидетель, прикащик фабрики Носовых, говорит, что у него за исключением праздничного дня все рабочие под строгим надзором, и неявившийся в назначенный срок на работу не остается безнаказанным, а окружающие ихнюю сотни подобных же фабрик набиты крестьянским народом, живущим при таких же условиях,—значит—они все крепостные! Если мы, к сожалению, нередко бываем вынуждены просить повышения пониженной самим капиталистом заработной платы, нас обвиняют в стачке и ссылают в Сибирь,—значит, мы крепостные. Если мы со стороны самого капиталиста вынуждены оставить фабрику и требовать расчета, вследствие перемены доброты материала и притеснения от разных штрафов, нас обвиняют в составлении бунта и прикладом солдатского ружья приневоливают продолжать у него работу, а некоторых, как зачинщиков, ссылают в дальние края,—значит, мы крепостные. Если из нас каждый отдельно не может подать жалобу на капиталиста, и первый же встречный квартальный бьет нас в зубы кулаком и пинками гонит вон,—значит, мы крепостные.

Из всего мною вышесказанного видно, что русскому рабочему народу остается только надеяться самим на себя и не от кого ожидать помощи, кроме от одной нашей интеллигентной молодежи.

Председатель (вскакивает и кричит): Молчите, замолчите.

Петр Алексеев (возвысив голос, продолжает): Она одна братски протянула к нам свою руку. Она одна откликнулась, подала свой голос на все слышанные крестьянские стоны Российской империи. Она одна до глубины души прочувствовала, что значат и отчего это отовсюду слышны крестьянские стоны. Она одна не может холодно смотреть на этого изнуренного, стонущего под ярмом деспотизма, угнетенного крестьянина. Она одна, как добрый друг, братски протянула к нам свою руку и от искреннего сердца желает вытащить нас

из затягивающей пучины на благоприятный для всех стонущих путь. Она одна, не опуская руки, ведет нас, раскрывая все отрасли для выхода всех наших собратьев из этой лукаво построенной ловушки, до тех пор, пока не сделает нас самостоятельными проводниками к общему благу народа. И она одна неразлучно пойдет с нами до тех пор, пока (говорит, подняв руку) подымется мускулистая рука миллионов рабочего люда...

Председатель (волнуется и, вскочив, кричит): Молчать, молчать.

Петр Алексеев (возвышая голос): ...и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах.

ЮЖНО-РОССИЙСКИЙ СОЮЗ РАБОЧИХ (1875 г.).

Из брошюры М. П. Сквери: «Первая рабочая социалистическая организация в Одессе (1875 год)». Всеукр. Гос. Изд., Одесса. 1921 г. Эта брошюра М. П. Скверп, одного из основателей Союза, о котором (союзе) до сих пор в печати были только очень смутные и отрывочные сведения, впервые более или менее полно осветила обстоятельства возникновения и характер этой первой рабочей организации.
Примеч. ред.

Основанный в 1875 году Е. О. Заславским Союз представлял собой для того времени довольно значительную и стройную организацию и, как мы увидим ниже, об'единял около 150—200 рабочих, большею частью фабричных, имел свой устав с определенной программой и просуществовал 8—9 месяцев. Непосредственно после разгрома этого Союза, из оставшихся на свободе участников его возник второй Союз под тем же названием, но с новым уставом, так как первый исчез во время обысков. Об этом втором Союзе в печати не осталось никаких следов, так как он был ликвидирован частью административно, частью разрозненными процессами отдельных лиц. Он имел некоторую связь с деятелями «Народной Воли» и испытал, без сомнения, их влияние. От лица этого Союза была, между прочим, послана привет-

ственная телеграмма парижским рабочим в годовщину Коммуны [1]) (X).

Для полноты картины необходимо еще прибавить, что один из учеников Е. О. Заславского положил основание отделению одесского Союза в Ростове-на-Дону, а другой ученик-рабочий Наддачин был послан для этой же цели в Таганрог (X).

Чтобы составить себе правильное представление об идейном содержании и историческом значении этого дела [2]), необходимо несколько подробнее остановиться на уставе Союза.

Устав интересен, как программа Союза, как единственный документ, характеризующий эту первую рабочую организацию, как сводка правил внутреннего распорядка, обрисовывающий структуру ее. Но что особенно важно, так это то, что устав не был заранее теоретически выработан, как, напр, устав «москвичей» (дело 50-ти), — устав перестраивался и рос вместе с видоизменениями и ростом организации, много раз пересматривался, в нем сохранены были наслоения от тех стадий, через которые прошел Союз от ссудо-сберегательной кассы, с которой начал свое существование, через «братскую кассу» к союзу. К тому же устав этот, можно сказать, был продуктом коллективного творчества. Е. О. Заславский или кто-либо другой подавал мысль, вносил предложение, которое затем обсуждалось по группам или на общей сходке, а затем только оформулировалось в уставе. Надо к этому прибавить, что у нас ходила по рукам книга Бехера «Рабочий вопрос», приведенная и изданная под редакцией Ткачева, в приложении к которой были приведены образцы рабочих уставов и программ, в том числе, кажется, был и устав первого Интернационала, и, несомненно, влияние этой книги отразилось и на нашем уставе.

---

[1]) В архиве Одесской Суд. Палаты, в деле И. Чижикова, П. Владыченко и др. имеется очень несовершенный, сделанный жандармами, перевод устава Первого Интернационала. Подлинник на французском языке найден в тюке запрещенных книг и, вероятно, должен был служить основанием для выработки устава этого второго Союза. П. В. Владыченко участвовал, как в первом Союзе, так и во втором.

[2]) Т. е. судебного процесса о Союзе. Прим. ред.

Я принимал участие в обсуждении и выработке устава, мне же приходилось и переписывать его во многих экземплярах для групп, входивших в Союз, и многое сохранилось в памяти, а вступительная часть, которую можно назвать политическим «credo» Союза, запомнилась почти с буквальною точностью. Она была кратка и выразительна.

На первой странице вчетверо сложенного листа, непосредственно после крупно написанного наименования Союза, значилось:

Сознавая,

что установившийся экономический и политический порядок не соответствует истинным требованиям справедливости,

что этот порядок может быть изменен только посредством насильственного переворота, который уничтожит всякие привилегии и преимущества и поставит труд основой личного и общественного благосостояния,

что этот переворот может совершиться только после сознания рабочими их безвыходного положения и после их полного об'единения —

Мы, рабочие Южно-Российского края, соединяемся в союз под названием «Южно-Российский Союз Рабочих», ставя себе целью:

а) пропаганду идеи освобождения рабочих из-под гнета капитала и привилегированных классов;

б) об'единение рабочих Южно-Российского края и

в) будущую борьбу с установившимся экономическим и политическим порядком.

Затем следовали 25 параграфов устава. Главные положения сводились к следующему: Существование Союза должно храниться в строгой тайне, и каждый во всякое время и при всяких обстоятельствах обязан быть готовым жертвовать собой ради спасения Союза, — этот параграф перенесен из устава «братской кассы», где он вместе с параграфом о братской помощи рабочих друг другу был основным. Другой параграф содержал заимствованный из какого-то устава в книге Бехера лозунг—«один за всех и все за одного» и по смыслу являлся в сущности повторением первого. Суммы Союза предназначались «для пропаганды идеи освобождения рабочих», а впоследствии «и на борьбу

за это освобождение». Каждый из участников вносит выборному своего кружка или группы — 25 коп. еженедельно, а тот собранные деньги передает казначею Союза. Казначей и денежные взносы ведут свое начало от ссудо-сбер. кассы; размер взносов остается тот же, но сначала они имели целью личное сбережение и займы; в братской кассе деньги уже предназначаются для взаимопомощи, а в Союзе становятся средством для пропаганды и борьбы. Дальше шли уже чисто организационные вопросы и правила. Союз по уставу состоял из двух обществ, Одесского и Ростовского; общества образуются из групп в 15—25 человек. Каждая группа выбирает «депутата», а депутаты, собираясь еженедельно для совещаний и обмена мнениями и сведениями о ходе дела в группах, являлись как бы центральным органом Союза. Казначей избирался всеми участниками Союза, о председателе совсем не упоминалось. С внешней стороны, в смысле изложения и формы, устав являлся чем-то примитивным, нестройным и неразработанным, но по существу он чрезвычайно характерен для чисто рабочей организации. Два экземпляра устава, писанные моей рукой, попали в руки жандармов.

Идеи устава содержат несомненные признаки утопического, я бы сказал, идеалистического социализма. Мы, по уставу, верили в «истинную» справедливость и ее добивались, и как бы предполагали, что одного «сознания» вполне достаточно для об'единения «всех рабочих» и затем для преобразования всего общественного строя. Мы были еще далеки от экономического материализма, и нам была совершенна чужда и незнакома марксистская концепция об'ективной необходимости превращения капиталистического общества в социалистическое. Если «об'единение рабочих» и напоминает лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», то это об'единение само собой напрашивалось и вытекало из существа дела, и нет оснований предполагать здесь заимствование из Коммунист. Манифеста. Но в установлении целей и практических задач устав становится на реальную почву и говорит почти современным языком. Противопоставляя капитал и привилегированные классы рабочим и становясь, таким образом на классовую точку зрения, наша

программа говорит о пропаганде идеи освобождения рабочих, об об'единении и о «будущей борьбе», т.-е. предвосхищает многое из того, что было внесено впоследствии в рабочее движение русским марксизмом. Мы увидим ниже, что и методы борьбы практиковались такие же: в недрах Союза начинали обособляться профессиональные ячейки, была также попытка организовать стачку, достигшая намеченной цели. А главное — рабочий класс выдвигался здесь, как деятельный и самостоятельный участник борьбы за свое освобождение.

Интересно также отметить, что мы находили необходимым «полное об'единение» рабочих для достижения поставленной цели преобразования общества и ставили ближайшей задачей не революцию, а «будущую борьбу», т.-е. предполагали длительный процесс и таким образом определенно расходились по уставу с преобладавшим направлением революционного народничества того времени, приближаясь к практике и методам борьбы соц.-демократии.

Не следует однако же предполагать, что мы в духе соц.-демократии возлагали только на рабочий класс, т.-е. на пролетариат, все надежды на преобразование общественного строя. Наш устав — не общая программа, а только устав рабочего общества. Ниже мы увидим, что вопрос о крестьянстве у нас поднимался, дебатировался, и мы пришли к решению и крестьянство организовать на подобных же союзных началах (X).

* * *

Е. О. Заславскому было около 33 лет, он давно оставил университетскую скамью, и, следовательно, его студенческие годы относились к половине 60-х годов. Он был, без сомнения, захвачен течением «нигилизма» и отрицания (писаревщины), и это направление наложило на него некоторые черты, правда, своей лучшей и безобидной стороной. То, что более позднее поколение, 70-х годов, приняло от предшествовавшего теоретически, в отвлеченном и не полном виде, было им пережито, перечувствовано, изжито или вошло в обиход жизни (X).

К которому из направлений того времени он примыкал, я не могу сказать. Скорее он работал самостоятельно и обособленно, прибегая только при случае к помощи организаций. Я не был знаком с теоретическими основами народничества, а принципиальные общие вопросы ни разу не возникали на сходках. Но по некоторым признакам его можно было бы причислить к «лавристам», не говоря уже о том, что именно это направление скорее всех других способно было перейти к европейским методам борьбы и сделать попытку организации рабочего союза. На мою просьбу дать мне что-либо из революционной литературы посерьезнее брошюр, я получил от него одну или две книги журнала «Вперед». С этим же журналом он пытался установить непосредственную связь, послав корреспонденцию из Одессы в Лондон с одним из рабочих, поступившим кочегаром на пароход, отходивший туда. Аргументом в пользу моего предположения может также служить метод его пропагандистской работы. Он не призывал к бунту, не проповедывал его, не прибегал к летучей пропаганде, а вел с рабочими, в особенности в первый период своей деятельности, до основания Союза, серьезные занятия общеобразовательного характера. Те пять-шесть рабочих из его прежних учеников, которых я знал, были все очень хорошо грамотны, много знали и читали, и своею интеллигентностью и сознательностью резко отличались от других. Такие развитые и знающие люди редки даже теперь среди рабочих проф. союзов. Об одном из них Е. О. Заславский как-то выразился: «Он начитаннее студента». Такую именно серьезную подготовку рекомендовал для пропагандистов П. Л. Лавров.

Но замечательно, что Е. О. Заславский шел дальше и понимал дело шире в самом начале своей деятельности в Одессе. Он создал довольно значительную для того времени библиотеку хорошо и умело подобранных книг, большею частью, научно-популярного и исторического содержания, на заводе Беллино-Фендриха, на Пересыпи, где вел пропаганду раньше. Библиотека считалась принадлежащей рабочим и была устроена на каких-то кооперативных началах; была, разумеется, негласной, но книгами пользовались все рабочие завода. Там же совместно с рабочими была им же орга-

низована кооперативная баня. Этот оригинальный кооператив своими хозяйственными неурядицами причинил много хлопот своему инициатору; но этот опыт показывает, как близко подходил Е. О. Заславский к жизни рабочих, какая практическая жилка была в нем. Баня просуществовала недолго, вследствие разногласий среди кооператоров и материальных убытков, и, кажется, послужила причиной временного охлаждения Е. О. Заславского к делу. После ликвидации этого предприятия он отдался своей типографии и научным занятиям. Типография тоже была организована на каких-то компанейских началах, по крайней мере, Е. О. Заславский не считал себя вправе расходовать на себя больше, чем полагалось наборщику. Участие его в нашей ссудо-сберегательной кассе тоже относится к такому же виду деятельности, не чисто пропагандистской.

Сблизившись с нами и основав Союз, он стал относиться к своим прежним ученикам довольно холодно и осуждал их за бездеятельность. Отойдя слишком далеко по своему умственному развитию от рабочей массы, они уже не умели или не хотели снова слиться с ней, смотрели свысока на рядовых рабочих, не доверяли им — и не решались принимать в свой тесный кружок. К нашему союзу они тоже относились весьма скептически, и рабочий-библиотекарь очень неохотно выдавал нам книги. Никто из них не был привлечен к нашему процессу, за исключением Наддачина, который на суде не был признан участником Союза и был приговорен только на 3 месяца, кажется, за хранение нелегальной книжки. Их группа, хотя и входила в Союз, держалась обособленно, и они редко посещали сходки.

Е. О. Заславский, вступив в нашу ссудо-сберегательную кассу [1]) и записав членом свою жену, которой рабочие устроили овацию, как первой женщине, вступившей в рабочую кассу, стал еженедельно по воскресеньям приходить вместе с нею к нам на сходки. Он просто и естественно, не вызывая к себе внимания и не поднимая никаких новых

---

[1]) Эта касса была незадолго основана рабочими на заводе, где работал конторщиком М. П. Сквери. Неудовлетворенность основателей одними целями взаимопомощи заставило их искать знакомства с Е. О. Заславским. Прим. ред.

вопросов, вошел в знакомую и близкую ему среду рабочих и вместе с ними пошел дальнейшим, естественным путем.

На сходках и по внешнему виду, и по поведению он ничем не отличался от других. Никогда не произносил речей, у него не было никаких ораторских способностей и поползновений. Обыкновенно он вел простую беседу: начинал разговор с ближайшим соседом, каким-либо житейским вопросом или просто знакомился с ним. К этому разговору прислушивались другие, вмешивались, бросали свои замечания, приводили случаи и примеры из своей личной или фабричной жизни; тема сама-собою ширилась, переходила незаметно к общим вопросам. Никогда он не обращался с речью ко всей сходке; казалось, что у него не было заготовленных тем, намеченных к обсуждению вопросов—все шло само-собою, как в беседе случайно сошедшихся людей, и, уходя со сходки, никто не сказал бы, что он узнал что-нибудь новое и необычайное. Каждому казалось, что только оформилось, ярче осветилось, стало важным то, что раньше смутно чувствовалось и подразумевалось. По крайней мере, я всегда выносил такое впечатление. Не знаю, способствовали ли эти беседы усвоению социалистических идей; Е. О. сам от себя никогда не говорил о будущей революции и не пытался рисовать картин будущего общества, если ему по поводу прочитанной брошюры или книжки не задавали прямого вопроса, на который он отвечал в смысле об'яснения прочитанного и непонятого места в книге. Но, во всяком случае, эти беседы выясняли общее положение рабочего, сплачивали участников общностью интересов, будили мысль и сознание.

«Литература» входила постепенно, а потом появилась в изобилии, но она шла как-то помимо Е. О. Заславского; доставкою ее ведали, кажется, Кравченко и Наумов. Я даже не знаю, имел ли он какое-либо касательство к этой «литературе» и к распространению ее. Повидимому, он только указал или знал ее источник. Наибольшим успехом пользовались номера газеты «Работник», которые зачитывались до дыр, и «Хитрая Механика»; охотно читалась «Сказка о копейке». Из легальной литературы пользовались романами Швейцера—«Эмма», Омулевского — «Шаг за шагом», Шпильгагена — «Один в поле не воин», рассказами Нефедова—«Безоброч-

ный», Наумова—«Сила солому ломит» и др. Касса постепенно отходила на второй план, никто уже не думал о легализации ее, не думали о займах и сбережениях, лишь иногда упоминали и прибегали к товарищеской помощи из кассы. Взносы, однако же, продолжали поступать довольно исправно, и касса, можно сказать, была формальным, об'единяющим центром. Об уставе рабочие, впрочем, напоминали, и Е. О. Заславский набросал проект устава «Братской кассы», включив в него некоторые из прежних правил. Но этот устав не был принят потому, что цели кассы, вероятно, преднамеренно, были намечены весьма неопределенно.

Месяца через три, когда число участников возросло, и образовалось несколько групп, Е. О. Заславский, сообщив об образовании в Ростове-на-Дону такой же организации, предложил нам присоединиться к ней и образовать «Южно-российский союз рабочих». После этого был выработан устав. Интересно отметить, что при обсуждении его, Е. О. Заславский предложил исключить слово «политический», при определении целей союза. Меня это удивило, и до сих пор не ясно: склонялся ли он к аполитизму, довольно распространенному в то время в народничестве или же им руководила просто осторожность на случай провала и преследований. Возражали Я. Рыбицкий и я, а Е. О. Заславский не настаивал на своей поправке.

Как шло дело в Ростове, у меня никаких сведений нет. В Одессе же образовались 6 или 7 групп: группа прежних учеников Е. О. Заславского на заводе Беллино Фендрих, на Пересыпи, группа нашего завода, две городские группы (группа наборщиков и группы позолотчиков); одна или две группы железно-дорожных мастерских, особенно многолюдные и деятельные, под руководством Рыбицкого и Кравченко, и группа рабочих на Слободке-Романовке. Число членов трудно поддавалось учету. В каждой группе было 5—6 преданных делу рабочих, принимавших деятельное участие в делах союза, посещавших все собрания и сходки, читавших и распространявших «литературу» и находившихся в постоянном взаимном общении. Таких в союзе было, вероятно, 50—60 чел., составлявших устойчивое ядро союза, около которого было, во всяком случае, не менее 150—200 чел., которые считались чле-

нами союза, но манкировали взносами и посещениями сходок, хотя и пользовались «литературой»—и разделяли наши убеждения. По развитию и настроению эти рабочие мало чем отличались от участников проф. союзов последующего времени; та же относительная умеренность и сдержанность, склонность придавать большее значение формам и правилам внутреннего распорядка и материальной стороне дела, чем теоретическим и программным вопросам. Классовое сознание пробуждалось, но было довольно смутно и неопределенно. Фабричный режим был тогда более патриархален, личный элемент играл большую роль и затемнял остроту экономических противоречий. Большинство рабочих прошло через ремесленную мастерскую, в которой нажим хозяйчика был ощутительнее и тяжелее, чем на заводах, и этот нажим всецело приписывался личным качествам хозяев и мастеров. На заводах также, за исключением немногих англичан и французов, главные мастера тоже прошли через мелкое ремесло и переносили на завод доморощенные навыки, заимствованные от мелких хозяйчиков: поэтому и конфликты, если случались на заводах, имели большею частью частный, личный характер, а не общий, и разрешались доморощенными способами вывоза мастера на «тачке» или закулисной потасовкой. Кроме того, рабочий класс еще не дифференцировался достаточно и был тесно и родственно связан с мелким мещанством, и узы мелкобуржуазных идеалов и мещанского быта были в нем еще крепки. И если, тем не менее, они шли в союз, то в этом было много товарищеского чувства, смутного протеста, и, быть может, бескорыстного порыва к добру и правде человеческих отношений. Немного было среди них людей, из которых могли бы выработаться такие убежденные борцы за свой класс, как Ян Рыбицкий и Кравченко, один из прежних учеников Заславского, ставший неизменным другом Рыбицкого. Пожилые рабочие, как Лущенко, Наумов (наборщик в типографии Заславского) и другие, сдавленные нуждой, семейные, не видевшие выхода и просвета из своего положения, были более сознательны и стойки; они трогательно верили в Союз, но в то же время были умеренны в своих требованиях и осторожны.

В общем, рабочие были также утопично и оптимистиче-

ски настроены, как и интеллигенция. Царство труда и правды представлялось им близким, возможным в недалеком будущем, через 10—15 лет, по утверждению Рыбицкого, напр., и путь к нему рисовался более мирным и не таким бурно-революционным и кровавым, какой изображался в народнических революционных книжках и прокламациях.

* * *

Пропаганду вели сами рабочие, у нас не было особых пропагандистов—и дело у них спорилось; не может быть никакого сравнения с неумелыми попытками интеллигентной молодежи, поступавшей тогда на фабрики для пропаганды. Сыск еще не был так усовершенствован, как впоследствии; в своей среде рабочие действовали свободно, и пропаганда в короткое время захватила большие круги, в особенности, в жел.-дор. мастерских, куда перешел Рыбицкий. Он не ограничивался мастерской,—где бы он ни был, с кем бы он ни встречался, везде и во всякое время он был, прежде всего, агитатором. Особенно по душе, казалось, была ему летучая пропаганда в незнакомой среде, в случайных встречах, без установления прочной связи. Он посещал трактиры, заводил разговоры со случайными соседями и раздавал книжки и листки. Одна из таких случайных встреч и повела к провалу. Большинство же рабочих и не смотрело на дело, как на пропаганду; они просто делились с товарищами по работе своими мыслями о Союзе рабочих, заинтересовывали их, давали книжки и приводили на сходки, которые становились все многолюднее. Таким образом, вокруг Союза толпилась рабочая масса, вбиравшая в себя идеи Союза и считавшая его своим делом. Союз, несомненно, был бы рано или поздно ликвидирован, даже, если бы ему и не повредила летучая пропаганда посредством книжек и листков, не вполне соответствовавших его целям, но, если предположить возможность его независимого и спокойного развития, то, судя по составу рабочих и по умеренной и осторожной тактике Е. О. Заславского, всегда старавшегося итти в уровень со средой, Союз, вероятно, постепенно пришел бы к целям и задачам проф. союзов. Союз рос и видоизменялся с сознанием рабочей массы.

Приведу один интересный случай из деятельности Сою-

за. Наш завод имел большие срочные заказы, почему введена была сверхурочная 2-часовая работа, т.-е. день удлинен на два часа, при чем администрация не только не уплатила за эти два часа по полуторной расценке, а просто ничего не заплатила, превратив день из 10 час. в 12-часовой. К нашему удивлению, рабочие не заявили неудовольствия и спокойно после получки разошлись по домам. Наша группа решила действовать. Мы составили воззвание, указывали на неправильный расчет, призывали к протесту и предлагали присоединиться к об'единяющему рабочих для борьбы Союзу. Воззвание напечатал Заславский в своей типографии, и мы в понедельник разбросали его по мастерским. Для рабочих это было чем-то диковинным, они с удивлением подбирали и рассматривали прокламации. Грамотеев было немного, и вокруг них собрались группы и на глазах мастеров слушали чтение. Скоро прокламации были отобраны и уничтожены. Понедельник прошел спокойно, но во вторник началось брожение, и в 6 часов без звонка часть рабочих бросила работу и направилась к выходу. Переговоры с администрацией привели к соглашению, за сверхурочные часы было уплочено, хотя и не по полуторной расценке (X).

По группам, так как общих собраний вследствие их многочисленности собирать было в последнее время невозможно, обсуждались общие вопросы, а сводка решений производилась на собрании «депутатов». Таких вопросов, между прочим, помню два: о пропаганде в деревне и о шпионах и предателях. До сих пор ярко помню сценку в душной, маленькой, тускло освещенной комнатке, переполненной рабочим народом. Сидели у стола, на кровати, на внесенных из кухни скамьях; сидели на полу, стояли, опираясь на стены, и толпились у дверей. Из группы у двери отделился высокий, стройный рабочий—украинец, лет тридцати, вышел на средину комнаты с палкой в руке и приподнятым, громким голосом заговорил: «В деревню, к народу надо итти по-апостольски... Посох в руки, котомку за плечи и геть в деревню, из села в село... Книжки читать там не будут, не умеют, грамотеев нема... Словом, проповедывать надо».

Вышло очень картинно и внушительно, но после долгого шумного обсуждения склонились к другому методу, более

соответствовавшему духу и характеру Союза. Предполагалось переселять на постоянное жительство в деревню тех из рабочих, которые сохранили связь с деревней или имеют склонность к крестьянской жизни. На переселение и обзаведение хозяйством средства должен дать Союз. Переселяющийся в деревню прочно оседает там и ведет чисто-крестьянскую жизнь. Около него должны постепенно образовываться группы, тесно связанные между собой и с Союзом. Первым пионером должен был поехать Лущенко, который вообще рвался в деревню. Этот план был потом одобрен Союзом.

В вопросе о шпионах и предателях рабочие пришли к самым крайним решениям, вплоть до смертных приговоров. Когда мы начали чувствовать и замечать тревожные признаки провала, а некоторые из рабочих прямо указывали с уверенностью на предателя, я помню жуткую сходку у меня на квартире. Мы долго и придирчиво требовали ясных и верных доказательств, и когда эти доказательства были даны и решено было, что спасение Союза зависит от того, чтобы быстро устранить предателя, и надо было приступить к жеребьевке для выбора исполнителей смертного приговора, я, чувствуя себя совершенно неспособным к кровавому делу, заявил, что не смогу его выполнить, и просил освободить меня от баллотировки,—меня поразил один рабочий из городской группы. Среднего роста, плотный и ширококостный, он широким, круглым, благообразным лицом, обросшим широкой, густой, черной бородой, гладко причесанными волосами и ровным и спокойным взглядом больших глаз, почему-то напоминал мне диакона или вообще духовное лицо [1]). «Чего же тут не умею?—обратился он ко мне уверенно и спокойно.— Намылил веревку...—и он провел согнутой широкой ладонью правой руки от сжатого кулака левой, как бы намыливая воображаемую веревку,—и петлей... Чего тут страшного?». С жутким удивлением смотрел я на эту спокойную и уверенную решимость, но в себе я ее не нашел. Не нашли и другие. Мы были преданы и пострадали, но до сих пор я не могу себя винить в недостатке решимости.

[1]) Как впоследствии оказалось, это был Ляхович, сын священника, ездивший на пароходе кочегаром с письмом и корреспонденцией в Лондон и выбросивший в море, из опасения обыска на пароходе, полученный им там тючек книг и письма к Заславскому.

Е. О. Заславский имел, повидимому, большие связи и знакомства в революционных и интеллигентских кругах, но он ревниво не допускал их к своему Союзу и проявлял в этом отношении энергию и настойчивость, совершенно, казалось, несвойственную его характеру и немало удивлявшую меня. Если кто-либо из интеллигентов случайно попадал к нам на сходку, он начинал волноваться, утрачивал свое обычное спокойствие, и сходка каким-то непонятным и неожиданным образом наполнялась шумным и горячим спором. Он обвинял интеллигентную молодежь в ребяческой склонности к ненужной конспирации и таинственности.

— Они своими переряживаниями только обращают на себя внимание,—говорил он возмущенно,—снуют без надобности с квартиры на квартиру, с явки на явку, и всегда не просто, а с предосторожностями, с оглядкой, переряживаясь несколько раз в день, и тем только выдают себя и других.

Не говоря уже о несомненном принципиальном и программном расхождении, причины этого разлада лежали, полагаю, в характере и личных качествах Е. О. Заславского и той молодежи, которую он так недолюбливал (X).

Такое же расхождение проникло и в Союз. С одной стороны, был Союз с его чисто-рабочей программой, по самому своему существу стремившийся к устойчивому об'единению и организации массы, что предполагалось продвинуть и в деревню, а с другой—агитационная литература, задача которой была в пробуждении народного сознания и воли постольку, поскольку это было нужно для немедленного революционного под'ема этих масс. Естественно, что в недрах Союза началось брожение и нашлись рабочие, которые, во главе с Рыбицким и Кравченко, не могли примириться с недопущением в Союз людей, несших с собой идеи этой литературы и протестовавших против умеренной и осторожной тактики Е. О. Заславского (X).

Разногласие все усиливалось, и настойчивость с обеих сторон переходила в озлобление. Рыбицкий и Кравченко стали горячими и страстными сторонниками присоединения к Союзу революционной интеллигентной молодежи; они решительно агитировали в пользу ее и даже приглашали в свои кружки в жел.-дор. мастерских. Спор осложнился личными напад-

ками и недоразумениями. Против Заславского поднято было обвинение в «генеральстве», ставили в вину его влияние на рабочих, утверждали, что он противится вступлению в Союз интеллигенции из опасения утратить это влияние. Рыбицкий и Кравченко не посещали сходок, на которых присутствовал Заславский. Наконец, назначен был суд, и собрана общая сходка.

За городом, за Тираспольской заставой, кажется, где ныне расположен хлебный городок, на уединенной полянке, скрытой со всех сторон деревьями и кустарником, собралось около двухсот рабочих. Это была самая многолюдная и в то же время последняя общая сходка. Был солнечный день в конце сентября или в начале октября. Все рабочие принимали живейшее участие в споре Заславского с его оппонентами. Они то расходились по группам и обменивались мнениями между собой, то снова толпились около центра. Заславский в течение двух часов, стоя в толпе, обливаясь потом, задыхаясь от возбуждения и усталости, последовательно и настойчиво опровергал обвинения. Рабочие были почти все на его стороне, и Рыбицкий и Кравченко кончили тем, что вышли из Союза.

Сходка окончилась триумфом Е. Ѳ. Заславского и превратилась почти в демонстрацию. Чтобы не привлекать внимания полиции, решено было расходиться небольшими группами в разные стороны, но рабочие не могли оставить своего любимого учителя и сопровождали его большой толпой. Заславский, казалось, забыл свою осторожность. Толпа прошла по одной из главных улиц предместья (Дальницкая), затягивая песни, и заполнила встретившийся по пути чайный трактир, где долго сидели за чаем в дружной беседе, переходя от одного столика к другому и толпясь там, где сидел Заславский. Часто потом они с особенным удовольствием вспоминали эту «демонстрацию».

Летучая пропаганда в трактире с раздачей листков и книжек, практиковавшаяся Рыбицким, повела к провалу Союза. В октябре он встретил в трактире Толстоносова, слесаря или помощника машиниста на жел. дороге, познакомился с ним и дал ему какую-то брошюру; тот отправился с нею в жандармское управление, а так как у него не имелось до-

статочных сведений, то его инструктировали поближе познакомиться с участниками Союза и достать книг при уличающих обстоятельствах. Толстоносов действительно познакомился с нашими товарищами из железно-дорожной группы и устроил засаду. Он попросил достать для него побольше книг и листовок, об'ясняя, что он уезжает с поездом по линии и постарается распространить их среди железнодорожников. Встреча и передача книг назначена была на станции. Но поведение Толстоносова и его скоропалительная готовность принять участие в деле возбудили подозрение в товарищах, и они, захватив с собою книги, стали издали высматривать Толстоносова. Они заметили, что его сопровождали какие-то для них подозрительные два индивида, которые подходили к дежурному жандарму. Разумеется, товарищи незаметно скрылись и уже стали наблюдать за Толстоносовым, что привело их к полному убеждению в его предательстве. Тем не менее, ему удалось все-таки добыть другим путем от Петра Силенки, из жел.-дор. группы, значительное количество литературы.

Тем временем у нас началась тревога, и собрана была упомянутая раньше сходка, на которой и было решено разделаться с Толстоносовым. Охотников выполнить эту задачу, как я уже говорил, не оказалось.

Так как сведения, доставленные Толстоносовым, были для жандармов недостаточны, они снарядили свою слежку. Вокруг нашего завода появились какие-то новые лица, расспрашивавшие рабочих и вступавшие с ними в разговоры. Так, мне передавали, что у подворотного допытывались, кто такой «Мишель», где живет и т. п. Под этим именем на заводе известен был я. Это не было прозвищем: меня так называли французы-мастера, так же звали меня и рабочие на сходках и на заводе.

Таким образом, почти за месяц или полтора мы знали о нависшей над Союзом опасности и приготовились. Мы притаились, почистили свои квартиры от всего компрометирующего, сходки совсем почти прекратили и ограничились только индивидуальными встречами. Этим об'ясняется, что почти ни у кого из нас при обысках не было найдено какихлибо уличающих материалов, не была обнаружена ни одна сходка.

Аресты начались почти одновременно, в промежутке между праздниками Рождества и Новым годом. Впрочем, кажется, раньше других и именно до праздника был обыскан и арестован Заславский (X).

* * *

По нашему делу было более 60 арестов и обысков; некоторых освобождали немедленно и держали на поруках или под надзором, других совершенно освобождали, — к исходу дознания под арестом было около 15—16 человек. По окончании дознания, жандармское управление передало в ведение Судебной палаты 39 чел., а после предварительного следствия суду предано было 15 челов., которые в конце августа и начале сентября перевезены были в Петербург и водворены в Доме Предварительного Заключения.

Суду Особого Присутствия Правительствующего Сената, где в то время разбирались все дела по государственным преступлениям, преданы были:

1. Заславский, Евгений Осипович, дворянин, 30 лет.

2. Сквери, Михаил Петрович, итальянский поданный, 20 л., из группы зав. Гулье Бланшар.

3. Рыбицкий, Ян (неизвестного происхождения и звания, именов. себя турец. подд. Христофором Яни Рывицким; так именовал его обвинит. акт. По некоторым данным, он был из обедневших дворян Волынск. губ.), из группы жел.-дор. маст.

4. Кравченко, Федор Иванович, одесский мещанин, 23 лет, из группы жел.-дор. мастерских.

5. Лущенко, Степан Дмитриевич, одесс. мещанин, 37 л., из группы завода Гулье Бланшар.

6. Силенко, Петр Максимович, елисаветград. мещанин, 27 лет, из группы жел.-дор. мастерских.

7. Мрачковский, Виталий Яковлевич, ольвиопол. мещанин, 20 л., из. жел.-дор. группы.

8. Наумов, Степан Степанович, липовецкий мещ., 27 л., из город. группы, работавший в типографии Заславского.

9. Короленко, Макар Романович, черкасский мещанин, 19 л., из жел.-дор. группы.

10. Курганский, Михаил Фомич, нежинский мещ., 25 л., из жел.-дор. группы.

11. Наддачин, Николай Борисович, севастоп. мещ., 24 лет, из прежн. учеников Заславского, привезен из Ростова-на-Дону.

12. Волощук, Капитон Мартынович, аккерманский мещ., 35 лет.

13. Ляхович, Митрофан Яковлевич, сын священника, 28 лет, из городской группы.

14. Тараненко, Георгий Никифорович, бессроч. отпускной унтер-офицер, 36 л., из жел.-дор. группы.

15. Соколов, Федор Денисов, 36 л., кажется, из жел.-дор. группы.

Суд продолжался с 23 по 27 мая 1877 года. Обвинял тов. прокурора Де-Росси, из защитников только прис. поверенный Потехин, защищавший Заславского и произнесший блестящую, чуть ли не 3-часовую речь, был по приглашению; остальные были по назначению от суда. Публики на хорах было не более 20—30 чел.—вероятно, родственники и привилегированная публика, пропущенная по билетам. В ложе защитников толпилось много адвокатов. На суде никаких особых инцидентов не произошло. Подсудимые сидели почти безучастно и от последнего слова отказались. Все сознавшиеся, один за другим, как по уговору, заявили о своем отказе от всех своих прежних показаний ввиду их ложности и вынужденности и таким образом, хотя не исправили своей ошибки, но разделили участь своих товарищей.

Суд после довольно непродолжительного совещания приговорил:

Е. О. Заславского—к каторге на 10 лет; Я. Рыбицкого и Ф. И. Кравченко—на 5 лет каторги; С. С. Наумова, П. М. Силенко, М. Я. Ляховича, В. Я. Мрачковского и М. П. Сквери—на поселение, с лишением всех прав; С. Д. Лущенко, М. Р. Короленко и М. Ф. Курганского—в арестантские роты, первого—на 2 года, а последних на 1 год; Г. Н. Тараненко, Н. Б. Наддачина, Ф. Д. Соколова и К. М. Волощука—на 3 мес. тюремного заключения.

Нас еще некоторое время продержали в Доме Предварительного Заключения, но после беспорядков, вызванных расправой Трепова с Боголюбовым, через 2—3 дня нас всех, следовавших в Сибирь и каторгу, перевели в Литовский замок и

через неделю по одному или по два, в сопровождении двух жандармов на каждого, стали отправлять в дальний путь, предварительно заковав в кандалы, обрив головы и переодев в казенное платье.

Меня почему-то не заковали и не обрили. Говорили, что в Литовский замок приезжал тов. прокурора Де-Росси, и после его посещения одна пара кандалов, в числе других, присланных откуда-то в контору тюрьмы, оказалась лишней. Возможно, что компатриот соблаговолил оказать мне эту последнюю услугу. Но когда Рыбицкий и Кравченко возвратились из тюремной конторы в камеру и совершенно растерянные и беспомощные, со слезами на глазах, опустились на пол,—я, сидя рядом с ними на полу и неумело подбирая и подвязывая кандалы, не мог совладать с давившим меня чувством негодования, возмущения и гнева и тоже чуть не плача, машинально и бессознательно повторял: «О, подлецы, подлецы»... Почему-то я в душе мирился с железом, но бессмысленное бритье одной стороны головы представлялось мне диким издевательством над человеком; оно безобразило человеческую голову до неузнаваемости и придавало ей какой-то нечеловеческий, неприемлемый вид. Было больно и мучительно, противно смотреть; казалось, что ты видишь перед собою на твоих глазах истязуемого человека. И сидя здесь, в тюрьме, на полу, я дал себе слово никогда не простить нашим врагам того, что они сохранили и до сих пор применяли к людям этот позорный пережиток человеческой дикости и зверства.

Вот при каких условиях и обстоятельствах был сделан первый шаг в деле развития организованного рабочего движения в России. Мы не были героями, не имели достаточной революционной стойкости и революционного опыта. Мы не «открывали Америки», ибо имели перед собой пример в формах рабочего движения Западной Европы. Но в сумятице бурного стихийного движения семидесятых годов, среди утопических увлечений и ошибок, мы сумели найти правильный, оправданный историей, путь, выдвинув рабочий класс, как самостоятельную, первостепенную активную силу в борьбе за освобождение труда, и имя нашего руководителя Евгения Осиповича Заславского должно занять почетное место в истории рабочего дела в России.

ДЕМОНСТРАЦИЯ НА КАЗАНСКОЙ ПЛОЩАДИ В ПЕТРОГРАДЕ 1876 ГОДА.

Из статьи Г. В. Плеханова «Русский рабочий в революционном движении». Сочинения, т. III. Госиздат. 1923, стр. 148—155. Оратором, выступившим на этой первой в России революционной демонстрации, был Г. В. Плеханов. Примеч. ред.

Уже к концу 1876 года, когда землевольцы только еще приступали к устройству революционных «поселений в народе», пропаганда между рабочими приняла довольно широкие размеры, как в Петербурге (в Галерной Гавани, на Васильевском Острове, на Петербургской и на Выборгской сторонах, на Обводном Канале, за Невской и Нарвской заставами), так и в окрестностях (в Колпине, на Александровской мануфактуре, в Кронштадте и т. д.). Но я уже сказал, что «бунтари» не довольствовались пропагандой и во что бы то ни стало хотели агитировать. Наше настроение увлекло, наконец, и рабочих. В то время у всех была в памяти демонстрация, ознаменовавшая весною 1876 года похороны убитого тюрьмой студента Чернышева, который был арестован по делу 193. Она произвела очень сильное впечатление на всю интеллигенцию, и все лето того года мы, что называется, бредили демонстрациями. Но в Чернышевской демонстрации рабочие не принимали участия, так как произошла она в будни, да и подготовители ее как-то не вспомнили о рабочих. Чернышева хоронила «интеллигенция». И вот рабочим захотелось сделать свою демонстрацию, и притом такую, которая своим резко-революционным характером совершенно затемнила бы демонстрацию «интеллигентов». Они уверяли нас, что если хорошо взяться за дело и выбрать для демонстрации праздничный день, то на нее соберется до 2.000 рабочих. Мы сомневались в этом, но бунтарская жилка заговорила в каждом из нас, и мы сдались. Так произошла известная Казанская демонстрация 6 (18) декабря 1876 года.

Теперь о Казанской демонстрации совсем забыли. Даже сам г. Драгоманов, любивший когда-то упрекнуть ею револю-

ционеров, вспоминает о ней все реже и реже. Но в свое время она возбудила много толков и споров. Одни осуждали, другие превзносили ее, хотя очень часто и те, и другие имели о ней совершенно ошибочное понятие. Для «интеллигенции» цель демонстрации так и осталась невыясненной, вероятно, потому, что в ее подготовлении «интеллигенция» принимала участие только в лице немногих «землевольцев», действовавших в рабочих кварталах Петербурга. Эти люди употребляли все зависевшие от них средства, чтобы привлечь на нее как можно больше рабочих, но об интеллигенции, насколько мне известно, они думали мало: придет, мол, и без зова, а не придет,—беда не велика, пожалуй, даже лучше будет, выйдет чисто рабочая демонстрация. Тем не менее, утром 6 декабря у Казанского собора собралось много учащейся молодежи. Произошло это, как мне кажется, главным образом, потому, что уже в течение всего ноября по Петербургу ходили слухи о какой-то демонстрации, имеющей произойти около Исаакия, и публика была уже подготовлена. Кто задумал эту демонстрацию и какой характер собирались придать ей, мы, «землевольцы», хорошенько не знали, хотя, разумеется, явились бы к Исаакию, если бы там действительно что-нибудь произошло. Но этой демонстрации не суждено было состояться, она все как-то откладывалась от одного праздника до другого, так что нетерпеливые «нигилисты» начали, наконец, сердиться. О демонстрации у Исаакия стали говорить не иначе, как с иронией. Не желая, чтобы публика смешала нас с этими медлителями, мы нарочно выбрали другое место — Казанский собор — для нашей демонстрации. И все-таки, когда в публику проникли слухи о наших замыслах, многие решили, что предстоящая Казанская демонстрация и есть та, которая должна была произойти у Исаакия. Давно жаждавшая сильных впечатлений революционная молодежь отовсюду повалила к Казанскому собору и, сравнительно с рабочими, оказалась там, вопреки нашим первоначальным расчетам, в большинстве.

Рабочих пришло немного: 200—250 человек. И это было совершенно понятно. Если для принадлежавших к революционным кружкам рабочих демонстрация имела смысл агитационной попытки, то для их, незатронутых пропагандой товарищей, она могла быть интересна разве лишь, как новое,

невиданное зрелище. Для деятельного участия в ней у них не было никакого осязательного повода. Поэтому они и не пошли на нее. Еще за несколько дней до демонстрации мы увидели, как несбыточны были розовые надежды задумавших ее революционных рабочих кружков. Но отступать было уже поздно. Мы все видели, как смешны стали в глазах публики слишком осторожные организаторы Исаакиевской демонстрации, и не хотели уподобляться им. Вечером, 4-го декабря, собрание, на котором, кроме нас, землевольцев, были влиятельнейшие рабочие с разных концов Петербурга, почти единогласно решило, что демонстрация должна состояться, если на нее соберется хоть несколько сот человек. На этом же собрании была предложена и одобрена мысль о красном знамени, о котором прежде никто не думал.

Вышитую на этом знамени надпись «Земля и Воля» мы считали наилучшим выражением народных идеалов и требований. Но именно, народу-то, по крайней мере, столичному народу, она и оказалась непонятной. «Как же это так, — рассуждали потом на некоторых фабриках, — они хотели земли и воли. Земля-то это так, земли точно надо бы дать крестьянам, а воля-то, ведь, уже дана. В чем же тут дело?». Вышло, что и со своим девизом: «Земля и Воля» мы опоздали по меньшей мере на пятнадцать лет. Впрочем, местами в крестьянстве слышались на этот счет другие отзывы. Живший в Малороссии товарищ рассказывал мне, что раз при нем между крестьянами зашла речь о Казанской демонстрации. «Они хорошего хотели,—заметил один старик.—этого все хотят, нам всем нужна земля и воля». Тот же старик никак не хотел поверить, что революционеров могут преследовать за столь справедливые требования. «Ничего им не было, — утверждал он, — просто царь призвал их к себе и сказал: подождите, хлопцы, будет вам и земля, и воля; только не надо об этом кричать на улицах». Вообще, о Казанской демонстрации, так или иначе, заговорила вся Россия.

Но как произошла самая демонстрация? Я сказал, что собрание четвертого декабря решило не откладывать ее, если соберется хоть несколько сот человек. Весь следующий день был посвящен нами на беготню по рабочим кварталам. Утром, шестого декабря, на место действия пришли все «бунтарские»

рабочие кружки (лавристы были, разумеется, против демонстрации). В особенности хорошо были представлены гаваньские рабочие: с одного из гаваньских заводов пришла в полном составе целая мастерская, в 40—45 человек. Но посторонних рабочих совсем не было. Мы видели, что сил у нас слишком мало, и решились выжидать. Рабочие разошлись по ближайшим трактирам, оставив у соборной паперти только небольшую кучку для наблюдения за ходом дел. Между тем, учащаяся молодежь подходила большими группами. Находившаяся в церкви, очень впрочем малочисленная, публика уже к концу обедни была поражена странным наплывом совершенно необычных богомольцев. Церковный староста посматривал в их сторону с каким-то тревожным удивлением. Обедня кончилась, странные богомольцы не расходились. Тогда староста вступил с ними в переговоры. «Что вам угодно, господа?» — спросил он, как нарочно, подойдя к группе «бунтарей».

— Желаем отслужить панихиду, — отвечали ему.

— Нельзя сегодня служить панихиду: царский день.

«Бунтари» изумились. Собственно, в план демонстрации богослужение вовсе не входило, но так как революционная публика все продолжала прибывать, и «бунтарям» нужно было выиграть время, то они придумали панихиду просто, как благовидный предлог для дальнейшего пребывания в церкви. Когда староста раз'яснил им, что нельзя служить панихиду, они не долго оставались в смущении.

— Я пойду закажу молебен, — шепнул мне покойный Сентянин.

— Идите, заплатите попам за наш постой, — ответил я, — подавая ему 3-рублевую бумажку.

Сентянин пошел. Но я и до сих пор не знаю, на чем он порешил с попами. Соскучившиеся «нигилисты» стали выходить на паперть, из соседних трактиров подошли заседавшие там «бунтари»—рабочие. Толпа приняла довольно внушительные размеры. Мы решили действовать.

До властей, вероятно, дошли слухи о наших приготовлениях. Однако на Казанской площади полицейских и жандармов было немного. Они смотрели на нас и «ждали поступков». Когда раздались первые слова революционной речи, они попытались, было, протискаться к говорившему, но их сейчас же

оттеснили назад. Все участники демонстрации пришли в страшное возбуждение. Рабочие плотным кольцом сомкнулись вокруг говорившего. «Ребята, держись тесней, не выдавай, не подпускай полиции», — командовал Митрофанов, между тем, как полицейские свистки оглашали площадь. Когда речь была окончена, развернули красное знамя, раздались крики: да здравствует социальная революция, да здравствует Земля и Воля. Митрофанов быстро сдернул шапку с говорившего и. надевши на него какую-то фуражку, закутал башлыком его голову. «Теперь пойдем все вместе, иначе будут арестовывать», — закричали какие-то голоса, — и мы толпой двинулись по направлению к Невскому. Но едва мы сделали несколько шагов, как полиция, подкрепленная сбежавшимися на свистки городовыми и околодочными, стала хватать шедших в задних рядах. Тут общее возбуждение дошло до последней степени. Кто-то скомандовал: «Стой, наших берут!»,—и толпа бросилась отбивать арестованных. Полицейские были смяты и побежали за собор, в Казанскую улицу. Если бы, отразив этот первый неприятельский натиск, революционеры выказали более самообладания, то они, вероятно, смогли бы отступить без потерь и в полном порядке. Землевольцы понимали это и, как только арестованные были отбиты, они закричали, чтобы публика снова сомкнулась в тесные ряды. Но кому из принимавших когда-нибудь участие в подобных столкновениях неизвестно, как трудно ввести в надлежащие границы раз прорвавшиеся наружу страсти. Публика продолжала преследовать обращенную в бегство полицию. Произошел страшный беспорядок, наши ряды совсем расстроились. Между тем к полицейским явилось новое и сильное подкрепление. Целый отряд городовых, в сопровождении множества дворников, быстро приближался к площади по той самой Казанской улице, к которой направились бежавшие полицейские. Увлекшись преследованием, революционеры столкнулись с этим отрядом лицом к лицу. Началась жесточайшая свалка. Силы полиции ежеминутно возрастали. Революционеров окружали со всех сторон. Стройное отступление для них сделалось совершенно невозможным. Хорошо было уже то, что они могли более или менее отступать значительными кучками. Такие кучки по большей части успешно, хотя и не без значительных телес-

ных повреждений, отбивались от нападавших. Но зато тех, которые действовали в одиночку, тотчас хватали и, после зверских побоев, тащили в участки.

У меня нет охоты воспевать подвиги чьих бы то ни было кулаков. Но ввиду зверства, проявленного тогда полицией, я не без удовольствия замечу, что и ей досталось очень порядочно. Революционеры, из которых некоторые были вооружены кастетами, отчаянно защищались. С их стороны в особенности отличился тогда студент N. Высокий и сильный, он поражал неприятелей, как могучий Аякс, сын Телемона, и там, где появлялась его плечистая фигура, защитникам порядка приходилось жутко. Как ни старалась схватить его полиция, он счастливо отбил все нападения и возвратился домой таким же «легальным» человеком, каким пришел на площадь. Пострадавшие от него защитники «порядка» знали только, что их тузил какой-то высокий сильный брюнет, но лица его они совсем не запомнили. Когда потом, уже по окончании столкновения на площади, им встретился на Морской Боголюбов, они вообразили, что он-то и есть их победоносный неприятель. Боголюбова схватили, жестоко избили в участке, а потом, как известно, осудили на каторгу. Но Боголюбов не принимал в демонстрации ни малейшего участия.

Когда, по произнесения речи, развернули красное знамя, его схватил молодой крестьянин Потапов и, поднятый на руки рабочими, некоторое время держал его высоко над головами присутствующих. Полиция заметила его физиономию, однако, арестовать его ей долго не удавалось. Защищавшая его группа решительных и смелых людей медленно отступала по Невскому. Она дошла до угла Большой Садовой. Преследование постоянно ослобевало, и, наконец, повидимому, совершенно прекратилось. Тогда Потапов сел в конку, считая себя уже в безопасности. Но за ним следили шпионы. Пока он был не один, они держались на почтительном расстоянии, а когда спутники его удалились, шпионы бросились за конкой и, остановив ее, арестовали Потапова. На нем нашли знамя, которое само по себе составляло неопровержимую улику. Тем не менее, суд приговорил Потапова лишь к заключению в монастырь «на покаяние». Сравнительная мягкость этого странного приговора об'яснялась будто бы молодостью Потапова. Но известно, что в

русских политических процессах судьи не стеснялись осуждать на каторжные работы, а потом, в военных судах, даже на смерть очень молодых подсудимых. В данном случае умысел был другой. Правительство нашло нужным щадить рабочих. На скамью подсудимых из них попало 10—12 человек, и всем им вынесен был довольно мягкий приговор: некоторых, подобно Потапову, приговорили к монастырскому покаянию, других—к ссылке на поселение в Сибирь; подсудимые же из интеллигенции пошли по большей части на каторгу и притом на очень долгие, неслыханные до тех пор, сроки. Судьи не могли не видеть, что виновность почти всех подсудимых этой последней категории по меньшей мере сомнительна. Зато у двух арестованных рабочих найдены были записки, которые, по замечанию прокурора, «ясно указывали на сговор»; они, действительно, ясно указывали на него, но не менее ясно было и то, что никто из преданных суду «интеллигентных» революционеров в этом сговоре не участвовал. Третье отделение хорошо знало, что главные подготовители демонстрации арестованы не были. Но суд не смутился этим, отомстив арестованным «интеллигентам» за действия скрывшихся. Известно, что правительство всегда установляло в таких случаях род круговой поруки между революционерами. Но ему слишком неприятна была мысль та, что в среде рабочих могут быть такие же неисправимые «бунтовщики», как и в среде «интеллигентов». Оно старалось уверить себя и других, что лишь под дурным влиянием этой последней рабочие перестают быть верными подданными монарха, и очень неохотно сажало их на скамью подсудимых, предпочитая расправляться с ними административным порядком. Это было очень благоразумно. Пока в качестве политических преступников выступали только представители интеллигенции, можно было уверять крестьян, что преступники эти были барами, злившимися на царя за уничтожение крепостного права. По отношению к преступникам из рабочей среды подобные уверения сразу лишались всякого смысла, и образ «бунтовщика» должен был принимать совершенно новый, очень неприятный для правительства, вид в народном воображении. Правительство очень хорошо понимало, какой невыгодный для него оборот примет революционное движение, если, не ограничиваясь

одной интеллигенцией, оно увлечет хоть некоторые слои народа.

Казанская демонстрация была первой попыткой практического применения наших понятий об агитации. Понятия эти были в то время еще слишком отвлеченны, и уже по одному этому не могло быть удачным их практическое применение. Казанская демонстрация наглядно показала, что мы всегда будем оставаться одни, если в своей революционной деятельности будем руководствоваться лишь своим отвлеченным пристрастием к «агитации», а не существующим настроением и данными насущными нуждами той среды, в которой собираемся агитировать.

СТАЧКА НА НОВОЙ БУМАГОПРЯДИЛЬНЕ В ПЕТЕРБУРГЕ В 1878 и 1879 г.г.

Из статьи Г. В. Плеханова «Русский рабочий в революционном движении» (1892 г.). Сочинения, т. III. Госиздат, 1923, стр. 159—179.

Первая стачка на Новой Бумагопрядильне вызвана была в марте 1878 г. значительным понижением заработной поштучной платы и длинным рядом «новых правил», целью которых являлось все то же, любезное предпринимательскому сердцу, удешевление рабочей силы. На этой фабрике существовал небольшой революционный кружок из 10—12 человек, недавно привлеченных, неопытных и мало испытанных. Душою кружка был нелегальный унтер-офицер Гоббст, впоследствии, в июле 1879 г., повешенный в Киеве, а в то время, о котором идет теперь речь, усердно разыскиваемый полицией по делу о пропаганде в войсках Одесского военного округа. Гоббст был не только вполне надежный, но положительно редкий человек. Он один стоил иного кружка. Однако с фабричной средой он не успел хорошенько познакомиться, да притом на фабрике он не работал, а жил по соседству с нею в качестве сапожника-хозяина единственной в той местности «конспиративной» квартиры. Таким образом, непосредственного влияния на рабочую массу он не имел. Ко всему этому нужно прибавить, что на Новой Бумагопрядиль-

не, самой большой из фабрик Обводного канала, занимавшей более двух тысяч человек,—работали тогда, как нарочно, все «серые» люди, недавно попавшие в столицу и в целости сохранившие свои деревенские предрассудки. Можно представить себе поэтому те препятствия, которые должны были встретиться революционерам при их попытке войти в сношения со стачечниками.

Когда извещенные Гоббстом «землевольцы» явились на его конспиративную квартиру, дело обстояло так. Рабочие были вполне уверены, что «начальство» немедленно вступится за них, как только поймет смысл «новых правил». Разубедить их в этом не было никакой возможности. Приходилось уступить их наивной уверенности, предоставив им из опыта узнать, как велика заботливость русского «начальства» о нуждах рабочего класса. Ближайшим к стачечникам представителем власти был местный полицейский пристав. К нему то и обратились они прежде всего со своими жалобами. Пристав оказался большим дипломатом. Чтобы выиграть время, он ласково принял «ходоков» и обещал им «переговорить» с управляющим фабрикой. Простодушные рабочие заранее торжествовали победу. Но прошел день, другой, фабричные станки бездействовали, мелочные лавки стали отказывать стачечникам в кредите, а управляющий не обнаруживал ни малейшей склонности к уступкам. Что же это могло значить? Неужели пристав не «переговорил» с ним? Снова отправились «ходоки» в участок, но на этот раз их приняли там не по-прежнему: пристав находил, что рабочие **обязаны** подчиниться новым правилам, «бунтовщикам» же грозил строгим наказанием. Стачечники усмотрели из этого, что он «снюхался» с управляющим, и решили «итти выше», т.-е. к градоначальнику. Нечего и говорить, что тот сделал для них не больше, чем пристав. Тогда поднялись толки о подаче прошения наследнику.

На все это ушло с неделю, а за неделю революционеры успели уже довольно хорошо сойтись со стачечниками (X).

Сближение с революционерами не мешало большинству стачечников надеяться на помощь со стороны трона. Именно от «орлов»-то и ждали, что они напишут прошение («хорошенькую бумажку!»). Обращаться с такой просьбой к рево-

люционерам значило почти то же, что просить сатану отслужить молебен угоднику. Землевольцы заранее морщились при мысли о такого рода поручении, тем более, что «лавристы», недовольные принятым ими способом действий, давно уже обвиняли их в измене революционным принципам. Но делать было нечего. Веру в царя нужно было разрушить не словами, а опытом. И вот однажды утром в квартиру Гоббста принесен был проект требуемого прошения. Одобренный местным рабочим кружком, он был представлен на рассмотрение рабочего собрания, состоявшегося на обширном дворе Бумагопрядильни. Малолетние рабочие («ребятишки»), все время принимавшие деятельное участие в стачке, рассыпались по прилегающим улицам и переулкам, чтобы в случае приближения полиции во-время предупредить собравшихся. Кто-то (X) взобрался на большую кучу каменного угля и громогласно прочел прошение. Оно вызвало общий восторг. «Вашему Императорскому Высочеству,—говорилось в нем,—не безызвестно, какие плохие были отведены нам наделы и как сильно страдаем мы от малоземелья». — «Верно, верно, — гремела толпа,—только звание, что земля, а пользы от нее никакой».—«Вашему Императорскому Высочеству не безызвестно также, что за эти плохие наделы мы платим огромные подати»—продолжал чтец.—«И это так, и это верно,—одобряли слушатели,—вздохнуть не дают с податями».—«Вашему Императорскому Высочеству не безызвестно, наконец, с какой жестокостью взыскиваются с нас эти тяжелые подати,— раздавалось с высокой каменоугольной трибуны, — нужда гонит нас на заработки в город, а здесь нас на каждом шагу притесняют фабриканты и полиция». Далее следовал разбор вызвавших стачку новых правил, а в заключение говорилось, что, не видя ни откуда защиты, рабочие ждут ее от наследника престола, но если и он не обратит внимания на их просьбу, то ясно будет, что им остается надеяться только на самих себя. Заключение также найдено было очень рассудительным. «Если от наследника ничего не добьемся, то уж надо будет, как-никак, поправляться самим»—решили слушатели. Таким образом, прошение было готово. Но как доставить его наследнику? Итти «ходоком» к Аничкову дворцу никому не хотелось, так как подобное путешествие

могло закончиться очень неприятным образом. Решено было нести прошение целой толпой.

Полиция давно уже догадывалась, что стачечников поддерживают революционеры. «Фискалы» лезли из кожи вон, стараясь выследить «подстрекателей (×).

Прилегавшие к Бумагопрядильне улицы имели уже тогда тот особенный вид, который обыкновенно принимают наши рабочие кварталы, когда в них пахнет хоть маленьким «бунтом»: шмыгают фискалы, озабоченно бегают околоточные, на перекрестках стоят целые кучи городовых, иногда показываются казаки, а не участвующие в «бунте» редкие прохожие боязливо озираются по сторонам, точно вот-вот сейчас произойдет что-то очень страшное (×).

Полиция вошла во вкус арестов и стала хватать прохожих, почему-либо казавшихся ей подозрительными. Так взят был совершенно ни за что, ни про что псковский мещанин, едва только за несколько часов перед тем приехавший в Петербурге и отправившийся на Обводный канал по какому-то частному делу. Почти одновременно с ним схватили на улице двух землевольцев, только что оставивших конспиративную квартиру Гоббста и пробиравшихся во-свояси. Арестовали также несколько рабочих, считавшихся «зачинщиками» и на самом деле принадлежавших к местному революционному кружку. Давно уже подготовлявшаяся, неизбежная полицейская гроза разразилась, наконец, со свойственной ей величавой силой.

Склонив управляющего на некоторые вполне ничтожные уступки, усмирители отпечатали и распространили между стачечниками видоизмененные таким образом «новые правила», об'явив, что всякий рабочий, отказывающийся подчиниться им, будет немедленно выслан на родину. К счастью, отказались все, а всех выслать было бы трудно даже для всемогущей полиции и невыгодно для фабрики.

Стачечники очень сочувствовали арестованным революционерам. «Жаль, что не видели мы, как их брали,—говорили некоторые,—мы отбили бы их у полиции». Что же касается до арестов в их собственной среде, то они скорее ожесточали, чем запугивали рабочих. Во всяком случае, дня через два после описанных происшествий, снова поднялись толки о

подаче наследнику забытого на время прошения, которое и было торжественно отнесено к Аничкову дворцу. Там его принял, для передачи по назначению, градоначальник Козлов. Рабочие уверяли после, что, когда Козлов брал у них прошение, наследник стоял у окна и видел все происходившее. Это обстоятельство было, вероятно, плодом их фантазии, но тем не менее пришлось оно очень кстати. Никто не мог бы убедить впоследствии стачечников, что их прошение скрыли от наследника недоброжелательные к ним придворные.

Отнеся «бумагу» во дворец, градоначальник опять вышел к просителям и об'явил, что теперь наследник приказывает им разойтись, ответ же на их просьбу он даст им через несколько дней. Рабочие немедленно и совершенно спокойно исполнили это приказание.

Полиция притихла, не зная, как отнесется к прошению наследник, и стачка сделалась на время как бы совершенно законным явлением. О ней заговорили в газетах, осуждая действия фабричной администрации. Стачечники сделались героями дня. Адвокаты предлагали им безвозмездные услуги, на них стремились посмотреть, как смотрят на модные диковины (X).

Так как серьезные связи на месте были у одних только «землевольцев», то нечего и говорить, что влияние их на стачечников осталось непоколебимым. Рабочая масса по-прежнему видела в них «орлов» и с доверием прислушивалась к их советам. Мало того, обстоятельства складывались таким образом, что землевольцы могли говорить с нею совсем откровенно. Наследник не сдержал своего обещания, не ответил на просьбу стачечников. Некоторые, более доверчивые из них, продолжали еще ждать и надеяться, но зато другие—и таких с каждым днем становилось больше—решили, что и наследник «не хуже градоначальника» тянет руку управляющего. «Нечего было и ходить к нему, только сапоги трепали»—говорили теперь нередко те самые люди, которые прежде энергичнее всех стояли за подачу прошения. Вынесенный из деревни политический предрассудок быстро уступал месту трезвому взгляду на вещи. Прежде стачечники смотрели на верховную власть, как на верную защитницу

народных интересов. Теперь они стали видеть в ней сообщницу капиталистов. Этот новый взгляд немедленно же выразился в неизвестно кем сочиненной басне о том, что наследник находится в интимной связи с женою управляющего и, кроме того, имеет свой пай в фабричном капитале. Едва ли кто из стачечников верил этой басне, но все повторяли ее очень охотно. Революционерам оставалось только подчеркивать те выводы, к которым пришли рабочие на основании собственного опыта.

Между тем, ничего не отвечая рабочим, наследник, очевидно, дал понять градоначальнику, что желает сохранить нейтралитет, и что поэтому полиция может действовать с обычным своим усердием. Для стачечников вернулось тяжелое время. Полицейские преследования возобновились и росли с каждым днем. Дошло до того, что околоточные врывались в артельные квартиры и, с помощью городовых, насильно тащили рабочих на фабрику. Наиболее упорных отводили в участок, а оттуда в пересыльную тюрьму. По улицам раз'езжали сильные казачьи и даже жандармские отряды, присутствие которых должно было подавлять у стачечников всякую мысль об открытом сопротивлении. Наконец, явилась еще одна редакция «новых правил», сулившая рабочим новые «уступки». Доведенные до крайности, они сдались, и после двухнедельного затишья Бумагопрядильня снова пошла полным ходом (X).

Стачка на Новой Бумагопрядильне, несмотря на свой неудачный исход и на наши политические ошибки, принесла большую пользу делу рабочего движения в Петербурге. За ее ходом внимательно следили все петербургские рабочие, и многие «серые люди», наверное, пришли к тем же выводам относительно царской власти, какие сделаны были ткачами и прядильщиками Обводного канала. Со своей стороны, власть эта, нужно отдать ей справедливость, не упускала случая показать, что она всецело стоит на стороне капиталистов. В конце ноября 1878 года произошла стачка на прядильной фабрике Кэнига за Нарвской заставой. Тамошние рабочие также вздумали обратиться с «прошением» к наследнику, и утром 2 декабря их выборные (30 человек) отправились к Аничкову дворцу. Там

не только не помогли стачечникам, но даже не приняли их прошения (X).

В следующем 1879 году стачечная зараза охватила несколько фабрик одновременно. Обнаружилась она прежде всего на знакомой уже читателям Новой Бумагопрядильне.

С тяжелым сердцем уступив полицейскому насилию, рабочие Новой Бумагопрядильни говорили нам, что они покоряются не надолго и при первом же удобном случае опять забастуют. По правде сказать, мы не верили им, видя в их словах не более, как желание утешить себя и нас в испытанной неудаче. Но мы ошибались. Уже в ноябре 1878 года полиция имела много хлопот с неугомонной Бумагопрядильней. Восьмого ноября (Михайлов день) тамошние рабочие не явились на фабрику, мотивируя это тем, что, дескать, праздник, работать грех. Но на других фабриках работа шла своим чередом, и управляющий Бумагопрядильней вздумал наверстать потерянное время удлинением рабочего дня с 13 часов, как было до тех пор (от 5 часов утра до 8 часов вечера, с вычетом 2 часов на еду), до 13¼ и продолжать работу при этом условии до тех пор, пока из маленьких кусочков времени не составится полный день. Два дня работа шла до 8¼, возбуждая сильное неудовольствие рабочих. На третий день кому-то пришло в голову завернуть главный газопроводный кран в 8 часов. Как только эта мысль была приведена в исполнение, рабочие густой толпой повалили с фабрики, при чем разбили несколько стекол и испортили 9 основ. Верный слуга «отечественной промышленности», полиция, не могла во-время явиться для восстановления «порядка», но зато на следующее утро на фабрику явилась целая орда охранителей, и в течение нескольких дней работа происходила в их благодетельном присутствии, хотя уже не до 8¼, а только до 8 часов. Началось следствие: кто потушил газ? кто мог потушить? Человек 7 рабочих таскали в участок. Пристав горячился и кричал, что «ушлет их в Архангельскую губернию». Однако это не помогло. Рабочие отвечали, что ничего не знают. Одна женщина, работавшая недалеко от крана, показала на допросе, что кран завернул какой-то рабочий, лицо которого было закрыто передником. Кто был этот рабочий — осталось неизвестным; дело при-

шлось передать «суду и воле божией». С тех пор полиция стала зорко следить за рабочими.

15 января следующего года рабочие Бумагопрядильни, по обыкновению, пришли на фабрику рано утром. Несколько часов прошло обычным порядком; но перед обедом в ткацкое отделение явился главный мастер и вывесил об'явление, приглашавшее 44-х ткачей к р а с ч е т у. На вопрос, за что такая немилость, мастер ответил, что эти 44 человека выбрасываются на улицу за свое «бунтовство» и что впредь все неблагонадежные будут прогоняемы. Заявил он также, что вообще администрация фабрики, ввиду постоянных бунтов, думает заменить ткачей-мужчин женщинами и детьми. Речь его была прервана взрывом негодования. Об'явление было изорвано в клочки, сам оратор должен был ретироваться. Ткачи высыпали на улицу и разбрелись по домам обедать. После обеда они собрались перед воротами фабрики густой толпой, через которую не прошел ни один из тех, кто еще колебался пристать к стачке. Директор поспешил известить полицию о новом «бунте». Около фабрики забегали «фискалы», показались околоточные, в полной форме, с револьверами на боку; их сопровождали десятки городовых. Но полиция пока еще не обнаруживала большой стремительности, вероятно, потому, что не получила еще надлежащих наставлений свыше.

К вечеру того же дня ткачи решили, кроме отмены распоряжения об изгнании бунтовщиков, требовать также: 1) повышения заработной платы — 5 коп. на кусок ткани; 2) сокращения рабочего дня на 2½ часа; 3) отмены некоторых штрафов; 4) изгнания нескольких ненавистных им мастеров и подмастерьев; 5) присутствия выборных от рабочих при приеме сдаваемой ими ткани, и, наконец, 6) выдачи им платы «за время стачки, как будто работа и не прекращалась». Требования эти были немедленно записаны и, если не ошибаюсь, отпечатаны в тайной типографии «Земли и Воли».

Слухи о стачке на Новой Бумагопрядильне быстро распространились между фабричными, и на следующий день на Обводный канал явилось 40 выборных от ткачей фабрики Шау (Шавы, как произносили рабочие) за Нарв-

ской заставой. «Шавинские» также решились забастовать и предлагали «новоканавцам» [1]) выработать общие требования. Правда, полного тождества в требованиях стачечников этих двух фабрик быть не могло, так как порядки, практиковавшиеся у Шау, значительно отличались от порядков, существовавших на Бумагопрядильне. У «Шавы» работа шла безостановочно день и ночь, при чем рабочие разделялись на две смены: одни сутки одна смена работала 16 час., а другая—8, следующая—наоборот. Трудолюбивый фабрикант не прекращал работы даже вечером накануне праздников: она приостанавливалась только в 6 часов праздничного утра. Г. Шау заботился также и о продовольствии рабочих: у него была мелочная лавка, в которой они обязаны были покупать продукты. Читатель легко может представить себе, как выгодно это было для заботливого капиталиста. Иногда, придя за получкой в контору, рабочий узнавал, что весь его заработок ушел на уплату по его забору в хозяйской лавке.

С одобрения «новоканавцев», «шавинские» рабочие представили своему хозяину следующие требования:

1) Чтобы на каждый вытканный кусок прибавили платы по 5 коп.

2) Чтобы прогульные дни не считались, если сам хозяин виноват в прогуле.

3) Чтобы основы выдавали хорошие, и чтобы материал выдавался при наших выборных.

4) Чтобы товар не браковали зря; чтобы за этим тоже следили наши выборные.

5) Чтобы не штрафовали за полом инструмента, за отсутствие из фабрики по болезни и надобности.

6) Чтобы за харчи платить не в конторе, как теперь, а в лавке, по получке денег на руки.

7) Чтобы на больницу платилось не по 1¼ коп. с рубля, а по 10 коп. в месяц.

8) Чтобы за кипяток на фабрике рабочие не платили.

9) Чтобы утром давалось время с 8½ до 9 час. на завтрак.

---

[1]) Рабочие называли иногда Обводный Канал Новой Канавой.

10) Чтобы накануне праздников работа кончалась в 8 час вечера.

11) Чтобы газовые горелки расположить как лучше для работы; мы сами укажем место для них; а то теперь в иных местах вовсе свету нет.

12) Чтобы прогнать с фабрики подмастерьев: Никифора Арсеньева и Нефеда Ефимова, Николая Волкова и шпульника Кирилла Симонова. Нам от них нет житья, и мы с ними не хотим работать.

13) За время стачки денег с нас не вычитать, потому что мы не работаем не по своей вине, а по упорству хозяина.

14) Чтобы никого из нас не брали в полицию за то, что не работаем, а тех, что теперь забрали, пусть выпустят.

Пред'явленное фабриканту последнее (14) требование с формальной точки зрения может показаться бессмыслицей. Но в действительности оно имело большой практический смысл, так как аресты рабочих происходили по настоянию и, нередко, по личному указанию фабрикантов. Стачечники нашли полезным предупредить г. Шау, что даже в случае исполнения всех остальных требований они не станут работать, пока не прекратятся аресты и не будут освобождены арестованные.

На сходке представителей от обеих фабрик были, между прочим, обдуманы меры для поддержания беднейших из стачечников. Таких естественно должно было оказаться более у «Шавы», который грозился немедленно прекратить выдачу рабочим припасов из своей лавки. Решено было первые сборы предоставить в распоряжение его рабочих. Сборы же предполагалось делать на всех фабриках и заводах. В этом смысле были напечатаны (разумеется, в тайной типографии) воззвания ко всем петербургским рабочим. Надежда на их помощь не была напрасной: сборы делались почти повсеместно, и возбуждение рабочих во время сборов было подчас так велико, что грозило перейти, а местами и переходило, в забастовку.

На фабрике Мальцева (на Выборгской Стороне) разбросаны были воззвания стачечников. По этому поводу полиция арестовала рабочего, заподозренного в их разбрасывании. Его товарищи заволновались. Пошли толки о том, чтобы

последовать примеру «новоканавцев», но хозяин ласковым обращением и обещанием разных благ в будущем восстановил спокойствие. Г. Чешеру (его фабрика тоже была на Выборгской Стороне) не удалось отделаться одними обещаниями: он вынужден был прибавить по 3 коп. на каждый кусок ткани. Волновались рабочие и на Охте. Так заразительно подействовал пример. А тем временем полиция и фискалы делали свое дело.

Уже в ночь с 16-го на 17-е число произведено было несколько арестов. Арестовано было 6 человек из рабочих Шау, 20 человек—с Н. Бумагопрядильни, один слесарь на Лиговке и т. д. Аресты еще более усилили раздражение рабочих. До 17-го числа только ткачи участвовали в стачке на Н. Бумагопрядильне. С того же числа к ней пристали и прядильщики; фабрика совсем остановилась. О подаче каких бы то ни было «прошений» теперь уже никто не думал. «Новоканавцы» только смеялись, когда мы напоминали им об их прошлогоднем хождении к наследнику: «то-то дураки были»—говорили они (X).

Не желая обращаться к властям ни с какими п р о ш е н и я м и, стачечники нередко пред'являли им теперь очень настойчивые т р е б о в а н и я. Так, например, рабочие Н. Бумагопрядильни решились требовать освобождения своих товарищей, арестованных ночью с 16-го на 17-е января. 18-го числа, часов около 10 утра, толпа около 200 человек собралась недалеко от здания фабрики. Здесь было прочитано и одобрено следующее заявление:

«Мы, рабочие Новой Бумагопрядильни, сим заявляем, что не пойдем на работу, пока не будут уважены все наши заявленные хозяину требования. Что же касается полиции, то мы отказываемся от всякого вмешательства с ее стороны для примирения нас с хозяином, пока не будут освобождены наши товарищи, люди, за которыми мы не знаем ничего худого. Если их обвиняют в чем-либо, пусть судят их у мирового, при чем мы все будем свидетелями их невинности. Теперь же их арестовали и держат без суда и следствия, что противно даже существующим законам».

Когда читалось это заявление, подошел околоточный; он предложил рабочим пойти к участку для об'яснения с

приставом, но они предпочли переговорить с градоначальником. Путь их к дому градоначальника лежал через Загородный проспект. На нем есть или, по крайней мере, был дом «мещанской гильдии» с проходным двором. Едва рабочие прошли через этот двор и вышли на Фонтанку, их аттаковали жандармы с приставом Бочаровским во главе, тем самым приставом, который только что приглашал стачечников притти к нему для об'яснения. По всей вероятности, полиция, еще накануне узнавши о намерении рабочих добиваться освобождения заключенных, заранее приготовилась к отпору, и переданное околоточным приглашение пристава было простой ловушкой. Видя, что не удастся заманить рабочих в участок, г. Бочаровский пустился преследовать их, как Фараон убегавших из Египта евреев.

Произошла свалка. Жандармы мяли лошадьми рабочих, рабочие защищались, как умели (X). Но силы были слишком неравны, нападение было слишком неожиданно. Жандармы победили. К счастью для рабочих, упомянутый проходной двор обеспечил им довольно безопасное, хотя и беспорядочное отступление.

Со времени этой битвы полиция удесятерила свою энергию. Начались беспрерывные аресты. Нескольких так называемых зачинщиков выслали на родину, других—в северные губернии. Рабочих били и даже грабили [1]). Лавочникам полиция прямо запретила давать стачечникам в долг продукты. Зараженные стачкою местности были буквально наводнены «силищей жандармскою». Через несколько дней упорного сопротивления рабочие сдались, получив некоторые ничтожные уступки.

Эта новая неудача изменила настроение бывших стачечников разве только в смысле еще большего озлобления против всяческого начальства и еще большего сочувствия к революционерам.

---

[1]) Один из стачечников проходил недалеко от Н. Бумагопрядильни, играя на гармонике. На него бросился жандарм и выхватил гармонику. Рабочий отправился жаловаться на этот «дневной грабеж» в участок. Его выругали, а гармоники не возвратили.

СЕВЕРНЫЙ СОЮЗ РУССКИХ РАБОЧИХ.

Из статьи Г. В. Плеханова «Русский рабочий в революционном движении». Сочинения, т. III. Госиздат. 1923 г., стр. 182—186. Обращаем внимание на употребление Г. В. Плехановым ходячего, но неправильного названия Союза. Также неправильно употреблялось название: «Южно-Русский Рабочий Союз» 1875 г. (вм. «Южно-Российский Союз Рабочих»). Прим. ред.

«Северно-Русский Рабочий Союз» естественно возник из того ядра петербургской рабочей организации, которое составилось из «старых» испытанных революционеров-рабочих. Формальное основание Союза относится, насколько могу припомнить, к концу 1879 г. Уже с первых недель своего существования он насчитывал не менее 200 членов, а вокруг него группировалось, по крайней мере, столько же сочувствующих, но еще непосвященных в организационную тайну рабочих. Большинство членов его принадлежало к числу «заводских». В каждом значительном рабочем квартале Петербурга были особые кружки, составлявшие местную ветвь Союза. Каждая ветвь имела свою кассу и свою «конспиративную» квартиру. Для заведывания ее делами выбирался небольшой комитет. Члены местного комитета были в то же время членами Центрального Кружка, который собирался через известные промежутки времени по общим делам Союза. В распоряжении Центрального Кружка находилась особая касса, а также союзная библиотека. Центральная касса, как и местные кассы, пополнялась членскими взносами. Около времени второй стачки на Новой Бумагопрядильне в ней было 150—200 рублей. Эта «свободная наличность», как выразился бы г. Вышнеградский, вся ушла на поддержку стачечников, но члены Союза исправно делали свои взносы, и потому пустою касса его никогда не оставалась. Что касается библиотеки, то ею особенно дорожил и гордился Союз. И, действительно, она была самым ценным его достоянием. Составилась она частью из купленных рабочими, а больше из пожертвованных интеллигенцией книг. Собирались эти книги в течение целого года и собирались так старательно, что едва ли хоть

один гражданин «интеллигентной» республики Петрополя избежал книжного налога. Много хламу подарила рабочим интеллигенция, но подарила не один хлам. По пословице «с миру по нитке — голому рубаха», у Союза образовался большой запас книг по самым различным отраслям знания. Число книг было так велико, что нельзя было хранить их в одной рабочей квартире. Вследствие этого, библиотека была подразделена на несколько частей и развезена по различным рабочим кварталам. Каждый квартал имел своего библиотекаря, у которого был полный список всех принадлежащих Союзу книг. Если кто-нибудь из членов местной ветви выбирал по этому списку такое сочинение, которого не было в библиотеке данного квартала, то библиотекарь представлял заявленное требование очередному собранию Центрального Кружка, и книга доставлялась из другого квартала. Благодаря такой постановке дела, полиции все же не так легко было открыть существование библиотеки и «накрыть» ее обладателей. Пользовались книгами, через посредство знакомых членов, и непринадлежавшие к Союзу рабочие, но о существовании библиотеки, разумеется, не знали.

Практика скоро обнаружила главнейший недостаток новой организации. Союз, как целое, мог действовать только по решению Центрального кружка, собиравшегося раза два в неделю. Занятые работой и живущие в различных частях города, а иногда и за городом, члены Центрального Кружка не могли встречаться чаще. Но и в промежуток времени между двумя его собраниями могли совершиться события, требовавшие немедленного действия со стороны Союза. Как поступить в таком случае? Устав не говорил. Когда началась вторая стачка на Новой Бумагопрядильне, до очередного собрания Центрального Кружка оставалось два дня. Халтурин, тотчас узнавший о ней, очутился в очень затруднительном положении: до очередного собрания стачка легко могла бы быть подавлена полицией, а между тем, чтобы обегать всех членов Центрального Кружка и созвать их на чрезвычайное собрание (известно, что к почте русские революционеры, по понятной причине, прибегают очень неохотно), надо было тоже не менее двух дней. Замедление, во всяком случае, было неизбежно, и Халтурину пришлось на первое время ограничиться личными

сношениями со стачечниками. Придать организации Союза большую легкость и подвижность можно было лишь избранием особого распорядительного комитета, состоящего из небольшого числа лиц и имеющего право, в важных случаях, действовать по собственному усмотрению, не дожидаясь собрания. К этой мысли, кажется, и пришли потом члены Союза.

Возникновению Союза нельзя было не радоваться даже с нашей тогдашней, народнической, точки зрения. Но программа его причинила нам не малое огорчение. В ней—о, ужас! — прямо было сказано, что рабочие считают завоевание политической свободы необходимым условием дальнейших успехов своего движения. Мы, презиравшие «буржуазную» свободу и считавшие ее опасной ловушкой, оказались в положении высидевшей утят курицы.В особой заметке, посвященной обзору новой программы, редакция «Земли и Воли» мягко, но решительно высказалась против рабочей ереси. В заметке повторены были те доводы, которые обыкновенно выставлялись народниками и бакунистами против «политики». Но членам союза такие доводы перестали казаться убедительными. В ответ на заметку они прислали длинное письмо в редакцию, в котором говорили, что решительно не видят, как может успешно итти рабочее движение при отсутствии политической свободы, и каким образом для рабочих может быть невыгодно приобретение ими политических прав. Тяжело было народникам слышать от рабочих столь «буржуазные» рассуждения! Но еще тяжелее поразило их почудившееся им в письме презрение Союза к крестьянству. Дело в том, что, защищая свое требование политической свободы, авторы письма сказали, между прочим, что ведь они, рабочие, не Сысойки. Это выражение истолковано было революционной интеллигенцией в смысле кичливого презрения к деревне. Но правильно ли было подобное истолкование? Конечно, нет. Слова: «мы не Сысойки» свидетельствовали только о том, что русские рабочие уже тогда стояли бесконечно выше того «простонародья», на которое ссылались все социалисты — противники политической свободы. С давних пор наши социалисты «из интеллигенции» утверждали, что «простонародью не нужно свободы печати, так как книг и газет оно не читает, и, следовательно, цензурным уставом не интересуется; что ему не нужно поли-

тических прав, так как, задавленное бедностью, оно политической жизнью своей страны не интересуется; что его интересы затрагиваются только экономическими порядками, политические же формы для него безразличны и т. п., и т. п. Так рассуждал иногда еще Чернышевский, и также рассуждали и мы, когда предостерегали рабочих от увлечения политикой. Но развитому рабочему очень трудно было согласиться с нами. «Как же это так? Простому человеку не нужно свободы печати, потому что он ничего не читает; не нужно политических прав, потому что он не интересуется борьбою политических партий! Что же хорошего в простом человеке, отличающемся подобными отрицательными свойствами? Ведь, это Сысойка! И, ведь, пока простонародье будет состоять из Сысоек, социализм останется несбыточною мечтою! Простонародье должно читать, и поэтому должно добиваться политических прав; оно должно иметь свои союзы и собрания, и потому должно добиваться свободы союзов и собраний. И не только должно. Оно отчасти уже читает книги, уже чувствует потребность в союзах и собраниях, уже стремится выступить на политическую арену. Оно уже переросло Сысоек. Мы, рабочие, уже не таковы, каким воображают народ его интеллигентные доброжелатели. Доказательством этому служит наше собственное движение. Но все это только начало. Если мы хотим итти вперед, нам непременно нужно сбить заграждающие наш путь полицейские рогатки!». Вот— смысл ответного письма Союза и в особенности слов «мы не Сысойки». Может быть, авторы письма не выяснили его себе тогда со всех сторон; может быть, Сысоек они упомянули не затем, чтобы одним метким словом характеризовать тот идеальный «народ», которого бунтари готовы были противопоставлять будто бы зараженному буржуазным духом петербургскому пролетариату. Но характеристика все-таки была дана, хотя бы и не преднамеренно. «Северно-Русский Рабочий Союз» сознавал, что он состоит не из Сысоек. И именно это сознание свидетельствовало об его политической зрелости.

Как бы там ни было, будущий историк революционного движения в России должен будет отметить тот факт, что в семидесятых годах требование политической свободы явилось,

прежде всего, в рабочей программе. Это требование сближало «Северно-Русский Рабочий Союз» с западноевропейскими рабочими союзами, придавало ему социал-демократическую окраску, говорю,—окраску, потому что вполне социал-демократической программу Союза признать было бы невозможно. В нее вошла немалая доза народничества. Этой прилипчивой болезни трудно было избежать в России, да притом авторы программы, разойдясь с нами по коренному вопросу о политической свободе, не чужды были, кажется, желания позолотить пилюлю, порадовав нас народническими требованиями.

Напечатанная в виде отдельного листка программа Союза не была, к сожалению, перепечатана ни в одном революционном издании. Найти ее теперь можно было бы только в архивах покойного Третьего отделения [1]). Говоря о ней на память, я не могу входить ни в какие подробности.

Известие об основании Союза радостно встречено было рабочими повсюду, куда доходило. Варшавские рабочие приветствовали петербургскую организацию адресом, в котором говорили, что пролетариат должен быть выше национальной вражды и преследовать общечеловеческие цели. Союз отвечал им в том же духе, выражая надежду на скорую победу над общими врагами, и заявлял, что не отделяет своего дела от дела рабочих всего мира. Это был едва ли не первый пример дружеских сношений русских рабочих с польскими.

Союз не думал ограничивать поле своей деятельности одним Петербургом. Самое название его («Северно-Русский Союз») принято было лишь на время, лишь до тех пор, пока не пристанут к нему рабочие провинциальных городов. Идеалом вожаков Союза была единая и стройная всероссийская рабочая организация.

---

[1]) См. ниже программу Союза, приведенную нами по статье В. Бурцева в «Былом» 1906 г., № 1. Прим. ред.

К РУССКИМ РАБОЧИМ!

ПРОГРАММА «СЕВЕРНОГО СОЮЗА РУССКИХ РАБОЧИХ».

«Былое» 1906 г., № 1.

Сознавая крайне вредную сторону политического и экономического гнета, обрушивающегося на наши головы со всею силою своего неумолимого каприза, сознавая всю невыносимую тяжесть нашего социального положения, лишающего нас всякой возможности и надежды на сколько-нибудь сносное существование, сознавая, наконец, более невозможным сносить этот порядок вещей, грозящий нам полнейшим материальным лишением и парализацией духовных сил, мы, рабочие Петербурга, на общем собрании от 23 и 30 декабря 1878 г. пришли к мысли об организации обще-русского союза рабочих, который, сплачивая разрозненные силы городского и сельского рабочего населения и выясняя ему его собственные интересы, цели и стремления, служил бы ему достаточным оплотом в борьбе с социальным бесправием и давал бы ему ту органическую внутреннюю связь, какая необходима для успешного ведения борьбы.

Организация Северного Союза Русских Рабочих должна иметь строго определенный характер и преследовать именно те цели, какие поставлены в ее программе.

В члены этого Союза избираются исключительно только рабочие и через лиц более или менее известных, числом не менее двух.

Всякий рабочий, желающий сделаться членом Союза, обязан предварительно ознакомиться с нижеследующей программой и с сущностью социального учения.

Все члены Союза должны сохранять между собою полную солидарность, и нарушивший ее подвергается немедленному исключению. Член же, навлекший на себя подозрение, изобличающее его в измене Союзу, подвергается особому суду выборных.

Каждый член обязан вносить в общую кассу Союза известную сумму, определяемую на общем собрании членов.

Делами Союза заведывает комитет выборных, состоящий из 10 членов, на попечении которого лежат также обязанности по кассе и библиотеке. Общие собрания членов происходят раз в месяц, где контролируется деятельность комитета и обсуждаются вопросы Союза.

Собрание уполномочивает комитет только в действиях, являющихся непосредственно в интересах всего Союза.

На обязанности комитета лежит также право сношения с представителями провинциальных кружков и фракций рабочих России, принявших программу Северного Союза.

Провинциальные фракции Союза удерживают за собой автономное значение в сфере деятельности, определяемой общей программой, и подчиняются только решениям общих представительных собраний.

Центральная касса предназначается исключительно на расходы, необходимые для выполнения планов Союза и на поддержку рабочих во время стачек.

Библиотека имеет целью бесплатно удовлетворять потребности столичных рабочих, даже и не принадлежащих к Союзу.

Расходы на ее содержание и на выписку книг идут из кассы Союза и из сумм, жертвуемых рабочими.

Северный Союз Русских Рабочих, тесно примыкая по своим задачам к социально-демократической партии Запада, ставит своей программой:

1) Ниспровержение существующего политического и экономического строя государства, как строя крайне несправедливого.

2) Учреждение свободной народной федерации общин, основанных на полной политической равноправности и с полным внутренним самоуправлением на началах русского обычного права.

3) Уничтожение поземельной собственности и замену ее общинным землевладением.

4) Правильную ассоциационную организацию труда; предоставляющую в руки рабочих-производителей продукты и орудия производства.

Так как политическая свобода обеспечивает за каждым чело-

веком самостоятельность его убеждений и действий и так как ею прежде всего обеспечивается решение социального вопроса, то непосредственными требованиями Союза должны быть:

1) Свобода слова, печати, право собраний и сходок.

2) Уничтожение сыскной полиции и дел по политическим преступлениям.

3) Уничтожение сословных прав и преимуществ.

4) Обязательное и бесплатное обучение во всех школах и учебных заведениях.

5) Уменьшение количества постоянных войск или полная замена их народным вооружением.

6) Право сельской общины на решение дел, касающихся ее, как-то: размера податей, надела земли и внутреннего самоуправления.

7) Уничтожение паспортной системы и свобода передвижения.

8) Отмена косвенных налогов и установление прямого, сообразно доходу и наследству.

9) Ограничение числа рабочих часов и запрещение детского труда.

10) Учреждение производительных ассоциаций, ссудных касс и дарового кредита рабочим ассоциациям и крестьянским общинам.

Вот в главных чертах та программа, руководиться какою постановило себе задачею общее собрание петербургских рабочих от 23 и 30 декабря.

Путем неутомимой и деятельной пропаганды в среде своих собратьев Северный Союз надеется достичь тех результатов, которые выдвинет и у нас рабочее сословие и заставит заговорить о себе, о своих правах; посему на обязанности каждого члена этого Союза лежит священный долг вести посильную агитацию в угнетаемой и отзывчивой на требования справедливости рабочей массе. Услуга эта не останется забытой потомством, и славное имя его, как апостола евангельской истины, занесется в летописи истории.

Рабочие, вас мы зовем теперь, к вашему голосу совести и сознанию обращаемся мы!

Великая социальная борьба уже началась, и нам нечего ждать; наши западные братья уже подняли знамя освобождения миллионов, и нам остается только примкнуть к ним.

Рука об руку с ними пойдем мы вперед и в братском единении сольемся в одну грозную боевую силу.

На нас, рабочие, лежит великое дело—дело освобождения себя и своих братьев, на нас лежит обязанность обновления мира, утопающего в роскоши и истощающего наши силы—и мы должны дать его.

Вспомните, кто первый откликнулся на великие слова Христа, кто первый был носителем его учения о любви и братстве, перевернувшего весь старый мир?—простые поселяне... Мы тоже зовемся к проповеди, мы тоже призываемся быть апостолами нового, но в сущности только непонятого и позабытого учения Христа. Нас будут гнать, как гнали первых христиан, нас будут бить и издеваться над нами, но будем неустрашимы и не постыдимся их поруганий, так как одно это озлобление против нас покажет нам их бессилие в борьбе с нравственным величием идей, в борьбе с той силою, какую мы представим собою.

«Вы развращаете мир, — скажут нам, — вы разрушаете семью, вы попираете собственность и оскверняете религию».

Нет, будем отвечать им, не мы развращаем мир, а вы, не мы причиною зла, а вы. Напротив, мы идем обновить мир, возродить семью, установить собственность, как она должна быть, и воскресить великое учение Христа о братстве и равенстве...

Рабочие, становитесь смело под наше знамя социального переворота, сомкнитесь в дружную, братскую семью и, опоясавшись духовным мечем истины, идите проповедывать свое учение по городам и селам!

Ваше будущее лежит в этой спасительной пропаганде, и ваш успех зависит от нравственной силы вашей; с нею мощны вы, с нею вы покорите мир. Знайте, что в вас заключается вся сила и значение страны, вы—плоть и кровь государства, и без вас не существовало бы других классов, сосущих теперь вашу кровь. Вы смутно сознаете это, но у вас нет организации, нет идеи, которой бы вы руководились, нет, наконец, нравственной поддержки, столь необходимой для дружного отпора врагу. Но мы, рабочие-организаторы Северного Союза, даем вам эту руководящую идею, даем вам

нравственную поддержку в сплочении интересов и, наконец, даем ту организацию, в какой нуждаетесь вы.

Итак, за вами, рабочие, последнее слово, от вас зависит участь великого Союза и успех социальной революции в России!

11 января 1879 года.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ «ЗЕМЛИ И ВОЛИ» ОТ РАБОЧИХ «СЕВЕРНОГО СОЮЗА».

Письмо было помещено в № 5 «З. и В.» Перепечатываем его из книги «Революционная Журналистика 70-х годов», под ред. Б. Базилевского. Примеч. ред.

С выражением крайнего сочувствия и одобрения прочли мы ваши краткие, немногословные, но искренние и честные замечания, помещенные в № 4 «Земли и Воли», по поводу нашей программы.

После того, что многим из нас пришлось слышать, эти замечания, эта искренность тона, с какой вы обращаетесь к нам, признаться, довольно неожиданны. Действительно, нас называли выскочками, упрекали в недомыслии, противоречиях, порицали за слог, а многие даже прямо относились с недоверием, видя в нашей программе произведение интеллигентных рук, написанное больше для «острастки», и посему ничего не выражающее собою (до того еще не доверяют нашим силам, до того еще привычка смотреть на нас, как на неспособную скотину, вкоренена во многих).

Здесь мы не намерены особенно касаться тех или других отзывов, слышанных нами, не намерены также подробно распространяться по поводу нашей программы; скажем только то, что без ошибок и прорех ничего не удается сначала, и это особенно относится к кудреватости слога, за каковую вы справедливо и досадуете на нас. Действительно, кудреватость слога—наш грех, и мы его берем на себя. Поговорим теперь о тех упреках, которые посыпались на наши головы тотчас по выходе «программы рабочих».

Главное обвинение сводилось к тому, что в нашей про-

грамме замечается путаница понятий и воззрений на различные оттенки революционной партии Запада и, в особенности (что-де очень странно), замечается смешение социалистических требований с конституционными. Мы верим, что наша программа должна действительно была вызвать порицания именно этою стороною, но только мы, со своей стороны, ничего в ней нелогичного не видим. Ведь, собственно говоря, если мы разбираем какое-нибудь суждение, то нам нужно обратить внимание только на то, есть ли в нем логика, а не на то—из чьих мыслей и слов это суждение. Между тем многие, как видно, именно и обращают свое внимание только на последнее, и посему в своих замечаниях доходили до того, что требование политической свободы нами, рабочими, считали просто нелепым и невяжущимся с вопросом об удовлетворении желудка.

Вот здесь-то, признаться, мы и не видим никакой логики, ничего, кроме недомыслия. Ведь, высказать подобные соображения—значит прямо отказывать нам даже в малейшем понимании окружающих явлений, значит прямо глумиться над нашими мозгами и приписывать разрешение социального вопроса одним только желудкам. Боимся, чтобы при таком узком разрешении мы не пожрали друг друга... Разве мы сами не знаем, что лучше быть сытым и мечтать о свободе, чем, сидя на пище св. Антония, добиваться свободы. Но что же делать, если логика желаний и помыслов уступает перед нелогичностью истории и если политическая свобода является прежде социального удовлетворения. Нас можно было бы еще упрекать, если бы мы составляли свою программу где-нибудь в Подлипной, обитатели которой дальше своей деревни, да назойливого попа соседнего селения ничего не ведают. В этом случае наша программа, кроме усмешки, конечно, ничего бы не вызвала, так как представления о Сысойке, умеющем хорошо лущить древесную кору для своего желудка, и о политической свободе как-то не вяжутся. Но в том-то и сила, что мы уже вышли из условий этой жизни, начинаем сознавать происходящее вокруг нас, а главное, что и заставило, особенно нас выставить, повидимому, чуждые нам требования, мы составляем организацию не ради ее самой, а ради дальнейшей пропаганды и активной борьбы. На-

ша логика в данном случае коротка и проста. Нам нечего есть, негде жить — и мы требуем себе пищи и жилища; нас ничему не учат, кроме ругательств и подпалочного подчинения—и мы требуем изменения этой первобытной системы воспитания. Но мы знаем, что наши требования так и останутся требованиями, если мы, сложив руки, будем взирать с умилением, как наши «державные» и другие хозяева распоряжаются нашими животами и пускают деревенских собратьев по миру. И вот мы сплачиваемся, организуемся, берем близкое нашему сердцу знамя социального переворота и вступаем на путь борьбы. Но мы знаем также, что политическая свобода может гарантировать нас и нашу организацию от произвола властей, дозволит нам правильнее развить свое мировоззрение и успешнее вести дело пропаганды,—и вот мы, ради сбережения своих сил и скорейшего успеха, требуем этой свободы, требуем отмены разных стеснительных «положений» и «уложений». Такое требование тем более удобовыполнимо, что оно по вкусу говорунам — этим деятелям будущей всероссийской говорилки,—следовательно, на осуществление его рассчитывать не так трудно. Да не подумают, чтобы и в самом деле политическая свобода входила в наши особенные планы и расчеты и для нее мы отводили столь же почетное место, как и для основного нашего требования. Нет, мы только говорим, что так было бы лучше, что эта свобода все-таки очень важное условие для скорейшего переворота и более или менее осмысленного решения социального вопроса; а осмысленность в движении, как и сами знаете, есть в свою очередь, опять весьма важное условие для желанного исхода революции. Этим мы вовсе не хотим сказать, что ради осмысленности социальной революции мы желали бы ее оттянуть на бесконечно длинное время. Вовсе нет, мы только говорим, что нужно пользоваться всем, что можно достать, нужно обращать внимание на все, что окажет услугу в нашем деле.

Гораздо важнее для нас ваши замечания относительно наших недостатков и пробелов по аграрному вопросу.

Действительно, мы уже чересчур увлеклись рассмотрением своего городского положения, чересчур пропитались духом различных программ Запада, и вот оказалось, что для на-

шей деревни в своей программе мы отвели очень немного места. Но, да извинят нас за этот промах, тем более, что забывать деревню—не есть дело нашего ума и чувства. Для нас столько же дорог мужичок с его родными лесами, как и фабричный, а улучшение быта первого даже важнее, потому, что тогда ни один кулак не вызвал бы нас с своих полей служить своему ненасытному брюху. Не место, конечно, толковать здесь, в чем бы мы ни полагали разрешение аграрного вопроса и улучшение быта крестьянина. Мы знаем, что с него дерут все, что можно содрать, отнимают все, что можно отнять, в виде податей, повинностей, оброков и поборов «в пользу», да «на пользу». И все это, конечно, взимается, как и следует, по закону. Знаем также, что у нашего крестьянина нет ни порядочных школ, ни училищ, ничего такого, чтобы хоть маломальски могло развить его духовную сторону. И это также в порядке вещей; потому, если на христолюбивое воинство и на различные затеи царских потешников и скоморохов издерживаются сотни миллионов, то на образование и не откуда брать более 13-ти. Но самое главное, что гнетет нашего мужика, так это—недостаток земли. Дадут ему две десятины, много три-четыре песку, пожелают при сем всех благ и оставят на произвол судьбы. «На, мол, хоть виноград сей; вмешиваться в хозяйство не станем, лишь бы денежки к сроку». Ну, вот и сеет он виноград в поте лица, чтобы потом «для вкуса» пересыпать его мякиной или древесной корой. И платит за этот подарок крестьянская семья 18—25 рублей, а на помещичьих землях так и все 40 руб. И это за какие-нибудь 7—10 десятин песку, да несколько десятин лесных и луговых угодий. Хорошо, если еще какая скотина есть, а то хоть «взвой, да беги». Посему увеличение наделов сообразно потребностям семьи, насчет незанятых помещичьих земель, узаконение только тех повинностей, которые прямо идут на удовлетворение нужд и потребностей крестьянской общины и на устройство школ и сельско-хозяйственных училищ,—вот, что в общих чертах можем добавить к своей программе и выставить с своей стороны необходимыми требованиями.

Теперь выскажем несколько слов по поводу ваших искренних опасений за целость и сохранность наших членов и нашей молодой организации.

Смеем вас уверить, что эти опасения неосновательны, и нам едва ли может угрожать что-нибудь больше, чем и вам. Если 10 лет тому назад нашей полиции не удалось покончить с горстью социалистов, то тем более, теперь. Нет, у нас не родилось такой синей чуйки, которая бы имела смелость перевешать нас всех на одной осине; нет ни одного еще такого жандармского глаза, который мог бы отличить социалиста от простого смертного. Важен был только почин; но он сделан, и теперь едва ли что способно заглушить ту идею, которая соединила нас воедино, и тем более вероятно, что уже теперь мы насчитываем членов «Союза» только в Питере около 200 человек, не говоря о других 200 человек, на которых вполне можно положиться и которые, не сегодня так завтра, сделаются нашими сочленами.

Точно то же можно сказать и относительно решения—выдавать книги всем рабочим без исключения, как решения, не противоречащего чувству самосохранения. В библиотеку вхожи только люди, вполне испытанные и надежные, и потому про местонахождение ее знают сравнительно очень немногие. На этих немногих лежит уже ответственность перед библиотекой и самими собой.

Книги, передаваемые членом в руки знакомых и далее, весьма мало могут сказать любопытному ищейке. Скорее такая передача будет носить на себе характер частного пользования. Правда, от этого библиотека терпит иногда значительный ущерб, книги теряются, но что же делать?

Со временем, когда подробнее определятся условия выдачи книг, можно будет избегать и этого недостатка.

Выше мы сказали, что число членов «Союза» достигает в настоящее время до 200 человек, т.-е. в состав организации вошли наиболее деятельные, наиболее выдающиеся рабочие-социалисты Петербурга. Избрание в члены никаким особенным «искусом» не обусловливается, и исключительное внимание обращается лишь на то, чтобы оно удовлетворяло основным положениям программы о принятии в члены. Правда, при значительном количестве членов, не так-то легко достается сближение, не так ясно для многих представляются самые цели, к которым решено стремиться (о чем говорите и вы), не так, наконец, дружно может приводиться в исполне-

ние известное решение; но наши воззрения на организацию таковы, что количественное превосходство не должно мешать качеству энергичных и деятельных членов и что, напротив, решающее значение этих последних будет воспитательным образом отражаться на всех. Первоосновная цель наша—организовать рабочие силы и отвести им надлежащее место для деятельности; посему различные оттенки мнений, а также характер и направление социалистической деятельности, клонящейся в конечном результате к одному и тому же, для нас не должны иметь особенного значения.

Как думаем мы вести борьбу, в чем проявлять свою силу и какой именно программы придерживаться в окончательной форме,—обо всем этом надеемся поговорить в свое время, когда будем иметь возможность вернее наметить путь и обстоятельнее определить свои непосредственные цели. Теперь же скажем только, что при слабости еще организации, при недостатке энергичных боевых сил, наша деятельность в массе будет носить на себе характер пропаганды и мирной агитации в среде рабочего и крестьянского люда. Но этим мы вовсе не хотим сказать, что более или менее открытая борьба, как активное участие и агитация во время стачек, исключается пока из нашей программы действий. Напротив, мы должны пользоваться всеми удобными моментами, всеми случаями, где бы могли открыто заявлять свою силу как единичную, так и массовую. Если вы понимаете нас и если сознаете всю важность правильной постановки и решения вопросов в деле нашей организации, то и не будете слишком требовательны к нам, как, повидимому, желалось бы многим. Все эти и тому подобные вопросы, в которых весь «Союз» заинтересован так близко, мы намеревались разобрать на столбцах своей газеты, где, между прочим, постарались бы развить и сущность нашей программы. Но, к сожалению, это желание, близкое было уже к осуществлению, по обстоятельствам, от нас независящим, так и осталось пока желанием. Мы лишились посему на время одного из самых важных рычагов нашей агитационной деятельности—печатного слова и лишили в то же время рабочую и крестьянскую массу той пищи, в какой она теперь наиболее нуждается.

Сотоварищи! Вы знаете, насколько важна в настоящее

время эта пища, о какой мы говорим, но вы знаете также, что ваш орган «Земля и Воля» не может служить ею для массы. Поэтому с искренним сочувствием мы отнеслись к дошедшему до нас слуху, что вы намерены в скором времени выпустить в свет народную социалистическую газету.

Пожелаем же вам от лица всего союза полного успеха в этом благородном и дорогом для нас всех начинании.

ГАЗЕТА «СЕВЕРНОГО СОЮЗА РУССКИХ РАБОЧИХ» «РАБОЧАЯ ЗАРЯ».

Это первый и единственный номер печатного органа «Северного Союза», арестованный при самом его выходе. Он недавно был найден в Петроградском Историко-революционном архиве (бывш. Архиве Департамента Полиции) в корректурном оттиске и перепечатывается нами из «Пролетарской Революции» № 3. Примеч. ред.

«РАБОЧАЯ ЗАРЯ».

№ 1. Петербург, 15 февраля 1880 года.

Слыхали вы верно, братцы, что недавно здесь в Петербурге были арестованы две тайные типографии, меж нами правительственные шпионы хотели распустить и распускали слухи, что издатели этих тайных изданий злодеи, губители что они нарочно хотят бунтовать народ,—были только беспорядки,—чтобы самим было легче наживаться при этих беспорядках. Не верьте этому, братцы. Правительство хочет только затуманить нам глаза, хочет скрыть от нас правду, это наши единственные друзья, единственные борцы за нас; они хотели показать нам наше положение, они хотели выяснить нам и всему русскому народу, почему мы так бедствуем,—хотели нас научить, каким путем можем мы добиться лучшего положения и что мы видели от них худого? Они хотели видно, нам говорить правду, — хотели нам помочь, и за это правительство их гонит, арестует, вешает, мучит в тюрьмах и на каторге, и каково наше положение, братцы, вышедшие из народа, сотворенные его нищетой, бескровные и без-

земельные, подавляемые правительством, замучиваемые на фабриках и заводах, презираемые своими хозяевами? Что взамен за свой непосильный труд, за свои страдания получаем мы, рабочие, с раннего утра до позднего вечера на фабрике, на ночь в сырых и вонючих подвалах с полуголодной семьей — без надежды на лучшее — коротаем мы свой век и тот скудный заработок, на который мы живем, и тот может быть легко отнят расчетом хозяина, или нашей болезнью,—и тогда смерть или жизнь с милостыни и так придется нам жить в вечной работе и в бедности, если мы сами не постоим, кто за нас заступится, от кого нам ждать Помощи, не от Правительства ли, которое во всем поддерживает наших хозяев безнаказано дозволяет им обирать нас, подавляет всякое наше противодействие всякое желание хоть немного улучшить свое положение, запрещает вам стачки запрещает вступление в союзы, и за участие в стачках и союзах и по одному только подозрению, заключает нас в тюрьмы и ссылает в каторгу, выдумывает пачторта, чтобы нас еще легче можно было закрепостить хозяину. Вспомните, братцы, забастовку на новой бумаго-прядильне прошлого года, за что там сослали сорок лучших людей из наших товарищей а в апреле того же года, за что выслали больше семьсот рабочих; не надеятся ли нам на фабрикантов, которые на наши трудовые копейки наживаются, нашим потом питаются, нашей кровью напиваются, в интересах которых лежит как можно меньше нам дать и как можно больше с нас содрать и не хуже ли все становится нам, братцы. Не так давно еще, лет десять пятнадцать тому назад, Наш брат, пошедши на заработок иногда и его и больше, Заработать в месяц, а в семидесятом году нередко и по 200 рублей заработывал, а теперь еле тридцать на заводах и шестнадцать на фабриках, а иногда и того меньше, а подати увеличились и жизнь вздорожала и не всегда теперь работу найдешь; нет братцы не от правительства ни от хозяев не ждать нам помощи—и для правительства и для хозяев-фабрикантов и для всех, кому вольготно и привольно живется на Руси, для тех, которые отняли у нас и всего русского народа—нашу землю, закабалили нашу волю—важно, чтобы мы были подавлены, чтобы мы всегда оставались вьючной скотиной, на которой можно было бы

работать сколько угодно, чтоб мы никогда не могли сознать всей несправедливости и тяжести нашего положения,—чтобы мы никогда недодумались сбросить с себя свое долговечное рабство, заявить свои справедливые права не ждать нам от них помощи, мы сами должны себе помочь, мы сами должны себе устроить и обеспечить свое положение, на нашей стороне право, на нашей сила. Сначала не было не панов, не хозяев, не чиновников: Вся земля руская принадлежала мирам вольного русского народа, у нас эту землю отняли, но за нами осталось право владеть ею. На подати, которые мы сами плотим, натруд наш содержится все государство все различные учреждения школы и Университеты, банки и железные дороги, на наши трудовые деньги сооружены фабрики и заводы, из наших рядов. И опять на нашиже деньги создана семисот тысячная армия, мы дали возможность всем, за исключением самих себя, жить и пользоваться всеми радостями жизни, мы и только, мы выработали себе право на существование; кругом себя мы видим хищность правительства, продажность чиновничества, алчность, роскошь и распутство других классов общества, на нашей стороне нравственная сила, наши интересы, как обнимающие интересы всего народа, должны поглотить все сословия, должны уничтожить все то что было и есть несправедливого, мы вместо Существующий ныне в человеческих отношениях борьбы всех противу всех провозглашаем братство равенство и свободу для всех, теперь мы бесправны, но мы должны вместе со всем народом русским; получить в обще-пользование ту землю, которой владеют теперь паны правительства, мы сообща работавшие на фабриках и заводах на которых так нагло и подло воровали и воруют наш труд, мы должны зделатся обладателями этих фабрик И заводов, мы теперь угнетенные должны зделаться свободными мы Должны отвоевать себе свои порабощенные права, но против нас все, которым хорошо живется при нашем рабстве, И ничтожестве, в которых корыстолюбие заглушило всякие человеческие чувства, все они восстанут отстаивать свои несправедливые права против нас до тех пор пока мы разопщены, пока мы не соединены все одним общим делом, мы ничего не в состоянии будем сделать, мы не в состоянии будем даже защищаться, подать голоса жалобы,

когда нас будут давить, когда мы будем погибать от чрезмерной работы и нищеты но сила наша в нашем единодушии в нашей сплоченности, когда мы будем итти р ц о й е [1]), сообща за одно—тогда никакая сила не устоит против нас посмотрите на наших братьев англие во франции америке, германии и других государствах, несмотря на все гонения, на все препятствия со стороны правительств, их союзы насчитывают миллионы членов; как мы, и они были слабы, пока были разобщены, но теперь они грозная сила; они близки к победе и так приготовимся к борьбе, братцы будем соединяться во имя, равенства братства и своего освобождения, призовем всех в наши союзы, обсудим сообща свое положение приищем средства к успешной борьбе дружно будем защищать свои права, восстать Против всякого насилия, нечего нам страшиться, если нескольких из наших товарищей засодят в тюрьму или сошлют на каторгу этого требует всякая борьба, будущее в наших руках, оно нам принадлежит, не выпустим же его. Смело вперед, в борьбу с Правительством и хозяевами с нынешним Обществом за свои права, за свою жизнь.

Типография Северного Рабочего Союза.

СТЕПАН НИКОЛАЕВИЧ ХАЛТУРИН.

(1857 — 1882 г.г.)

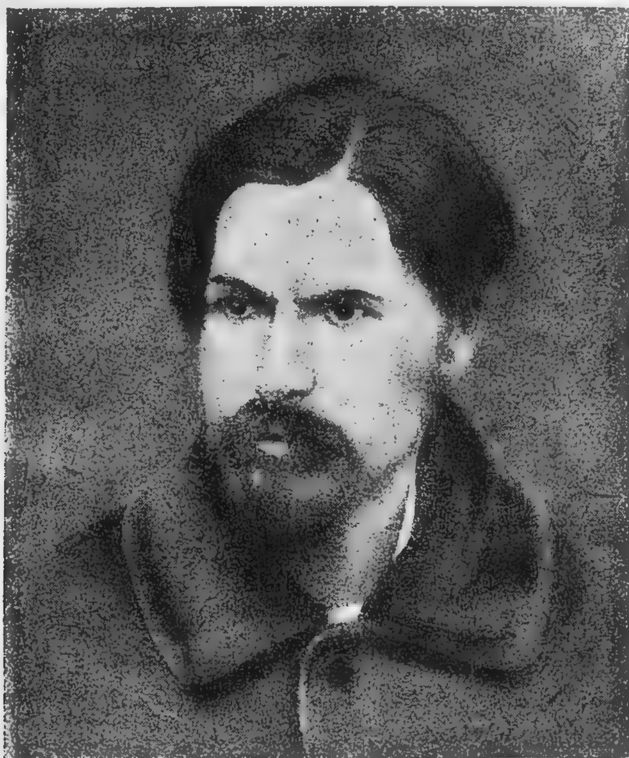
Статья Н. Батурина в Рабоче-крестьянском календаре на 1922 г. Новые и весьма ценные сведения о молодых годах Ст. Н. Халтурина были сообщены автору этой статьи родным племянником основателя «Северного Союза», Ив. Халтуриным. Прим. ред.

Степан Николаевич Халтурин родился в 1857 году в деревне Большие Журавли, Орловского уезда, Вятской губернии. Его родители были зажиточные государственные крестьяне. Будущему вождю рабочих посчастливилось получить довольно хорошее образование, какое не выпадало на долю среднего рабочего или крестьянина в то время. Отец Степана Николаевича сам был хорошо грамотный и любознательный человек и

---

[1]) Опечатка в оригинале. Прим. ред.

не пожалел денег на ученье детей. Он отдал Степана для обучения местному дьячку, потом в уездное училище, затем отправил его для ученья в губернский город Вятку. Здесь была как раз в то время очень хорошая земская школа для подготовки техников, агрономов и учителей. Помещиков в Вятской губернии было мало, и в земстве хозяйничали сами крестьяне. Они-то и устроили для своих детей эту школу, кото-

Степан Николаевич Халтурин.

рая по постановке дела была даже лучше гимназий. Особенное внимание было обращено в Вятской школе на естественные науки (физика, химия и проч.). Изучались также сельское хозяйство и ремесла. Весь курс продолжался 4 года, но Степан вышел из школы на 3-м году. Он успел, однако, получить основательные познания и хорошо изучил столярное ремесло.

В Вятке жило тогда несколько политических ссыльных. Ссыльные устраивали кружки из учеников школы, которые и распространяли среди своих товарищей подпольные книжки. В один из таких кружков попал Степан, когда ему было 15—16 лет. Революционная молодежь в то время очень увлекалась

мыслью организации коммун, т.-е. небольших трудовых общин на началах полного равенства и братства. Были попытки основать такие коммуны и в России, например, в Уфимской губернии, на Кавказе и проч. Но в царской России такие коммуны были, конечно, совсем не ко двору, и основатели коммун стремились в далекую свободную Америку. Это юношеское увлечение захватило и Степана.

И вот, в 1874 г., 17-летний Степан Халтурин, оставив школу, вместе с небольшой компанией других молодых мечтателей, отправляется в путь-дорогу. До Америки Степану доехать не пришлось. В Москве он отбился от товарищей, которые послали его в Рязанскую губернию, чтобы достать денег и паспорт для одного из них, а сами, не дождавшись Степана, уехали.

Вернувшись в Москву и оказавшись почти без денег, Степан поспешил в Петербург, рассчитывая там еще догнать путешественников. Но это ему не удалось. Земляки успели уехать, и Степан оказался в огромном городе без денег, без родных и знакомых, без приюта.

Так жестоко были разбиты незрелые коммунистические затеи молодого Халтурина. Приходилось думать о куске хлеба. А для этого был один путь: замешаться в толпу питерских пролетариев и пустить в оборот единственное богатство—рабочие руки. Некоторое время Халтурин перебивался случайной работой, перевозкой через Неву и т. п. Изученное в Вятской школе ремесло пригодилось теперь, как нельзя лучше. Халтурин уже тогда был искусным столяром и полировщиком. Скоро отыскались в Питере вятские знакомые из бывших его учителей, которые помогли ему поступить столяром на железную дорогу. Через этих же знакомых Халтурин заводит знакомство с питерской революционной интеллигенцией (Чарушиным, Морозовым, Блиновым и др.). Народники много содействовали развитию Халтурина так же, как Петра Алексеева. А мы уже видели на примере П. А. Алексеева, как зарождавшееся рабочее движение обособлялось от народничества, пробивалось на самостоятельную дорогу. В Питере, где издавна скопились громадные заводы, рабочее движение было уже более зрелым и сильным. Да и сам Халтурин приехал в Питер далеко не таким темным мужичком, как П. А. Алексеев,

и огромное большинство московских фабричных рабочих. Знания, полученные в вятской земской школе, приближали его по развитию скорее к интеллигенции, чем к серой рабочей массе.

Вот почему Ст. Халтурин, так же, как и ткач П. А. Алексеев, отдавший все свои силы рабочему движению, так же, как московский ткач, бывший выучеником народников, мог гораздо более самостоятельно разбираться в учении тогдашних пропагандистов.

В 1874—1875 годах Халтурин, которому было в то время 18—19 лет, оказывается уже деятельным пропагандистом и организатором рабочих кружков. В 1876 году окончательно сложилась народническая партия «Земля и Воля». С этого времени питерские землевольцы стали вести довольно широкую пропаганду среди рабочих. К концу 70-х годов, когда в Питере поднялось стачечное движение, эта работа народников в рабочей среде еще более усилилась, а рабочие кружки, в которых вели пропаганду народники, стали обособляться в самостоятельную тесную организацию. В это именно время Степан Николаевич Халтурин, сам побывавший в лучших народнических кружках, выступил одним из главных организаторов рабочего движения. Георгий Валентинович Плеханов, который в то время был землевольцем и вел пропаганду среди питерских рабочих, хорошо знал Степана Халтурина. В своих воспоминаниях он оставил нам подробную характеристику тогдашних передовых рабочих и в особенности Степана Николаевича, хотя и перепутал некоторые сведения о его происхождении и молодых годах. По словам Плеханова, это был высокий, стройный парень с хорошим цветом лица и выразительными глазами. В своих сношениях с людьми он казался очень мягким, скромным и даже застенчивым человеком, что мало подходило к рабочему. Но близко сойтись с ним было нелегко. Душевных излияний со знакомыми он не любил, и близко узнать его можно было только на деле. Тогда оказывалось, что под скромной внешностью этого молодого рабочего скрывалась очень сильная воля, беззаветная преданность рабочему делу и несокрушимое упорство. Он отличался большой начитанностью и не упускал случая заводить знакомства среди студентов, чтобы пополнить свои знания и раздобыть

книжек. Но у Халтурина мы уже не замечаем того безграничного доверия и восхищения перед революционной молодежью, какое обнаруживал П. А. Алексеев. Заимствуя при всяком случае свои сведения у интеллигенции, он, однако, понимал уже неустойчивость и непрочность этого слоя, как революционной силы.

Халтурин отлично умел разглядеть разницу в классовом положении этой интеллигенции и рабочих: ведь, студент из буржуазной среды охотно приставал к революционному движению, пока находился в учебном заведении. Окончив курс, получив диплом и хорошее место, обзаведясь семьей, он все больше втягивался в мирную обывательскую обстановку и скоро начинал смотреть на свои студенческие революционные «похождения», как на грехи молодости. Другое дело — рабочий. С малолетства и до смерти он остается в кабале у капитала и не может изменить свое положение иначе, как путем революции.

Поэтому-то Халтурин нередко подшучивал над своими просветителями из интеллигенции, а к достоинству своего брата-рабочего относился очень ревниво, несмотря на его темноту.

Благодаря своему высокому уровню сознания и своей преданности рабочему делу, Халтурин пользовался в рабочей среде таким уважением и доверием, какого не мог бы получить тогда ни один интеллигент. Деловой и практический склад ума, как у всякого рабочего, и превосходное знание своей родной рабочей среды, главное,—несокрушимая вера в силу рабочего движения, все это давало Халтурину возможность гораздо успешнее вести работу по организации рабочих, чем то делали до сих пор народники.

В конце 1878 года передовые рабочие Петербурга сплотились в тесную группу и положили начало первой большой рабочей организации под названием: «Северного Союза Русских Рабочих» [1]). Главным организатором и душою всего дела был Степан Николаевич Халтурин (×).

«Северно-Русский Рабочий Союз» был предтечей нынешней рабочей коммунистической партии. Но просуществовать

---

[1]) См. выше статью об этом Союзе. Прим. ред.

ему долго не пришлось. К концу 70-х годов землевольцы, терпя преследования со стороны правительства, стали сперва поодиночке оказывать сопротивление при арестах и даже устраивать покушения на самых подлых жандармов, губернаторов и прочих борзых и гончих собак царизма. А позже и большинство партии «Земля и Воля» стало склоняться к тому, чтобы такую террористическую борьбу вести не поодиночке, а всей партией, организованно устраивать покушения не только на царских слуг, но и на самого царя. Народники, стоявшие за террор, образовали новую партию — «Народную Волю» и стали устраивать одно покушение за другим. Перепуганное правительство стало еще больше душить всякую свободу и усиливать свою армию шпионов, жандармов, тюремщиков.

Неискушенные еще в подпольной работе рабочие, хотя сами-то в красном терроре участия не принимали, терпели урон от белого правительственного террора еще больше, чем организация террористов. Аресты следовали за арестами. Молодая рабочая организация разрушалась. Некоторые из передовых рабочих, доведенные до отчаяния, стали втягиваться в террористическую борьбу. Казалось, что стоит только покончить с царем, и правительство пойдет на уступки и даст такую свободу, при которой рабочие открыто могут организоваться. Так думал и Халтурин. Скоро ему представился случай поступить столяром в Зимний Дворец. Такая возможность была очень соблазнительна. Революционер мог проникнуть в самую берлогу лютого зверя, в то самое время, как шпионы и жандармы, не смыкая глаз, шныряли далеко вокруг берлоги, хватая всех «подозрительных». Халтурин не долго раздумывал и поступил во дворец. С твердым намерением добиться той цели, какую поставили себе террористы,—покончить с царем,—он вошел в сношения с руководителями народовольцев, которые хорошо его знали и охотно приняли его предложение. Было решено взорвать дворец из подвального помещения, где жил Халтурин. Задача была нелегкая и чрезвычайно опасная. Рабочий-революционер и здесь обнаружил столько отваги, хладнокровия, настойчивости и смекалки, сколько было далеко не у каждого террориста из интеллигенции. Каждую минуту он мог провалить все дело и по-

платиться головой. Народоволец Квятковский доставлял Халтурину динамит, который он постепенно скоплял в своей подвальной комнате. Но скоро Квятковский был арестован, и у него нашли план Зимнего Дворца, на котором царская столовая, которую собирались взорвать, была отмечена крестом. Царские охранники переполошились и поставили весь дворец вверх дном. Только по счастливой случайности Халтурин не был арестован, но приносить динамит во дворец стало еще труднее. Приходилось брать его самыми маленькими порциями, засовывать в уши, в волосы и т. п. Все опасности и препятствия обошел Халтурин, и 5-го февраля 1880 года подвал был взорван. Весть об этом новом покушении разнеслась по всей России. Но царь и на этот раз уцелел. Затравленный террористами и окруженный своими телохранителями, он, приговоренный к смерти «Народной Волей», прожил еще около года, когда, наконец, этот приговор был исполнен (1-го марта 1881 года).

Халтурин окончательно примкнул к народовольцам и скоро вошел в их центральную организацую «Исполнительный Комитет Народной Воли». По поручению Исполнительного Комитета он работал сперва в Москве, среди фабричных рабочих, но скоро ему, вместе с другим народовольцем, Желваковым, было поручено убить одесского прокурора Стрельникова. Этот прокурор, по поручению нового царя Александра III, занимался в Одессе охотой на революционеров. Охраняя шкуру царя, этот негодяй не знал никакого удержа. Он хватал направо и налево всех «подозрительных», а при ведении следствий не стеснялся самым подлым вымогательством, чтобы выслужиться: запугивал, особенно молодежь, читал подложные показания, подсылал провокаторов.

18-го апреля 1882 года Халтурин и Желваков убили Стрельникова в Одессе на городском бульваре среди белого дня. Но за это смелое покушение они оба должны были поплатиться жизнью. Собравшейся толпой они были окружены и связаны. В переполохе никто из сбежавшихся еще не знал, кто именно был убит, а когда стало известно, что убийство было политическое и что убили негодяя Стрельникова, некоторые из принимавших участие в задержании террористов раскаивались.

Из Питера пришел приказ: судить арестованных военным судом и повесить в 24 часа. Разумеется, что суд был только пустой комедией. Одесские власти торопились исполнить приказ и не успели даже установить личности Халтурина, так как проживал он по подложному паспорту. С большим трудом удалось отыскать среди уголовных арестантов в тюрьме одного пьяницу, взявшегося исполнить приговор суда.

22-го марта 1882 года Степан Николаевич Халтурин, всего 25-ти лет от роду, уже больной, чахоточный, погиб на царской виселице.

МОРОЗОВСКАЯ СТАЧКА 1885 ГОДА.

Из брошюры «Десятилетие Морозовской стачки». 1-е издание этой брошюры вышло (нелег.) в 1897 г. в Женеве с послесловием В. И. Засулич.

Морозовская стачка до последнего времени казалась нам стоящей особняком в рабочем и революционном движении того времени. Эта стачка происходила в глухой, переходный период, когда народническое (и народовольческое) движение пришло в упадок, а социал-демократическое — едва зародилось за границей и в Питере. Недавно появившийся в Москве главный организатор этой стачки П. А. Моисеенко в своей автобиографии (см. ниже) впервые выясняет преемственную связь между этой стачкой и петербургским рабочим движением 70-х годов. Прим. ред.

Фабрика Саввы Морозова, или точнее «Тов. Никольской мануфактуры Саввы Морозова, Сын и Компания», находится в одной версте от станции Орехово, Моск.-Нижегородской ж. д., в пределах Владимирской губ. Местность, занимаемая фабрикой Саввы Морозова и другого фабриканта, Викулы Морозова, называется местечком Никольским, которое только рекою Клязьмой отделяется от громадного фабричного с. Зуева, уже Московской губернии. В одном местечке Никольском в настоящее время живет до 30 тысяч фабричного населения, а вместе с с. Зуевым м. Никольское имеет до 50 тысяч человек. Фабрика Саввы Морозова, имевшая в 1885 г. до 8 тысяч рабочих, основана в 1833 г. Первая стачка на этой фабрике была около 1865 г., а вторая—в 1871 г., но эта стачка носила мирный характер и не имела никакого успеха, так как в ней принимало участие только 400 рабочих. Понятно, что Морозов не испугался такой сравнительно не-

большой кучки недовольных. Ему ли, всемогущему миллионеру, не справиться с 4 сотнями рабочих, голодных бедняков, когда в запасе у него сколько угодно рабочих рук. Он так и сказал рабочим: «Уходите, на ваше место найдутся другие». Рабочие получили расчет, а затем голод, неумолимый враг бедняков, прогнал их на работу, и они продолжали работать на прежних основаниях. А условия эти с каждым днем ухудшались: с 1882 по 1884 г. заработная плата была сбавлена 5 раз, а в 1884 г. заработная плата была понижена сразу на одну четверть или на 25 проц., т. е. рабочий, вместо каждого рубля, стал получать только 70 коп. Но этого было мало Морозову: он приказал своим служащим штрафовать рабочих как можно строже. Каждый год Морозов собирал с рабочих в виде штрафов несколько десятков тысяч рублей, и все эти деньги, по прежнему закону, шли в карманы фабрикантов. В то время хозяин, по закону, имел право налагать на рабочего какой угодно штраф, и притом за все, за дело и без дела. Например, за курение штрафовали у Морозова по 3, 4 и даже по 5 руб. За прогульный день вычитали у рабочего трех-дневную плату, да еще 50 коп.—«Не вольничай, не смей гулять»,—говорили рабочему, хотя он не пришел на работу по уважительной причине. Даже во время похорон отца или жены рабочий мог не работать только половину дня, а если пробудет дольше, то платит бесчеловечный штраф. Даже в том случае, если рабочий гулял по вине фабриканта (напр., при задержке основ и т. п.), за прогул все-таки вычитали. Штрафы назначались в отсутствие рабочего, и товар, по мнению браковщиков, испорченный, не показывался рабочему, при чем взыскивая штраф полностью, контора записывала в расчетную книжку только две трети штрафной суммы. А если у рабочего набралось много штрафов, и они составляли половину заработка, то на всякий случай, именно, чтобы скрыть безобразные штрафы, книжки уничтожались, а рабочему выдавалась чистая книжка. Плохого рабочего не рассчитывали, а с удовольствием держали, раз он не спорил против штрафов. Контора фабрики употребляла всякие хитрости, чтобы как-нибудь оштрафовать рабочего или заплатить ему поменьше. Пустят, например, пошире товар, или немного изменят его, а рабочему говорят, что это

новый товар, и назначают новую низкую плату. Сам Тимофей Саввич Морозов признал на суде, что он ввел новый товар «молескин», а плату назначил такую, что в течение двух недель на этом «молескине» ткач заработал только 1 р. 25 коп., а в месяц с небольшим—2 р. с полтиной.

Кроме низкой платы и штрафов, рабочих донимали разными вычетами. Надо заметить, что в м. Никольском частных домов нет, а потому рабочие живут в фабричных каморках. Морозов ухитрялся и тут поживиться на счет рабочих: за баню, освещение каморок и уголья вычитали с каждого рабочего по 35 коп. Каждый лишний человек в каморке облагался в пользу Морозова податью в 35 коп. Родится, скажем, у ткачихи ребенок, и за него брали подать, так как, по мнению Морозова, только рабочие могут бесплатно пользоваться каморками, а их дети—живи, где хочешь: они не нужны фабриканту, пока малы.

Сколько же вычитает Морозов с одного рабочего или, вернее, сколько удавалось Морозову урвать в свой карман из заработка рабочего? А вот посмотрите: на суде Никифоров показал, что у него в месяц отнимали по 3 руб. и по 3 руб. 50 коп., а у Маркова даже по 8 руб. Бывали иногда случаи, что рабочему ничего не платили: весь его заработок уходил на штраф. Так говорят рабочие. Все это постороннему человеку покажется просто невероятным, и он может подумать, что рабочие нарочно наговорили на Морозова, на самом же деле их не так обижали. Но вот имеется показание ткацкого мастера Шорина, который особенно строго относился к рабочим и штрафовал их неимоверно. Во время стачки рабочие сорвали свою злобу, прежде всего, на Шорине. Все его имущество было дотла уничтожено. Как видите, такого человека нельзя заподозрить в большой любви к рабочим, но и этот Шорин удостоверил на суде, что из каждого заработного рубля вычитали в пользу Морозова от 30 до 50 коп. Судебный следователь Баскарев, производивший следствие по этому делу, пред'явил на суде составленные им таблицы, из которых видно, что штрафы на фабр. Морозова с 1881 г. по 1884 г. возросли более, чем в два с половиной раза, а у отдельных рабочих вычитали с каждого рубля от 5 до 40 к. Надо еще взять в расчет, что свои таблицы судебный сле-

дователь составлял по конторским книгам, а, как уже сказано выше, в книгах записывалось меньше, чем взыскивалось на самом деле. Если взять штрафы, записанные в конторских книгах, и разложить на всех рабочих, то окажется, что каждый морозовский рабочий в среднем платил штрафов по 25 к. с каждого заработного рубля. Заплатить из каждых 12 р.—3 р. штрафа или из каждых 10 р.—2 р. 50 к.—это чистый грабеж, а вот Тим. Сав. Морозову казалось и этого мало. Ему казалось, что он грабит меньше, чем другие фабриканты, при этом он указывал на Лепешкинскую мануфактуру, где незадолго перед тем была стачка рабочих вследствие того, что фабрика сократила число рабочих дней в неделе до четырех с половиной. Как мы видим, на Морозовской фабрике четвертая часть заработка отнималась у рабочего и шла в карман Морозова; таким образом, выходило, что рабочий, проработав шесть дней, получал вознаграждение за четыре с половиной, а полтора дня работал совершенно даром на Морозова, тогда как на Лепешкинской фабрике эти полтора дня рабочие были совершенно свободны. Стало быть, Морозов сильнее пользовался их даровым трудом, чем Лепешкинская мануфактура.

Вот какие порядки были на Морозовской фабрике в 1884 году. Понятно, что все рабочие были страшно озлоблены против хозяина; не доставало только искры, чтобы загорелось пламя. В это время, в ноябре 1884 года, на Морозовскую фабрику поступает ткач Петр Анисимович Мосеенок, вместе со своей женой, Екатериной Созонтовной, тоже ткачихой. Петр Анисимович, невысокий белокурый человек с открытым, добродушным лицом, голубыми глазами и задушевным голосом, он немало уже пережил на своем веку. За устройство нескольких стачек среди петербургских рабочих, после 17-месячного предварительного заключения, он был сослан административным порядком (т.-е. без суда) в Восточную Сибирь на поселение, откуда возвратился в Россию вследствие манифеста, изданного в 1883 г. по случаю коронации, и вскоре поступил к Морозову. Тотчас же по поступлении на фабрику Мосеенок познакомился с морозовскими порядками и заметил, что рабочие, главным образом, недовольны вычетами из заработной платы. Он быстро со-

шелся со многими рабочими (между прочим, с Василием Сергеевичем Волковым), по вечерам в казармах собирал вокруг себя рабочих, читал с ними книги, много говорил о тяжелом житье рабочих и о средствах улучшить свое положение; он говорил товарищам, что только путем общей забастовки можно заставить Морозова возвысить плату и уничтожить штрафы. Слова Мосеенка, прозванного рабочими «студентом» за его обширные знания, пали на хорошую почву: рабочие решились устроить перед Рождеством стачку, но отступили от этого плана только потому, что, благодаря стачке, они остались бы без денег на праздник. Решено было устроить стачку после Рождества. Новое совещание о стачке состоялось 5-го января 1885 года в селе Зуеве, в ренсковом погребе Коншея, куда, по приглашению Мосеенка, собрались чел. 20 ткачей, которые, сдвинув столы, уселись кругом за четверть водки, и стали тихо совещаться, причем больше всех говорил Мосеенок, а остальные слушали. (На этой сходке был и Вас. Сергеевич Волков). Окончательного решения в это время не было принято: рабочие решили собраться на другой день в трактире «на песках», при чем Мосеенок советовал собрать побольше народу. Часов в 12 утра 6-го января человек 50 рабочих собралось в трактире Трофимова, расположенного на песчанном берегу Клязьмы. На этой сходке больше всего говорили Мосеенок и Волков. Служащие в трактире показывали на суде, что Мосеенок и Волков читали какую-то записку (это были требования, которые рабочие должны были пред'явить к хозяину), толковали, что трудно жить, что надо что-нибудь устроить, совещались и о стачке. На этой сходке было решено: на следующий день на работу не ходить, а собраться всем у фабричных корпусов и оставаться на улице. Но этот план не удался: в этот же день вечером конторщик прядильного отделения, Гаранин, донес директору Дианову, что ткачи собираются бунтовать, и что в селе Зуеве видели человек 150 рабочих, которые совещались о стачке. Тогда Дианов распорядился еще с вечера, чтобы работающие при фабрике торфяники не расходились на утро на работы, а оставались в своих казармах. Часу в пятом утра 7-го января торфяники были расставлены около ткацкого корпуса для наблюдения за фабричными рабочими.

Сначала казалось, что в этот день забастовки не будет, так как все шло по заведенному порядку. В пять часов утра сторожа при казармах прошли с колотушками по коридорам, после чего стали из казарм выходить рабочие, направляясь каждый к своему корпусу. Те из них, которые работали в ново-ткацком корпусе, стали-было останавливаться у дверей корпуса, переговаривались между собой, но поставленные здесь торфяники принудили ткачей войти в корпус. В шестом часу утра показался газ во всех фабричных корпусах, и работа началась. В ново-ткацком корпусе, во всех трех этажах, ткачи стали у станков и также принялись за работу, но это продолжалось недолго. Уже в исходе шестого часа было заметно волнение в этом корпусе; рабочие отходили от станков, собирались кучками и переговаривались. Ровно в шесть часов утра во втором этаже ново-ткацкого корпуса раздались призывные крики: «Бабы, выходите вон, гасите газ, все кончайте работу, сегодня праздник!» Вслед за этим ткачи, перебегая из второго этажа в третий, стали гасить газ, и с криком: «ура!» толпа в несколько сот человек вышла на улицу и двинулась по направлению к соседнему прядильному корпусу, где работа еще продолжалась. Войдя в прядильный корпус, ткачи разделились на четыре партии и разошлись по четырем этажам, где стали завертывать газовые рожки. Прядильщики были на стороне ткачей, а потому тотчас же, как появились ткачи, во всем здании раздались крики: «Кончайте работу!», при этом тушили газ, рвали пряжу и разбивали газовые фонари, бросая в них катушками пряжи. После этого работы в прядильном корпусе прекратились. Все прядильщики, присоединившись к ткачам, вышли вместе с ними на улицу, где, таким образом, образовалась толпа тысячи в три человек. Вооружившись кольями, кирками, ломами, кусками кирпичей и торфа, ткачи совместно с прядильщиками, напали на торфяников, этих жалких защитников хозяйских интересов, и прогнали их, и затем забастовщики, разделившись на две части, направились по двум главным фабричным улицам, по Никольской и Английской. Та партия, которая направилась по Никольской, пыталась было войти во двор главной конторы, но торфяники, прогнанные от ткацкого корпуса, собрались

здесь и успели запереть ворота. Разбив стекла в окнах конторы, рабочие вернулись к ново-ткацкому корпусу, и здесь, соединившись с товарищами, возвратившимися с Английской улицы. подошли к красильному корпусу, чтобы привлечь на свою сторону и красильщиков, но ворота красильного отделения оказались запертыми. Тогда рабочие разбили ворота, а некоторые из них ворвались в паровое отделение, где и заставили паровщика остановить паровую машину, после чего из всех этажей красильного корпуса рабочие вышли на улицу. Таким образом, работы во всех отделениях фабрики прекратились. На улице образовалась толпа рабочих тысяч в пять или более. Сюда же присоединилось несколько сот человек голытьбы, известных здесь под названием «золоторотцев». Волков, Мосеенок и другие руководители стачки пытались уговорить рабочих не делать никаких насилий, но их убеждения не подействовали: слишком много горя испытали рабочие, чтобы сохранить спокойствие в то время, когда они представляли из себя грозную силу, могущую все разрушить, когда они почувствовали, что могут, наконец, излить накипевшую ненависть, сбросить с себя тяжкое иго хозяина, заставить дрожать его, всемогущего миллионера. В 11 часов утра рабочие напали на квартиру директора прядильного отделения Лотарева и ткацкого мастера Шорина; все имущество последнего было разбито и уничтожено. Затем рабочие проникли во двор главной конторы и разгромили фабричную хлебопекарню и харчевую лавку. Нападению подверглись также квартиры другого директора, Дианова, и бухгалтера Анофриева; пострадал немного и розничный магазин, принадлежащий пайщикам, которыми были преимущественно служащие на фабрике, так как у простых рабочих, как мы видели выше, было слишком мало денег, чтобы стать пайщиками в этом магазине. Надо еще иметь в виду, что в нападении на розничный магазин участвовали, главным образом, золоторотцы, как это выяснилось на суде. Все эти погромы не обошлись и без жертв: шесть человек было доставлено в больницу, где один из них (Иван Захаров) через два дня умер. После этого никаких нападений не было сделано, хотя усиленное движение было заметно везде вплоть до вечера. Вечером того же дня в м.

Никольское приехали владимирский губернатор Судиенко с двумя батальонами солдат и разные власти. Впоследствии губернатор вытребовал из Москвы еще батальон пехоты и донской казачий полк в полном составе. Как видите, на защиту Морозова против рабочих выставили целое войско: полк казаков и два батальона пехоты.

Утром 8-го января, по распоряжению губернатора, были призваны ткачи, из которых около ста человек явились во двор главной конторы. О причинах стачки рабочие сказали губернатору: нас замучили штрафами, придираются к каждой штуке товара, заработок наш сделался настолько мал, что едва хватает на харчи. После этого рабочие были отпущены. В тот же день приехал из Москвы Тимофей Саввич Морозов, извещенный о стачке целым рядом телеграмм директора Дианова. Посоветовавшись с губернатором, Морозов решил сделать рабочим уступку, о которой было сообщено им посредством письменных об'явлений, расклееных по фабричным зданиям. Уступка эта состояла в следующем: взыскания, которые были сделаны с ткачей, прядильщиков и плисорезов с 1-го октября 1884 года по 1-ое января 1885 г., возвращались рабочим, и при том всем им делается расчет, а затем—желающие могут вновь поступать на условиях, об'явленных при найме 1-го октября 1884 г. В тот день об'явления были сорваны в знак того, что рабочие не согласны принять их. Условия, обозначенные в об'явлениях, не удовлетворяли рабочих, а, напротив, еще более возбуждали их. С утра 9-го января на фабричных улицах появилась масса рабочих, которые, с криком: «ура!», проходили по улицам в присутствии войск и властей. Около 11 часов утра рабочие подошли к красильному корпусу, где в это время только-что начались работы. Хотя забастовщики и были отбиты от корпуса подоспевшим войском, тем не менее они пригрозили красильщикам, что уничтожат их имущество, если те будут продолжать работу. Красильщики испугались этой угрозы и ушли в казармы. После этого работы в красильном корпусе больше не возобновлялись. В этот же день, через своих уполномоченных, забастовщики заявили губернатору, что они требуют: 1) чтобы расценки были установлены те, которые существовали до Пасхи 1884 года (как было уже

сказано, те расценки были выше на четвертую часть или на 25 проц.); 2) чтобы штраф не превышал 5 коп. с заработанного рубля; 3) если хозяин хочет рассчесть кого, то обязан выдать расчет по Пасху. На свои требования рабочие получили отказ, а 11-го января снова появились об'явления, в которых подтверждались те условия, о которых Морозов об'являл рабочим 8-го января. Утром 11-го января толпа рабочих в несколько тысяч человек, предводительствуемая Волковым (наружность Волкова описывают так: он был стройный и красивый человек, с черными вьющимися волосами и темными, глубокими глазами), у которого в руках было красное знамя, двинулась от казарм к переезду железной дороги, чтобы пройти к фабричным корпусам, но здесь на переезде рабочие были остановлены заранее расставленным войском. В 10 час. утра к переезду явился губернатор со всеми властями и потребовал, чтобы рабочие или согласились работать на об'явленных Морозовым условиях, или шли за расчетом в контору, если не хотят работать. «Не согласны работать, расчет по Пасху!»—ответили рабочие. В это время от толпы отделился ткач Федор Авдеевич Шелухин и, как уполномоченный от рабочих, заявил губернатору, что никто предложенных фабрикой условий не принимает. К Шелухину подошел Волков и поднял руку, чтобы толпа замолчала. Все смолкли. Тогда Василий Сергеевич подтвердил сказанное Шелухиным и, обратившись к толпе, потребовал условия, составленные рабочими. Ему подали тетрадь, и Волков, передавая ее прокурору Окружного Суда Товаркову, потребовал, чтобы условия рабочих были здесь же прочитаны, но вместо этого Волков и Шелухин были тотчас же арестованы. Окруженный войсками, Волков крикнул рабочим: «Мы перед капиталистами говорить не можем! Пропадать, так пропадать всем! Я за всех, или все за меня?» — Товарищи ответили: «Все, все!» Когда повели Волкова и Шелухина, рабочие двинулись за ними, но в это время на них налетели казаки со своими нагайками и, по распоряжению губернатора, арестовали еще 51 чел. Арестованные под конвоем были отведены в помещение главной конторы, где все были переписаны, при чем при опросах рабочие назывались вымышленными именами, а затем арестованных от

правили в казарму против нового ткацкого корпуса. Помещение для арестованных было отведено в 3-м этаже этой казармы, где в обыкновенное время жила артель мальчиков. Весь этаж состоит из двух громадных комнат, которые соединяются между собой дверью. Прежде, чем поместить арестованных в одну из этих комнат, внутреннюю дверь забили досками, а у выходных дверей, ведущих на лестницу, был поставлен военный караул. Едва арестованные были введены сюда, а караул успел занять свой пост, из смежной комнаты послышались крики вбежавших туда рабочих, забитая досками дверь была в несколько минут разрушена, и арестованные тотчас же выбежали через этот выход. Пока военный караул успел сбежать вниз и позвать себе на помощь подкрепление от войск, расположенных вблизи этих казарм, большинство арестованных успело смешаться с толпой, так что из 51 человека снова задержано только 12 человек. В этот момент между караулом и рабочими произошла схватка: солдаты пустили в ход приклады и даже штыки, а рабочие защищались досками и камнями. Конечно, в этой неравной борьбе победили солдаты, после чего арестованные отправлены были в главную контору, где содержались уже Волков и Шелухин. Но рабочие продолжали волноваться.

Часу во втором дня они вызвали губернатора и предъявили ему требование об освобождении арестованных, а в особенности настаивали на освобождении «Василия» (Волкова). Губернатор не исполнил требования рабочих. Последние стали расходиться, но вечером, часу в шестом, когда уже совсем стемнело, толпа рабочих в несколько тысяч заняла всю Никольскую улицу, собралась перед зданием главной конторы, где в то время было начальство, и где также содержались арестованные. Все ближе и ближе подвигаясь к этому зданию, рабочие кричали и требовали выдачи арестованных, в особенности освобождения «Васьки—нашего человека». Несмотря на присутствие войск, рабочие не отступали и продолжали требовать освобождения товарищей. Тогда губернатор сделал распоряжение оттеснить рабочих военной силой. Казаки бросились на рабочих, пустили в дело нагайки и устроили страшное побоище. Рабочие защища-

лись камнями, но против вооруженной силы не могли устоять. Волнения и стычки с войсками возобновились и на следующий день. Тогда губернатор распорядился арестовать наиболее энергичных рабочих и выслать их на родину; более 600 человек было арестовано и отправлено под конвоем на родину через Москву и Владимир.

Эта высылка положила конец волнениям: с 14-го января фабрика пошла, хотя первое время работало только 800 чел. вместо 8.000.

Так кончилась знаменитая морозовская стачка.

Чего же добились морозовские рабочие? Неужели такая смелая и энергичная борьба не принесла никаких выгод для рабочих? Нет, выгоды были громадны. Не только в м. Никольском и селе Зуеве, но и в окрестности старые безобразные порядки сменились новыми, более человеческими. Фабриканты, боясь разгромов, пошли на уступки; они поняли, что до конца обирать рабочих и издеваться над ними нельзя. Мало того, само правительство, всегда защищающее интересы фабрикантов, должно было сделать кое-что и для рабочих.

Но послушаем сначала, как судили морозовских рабочих. Всех обвиняемых разделили на две части. Одну партию в 19 человек обвиняли в буйстве и стачке (ст. 37 и 38 Устава о наказаниях и 1358 ст. Уложения о наказаниях); дело о них рассматривалось во Влад. Окружном Суде 7-го февраля без участия присяжных заседателей, и вот какой об'явлен был приговор: Максим Васильев и Елизаров признаны невиновными; Мосеенок, Волков и Шелухин приговорены под арест на три месяца; Федор Козлов и Титов—на два месяца; Яковлев, Чугунов, Михаил Козлов, Куракин, Кузнецов, Никифоров, Ходков, Холконов и Спиридонов—на один месяц; Данилов и Зубрихин—на две недели; Леонтий Васильев—10 дней. Некоторые из этих 19 рабочих и еще другие, всего в количестве 33 чел., составляли вторую партию и обвинялись уже в более важных делах, а именно, они обвинялись в подстрекательстве толпы к нападению на военный караул для освобождения арестованных и в приведении этого намерения в исполнение; обвинялись в разрушении фабричных и других жилых зданий, в разграблении и порче

имущества и т. д. (ст. 308, 1621, 1637 и 286 Уложения о наказ.). Одним словом, прокурор и другое начальство не в меру поусердствовали: они обвиняли рабочих во многом таком, чего и не было в действительности. В самом деле, разве было разрушено во время стачки хоть одно фабричное здание или жилой дом? По приведенным выше статьям рабочим грозило лишение всех прав состояния и ссылка в каторжную работу на время от 15 до 20 лет, но, к счастью рабочих, дело рассматривалось с участием присяжных заседателей. В числе 12 присяжных заседателей, которые судили морозовских рабочих, не было ни фабрикантов, ни вообще богатых людей, а потому можно было смело рассчитывать, что присяжные по совести решат это дело.

«Нет, рабочие не виновны»,—ответили присяжные заседатели, и этим приговором осудили Морозова, а вместе с ним и всех фабрикантов, пьющих кровь рабочих. Такого приговора не ожидали ни фабриканты, ни правительство. По закону, подсудимых, признанных невиновными, следует тотчас освободить, если они содержались до того времени под стражей. Следовательно, всех рабочих нужно было отпустить, ибо наказание, наложенное по приговору от 7-го февраля, они уже отбыли. Но этого не случилось. Правительство попрало ногами и закон, и решение суда: тут же, в зале Окружного Суда, жандармы арестовали Мосеенка и Волкова, а затем административным порядком (т.-е. без суда) сослали в Архангельскую губернию [1]). Слишком опасным казалось оставлять на свободе таких смелых, честных, преданных рабочему делу людей, каковы были Мосеенок и Волков.

Загляните теперь в ту тетрадь, которую передал В. С. Волков прокурору Окружного Суда у переезда железной дороги. Как помните, в этой тетради были изложены требования рабочих [2]).

---

[1]) Это не точно. В Архангельскую губ. (в г. Мезень) был сослан только П. А. Мосеенок. В. Волков, как нам сообщил П. А. Мосеенок, был сослан в Усть-Сысольск, Вологодской губ., где умер в 1888 г. от чахотки. Прим. ред.

[2]) Мы опускаем приводимые в брошюре требования морозовских стачечников, изложенные по газетным судебным отчетам. Вместо этого (в общем верного) изложения, мы приводим здесь подлинный

ТРЕБОВАНИЕ ПО ОБЩЕМУ СОГЛАСИЮ РАБОЧИХ.

По общему нашему согласию рабочих при фабрике Саввы Морозова и Компании и сын. Также и по требованию нашему с хозяина возвратить штраф. В пользу рабочих с паски 1884 года ткачей, также и прядильщиков в пользу хозяина оставить не более пять процентов с Рубля Выработки. О пожеланию хозяина уволить Рабочих от Работа хозяин обязан удовлетворить По условному Даговору нашей Расписки тоесть до паски по 23 марта 1885 года без всякого вычета.

Также Панашему общему согласию мы Рабочие уже в продолжении несколько лет нашей Работы мы желали бы возбудить выробатки 1880—81—82 также года когда все мы Рабочия были доволь нашеми выработками и не имели никакой притензии на хозяина, также мы все Рабочия в течении 1884 и по 1885 год осталися небеспечнами в своей Работе, что мы неможем оправдать самих себя нежели своева семества и остаемся не удовлетворительными своему обществу казенных повинностей.

Требование рабочих.

Во-первых:

1-е. По изданному Государственному закону хозяин недолжен производить чрезмерных штрафоф, которыми обременяет своих рабочих. Мы рабочии требуем, и просим чтобы штрафы не превышали пяти % заработанного рубля, и чтобы рабочий был предупрежден о его плохой работе, и вызывался не более двух раз в течении месяца.

текст тетради, переданной В. Волковым Владимирскому губернатору (в копии), доставленной губернатором министру внутренних дел и сохранившейся в Петроградском Архиве Революции. Прим. ред.

2. Вычет за прогул, чтобы не превышал более одного рубля, но стем чтобы и хозяин также был-бы обязан уплатить рабочему запрогул происходящий по вине хозяйской, как то запростой из заостанов поломки машин и переделку оных надругии работы и пр. и пр., чтобы каждый прогулянный час записывался в тетрадь ращетную или заработную, считая повыработки нонеменее сорока копеек день (40) или двадцати копеек в смену (20).

3-е. Полное изменение условия найма между хозяином и рабочими по изданному Государственному закону чтобы каждый рабочий мог получить полный ращет без всякого вычета и задержки по заявлению рабочим за 15-ть дней о нежелание продолжать работу. Также и хозяин обязан об'явить рабочему за 15-ть дней о его ращете, и все это записывалось бы в ращетные тетради. Буде же будет неисполнено с какой либо стороны, то чтобы удовлетворялось двух недельной заработной платой, как с рабочего, так и с хозяина.

4-е. Доброкачественный материал соответствующий спросу о работе и заявление осем происходило-бы с свидетелями тех рабочих, которые работают поблизости и записывались-бы в товарно-приемную книгу записи в книжку излишней меры в аршинах не превышать вес товара не учащать ращет бердов и плотность товара. До сего времени от нас не принималось никакое заявление. Вновь назначенные работы не об'явленные в расценках производились-бы поденной платой до тех пор по рабочие окончательно усвоят эту работу и об'явят за сколько можно работать. Такой то товар. Без общего соглашения нарасценки выставленные конторой учредить государственный контроль, который уровнялбы заработную плату. Полное удовлетворение рабочих запрогул содня нашей остановки, происшедшей по вине хозяина. Прогульный день считать по прозбе рабочих неменее 40 копее в день.

Без препятственное выдача харчей, до тех пор пока рабочие будут удовлетворены в своих требованиях, без всякой расписки. По тому что у нас за них уже

вычтено и на каждом счету положено клеймо что: (деньги получены сполна). Также и набудущее время не задерживать. Потому что у нас за хозяином за декабрь месяц удержана заработка. Выдача жалованья не задерживалась бы далее 15-го или в первую суботу после 15-го.

Свободный выбор старосты в артелях, и чтобы староста не мог служить более трех месяцев, в виду того чтобы не усвоить для хищения сбыта; производить ежемесячный учет. Уволить от должностей тех служащих и мастеров, которых найдут нужным рабочие и покажут отдельной запиской.

Таковы были требования, пред'явленные морозовскими рабочими 11-го января 1885 г., а 3-го июня 1886 г. правительство издало новый закон о штрафах. Посмотрим, что написано в этом законе (этот закон вошел в Уст. о промышл., т. 12, ч. 2. Св. Зак.) и какую связь имело издание этого закона с морозовской стачкой.

Ст. 145: «Для рабочих, получающих задельную плату, взыскание за прогул определяется в размере не свыше 1 руб. за прогульный день». Вы видите из этой статьи, что правительство удовлетворило одно из требований морозовских рабочих. Теперь фабрикант уже не смеет взыскать более 1 руб. за прогульный день с рабочего, получающего сдельную плату.—Почитаем другие статьи этого закона.

Ст. 95 закона почти дословно повторяет требование рабочих; она говорит: «При найме на срок неопределенный, каждая из договорившихся сторон может отказаться от договора, предупредив другую сторону о своем намерении за две недели».

Ст. 97: «Выдача заработной платы должна производиться не реже одного раза в месяц, если наем заключен на срок более месяца и не реже двух раз в месяц, при найме на срок неопределенный».

Ст. 98: «Рабочий, не получивший в срок причитающейся ему платы, имеет право требовать, чтобы ему было присуждено особое вознаграждение в размере двухмесячного заработка при срочном договоре, а при договоре на срок неопределенный—в размере двухнедельного за-

работка» [1]) Вы видите, что приведенные две статьи также представляют из себя удовлетворение требований рабочих.

Но самое важное постановление в законе 3-го июня 1886 года состоит в том, что по этому закону штрафы с рабочих идут только на удовлетворение нужд самих рабочих (ст. 152), а не в карман фабрикантов, при чем указаны случаи, когда рабочий подвергается штрафу. Ранее, до издания этого закона, штрафы были доходной статьей фабриканта; ему было выгодно штрафовать рабочих, а теперь такой выгоды нет. (См. ст. Дементьева о русских фабричных законах). Только благодаря этому закону в настоящее время рабочих менее донимают штрафами. Фабричный инспектор Владимирской губернии в своей книге («Очерки из истории применения закона 3-го июня 1886 г. на фабриках Владимирской губ.») на стр. 102 утверждает, что в одной Владимирской губернии в течение первого года после издания закона о штрафах штрафы уменьшились почти на двести тысяч рублей. Тот же фабричный инспектор заявляет, что закон о штрафах «вызвал целую бурю негодования со стороны фабрикантов, которые никак не соглашались отказаться от своего права накладывать на рабочего произвольные штрафы и обращать взысканные деньги в свою пользу», а потому фабриканты стремились «истолковать закон в свою пользу, извратив смысл отдельных его частей». Конечно, фабриканты ухитряются обходить этот закон и донимать рабочих вычетами из заработной платы, назначая другую цену за дурно сработанный по их мнению материал. Но как бы то ни было, закон связал руки фабрикантам, не давая им возможности так безобразно обирать рабочих, как они это делали до сих пор Изданием такого закона русские рабочие, конечно, всецело

---

[1]) Ввиду неточного изложения этой статьи приводим ее подлинный текст: «Рабочий, не получивший в срок причитающейся ему платы не по собственной своей вине, имеет право требовать судебным порядком расторжения заключенного с ним договора. По заявленному на сем основании, в течение месяца, иску рабочего, если просьба его будет признана уважительной, в его пользу присуждается, сверх должной ему фабрикантом суммы, особое вознаграждение в размере, не превышающем: при срочном договоре 2-месячного его заработка, а при договоре на срок неопределенный — 2-недельного заработка». Прим. ред.

обязаны не попечительному начальству и не правительству, а своим же товарищам—морозовским рабочим. Только благодаря их дружному и настойчивому отпору, правительство пошло на уступки, под угрозой бурных рабочих восстаний, поняв, что без этого не обойтись, что безобразные и бесчеловечные условия жизни рабочих должны быть смягчены. Жить так дальше не хватало терпения и сил, несмотря на все смирение и христианское воздержание рабочих, принужденных довольствоваться десятирублевым заработком, душной конурой, скверной пищей и одеждой. Плотина грозила прорваться и нарушить безмятежное спокойствие г.г. фабрикантов. Необходимо было сделать уступки, и вот является закон 3-го июня 1886 г. Само собой разумется, что уступки были скупы, что хотя и вынуждены были исполнить некоторые требования, выставленные морозовскими рабочими, но все-таки не забывали и карманы капиталистов (см. об этом кн. «Об'яснение закона о штрафах»[1]). Но очень важно то, что сделаны были первые шаги для обуздания хозяйского аппетита, и рабочие могли убедиться, что недаром они выдержали упорную борьбу, поняли, что только благодаря этой борьбе захлопотало, засуетилось правительство и издало новый закон. Все русское фабричное законодательство, по словам одного фабричного инспектора, явилось благодаря лишь тому, что рабочие стали громко заявлять о своих нуждах и страданиях, неслышных за грохотом колес и машин, невидимых за каменными стенами фабрик. И чем громче будет раздаваться голос рабочих, чем чаще они будут заявлять о себе, тем скорее добьются они улучшения своего положения.

---

[1]) Эта популярная брошюра была написана т. Лениным и издана нелегально в Женеве в 1897 г., в последнее время перепечатана (не полно) в сборнике «Морозовская стачка», изд. «Моск. Раб., 1923 г. Прим. ред.

ИЗ ЖАНДАРМСКИХ АРХИВОВ О МОРОЗОВСКОЙ СТАЧКЕ.

Статья Н. Батурина.

Брошюра «Десятилетие морозовской стачки», изданная более 25 лет тому назад, была составлена главным образом по судебным отчетам «Московских Ведомостей» за 1886 г. В бывш. архиве департамента полиции (ныне Петроградском Историко-революционном архиве) сохранилось «дело» об этой выдающейся стачке, встревожившей не только местные, но и центральные власти, до царя включительно (VII секция, 1 отделение, арх. деп. полиции, 3 делопроизв., 1885 г., № 2, ч. 3—6. О беспорядках среди рабочих на Никольской мануфактуре Саввы Морозова и К° в Владимирской губ.). Часть материалов этого дела, недоступного, конечно, для составителей названной брошюры, теперь уже опубликована. (См.: «Сборник материалов и статей» вып. 1, изд. Гл. Упр. Архивным делом, 1921 г. и «Архив истории труда в России» кн. 2, изд. Петрогр. Губ. Сов. Профсоюзов, 1921 г.). Кроме приведенного уже текста «требований по общему соглашению рабочих», мы помещаем ниже наиболее характерные отрывки из сохранившихся в архиве документов, обрисовывающих возникшие, по поводу Морозовской стачки, сношения между рабочими, фабрикантом, губернатором, министром и царем.

Владимирский губернатор Судиенко, выступавший перед рабочими беспощадным усмирителем, в своих сношениях с министром откровенно признает, что стачка была вызвана непомерной эксплоатацией рабочих фабрикой. В конце своего общего доклада министру он пишет:

> *В продолжение проведенных мною здесь десяти дней, путем неоднократного спроса рабочих как из числа арестованных, так и ходящих на работы, я не мог не притти к убеждению, что поводом к прискорбным событиям, начавшимся 7 января, послужило то крайнее угнетение, которому подвергаются рабочие, поступающие на эту фабрику.*

Далее следует подробное описание обирательства рабочих посредством штрафов.

Еще более откровенно губернатор мог вести переговоры с владельцем фабрики, Морозовым, которого он пытался склонить к необходимым уступкам. В том же донесении министру о событиях 8 января он пишет:

> *В 4 часа пополудни прибыл в Никольское Морозов, с которым прокурор судебной палаты и я имели продолжительное совещание о способах прекращения забастовки, признавая, с своей стороны, необходимым сделать некоторые облегчения для рабочих, действительно крайне теснимых фабричной администрацией. Вместе с сим я решительно потребовал удаления с фабрики Шорина, как лица, против коего высказано было общее озлобление. Это требование мое было исполнено. После возражений г. Морозова, что всякое облегчение в настоящее время было бы уступкой грубому насилию и дурным примером, поощряющим к новым беспорядкам, нам удалось, однако, убедить его на некоторые, хотя, к сожалению, весьма незначительные льготы для рабочих.*

В донесении от 9 января губернатор, указывая на серьезность положения, продолжает напирать на необходимости уступок со стороны Морозова:

> *Озлобление рабочих отчасти справедливо... Толпы на улицах убеждений не слушают. Ожидаю прибытия казаков для принятия более решительных, по обстоятельствам, мер. Повидимому, без новых уступок со стороны Морозова умиротворить не удастся. Подстрекательств извне пока не обнаружено.*

Что касается владельца фабрики, Тимофея Морозова, то он, конечно, еще лучше губернатора знал о причинах «беспорядков». Однако, он обнаруживает, даже по сравнению с властями, наиболее непримиримое и злобное отношение к забастовщикам. Уже в день начала забастовки, 7 января, от него полетела телеграмма министру внутр. дел:

> *На фабрике товарищества Никольской мануфактуры... рабочие волнуются, производят беспорядок, бьют стекла. Сообщив об этом владимирскому губернатору, правление товарищества почтительнейше просит ваше сиятельство не оставить приказать принять меры к прекращению беспорядка.*

Таким образом, Морозов, не пожелав даже вступить в переговоры с рабочими, попытался прежде всего добиться ликвидации стачки путем усмирения военной силой.

Вечером того же дня Морозовым была послана министру повторная телеграмма в том же роде с той же «почтительнейшей» просьбой о «мерах».

Вызванный губернатором из Москвы и согласившись под его давлением на некоторые уступки, он телеграммой от 12 января красноречиво убеждает министра, что стачку надо прекратить ежовыми рукавицами, а не уступками, которые де только поощряют бунтовщиков:

> *... Они требуют расчета по ценам высшим, существовавшим до Пасхи 1884 г. Притом по Пасху 1885 г. Значит, здесь была и есть стачка с разрушением и разграблением имущества. Некоторые рабочие желали бы стать на работы, но большинство других не допускает под угрозой мести. Явившиеся на работы разгоняются бунтовщиками, об'ясняющими, что они заставят удовлетворить за прогульные дни. Удовлетворить этого требования, а также того требования, о котором сказано выше, нельзя. Требования эти незаконны. Удовлетворить их—значит наградить за бунт и поощрить к новым беспорядкам. Оставаясь без дела, рабочие с каждым днем теряют заработок. Отказ в удовлетворении незаконных их требований может породить большое в них недовольство, и дело обострится.*

Итак, удовлетворить нельзя и отказать нельзя. Остается только усмирить. И Тимофей Морозов еще и еще раз ласково просит о ежовых рукавицах:

> *Такая крайность, заканчивает он телеграмму, вновь заставляет правление товарищества иметь почтительнейше просить ваше сиятельство о защите к прекращению беспорядка теми мерами, какие вы изволите признать необходимыми.*

Полной противоположностью этим витиеватым и нескладным (от избытка почтительности к начальству) реляциям Тимофея Морозова является об'явление рабочих, расклеенное ими в ответ на его уступки:

Об'является Савве Морозову, что за эту сбавку ткачи и прядильщики ни (как) не соглашаются работать. А если ты нам не прибавишь расценок, то дай нам расчет и разочти нас по Пасху, а то если не разочтешь нас по Пасху, то мы будем бунтоваться до самой Пасхи. Ну, будь согласен на эту табель, а то ежели не согласишься, то и фабрики вам не водить.

В «высших» сферах телеграммы Морозова с воплями о «бунте» произвели большее впечатление, чем донесения Владимирского губернатора, указывавшего на причины «прискорбных событий». Если центральная власть и пошла потом на уступки морозовским стачечникам изданием закона 3-го июня 1886 г., то во время самой стачки настроение напуганной власти было в пользу «решительных мер».

Министр внутренних дел, граф Д. Толстой, в ответ на просьбы Морозова о «мерах к прекращению беспорядков» лично телеграфировал Владимирскому губернатору:

«Потребуйте побольше войск из Москвы».

И командующему Моск. воен. округом:

«Послать на фабрику Морозова войска, сколько потребует Владимирский губернатор».

В шифрованной телеграмме Владимирскому губернатору министр дает ему, кроме того, практический совет по части искусства усмирения:

Имейте в виду, что при упорстве рабочих весьма полезно последовательно отделять уроженцев других губерний и уездов и немедленно отправлять их на родину. Мера эта принесла пользу во время недавних беспорядков рабочих в Московской губернии.

С такой же «пользой» эта мера была применена и против морозовских стачечников.

Не мало тревог причинили морозовские ткачи и царю Александру III, еще не успевшему успокоиться от страха перед террором «Народной Воли». На докладе министра об этой стачке, составленном на основании первых телеграмм, Александр III отметил:

Я очень боюсь, что это—дело анархистов. Пожалуйста, сообщите мне все подробности, которые получите от губернатора и жандармского начальства.

Уступкам в пользу рабочих царь, как и Тимофей Морозов, совсем не сочувствовал.

На донесении (от 10 янв.) о том, что правление фабрики, кроме сделанных уступок, ничего в облегчение рабочих сделать не может, царская отметка гласит:

«Какие облегчения еще?».

Наконец, на сообщении 20 января о том, что «порядок восстановлен вполне», Александр III отмечает:

«Дай Бог, чтобы так и продолжалось».

ПЕТР АНИСИМОВИЧ МОИСЕЕНКО.

КРАТКАЯ АВТОБИОГРАФИЯ.

Эта автобиография написана П. А. Моисеенко для настоящей хрестоматии. Прим. ред.

Родился я в 1852 г. в деревушке Обыденной, Сычевского уезда, Смоленской губернии. Детство прошло в самых тяжелых условиях. Перенес оспу и другие болезни. 4—5 лет остался сиротой. Почти самоучкой научился грамоте и 13-летним мальчиком был отдан присучальщиком на фабрику, а потом в ученье по торговой части. 18-ти лет меня женили и пришлось опять итти на фабрику, но уже ткачем. 20-ти лет, работая на фабрике Зимина в Орехово-Зуеве, впервые познакомился с нелегальной (народнической) литературой: «Хитрая механика», «Сказка о четырех братьях» и др. В 1873 г. я попадаю в Петроград, становлюсь членом кружка Нарвского района, посещаю студенческие собрания, втягиваюсь все больше в подпольную работу, знакомлюсь с передовыми работниками того времени: Пресняковым, Квятковским, Плехановым, Обнорским, Халтуриным, Поповым, Перовской, Парфеновым, Осинским, Густовым, Рогачевым, Клейном и другими—всех не упомню. Самым важным для меня было знакомство с Г. В. Плехановым и С. Халтуриным. Первый научил понимать, второй действовать. Эти заслуги никогда не забываются, эти лица навсегда останутся в памяти. На собраниях студентов и курсисток мне не раз приходилось говорить: ваша задача научить нас, передовых рабочих. Нам

приходится работать среди совсем сырых, некультурных рабочих, к вам же мы приводим уже мало-мальски обработанных; вот с этими-то и надо подзаняться.

Когда зародилась мысль обособиться и заняться созданием исключительно рабочей партии, то мы не знали, как к этому делу подойти; все кончалось одними разговорами. Разговоры эти начались еще до Казанской демонстрации с Пресняковым. Казанская демонстрация в 1876 г. показала нам, что мы неорганизованны и, если остались целы, то благодаря случайности. В 1878 г. Обнорский и Халтурин окончательно

Петр Анисимович Моисеенко.

решили основать Северно-Русский Рабочий Союз. Этот вопрос обсуждался на собраниях. Вырабатывался план, а также программа. Но это были пока только наброски.

Назревала стачечная волна, захватившая нас, ткачей, целиком. Стачка 1878 г. [1]) прошла очень успешно, и все требования были удовлетворены [2]), не потому, что мы ходили к наследнику с прошением, а потому, что отпущенный после ареста в Аничковом дворце П. А. Моисеенко подлил масла в

---

[1]) На Новой бумагопрядильне. Примеч. ред.

[2]) Г. В. Плеханов в своих воспоминаниях считает, напротив, исход стачки неудачным, хотя и упоминает о «новых правилах», суливших «новые уступки» (См. «Русский Рабочий», Госиздат, 1922 г., стр. 44—48). Прим. ред.

огонь. Придя на фабрику, он сказал, что будет Комиссия, которая это дело разберет. Стачка окрепла. Ее успеху содействовало еще одно обстоятельство. Хотя в газетах раньше и после этой стачки ничего не писали о забастовках, но об этой стачке была статья в газете «Новости». Акции Новой Бумагопрядильни стали падать, и это побудило хозяев пойти на уступки.

После стачки полиция стала усиленно разыскивать передовых рабочих. Произведены были аресты, и один из арестованных ткачей (которому было вручено прошение) указал на меня, как на главного виновника. Переодевшись посыльным, я некоторое время скрывался от полиции. Зайдя однажды в сапожную мастерскую к Парфенову [1]), я застал там компанию студентов и рабочих (Глазко, Дробыш-Дробышевский и др.). Поговорив о делах, стали расходиться. Но при выходе всех арестовали. Меня, в форме посыльного, сперва не тронули, и я беспрепятственно прошел шагов 20. И только тогда меня догнал городовой и позвал меня к приставу. Никакие мои об'яснения не помогли. Меня направили в участок, оттуда в Александро-Невскую часть, где посадили в одиночку. Через неделю повели в сыскное отделение, оттуда — в Казанскую часть, тоже в одиночку. В сыскном я встретился с Парфеновым и Казаковым. Решили не признавать друг друга. После допросов меня, Казакова и Парфенова продержали в Спасской части 3—4 месяца и потом административно выслали без права в'езда в столицы. Меня выслали на родину, Казакова и Парфенова—в Костромскую губернию, но Парфенов в тюрьме заболел. Когда нас с Казаковым отправляли из пересыльной тюрьмы, на Николаевском вокзале собралось около полутораста рабочих, чтобы нас проводить. Расстались с криком ура. С Казаковым распростились в Москве на Коломажном [2]) и с тех пор не виделись.

В том же 1878 г. я бежал из под надзора и, приехав в Петербург, стал снова работать в кружках за Нарвской заставой и на Обводном канале. При деятельном участии ра-

---

[1]) Сопоставляя описание обстоятельств стачки у П. А. Моисеенко и Г. В. Плеханова, можно установить, что под фамилией Парфенова проживал в то время в Петрограде нелегальный Гоббст, казненный в Киеве в 1879 г. Прим. ред.

[2]) Бывшая пересыльная тюрьма на Пречистенке. Прим. ред.

бочих: Федота Лазарева, Алешки «Рыжего», Шилова, Яшки Аржака и других, моя жена сняла конспиративную квартиру. Но здесь нам дело испортили интеллигенты Виноградов и Благовещенский, введя к нам шпионов. Халтурин об этом ничего не знал. Он появился у нас опять в разгар стачки в 1879 г. [1]). Незадолго до стачки Северный Союз уже организовался. Мне, как нелегальному, приготовили паспорт, которым воспользоваться не пришлось. Халтурин дал мне свой небольшой кинжал, с которым я был арестован. Нас, арестованных во время стачек, причислили уже к тайному сообществу. Меня, Абраменкова и Коняева сослали в Восточную Сибирь, остальных — по разным местам. С этим арестом у меня была порвана всякая связь с Петербургом. Пробыв в ссылке в Канском округе Енисейской губернии до августа 1883 г., мы вместе с Лукой Абраменковым возвратились на родину. Когда я брал паспорт, писарь написал в нем мою фамилию Моисеенко (вместо прежней: Мосеенок) и с тех пор я так и числюсь.

Я поступил на фабрику Тимофея Саввича Морозова и здесь, после больших усилий, мне удалось провести стачку 1885 г., заставившую русское правительство издать закон о труде.

Я не буду описывать этой стачки, так как она и так всем известна. Скажу лишь одно — что эта стачка дала толчок рабочему движению. Суд нас всех оправдал, но меня и товарища Волкова отправили в административную ссылку: меня в Архангельскую губ., в город Мезень, Волкова — в Вологодскую, в Усть-Сысольск. С этой ссылкой кончилась моя работа, как текстильщика, и началась новая работа, как плотника и столяра.

Прибыв в Мезень с женой, мы застали там ссыльных: Петра Самсоновича Кравченко и Александра Николаевича Шепицына. Мы, ссыльные, задумали заняться столярным ремеслом на коммунальных началах и начали это дело втроем. Потом прибыл А. Серафимович [2]),—стало четверо. Кравченко

---

[1]) На той же Новой Бумагопрядильне и примкнувшей к ней фабрике Шау. Прим. ред.

[2]) См. воспоминание Серафимовича о Мезенской ссылке и о П. А. Моисеенко в статье Матвеева «Отец стачки» в сборнике «Морозовская стачка». Изд. «Моск. Рабочий». 1923 г. Прим. ред.

скоро взяли в солдаты, а Шепицын перевелся в Томск. К нам из Пинеги приехали Петр Редько и Тихомиров. Из села близ Мезени перевели Исаака Гуревича, потом Серафимович перевелся по болезни глаз в Пинегу. Коммуна наша в 1889 г. стала хромать. С весны я тоже перевелся в Пинегу. Здесь были Александр Машицкий, Анна Захарова, Клеопатра Серафимович и мы с женой и девочкой, еще грудным младенцем.

В конце августа мне оканчивался срок ссылки, и я надумал ехать в Челябинск, где товарищи Михаил Николаевич Попов и Максим Юльевич Гофман основали заимку, и где я мог быть полезен, как работник. Но из Челябинска меня выслали на родину. С трудом удалось выхлопотать паспорт и уехать. И вот я попадаю сперва в Торопецкий уезд, где жил тов. Балиев, потом в Воронежскую губ., в Екатеринодар и, наконец, в Ростов н/Д, где снова в декабре 1893 г. попадаю в тюрьму.

Здесь работали в то время Машицкие, муж и жена, Алабышев, Васильев, Дымников, Перегудов, рабочие Ананьев, Рудометов, Солдатов, Коваленко, Шамуров, Болдырев и др. Я открыл столярную и работал на Владикавказскую железную дорогу. В моей мастерской было удобно всем нам собираться. Собирались также и у Ананьева. Но Ананьев и Рудометов скоро должны были уехать. Чаще же всего собрания происходили на Темернике. Провалил нашу организацию рабочий Ветров, который потом отравился.

Из Ростова меня выслали в Вологодскую губ., в город Вельск, где и пришлось прожить изолированным от товарищей до 1898 г.

По окончании этой ссылки мне было воспрещено проживать во всех промышленных губерниях и в Области Войска Донского. Пришлось уехать в Мариуполь, где у меня был произведен обыск, как у поднадзорного. По окончании срока негласного надзора я переехал на рудники, где продолжал заниматься подпольной кружковой работой. Был в Юзовском районе, потом на Щербиновских рудниках, отсюда бежал в Павловский район. В 1905 г. пришлось бежать и отсюда от черносотенцев. С 1905 г. по 1912 г. мне пришлось побывать в следующих местах: на французских рудниках под

Юзовкой (рудник Рудченкова), на Калачевских рудниках, на Алмазной, снова в Мариуполе, на рудниках Макарьевских, на марганцевых рудниках под Никополем, в Нахичевани н/Д, в Баку, Большом Токмаке. За это время я не раз выступал агитатором, принимая участие в проведении первомайской забастовки (1906 г.) и предвыборных собраний в 1 и 3 Государственную Думу. С 1912 г. я поселился в Горловке, где пробыл до 1916 г. Здесь я выступил агитатором и руководителем забастовки [1]) и только по случайности спасся от расстрела. Из Горловки бежал на Кавказ, где и застала меня февральская революция 1917 г.

В марте этого года меня послали на Персидский фронт для извещения армии о перевороте и проведения выборов военных комитетов. Жил в Баку, Тифлисе, Кизляре, и на Северном Кавказе, служил санитаром в Красной армии, потом инструктором по созданию больничных касс во Владикавказе и в Пятигорске в отделе народного образования. В 1922 г. жил в Харькове, работая при Истпарте.

---

[1]) 10 рудников, как-то: Горловских, Никитовских, Царев-Байрак, ртутных и др.; забастовка была грандиозная; собралось тысяч до 30 человек. Войска, присланные из Бахмута, отказались разгонять рабочих; расстрел учинили полицейские, стражники и урядники под командой пристава.

ОТДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

Первые Социалдемократические организации. Подпольная кружковая пропаганда. (80-е и начало 90-х г.г.)

ГРУППА «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА».

Из кн. Н. Батурина. «Очерк истории социал-демократии в России». Москва, 1906 г., стр. 18—36.

Одним из самых горячих защитников чисто-народнических взглядов на Воронежском С'езде землевольцев [1]) выступил Г. В. Плеханов, редактор «Земли и Воли». Он страстно отстаивал старую землевольческую программу, доказывая, что террор совершенно несовместим с задачами широкой агитации в народе. Когда же с'езд большинством голосов решил оказать поддержку террористам, он вышел из общества «З. и В.», заявив, что «не желает иметь ничего общего с изменниками народному делу».

Приехав после с'езда в Петербург, Плеханов встречается здесь с другими членами «Земли и Воли», прибывшими из-за границы: Л. Дейчем, Л. Стефановичем и В. И. Засулич, которые также оказываются сторонниками прежней народнической программы. Через месяц после с'езда группа единомышленников окончательно выделяется в партию «Черный Передел» и приступает к изданию своей газеты под тем же названием.

Эта партия чистых и последовательных народников просуществовала недолго и успеха не имела. Первый же номер газеты «Черный Передел», изданный в России, был арестован в январе 1880 г. в тайной типографии партии. Арестованный по этому делу Жарков [2]), работавший в типографии

---

[1]) Воронежский с'езд «Земли и Воли» состоялся летом 1879 г. Непосредственно перед ним сторонники террора, составлявшие ядро будущей «Народной Воли», с'ехались в Липецке, где они предварительно столковались, так что переход к террору на с'езде в Воронеже был предрешен. Прим. ред.

[2]) Впоследствии он был убит народовольцами, как предатель.

партии, выдал своих товарищей. Редактор газеты Плеханов вместе с другими чернопередельцами, спасаясь от преследований правительства, бежит за границу, в Женеву, куда переносится издание «Черного Передела».

За время (1879-1881), в течение которого были изданы все 4 номера этой газеты, взгляды заграничной группы чернопередельцев подверглись значительному изменению. «Опыт скоро показал нам, — рассказывает Плеханов [1]), — что идея хождения в народ, еще так недавно и так сильно увлекавшая наших молодых революционеров, утратила всякую серьезную власть над их сердцами. Очень значительная часть революционной молодежи сознательно становилась на сторону террористов и разделяла их мысль о том, что деятельность в крестьянстве, при существующих у нас политических условиях, заранее осуждена на полное бесплодие». Этот опыт революционного движения сильно поколебал веру чернопередельцев в жизненность и непогрешимость народнической теории и прежде всего того убеждения, что социализм несовместимо с «политикой».

Решающее влияние на выработку новых взглядов заграничной группы оказало основательное знакомство с теорией и практикой современного социализма в З. Европе. Плеханов был знаком с учением Маркса еще раньше, когда он работал в партии «Земля и Воля». В своей статье в 3 и 4 №№ «Земли и Воли», под заглавием. «Закон экономического развития общества и задачи социализма в России», формулируя народническую программу, он указывает на важное значение учения Маркса, в исторической теории которого социалисты, по его мнению, должны искать разрешения задач своей практической деятельности. Редакция «Черного Передела» в своих статьях заявляла, что, согласно учению Маркса, она признает экономические отношения «основанием всех остальных, коренною причиною не только всех явлений политической жизни общества, но и умственного и нравственного склада его членов». Однако, повторяя этот взгляд Маркса, чернопередельцы далеко не стояли на точке зрения на-

---

[1]) «Искра», № 54. «Почему и как мы разошлись с «Вестником Народной Воли».

учного социализма. Они принимали это учение в том искаженном виде, какой придавал ему Бакунин и некоторые современные анархисты. Из того положения, что экономические отношения общества лежат в основе всего политического строя, они делали вывод, что социалисты должны стремиться к экономической революции, отвергая всякую политическую борьбу. Только в последнем, 4 № «Черного Передела» (19 сентября 1881 г.), члены группы заявляют себя уже сторонниками политической борьбы, а также признают пользу террора. Не отрицая пользы политической свободы, чернопередельцы, в своих спорах с народовольцами, усиленно подчеркивали, однако, необходимость широкой агитации в народе, в противовес узкой заговорщицкой тактике народовольцев. Только народные крестьянские организации, по их мнению, могут обеспечить народу экономические выгоды от революции. Эту мысль чернопередельцы проводили в рабочей газете «Зерно», которую они издавали в 1881 г. (вышло 6 №№).

Дальнейшее знакомство с социал-демократической литературой и с практикой западно-европейского рабочего движения окончательно разрушили не только народническую программу практической деятельности, исключавшую всякую «политику», но также и самые основы народнической теории. Вооружившись теорией научного социализма, чернопередельцы подвергли беспощадной критике не только свои собственные, но и все вообще старые русские программы и теории. «В основу этой критики, говорит Плеханов [1]), был положен практический опыт, частью приобретенный нами самими, во время нашей народнической деятельности, частью завещанный нам социалистами первой половины того десятилетия» (т. е. 70-х годов). Большое значение для выработки новых взглядов Плеханова имело, конечно, его близкое знакомство с петербургским рабочим движением, вызванным к жизни народнической пропагандой. В результате предпринятой критики от народничества не осталось ничего. Бывшие чернопередельцы окончательно расстались с утопическими теориями общинного «русского» социализма и пришли к убеждению, что и в России социалистическое движение может итти успешно

---

[1]) Предисловие к «Истории револ. движ. в России», Туна.

только под знаменем научного социализма и что единственной революционной силой, способной стать под это знамя, и у нас, как в З. Европе, может быть только рабочий класс.

Таким образом опыт революционного движения в России и основательное изучение теории и практики зап.-европейского социализма привели передовую часть русских «самобытных» социалистов к усвоению учения современной социал-демократии.

Убедившись, что борьба за социализм вовсе не исключает политической борьбы, заграничная группа должна была теперь признать большую заслугу за «Народной Волей», которая, хотя бы и расходясь со своей народнической теорией, в своей практике вела упорную борьбу с правительством. Это значительно сближало практические цели как заграничной группы бывших чернопередельцев, так и «Народной Воли» и делало возможной совместную работу.

Начиная с 1880 г., Плеханов вместе с народовольцами участвует в издании «Социально-революционной библиотеки», сборника «На Родине», биографий Желябова, Перовской, Кибальчича. Плехановым же был приготовлен для этого издательства перевод «Коммунистического Манифеста», который был напечатан в 1882 г. с предисловием Маркса к русскому изданию. «Исполнительный Комитет» «Народной Воли» предложил даже Плеханову принять участие в редакции своего заграничного журнала «Вестника Народной Воли». Плеханов принял это предложение и вместе с П. Лавровым и Степняком (Кравчинским) вступил в редакцию «Вестника».

Таким образом, русским социал-демократам представлялась возможность при помощи народовольческого издания подготовить русских революционеров к усвоению социал-демократического учения, в котором, по их мнению, «Нар. В.» только и могла найти оправдание своей практической деятельности. С этой целью Плехановым была написана для «Вестника Н. В.» статья «Социализм и политическая борьба». Почти уже состоявшееся соглашение было расстроено стараниями Л. Тихомирова, при ближайшем участии известного провокатора Дегаева. Тихомиров, заступивший место Степняка в редакции «Вестника Народной Воли», сначала очень примирительно относился к социал-демократическому направлению,

которое хотел придать журналу Плеханов. Приехавший за границу Дегаев, уже тогда находившийся в сношении с начальником департамента полиции Судейкиным, внушил Тихомирову, будто молодые товарищи очень не сочувствуют его сближению с бывшими чернопередельцами. Опасаясь потерять свою популярность среди революционеров в России, Тихомиров поспешил резко переменить свое отношение к социал-демократии, и Плеханову пришлось выйти из редакции.

Убедившись в полной невозможности совместной работы с «Народной Волей», бывшие чернопередельцы организовали

самостоятельную группу, под названием «Освобождение Труда», в которую вступили 5 членов, принимавших деятельное участие в движении 70-х годов. В. Н. Игнатов [1]), Л. Г. Дейч, В. И. Засулич, П. Б. Аксельрод, и Г. В. Плеханов.

Эта небольшая заграничная группа была первой русской социал-демократической организацией, и вполне справедливо считается родоначальницей русской социал-демократии.

Самостоятельное выступление группы «Освобождение Труда» было встречено очень враждебно. Ее, между прочим, обвиняли в том, что она стремится расстроить организацию «Народной Воли». Такие нападки могли происходить только от грубого непонимания тех задач, которые поставила себе

---

[1]) Умер в 1885 г.

новая группа. Члены этой группы высказывали свое сочувствие практической деятельности «Народной Воли», но они не могли согласиться с тем обоснованием этой деятельности, которое народовольцы по-прежнему искали в старом народничестве. Несмотря на всеобщее несочувствие, социал-демократическая группа приступила к литературной пропаганде своих взглядов, в полной уверенности, что сама русская действительность рано или поздно подтвердит правоту этих взглядов.

Непринятая в «Вестник Народной Воли» статья Плеханова «Социализм и политическая борьба», была теперь самостоятельно издана группой «Осв. Тр.» (×).

Вооруженный теорией современного социализма, которая учит, что «всякая классовая борьба есть борьба политическая», автор брошюры мог не только опровергнуть, но также исторически об'яснить то народническое убеждение, что социализм не совместим ни с какой «политикой» (×).

Огромным большинством тогдашних революционеров эта новая постановка вопроса была понята очень плохо и не встретила никакого сочувствия. Это первое издание группы не только не привлекло к социалдемократии симпатий революционной интеллигенции, но положило начало упорной борьбе с народничеством, борьбе, которая потом долгие годы велась группой «Осв. Тр.», прежде чем привела к торжеству идей научного социализма в России (×).

Вопрос о значении капитализма и развития его в России, на-ряду с вопросом об общине, был долгое время предметом споров между социал-демократами и народниками. Этому вопросу и было посвящено другое сочинение Плеханова «Наши разногласия», изданное группой «Осв. Тр.» в 1884 г. Подвергнув обстоятельному разбору всех выдающихся представителей русского социализма—А. Герцена, Н. Чернышевского, М. Бакунина, П. Ткачева,—автор переходит к подробному рассмотрению русской экономической действительности, на почве которой выросли самобытные теории. При помощи статистической литературы Плеханов обнаруживает всю вздорность народнических утверждений, будто капитализм не имеет у нас никакого будущего (×).

Несмотря на то, что книга Плеханова «Наши разногла-

сия» дала уничтожающую научную критику народничества, она так же, как и предыдущее его сочинение «Социализм и политическая борьба», не могла похвалиться успехом среди русских революционеров, которые в большинстве продолжали упорно держаться народнической теории и не скрывали своего враждебного отношения к «освободителям труда» [1].

Безграничное уважение к погибшим героям «Народной Воли» мешало русским революционерам внимательно и беспристрастно рассмотреть,—что, собственно, представлял тот социализм, под знаменем которого боролась эта партия. Всякая критика народовольческой программы принималась, как оскорбление «великих теней».

Каково было научное значение этой книги, ясно обнаружилось 10-15 лет спустя после ее появления. Когда во второй половине 90-х годов в русской легальной литературе впервые возгорелась борьба с народничеством, которое все еще считалось передовым и преобладающим направлением русской интеллигенции, то так-называемый «легальный марксизм» в своих спорах с народниками о капитализме и общине очень немногое мог прибавить к той критике народничества, которая была дана в «Наших разногласиях».

«Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия», а также переведенные на русских язык сочинения Маркса и Энгельса выполнили существенную часть той задачи, которую поставила себе группа «Осв. Тр.». Познакомив передовую русскую интеллигенцию с научным социализмом, группа «Осв. Тр.» дала в то же время обстоятельную критику теории русского социализма и указала путь для решения практических вопросов русского социалистического движения.

Свои социал-демократические взгляды гр. «Освобождение Труда» формулировала в «проекте программы русских социал-демократов», изданном в первый раз в 1885 г. (X).

Нетрудно отметить в этом проекте места, которые не соответствуют ни духу социал-демократического учения вообще, ни общим социально-политическим взглядам самой группы «Осв. Тр.»—в частности. Прежде всего бросается в глаза, что

---

[1]) Так назвал членов группы П. А. Лавров в одной заметке о ней в «Вестнике Народной Воли».

группа отводит такое важное значение «социалистической интеллигенции», которое не согласуется с классовой теорией научного социализма. Далее, признавая «необходимость террористической борьбы против абсолютного правительства», группа «Осв. Тр.» склоняется, хотя и с большими оговорками, к тактике «Народной Воли», совершенно несвойственной социал-демократии. Наконец, в свой программе группа выставляет два требования, которые не поддерживаются в настоящее время социал-демократическими партиями: 1) государственная поддержка производительным ассоциациям и 2) непосредственное народное законодательство. Словом, весь проект в целом нельзя было бы признать вполне выдержанной социал-демократической программой.

Не нужно, однако, забывать, что группа, очевидно, и не ставила себе целью дать программу с.-д. партии, для создания которой не было тогда на-лицо необходимых условий. Проект программы имел в виду только подготовительную деятельность революционной интеллигенции в интересах будущей рабочей партии.

К тому же, проект этот составлялся в то время, когда «Народная Воля» была еще достаточно сильна и исход борьбы ее с правительством еще далеко не был выяснен. Не разделяя утопических надежд народовольцев на социальный переворот путем захвата власти временным правительством, члены группы «Осв. Тр.» считали, повидимому, возможным, что самодержавие, под ударами организованного террора, пойдет на уступки и даст либеральную конституцию еще прежде, чем революционное движение распространится на широкие народные массы. Такой исход борьбы революционной интеллигенции имел бы, конечное, большое значение для рабочего движения. Это значение и учитывалось в проекте программы, которая, на-ряду с «подготовкой рабочего класса к социально-политическому движению, признает необходимость террористической борьбы». При таких обстоятельствах члены группы «Осв. Тр.» считали себя вынужденными сделать даже сознательные уступки народовольцам, применяясь к господствующим взглядам среди русских революционеров [1]). Таки-

[1]) «...ей (группе «Осв. Тр.») невозможно было не считаться с народническими симпатиями, скажем откровенно, предрассуд-

ми сознательными уступками Плеханов об'ясняет два места программы, которые не выдерживают критики с точки зрения «ортодоксального» марксизма: государственная помощь производительным товариществам рабочих во всех отраслях нашего народного хозяйства и очень неопределенная формулировка ее аграрных требований. Весь проект, таким образом, излагая основные социал-демократические взгляды, представлял не только с.-д. программу, как мы понимаем ее в настоящее время, но и растворенные в ней тактические соображения.

Однако эта тактика, рассчитанная почти исключительно на деятельность «социалистической интеллигенции», оказалась бесплодной. Это вполне ясно обнаружилось к концу 80-х годов, когда «Народная Воля» почти уже прекратила свое существование, и тем не менее остатки разбитых организаций революционной интеллигенции в огромном большинстве оставались по-прежнему глухи к социал-демократической пропаганде. Вольные и невольные отступления проекта программы группы «Осв. Тр.» от социал-демократических взглядов были значительно исправлены группой во втором издании этого проекта в 1888 г. То место, где говорится о «необходимости террористической борьбы», было выпущено. «Главным средством политической борьбы рабочих кружков против абсолютизма,—говорится во втором проекте,—русские социал-демократы считают агитацию в среде рабочего класса и дальнейшее распространение в ней социалистических идей и революционных организаций». За «социалистической интеллигенцией» уже не признается такого самостоятельного и решаю-

---

ками, — тогдашних русских революционеров. Нужно помнить, что в то время она была буквально единственной русской социал-демократической группой, а число возможных русских социал-демократов казалось очень большим, так как все старые революционные взгляды и программы потерпели жестокое крушение. При таких обстоятельствах группа («Осв. Тр.») поневоле должна была, по крайней мере, попробовать быть осторожной, мягкой и уступчивой... На деле такая осторожность ни к чему не привела, потому что споры эти (т.-е. по аграрному вопросу) все же пришлось начать очень скоро после составления проекта программы: доказательство—книга «Наши разногласия», представляющая собой резкий ответ на ехидные литературные выходки, ныне благополучно юродствующего г. Л. Тихомирова против социал-демократической ереси».—«Заря», № 4. Stuttgardt, 1902 г., ст. Плеханова: «Проект программы Р. С.-Д. Р. П.». стр. 18—19.

щего значения в деле завоевания политической свободы. Во втором издании проекта говорится, что «завоевание демократической конституции» «является целью борьбы рабочей партии с абсолютизмом».

Второе издание проекта программы отличается от первого еще тем, что оно более сжато и точно формулирует положения научного социализма и таким образом по форме изложения более приближается к программе. Все же практические требования остались в нем без изменения. В своем переработанном виде проект по-прежнему имеет в виду лишь подготовительную деятельность русских социал-демократов [1]).

Если гр. «Осв. Тр.» своими изданиями много сделала для распространения социал-демократического учения в среде революционной интеллигенции, то ее собственные силы оказались недостаточными для того, чтобы понести это учение в рабочую среду. Попытка создать популярную рабочую литературу успеха не имела, так как, оставаясь за границей, группа скоро потеряла связь с Россией. В 1884 г. Л. Дейч, пытавшийся перевести первые издания группы в Россию, был арестован во Фрейбурге германскими властями и выдан русскому правительству. За свою прежнюю революционную деятельность в партии «Земля и Воля» он был приговорен военно-окружным судом в Одессе к 13 г. и 4 м. каторги. Только в 1901 году ему удалось бежать из Благовещенска в З. Европу (через Америку) и снова принять участие в социал-демократическом движении.

После ареста Дейча группа «Осв. Тр.» лишилась своего главного организатора, через которого она поддерживала связи с Россией. Потеряв эти непосредственные связи, она долж-

---

[1]) Об'ясняя неясность и неправильность с с.-д. точки зрения некоторых практических требований своей программы уступками народническим предрассудкам, группа «Освобождения Труда» признала свою ошибку в вопросе о непосредственном народном законодательстве «Насчет представительной системы и прямого народного законодательства, надо прямо сказать, что в этом отношении группа «Освобожд. Труда» находилась тогда под влиянием идей Риттингаузена, и что прекрасная работа Каутского: «Der Parlamentarismus, die Volksgesetzgebung und die Socialdemokratie» (Парламентаризм, народное законодательство и социал-демократия), Stuttgardt, 1893 г., заставили ее значительно изменить свой взгляд». «Заря», № 4, ст. Плеханова о программе, стр. 19.

на была отказаться на некоторое время от издания рабочей литературы и ограничиться печатной и устной пропагандой среди революционной русской молодежи за границей. Из готовившейся к печати «Рабочей библиотеки» появилась только книжка П. Аксельрода: «Рабочее движение и социал-демократия».

В 1888 г. группа «Осв. Тр.» издает сборник «Социал-демократ», который с 1890 г. превращается в социал-демократический журнал (вышло 4 номера). В целом ряде статей члены группы знакомят русского читателя с успехами зап.-европейского рабочего движения (ст. П. Аксельрода о германской социал-демократии) и освещают с социал-демократической точки зрения выдающиеся явления русской и заграничной общественной жизни и литературы (ст. Плеханова «Н. Г. Чернышевский», «Русский рабочий в революционном движении», В. Засулич «Революционеры из буржуазной среды» и др.).

Исключительно тяжелые условия, созданные реакцией 80-х годов, были причиной того, что деятельность членов первой социал-демократической организации свелась, главным образом, к литературной пропаганде за границей, откуда эта пропаганда распространилась очень медленно в России. Впоследствии русской социал-демократии бросали упрек в том, что ее первая программа была выработана за границей, и потому должна страдать оторванностью от русской жизни. Поскольку дело идет о научном обосновании классовых интересов пролетариата, то подобный упрек с одинаковым правом можно отнести ко всякой социалистической рабочей партии, которая усвоила идеи «Коммунистического Манифеста», написанного немцами Марксом и Энгельсом. Но таким патриотическим упреком менее всего могут смущаться «пролетарии всех стран», у которых «нет отечества». В свое время некоторые «истинно-немецкие» люди упрекали и самого Маркса в том, что он придумал свою программу за пределами Германии.

Однако заграничное пребывание Маркса, остававшегося почти всю жизнь в изгнании, не только не помешало, но значительно помогло ему в выработке теории современного социализма, так как оно дало ему возможность близко наблюдать развитие капитализма и рабочего движения в передо-

вых капиталистических странах, а не только в отсталой Германии.

Заграничное пребывание членов группы «Осв. Тр.» дало им возможность близко познакомиться с теорией и практикой современного социализма в З. Европе, опередившей нас по пути развития общественных отношений и социалистической мысли, и усвоить идеи научного социализма, которые лежат в основе современной социал-демократии.

Что же касается практических задач русских социал-демократов, то они требуют, конечно, глубокого знания своеобразных экономических и общественных условий России. Но все члены группы «Осв. Тр.» принимали деятельное участие в русском революционном движении, как члены «Земли и Воли», и в ответ на упомянутые доводы противников они с полным правом могли сослаться на свой революционный опыт. «За границей только были подведены итоги тому, что было сделано и узнано нами в России. И во всем нашем проекте программы русских социал-демократов, написанном в 1884 году и напечатанном в 1885 г., нет ни одной строки, которая не имела бы в виду того или иного «проклятого вопроса» нашей революционной практики, и которая не опиралась бы прежде всего на указания этой практики» [1]).

И действительно, не что иное, как неудачи революционной практики, привели к полному крушению старых утопических теорий заграничной группы бывших чернопередельцев. Эта же практика должна была показать, насколько далеки или близки были к условиям русской жизни новые социал-демократические взгляды группы «Освобождение Труда».

---

[1]) Плеханов, предисловие к «Истории рев. движ. в России» Туна.

ПРОЕКТ ПРОГРАММЫ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА» [1]).

Г. В. Плеханов. Сочинения, т. II. Госиздат: 1923 г., стр: 357—362: Составлен в Женеве в 1884 г. Прим. ред.

Группа «Освобождение Труда» задается целью пропаганды социалистических идей в России и выработки элементов для организации русской рабочей социалистической партии.

Сущность ее воззрений может быть выражена в следующих немногих положениях;

I. Экономическое освобождение рабочего класса будет достигнуто лишь путем перехода в коллективную собственность трудящихся всех средств и продуктов производства и сообразной с общественными потребностями организации всех функций социально-экономической жизни.

II. Современное развитие техники в цивилизованных обществах не только дает материальную возможность такой организации, но и делает ее необходимою и неизбежною для разрешения противоречий, препятствующих спокойному и всестороннему развитию этих обществ.

III. Эта радикальная экономическая революция повлечет за собою самые коренные изменения во всем складе общественных и международных отношений.

Устраняя борьбу классов — путем уничтожения самих классов; делая невозможной и ненужной экономическую борьбу индивидуумов — путем устранения товарного производства и связанной с ним конкуренции; короче, устраняя борьбу за существование между личностями, классами и це-

---

[1]) Примечание 1. Предлагаемая нами на суд товарищей программа отнюдь не рассматривается нами, как нечто совершенно законченное, не подлежащее никаким частным изменениям и дополнением. Напротив, мы готовы ввести в нее всякие поправки, если только они не противоречат основным понятиям научного социализма и соответствуют практическим выводам, вытекающим из этих понятий по отношению к деятельности социалистов в России. Прим. авторов программы.

лыми обществами,—она делает излишними все те общественные органы, которые развились в многовековый период этой борьбы за существование в качестве ее орудий.

Не вдаваясь в утопические фантазии относительно общественной и международной организации будущего, можно теперь уже предсказать уничтожение важнейшего из органов хронической борьбы внутри обществ, именно государства, как политической организации, противостоящей обществу, и охраняющей, главным образом, интересы его господствующей части. Точно так же и теперь уже можно предвидеть международный характер предстоящей экономической революции. Современное развитие международного обмена продуктов делает необходимым участие в этой революции всех цивилизованных обществ.

Поэтому, социалистические партии всех стран признают международный характер современного рабочего движения и провозглашают принципы международной солидарности производителей.

Группа «Освобождение труда» также признает великие принципы бывшей «Международной Ассоциации Рабочих» и тождество интересов трудящихся всего цивилизованного мира.

IV. Внося сознательность туда, где господствует ныне слепая экономическая необходимость, заменяя современное господство продукта над производителем — господством производителя над продуктом, социалистическая революция упрощает и осмысливает все общественные отношения, предоставляя вместе с тем каждому гражданину реальную возможность непосредственного участия в обсуждении и решении всех общественных дел.

Это непосредственное участие граждан в заведывании всеми общественными делами предполагает устранение современной системы политического представительства и замены ее прямым народным законодательством.

В своей современной борьбе социалисты должны иметь в виду эту необходимую политическую реформу и всеми зависящими от них средствами добиваться ее осуществления.

Это тем более необходимо, что политическое самовоспитание и господство рабочего класса составляют необходимое предварительное условие его экономического освобождения. Только вполне *демократическое* государство может совершить экономический переворот, сообразный с интересами производителей и требующий разумного участия их в организации и регулирования производства.

В настоящее время рабочий класс передовых стран все более и более выясняет себе необходимость указанного социально-политического переворота и организуется в особую партию труда, враждебную всем партиям эксплоататоров.

Совершаясь на началах «*Международной Ассоциации Рабочих*», организация эта имеет, однако, прежде всего в виду завоевание рабочими политического господства внутри каждого из соответствующих государств. «Пролетариат каждой страны естественно должен прежде всего покончить с своей собственной буржуазией».

Это вносит элемент разнообразия в программы социалистических партий различных государств, заставляя каждую из них сообразоваться с общественными условиями своей страны.

Само собою понятно, что практические задачи, а следовательно, и программы социалистов должны иметь более своеобразный и сложный характер в тех странах, в которых капиталистическое производство не сделалось еще господствующим и где трудящиеся массы находятся под двойным игом развивающегося капитализма и отживающего патриархального хозяйства.

В этих странах социалистам приходится одновременно организовывать рабочий класс для борьбы с буржуазией и вести войну против вредных — как для развития рабочего класса, так и для благосостояния всего народа — остатков старых, до-буржуазных общественных отношений.

Русские социалисты находятся именно в таком положении. Трудящееся население России непосредственно несет на себе всю тяжесть огромной машины полицейско-деспотического государства и в то же время переживает все бедствия, свойственные эпохе капиталистического *накопления*, а местами—в наших промышленных центрах—оно испытывает

уже гнет капиталистического производства, не ограниченный еще ни сколько-нибудь решительным государственным вмешательством, ни организованным противодействием самих рабочих. Современная Россия страдает, — как говорил когда-то Маркс о западе европейского континента,— не только от развития капиталистического производства, но и от недостатка этого развития.

Одним из важнейших следствий этого отсталого состояния производства было и есть до сих пор неразвитое состояние среднего класса, который неспособен у нас взять на себя инициативу борьбы с абсолютизмом.

Социалистической интеллигенции пришлось, поэтому, стать во главе современного освободительного движения, прямой задачей которого должно быть создание свободных политических учреждений в нашем отечестве, при чем социалисты, с своей стороны, должны стараться доставить рабочему классу возможность активного и плодотворного участия в будущей политической жизни России.

Первым средством для достижения этой цели должна быть агитация в пользу демократической конституции, обеспечивающей:

1) Право быть избирателем и избираемым как в Законодательное Собрание, так и в провинциальные и общинные органы самоуправления всякому гражданину, не приговоренному судом за известные, строго определенные законом, позорные действия к потере политической правоспособности [1]).

2) Определенную законом денежную плату народным представителям, позволяющую выбирать их из бедных классов населения.

3) Неприкосновенность личности и жилища граждан.

4) Неограниченную свободу совести, слова, печати, собраний и ассоциаций.

5) Свободу передвижения и занятий.

---

[1]) Примечание 2. К числу таких действий могут быть отнесены, например, подкупы при выборах, вопиющие притеснения нанимателей своих работников и т. п.

6) Полную равноправность всех граждан, независимо от религии и племенного происхождения [1]).

7) Замену постоянного войска всеобщим вооружением народа.

8) Пересмотр всего нашего гражданского и уголовного законодательства, уничтожение сословных подразделений и наказаний, несовместимых с достоинством человека.

Но цель эта останется недостигнутой, политическая самодеятельность рабочих будет немыслима, если падение абсолютизма застанет их в совершенно неподготовленном и неорганизованном состоянии.

Поэтому на социалистической интеллигенции лежит обязанность организации рабочих и посильной подготовки их к борьбе как с современной правительственной системой, так и с будущими буржуазными партиями.

Она должна немедленно взяться за организацию рабочих наших промышленных центров, как передовых представителей всего трудящегося населения России, в связанные между собою тайные кружки с определенной социально-политической программой, соответствующей современным нуждам всего русского производительного класса и основным задачам социализма.

Понимая, что подробности такой программы могут быть выработаны лишь в будущем и притом самим рабочим классом, призванным к участию в политической жизни и сплотившимся в особую партию, группа «Освобождение труда» полагает, что главнейшими пунктами экономического отдела рабочей программы должны быть требования:

1) Радикального пересмотра наших аграрных отношений, т.-е. условий выкупа земли и наделения ею крестьянских обществ. Предоставление права отказа от надела и выхода из общины тем из крестьян, которые найдут это для себя удобным, и т. п.

---

[1]) Примечание 3. Этот пункт логически заключается в § 4, требующем, между прочим, полной свободы совести; но мы считаем нужным оттенить его ввиду того, что теперь существуют у нас целые слои населения, как, например, евреи, не пользующиеся даже теми жалкими «правами», которые предоставлены другим «обывателям».

2) Устранения современной податной системы и установления прогрессивного подоходного налога.

3) Законодательного регулирования отношений рабочих (городских и сельских) к предпринимателям и организации соответствующей инспекции с представительством от рабочих.

4) Государственной помощи производительным ассоциациям, организующимся во всевозможных отраслях земледелия, добывающей и обрабатывающей промышленности (крестьянами, горными, фабричными и заводскими рабочими, кустарями и т. д.).

Группа «Освобождение труда» убеждена, что не только успех, но и самая возможность такого осмысленного движения русского рабочего класса в огромной степени зависит от указанной выше работы интеллигенции в его среде.

Но названная группа полагает, что сама интеллигенция должна предварительно стать на точку зрения современного научного социализма, лишь постольку удерживая народнические традиции, поскольку они не противоречат его положениям.

Ввиду этого, группа «Освобождение труда» задается целью пропаганды современного социализма в России и подготовки рабочего класса к сознательному социально-политическому движению; этой цели она и посвящает все свои силы, призывая нашу революционную молодежь к помощи и содействию.

Преследуя эту цель всеми зависящими от нее средствами, группа «Освобождение труда» в то же время признает необходимость террористической борьбы против абсолютного правительства и расходится с партией «Народной воли» лишь по вопросам о так называемом захвате власти революционной партией и о задачах непосредственной деятельности социалистов в среде рабочего класса.

Группа «Освобождение труда» нимало не игнорирует крестьянства, составляющего огромнейшую часть трудящегося населения России. Но она полагает, что работа интеллиген-

ции, в особенности при современных условиях социально-политической борьбы, должна быть прежде направлена на более развитый слой этого населения, каким и являются промышленные рабочие. Заручившись сильной поддержкой со стороны этого слоя, социалистическая интеллигенция может с гораздо большею надеждой на успех распространить свое воздействие и на крестьянство, в особенности, если она добьется к тому времени свободы агитации и пропаганды. Само собою, впрочем, разумеется, что распределение сил наших специалистов должно будет измениться, если в крестьянстве обнаружится самостоятельное революционное движение, и что даже в настоящее время люди, находящиеся в непосредственном соприкосновении с крестьянством, могли бы своей деятельностью в его среде оказать важную услугу социалистическому движению в России. Группа «Освобождение труда» не только не отталкивает от себя таких людей, но приложит все старание, чтобы согласиться с ними в основных положениях программы.

ВТОРОЙ ПРОЕКТ ПРОГРАММЫ ГРУППЫ «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА».

Г. В. Плеханов. Сочинения, т. II. Госиздат, 1923 г., стр: 400—404: Составлен в 1887 г., впервые был напечатан, как приложение к брошюре «Чего хотят социал-демократы». Женева, 1888 г. Прим. ред.

Русские социал-демократы, подобно социал-демократам других стран, стремятся к полному освобождению труда от гнета капитала. Такое освобождение может быть достигнуто путем перехода в общественную собственность средств и предметов производства, перехода, который повлечет за собою:

а) устранение современного товарного производства (т.-е. купли и продажи продуктов на рынке) и

б) замену его новой системой общественного производства по заранне составленному плану, ввиду удовлетворения потребностей как целого общества, так и каждого из его членов, в пределах, допускаемых состоянием производительных сил в данное время.

Эта коммунистическая революция вызовет самые коренные изменения во всем складе общественных и международных отношений.

Заменяя современное господство продукта над производителем—господством производителя над продуктом, она внесет сознательность туда, где господствует ныне слепая экономическая необходимость; упрощая и осмысливая все общественные отношения, она вместе с тем предоставит каждому гражданину реальную экономическую возможность непосредственного участия в обсуждении и решении всех общественных дел.

Это непосредственное участие граждан в заведывании общественными делами предполагает устранение современной системы политического представительства и замену ее прямым народным законодательством.

Кроме того, теперь уже можно предвидеть международный характер предстоящей экономической революции. При современном развитии международного обмена, упрочение этой революции возможно лишь при участии в ней всех или, по крайней мере, нескольких цивилизованных обществ. Отсюда вытекает солидарность интересов производителей всех стран, признанная и провозглашенная еще Международным Товариществом Рабочих.

Но так как освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих, так как интересы труда в общем диаметрально противоположны интересам эксплоататоров и так как, поэтому, высшие классы всегда будут препятствовать указанному переустройству общественных отношений, — то неизбежным предварительным его условием является захват рабочим классом политической власти в каждой из соответствующих стран. Только это временное господство рабочего класса может парализовать усилия контр-революционеров и положить конец существованию классов и их борьбе.

Эта политическая задача вносит элемент разнообразия в программы социал-демократов различных государств, сообразно общественным условиям каждого из них в отдельности.

Практические задачи, а следовательно, и программы со-

циал-демократов естественно должны иметь более сложный характер в тех странах, где современное капиталистическое производство только стремится еще стать господствующим и где трудящиеся массы находятся под двойным игом: развивающегося капитализма и отживающего патриархального хозяйства. В таких странах социал-демократам приходится добиваться, как переходных ступеней, таких форм общественного устройства, которые уже теперь существуют в передовых странах и необходимы для дальнейшего развития рабочей партии. Россия находится именно в таком положении. Капитализм сделал в ней громадные успехи со времени крепостного права. Старая система натурального хозяйства уступает место товарному производству и тем самым открывает огромный внутренний рынок для крупной промышленности. Патриархальные, общинные формы крестьянского землевладения быстро разлагаются, община превращается в простое средство закрепощения государству крестьянского населения, а во многих местностях она служит также орудием эксплоатации бедных общинников богатыми. В то же время, приурочивая к земле интересы огромной части производителей, она препятствует их умственному и политическому развитию, ограничивая их кругозор узкими пределами деревенских традиций. Русское революционное движение, торжество которого послужило бы прежде всего на пользу крестьянства, почти не встречает в нем ни поддержки, ни сочувствия, ни понимания. Главнейшая опора абсолютизма заключается именно в политическом безразличии и умственной отсталости крестьянства. Необходимым следствием этого являются бессилие и робость тех образованных слоев высших классов, материальным и умственным интересам которых противоречит современная политическая система. Возвышая голос во имя народа, они с удивлением видят, что он равнодушен к их призывам. Отсюда — неустойчивость политических воззрений, а временами уныние и полное разочарование нашей интеллигенции.

Такое положение дел было бы вполне безнадежно, если-бы указанное движение русских экономических отношений не создавало новых шансов успеха для защитников интересов трудящегося класса. Разложение общины создает у нас

новый класс промышленного пролетариата. Более восприимчивый, подвижной и развитой класс этот легче отзывается на призыв революционеров, чем отсталое земледельческое население. Между тем как идеал общинника лежит назади, в тех условиях патриархального хозяйства, необходимым политическим дополнением которых было царское самодержавие, участь промышленного рабочего может быть улучшена лишь благодаря развитию новейших, более свободных форм общежития. В лице этого класса народ наш впервые попадает в экономические условия, общие всем цивилизованным народам, а потому только через посредство этого класса он может принять участие в передовых стремлениях цивилизованного человечества. На этом основании русские социал-демократы считают первой и главнейшей своей обязанностью образование революционной рабочей партии. Рост и развитие такой партии встретит, однако, в современном русском абсолютизме очень сильное препятствие.

Поэтому борьба против него обязательна даже для тех рабочих кружков, которые представляют собой теперь зачатки будущей русской рабочей партии. Низвержение абсолютизма должно быть их первой политической задачей.

Главным средством политической борьбы рабочих кружков против абсолютизма русские социал-демократы считают агитацию среди рабочего класса и дальнейшее распространение в нем социалистических идей и революционных организаций. Тесно связанные между собой в одно целое, организации эти, не довольствуясь частными столкновениями с правительством, не замедлят перейти в удобный момент к общему решительному на него нападению, при чем не остановятся и перед так называемыми террористическими действиями, если это окажется нужным в интересах борьбы.

Целью борьбы рабочей партии с абсолютизмом является завоевание демократической конституции, обеспечивающей:

1) Право быть избирателем, избираемым как в Законодательное Собрание, так и в провинциальные и общинные органы самоуправления всякому гражданину, неприговоренному судом за известные, строго определенные законом, позорные действия к потере политической правоспособности.

2) Определенную законом денежную плату народным

представителям, позволяющую выбирать их из бедных классов населения.

3) Всеобщее, светское, даровое и обязательное образование, при чем государство должно снабжать бедных детей пищей, одеждой и учебными пособиями.

4) Неприкосновенность личности и жилища граждан.

5) Неограниченную свободу совести, слова, печати, собраний и ассоциаций.

6) Свободу передвижения и занятий.

7) Полную равноправность всех граждан, независимо от религии и племенного происхождения.

8) Замену постоянного войска всеобщим вооружением народа.

9) Пересмотр всего нашего гражданского и уголовного законодательства, уничтожение сословных подразделений и наказаний, несовместимых с достоинством человека.

Опираясь на эти основные политические требования, рабочая партия выдвигает ряд ближайших экономических требований, как, например:

1) Радикальный пересмотр наших аграрных отношений, т.-е. условий выкупа земли и наделения ею крестьянских обществ. Предоставление права отказа от надела и выхода из общины тем из крестьян, которые найдут это для себя удобным и т. п.

2) Устранение современной податной системы и установление прогрессивного подоходного налога.

3) Законодательное регулирование отношений рабочих (городских и сельских) к предпринимателям и организация соответствующей инспекции с представительством от рабочих.

4) Государственная помощь производительным ассоциациям, организующимся во всевозможных отраслях земледелия, добывающей и обрабатывающей промышленности (крестьянами, горными, фабричными и заводскими рабочими, кустарями и т. д.).

Эти требования настолько же благоприятны интересам крестьянства, как и интересам промышленных рабочих; поэтому, добиваясь их осуществления, рабочая партия проложит себе широкий путь для сближения с земледельческим

населением. Выброшенный из деревни в качестве обедневшего члена общины, пролетарий вернется в нее социал-демократическим агитатором. Его появление в этой роли изменит безнадежную теперь судьбу общины. Ее разложение неотвратимо лишь до тех пор, пока само это разложение не создаст новой народной силы, могущей положить конец царству капитализма. Такой силой явится рабочая партия и увлеченная ею беднейшая часть крестьянства.

Примечание. Как видно из вышесказанного, русские социал-демократы полагают, что работа интеллигенции, в особенности при современных условиях социально-политической борьбы, должна быть прежде направлена на более развитой слой трудящегося населения, каким и являются промышленные рабочие. Заручившись сильной поддержкой со стороны этого слоя, социал-демократы могут, с гораздо большей надеждой на успех, распространить свое воздействие на крестьянство, в особенности в то время, когда они добьются свободы агитации и пропаганды. Само собой, впрочем, разумеется, что даже в настоящее время люди, находящиеся в непосредственном соприкосновении с крестьянством, могли бы своей деятельностью в его среде оказать важную услугу социалистическому движению в России. Социал-демократы не только не оттолкнут от себя таких людей, но приложат все старание, чтобы согласиться с ними в основных принципах и приемах своей деятельности.

«ПАРТИЯ РУССКИХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ» В ПЕТРОГРАДЕ 1883—1887 г.г. (ГРУППА БЛАГОЕВА).

Из ст. В. Алгасова «От группы «Освобождение Труда» к 1-му с'езду Р. С. Д. Р. П.» в сборнике «1-й с'езд Р. С. Д. Р. П.». Госизд. Украины. 1923 г.

Первой социал-демократической организацией, возникшей в пределах самой России, была «Партия русских социал-демократов», более известная под названием: «группа Благоева». Возникла эта организация независимо от группы «Освобождение Труда» и почти одновременно с ней. Только

группа «Освобождение Труда» была организована немного ранее «Партии русских социал-демократов».

«Партия русских социал-демократов» возникла в Петербурге в 1883 г. и просуществовала до 1887 г.

Организация состояла, главным образом, из студентов технологического института, университета и лесного института. Главными деятелями организации были следующие лица: П. А. Латышев, В. Е. Благославов, Д. Благоев, Н. А. Бородин, В. Г. Харитонов, кн. В. А. Кугушев, А. А. Герасимов, П. П. Аршаулов и П. П. Шатько. Д. Благоев был одним из самых энергичных деятелей этой организации.

Члены группы распределяли работы между собой таким образом: П. А. Латышев занимался теоретическими вопросами и вел литературную работу; пропаганду среди рабочих вели: прежде всего Д. Благоев, затем Аршаулов, Герасимов и Шатько; техникой заведывал В. Г. Харитонов; сношения с заграницей вел Н. А. Бородин; В. А. Кугушев занимался организационной работой.

Группа вела пропаганду среди рабочих и учащихся. Насколько широко была поставлена работа, видно из того, что в 1884 г. группа уже имела около 15 кружков среди рабочих Петербурга. В конце 1884 г. удалось поставить нелегальную типографию.

В начале 1885 г. группа приступила к изданию журнала «Рабочий»,—«газеты партии русских социал-демократов». Это было первое социал-демократическое издание в России. Первый номер помечен январем 1885 г., второй — июлем того же года. Третьего номера издать не удалось, благодаря начавшимся арестам членов группы.

Во второй половине 1884 г. группой был выработан проект программы русских социал-демократов. Автором этой программы, по всей вероятности, был упомянутый выше П. А. Латышев, ранее бывший социалистом-федералистом (чернопередельцем). Прежде опубликования проект программы был послан за границу в редакцию «Вестника Народной Воли» и группе «Освобождение Труда».

В препроводительном письме, адресованном «членам социально-революционной группы «Освобождение Труда», группа писала: «прежде окончательной формулировки нашей про-

граммы, мы нашли нужным представить проект программы на рассмотрение своих единомышленников в других городах России, а также выяснить отношение к нашим взглядам заграничных сотоварищей по революционному делу, за которыми, несомненно, и более значительная революционная подготовка, и большая революционная опытность».

Группа «Освобождение Труда» дала очень неблагоприятную оценку присланному проекту, находя его совершенно невыдержанным в марксистском отношении, и предложила воздержаться от его опубликования. Партия р. с.-д. согласилась с сделанными возражениями: сначала отложила опубликование, а затем и совершенно от этого отказалась, приняв программу группы «Освобождение Труда». Программа п. р. с.-д. действительно не была опубликована, и только в «Рабочем», в статье: «Чего добиваться рабочему народу» была помещена в значительно измененной редакции резолютивная часть программы. Программа впервые была опубликована много лет спустя в статье Б. Николаевского [1]).

Рассмотрение проекта программы русских социал-демократов представляет интерес, как изложение взглядов первой местной социал-демократической организации. Программа эта показывает, как шла эволюция от народничества к марксизму, какие элементы учения народничества обнаруживали большую устойчивость. Программа, конечно, была далека от выдержанной линии марксизма. Один из главным деятелей группы — Благоев впоследствии так характеризовал эту программу:

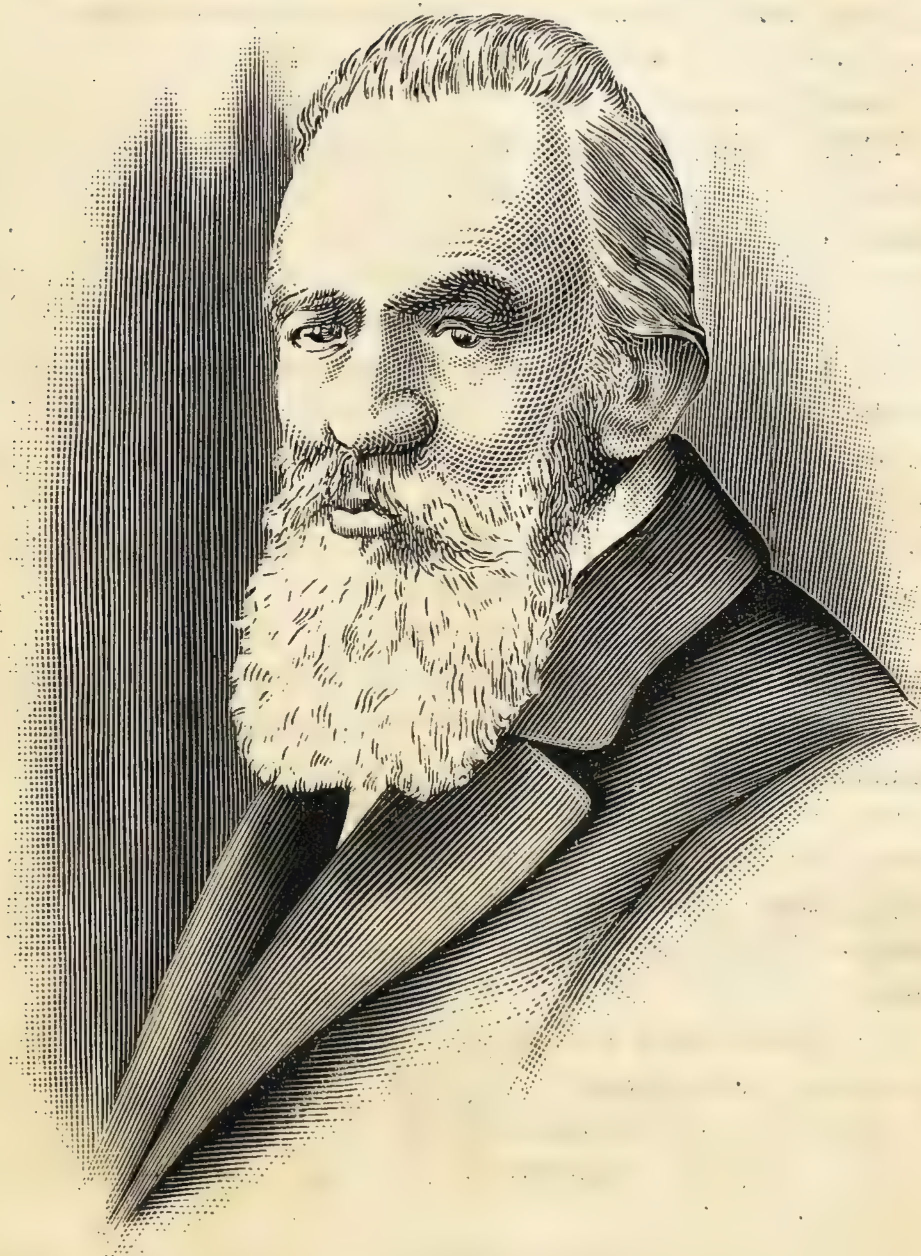
«Не может быть никакого сомнения, что наши взгляды и программы чрезвычайно отличались от современных социал-демократических взглядов и программ. Они представляли собой смесь научного социализма с лассальянством и, если хотите, с лавризмом» (X) [2]).

В результате сношений группы с группой «Освобождение Труда», последняя приняла участие в «Рабочем». Во втором

---

[1]) «Былое», № 7, 1918 г. См. ниже проект этой программы. Прим. ред.

[2]) См. ст. Д. Кольцова «Конец «Народной Воли» и начало социал-демократии (80-е годы)», помещенную приложением к книге А. Туна «История революционных движений в России». Изд. Петербург. Совета. 1918 г., стр. 256.

Дмитрий Благоев.

номере (июль 1885 г.) уже были помещены статьи Плеханова и Аксельрода. Статья Плеханова была озаглавлена «Современные задачи русских рабочих» (письмо к петербургским рабочим кружкам), а статья Аксельрода носила название «Выборы в германский рейхстаг и социал-демократическая партия». Эти две статьи резко выделялись из ряда других своей последовательностью.

Группа все время своего существования несла значительные уроны. Осенью 1884 г. в связи с известным арестом Германа Лопатина [1]) оказались арестованными некоторые члены группы. В 1885 г. был арестован Д. Благоев и, как иностранный подданный, выслан за границу. В дальнейшем Благоев жил и работал в Болгарии, в настоящее время Благоев состоит членом Ц. К. коммунистической партии Болгарии [2]).

В декабре 1885 г. и в январе 1886 г. произошел крупный провал группы. В 1886 г. была захвачена типография, а в 1887 г. были арестованы остальные члены группы, после чего п. р. с.-д. окончательно прекратила свое существование.

В 1887 г. арестами была окончательно уничтожена петербургская социал-демократическая организация («Партия русских социал-демократов»). Но работа, проделанная этой организацией, способствовала возникновению в Петербурге новых небольших с.-д. кружков. Члены разрушенной группы частью были посажены в тюрьмы, частью—высланы из Петербурга и оказались разбросанными по разным городам провинции. Это обстоятельство ускорило процесс появления на местах различных с.-д. кружков и групп.

---

[1]) Весной 1884 г. Лопатин приехал из-за границы в Россию и приступил к собиранию и об'единению народовольческих сил. В этом отношении им было достигнуто очень много. В октябре 1884 г. Лопатин был схвачен в Петербурге на Невском, при чем у него взято 11 листов тонкой бумаги с адресами и конспиративными заметками. Этот арест вызвал повсеместный разгром народовольческих организаций.

[2]) Д. Благоев был одним из основателей и вождей болгарской социалистической партии, редактировал и продолжает редактировать партийный журнал «Новое Время» (уже более 20 лет).

ПРОГРАММА ПЕРВОГО В РОССИИ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО КРУЖКА (ГРУППЫ БЛАГОЕВА).

«Былое» 1918 г., № 7.

Проект программы русских социал-демократов.

Об'единение людей в общественные формы имеет целью под'ем и развитие материальных и нравственных сил человека.

Наиболее сложною и наиболее могучею общественной формой является государство, т.-е. общество, обладающее политической организацией на-ряду с экономической.

Государственный строй, в той или другой форме, всегда является воплощением известного нравственного принципа, но до сих пор государство, благодаря узости этих принципов, всегда служило интересам отдельных классов в ущерб народу.

Современное государство служит выражением принципа индивидуализма, который в политике требует свободы личности, в экономической сфере—свободной конкуренции.

Под влиянием конкуренции распределение продуктов, при всяких политических формах, идет путем неправильным: масса трудящегося населения остается при минимуме удовлетворения необходимых потребностей, весь избыток сосредоточивается в руках класса капиталистов.

Но конкуренция приводит индивидуализм неизбежно к отрицанию самого себя: под ее влиянием рабочее сословие организуется путем обобществления труда в крупные формы производства, как наиболее выгодные, и путем долгих страданий доходит до идеи социализма — равенства и братства.

Социализм является, как логический вывод из исторического хода вещей. Он требует обобществления труда и равномерного распределения продуктов между всеми; это достижимо в полной мере лишь путем экспроприации земли и орудий производства (фабрик и заводов) в государственную собственность и организации труда на началах коллективизма. Только в этих формах возможно полное развитие сил человечества — материальных и нравственных.

Но процесс обобществления труда под властью капитала идет путем медленным и мучительным, и нельзя ждать, сло-

жа руки, того времени, когда железные законы конкуренции сорганизуют рабочее сословие и поставят его против кучки капиталистов того времени, когда будет возможен полный и радикальный переворот социальных отношений.

Необходимо устремить усилия на то, чтобы ускорить и облегчить этот процесс, подготовить путь грядущему воцарению социализма, что возможно лишь путем вмешательства государственной власти в экономические отношения.

Остановить развитие крупного производства и нет возможности, и не зачем. Задача государства должна заключаться в том, чтобы заменить капитализм индивидуальный производительными ассоциациями рабочих, земледельческих и промышленных, оставляя за собой верховное право собственности на земли и орудия производства.

Но для того, чтобы государственная власть действительно послужила на пользу народа, необходимо, чтобы она являлась выражением народной воли, что достижимо лишь при всеобщей подаче голосов без различия пола, национальности и вероисповедания.

Русское государство, с отменой крепостного права, вступило на тот же путь экономической конкуренции, как и Западная Европа. Капитализм у нас уже зародился и растет.

Но благодаря тому, что Россия вступила на этот путь значительно позже, чем западные государства, ей трудно с ними конкурировать в борьбе за внешний рынок, а внутренний рынок весьма ограничен, благодаря бедности населения. Развитие капитализма у нас встречает затруднений более, чем где-либо; процесс обобществления труда под знаками конкуренции пойдет у нас путем еще более медленным, еще более мучительным, чем на Западе. Отношения классов определились у нас слабее, интересы не отлились в формы достаточно определенные, крестьянское население разбросано на огромном протяжении и трудно доступно для организации, поэтому государственное вмешательство у нас является еще более необходимым для облегчения процесса формирования нового общественного строя.

Рассчитывать на единичный переворот, который бы сразу

привел к переходу земли и орудий труда в руки народа, нет никаких оснований.

Единственно возможный путь заключается в постепенной демократизации и переходе экономического и политического влияния из рук привилегированных класов в руки народа, что возможно лишь при его активном содействии, путем целого ряда народных движений, которые коренным образом перестроят государственную власть и обратят ее в пользу народа, а не кучки привилегированных классов. Сообразно с этим развивается наша программа. Мы должны указать те требования, которые являются логическим приближением к нашему идеалу, а с другой стороны, указать значение всех элементов русской жизни в борьбе за этот идеал и определить наше к ним отношение.

Основными требованиями для перехода к осуществлению социалистического строя являются:

1. Отмена частного землевладения и переход всей земли в государственную собственность; переход фабрик и заводов в руки рабочих ассоциаций.

2. Коренная реформа податного обложения—замена всех прямых налогов прогрессивным подоходным налогом.

3. Организация политических форм государства на федеративных началах.

4. Даровое начальное обучение. Для осуществления этих требований в полной мере необходима организация государственной власти на демократических началах, что достижимо лишь при следующих условиях:

5. Свобода совести, слова, печати, преподавания и сходок.

6. Передача государственной власти представительному собранию, члены которого избираются путем прямой и всеобщей подачи голосов, и организация по тому же типу местного самоуправления.

7. Перевод постоянной армии в милицию (земское ополчение).

Таковы задачи, которые мы ставим себе при достаточной зрелости народных революционных сил. Но и в подготовительный период, во время назревания, силы эти не могут молчать. Они будут необходимо заявлять себя в тех или дру-

гих формах активного протеста; они будут оказывать давление на правительство, прежде чем окажутся в состоянии его низвергнуть вовсе. Результатом этого давления будут различные уступки со стороны правительства в смысле указанных требований, но их необходимо дополнить еще другими требованиями, которые имеют существенное значение для этого подготовительного периода и послужат наилучшим предметом агитации, как требования наиболее доступные и наглядные. Сюда относятся:

1. Гарантия личной неприкосновенности от правительственного произвола и подсудность политических преступлений общему суду присяжных.

2. Созвание земского собора с действительным представительством от крестьян и рабочих.

3. Расширение местного самоуправления и отмена имущественного ценза.

4. Уравнение прав подчиненных национальностей с преобладающей народностью.

5. Широкое применение долгосрочного государственного кредита крестьянским обществам и рабочим ассоциациям для приобретения в пользование земли, фабрик и заводов.

6. Организация дешевого государственного кредита для удовлетворения текущих потребностей и нужд народного хозяйства.

7. Государственная эксплоатация железных дорог и водных путей сообщения.

8. Государственная регуляция рынка, т.-е. устройство складов для хлеба и продуктов кустарного производства.

9. Государственная организация переселений и отхожих промыслов.

10. Понижение платежей, лежащих на народном труде, и переложение их на капитал земельный и промышленный.

11. Сокращение срока военной службы.

В настоящее время в среде русского народа революционные элементы уже существуют и растут; это — безземельный пролетариат. Благодаря прогрессивному развитию кулачества и капитализма, пролетариат будет необходимо расти и умножаться; с другой стороны, затруднения для развития рус-

ской промышленности, закрывая ему поле труда, будут вызывать в его среде постоянное брожение. Нельзя еще предсказать, в какие формы выльется это народное движение, но наше дело урегулировать по мере возможности ход революции, направить ее материальную силу путем сочетания крестьянской революции с политическим движением рабочих и интеллигенции в центрах.

Главную массу населения составляет у нас крестьянство. В его среде существует взгляд на землю, как на достояние государства (земля божья да царская) и идет аграрное движение в смысле борьбы с частным землевладением. Общая цель нашей работы в данной среде должна заключаться в том, чтобы внести свет и понимание в социальное движение народа, указать ему наиболее разумные и практичные формы требований, которые он должен пред'явить государству, и те пути, которыми должна итти борьба.

Отрицая возможность широкой боевой организации в крестьянской среде, мы видим свою ближайшую задачу в том, чтобы упрочить связь интеллигенции социализма с народом. Это возможно лишь путем организации местных групп из интеллигенции и подготовленных к этому в городах рабочих, с целью привлечения к себе наиболее подходящих элементов из крестьян и постановки на ноги самостоятельной народной пропаганды. В отдельных случаях крестьянских волнений или аграрного террора инициатива должна принадлежать самому населению; наше дело будет только указать наилучшие приемы и возможные результаты, содействовать осуществлению готового стремления, когда оно справедливо и потому имеет воспитательное значение.

В среде городских рабочих, проводя те же идеи, что и среди крестьян, мы должны обратить особенное внимание на их политическое воспитание, так как они представляют для этого элемент, наиболее подходящий. Та часть рабочих, которая возвращается в деревню, достаточно подготовленная и снабженная подходящей литературой, послужит лучшим проводником революционных идей и политического развития в крестьянскую среду. Те же рабочие, которые остаются в центрах, должны послужить ядром политической силы народа. Атмосфера политических интересов, созданная в их среде, послужит им

необходимою школою политического воспитания. Но активное их выступление на поприще политической борьбы желательно не ранее, чем будут подготовлены такие рабочие группы по всем крупным центрам, не ранее, чем они составят значительную силу; иначе все частные попытки будут легко раздавлены и поведут к деморализации и непроизводительной затрате сил. Поэтому в случае отдельных волнений среди рабочего населения, а также в случае стачек, проявлений фабричного террора и т. д. мы относимся, как и к подобным же явлениям в крестьянской среде.

В армии пропаганда среди солдат возможна лишь в ограниченных размерах, путем проникновения в их среду подготовленных рабочих и путем воздействия офицеров на отдельные приближенные личности из солдат. Но большое внимание должно быть обращено на самих офицеров в том расчете, что они, своим нравственным влиянием и властью, даже без предварительной пропаганды, в момент действия окажут давление в желательную сторону.

В среде привилегированных классов и интеллигенции наше внимание должно быть обращено на пропаганду наших идей и привлечение новых сил. Силы свои мы не будем сосредоточивать воедино, в одном пункте, а будем стараться организовать их в местные провинциальные и городские центральные группы. Группы эти должны организоваться между собой в смысле взаимной поддержки, обмена сведений и постановки литературного дела. Для удобства этих сношений — регуляции свободных денежных средств, направления людей в желательные и доступные местности, редактирования руководящего органа — необходим известный центр с представителями от местных групп. Но он не должен являться принудительной властью; его функция только распределительная, местные группы сохраняют полную самостоятельность.

Остается еще сказать о нашем отношении к существующим направлениям и программам.

Признавая желательность и пользу требований либералов относительно ограничения всех форм правительственного произвола, мы относимся отрицательно к оборотной стороне

либеральной конституции, к покровительству имущим классам в ущерб народу. Центральный захват власти, с нашей точки зрения, может иметь прочное значение только тогда, когда он является завершением общенародной революции крестьян и рабочих, но не тогда, если он совершается путем предварительного заговора военного или какого иного.

Относительно политического террора, как системы вынуждения уступок у правительства, мы должны сказать, что при настоящих условиях, — при отсутствии прочной рабочей организации, могущей непосредственно поддерживать эффект террористического факта,—мы не признаем продуктивности террора в том смысле и будем его практиковать лишь в следующих случаях:

1. Когда само население намечает жертвы из среды администрации.

2. Когда жертвы намечаются партией из лиц высшей администрации и их гибель не может вооружить против себя общественное мнение и недовольство народа.

3. В случаях самозащиты от шпионов.

ПОДПОЛЬНЫЕ КРУЖКИ 80-х ГОДОВ В ПЕТРОГРАДЕ.

Из воспоминаний Н. Д. Богданова в сборнике «От группы Благоева к Союзу Борьбы». Изд. Истпарта, Москва 1921 г., стр. 39—42.

Мои воспоминания простираются до 1884 г., когда я впервые 14 лет поступил учеником в петербургские мастерские Варшавской жел. дор. В это время еще отдельными, уцелевшими от разгрома рабочими велась очень осторожная и в очень ограниченных размерах пропаганда народовольческих идей. Один из последних могикан «Народной Воли» обратил внимание и на меня, 15-летнего мальчика, любившего книгу. Он дал мне стихотворения Некрасова и роман «Новь», Тургенева, а затем усиленно рекомендовал мне учиться.

В конце 1885 г., по неизвестной причине, он неожиданно скрылся, оставив мне в наследство два номера старой газеты «Народная Воля» и две брошюры: «Хитрая механика» и «Сказка о четырех братьях». Это было все из нелегальной литературы, что я прочел и оставил для распространения. С

этим скромным арсеналом и уже без всякой помощи со стороны, я начал осторожную пропаганду среди своих сверстников в мастерских и живущих со мною в одном из огромных домов в районе Измайловского полка. В это же время я поступил в вечернее техническое училище, где усиленно занимался учением, а также пропагандой.

В 1886 г. мне удалось уже составить небольшой кружок для приобретения и совместного чтения книг. Из наших скудных заработков мы отделяли небольшие суммы на книги и каждое воскресенье ходили на толкучий Александровский рынок за покупкой книг. По счастливой случайности, мы с первых же шагов напали на журналы: «Современник», «Отечественные Записки», «Русское Слово», «Дело» и др. издававшиеся в 60—80 годах толстые журналы. Эти журналы в большом количестве выносились на толкучку, откуда мы их приносили домой.

Благодаря этим старым журналам, мы познакомились, можно сказать, со всей русской литературой. Мы с увлечением читали романы, повести и рассказы, а также критические статьи. В «Современнике» мы читали Чернышевского, Добролюбова, Салтыкова; в «Русском Слове»—Писарева, Шелгунова; в «Отечественных Записках»—Михайловского, Гл. Успенского, Скабичевского, Златовратского и др. писателей-народников.

К концу 1888 года у меня в комнате был уже целый угол книг. Все журналы мы расброшюровали и подбирали целые романы, повести и отдельные статьи, из которых более толстые переплетали, а тонкие вшивали в толстую синюю обертку.

Таким образом, наш кружок рабочей молодежи работал, как над своим самообразованием, так и над привлечением новых сочленов. Занимались мы одни, без руководства извне, и потому без программы и без направления. Осенью 1888 года я перешел в последний класс вечернего технического училища, где встретился со второгодниками, среди которых были также руководители кружков, подобных нашему, которые также зародились из остатков «Народной Воли». К этому времени эти кружки уже завязали связи со студенчеством, находившимся под влиянием группы «Освобождение Труда», которая являлась родоначальницей русской социал-демокра-

тии. Эти новые товарищи, узнавши, что уже давно организовано два кружка, имеется библиотека и небольшая касса, с удовольствием приняли меня в свою среду и обещали содействие в смысле командировки одного из студентов для руководства нашими кружками.

С большой радостью и нетерпением мы ждали этого студента, который вскоре и пришел ко мне под видом рабочего. Это был молодой студент-технолог, Вл. Переверзин (что я узнал впоследствии). Произвел он на нас очень хорошее впечатление своей простотой и уменьем сразу подойти к нам. В своих первых посещениях он старался определить нас всех и каждого отдельно. Затем он ознакомил нас с положением рабочего класса и его борьбой за лучшее будущее на Западе и указал, что и наше рабочее движение должно пойти по пути наших западных товарищей.

Он ознакомил нас в общих чертах с социализмом, как идеалом будущего, и с нашей предстоящей трудной работой, полной опасности, по завоеванию этого лучшего будущего. Он нам говорил, что не усилиями отдельных личностей, хотя бы и героев, достигнем мы лучшего будущего, а исключительно усилиями всего рабочего класса, который и необходимо организовать для борьбы с политическим и экономическим гнетом. Но чтобы быть организатором рабочего класса, нужно самому быть, во-первых, честным во всех отношениях, а, во-вторых—хорошим товарищем, и, наконец,—знающим человеком, к которому могли бы обращаться со своими вопросами и от которого получали бы обстоятельные ответы. А потому нужно воспитывать себя и учиться. Учиться же надо по известной программе. Была принесена и программа занятий. В ней большое место уделялось естественным наукам. Хороший пропагандист должен был уметь ответить и на вопрос, отчего бывает день и ночь и времена года, солнечное затмение. Должен уметь об'яснить происхождение вселенной, происхождение видов, а потому должен был знать теории Канта-Лапласа, Дарвина и Лайеля. В программу входили история и история культуры, политическая экономия и история рабочего движения.

Выяснив нам все это, он разделил нас на две группы. Одним, наиболее развитым, он предложил заниматься самим

по программе и по принесенным книгам, а с другими стал заниматься сам.

С этого времени у нас пошли систематические занятия, которые посещались очень усердно. Как я говорил, таких кружков уже было в это время несколько, но организационной связи между ними не было.

Некоторой связывающей нитью были только студенты (их называли интеллигентами), которые занимались в этих кружках. В начале 1889 г. было решено организоваться, и было устроено в Гавани первое организационное собрание, на котором были представители всех кружков.

В видах конспирации, выборное начало не применялось, а представителями кружков были их организаторы.

Там, в Гавани, в маленькой комнате рабочего Балтийского завода, Влад. Фомина, был выработан и принят устав нашей организации. Были установлены районы, и от каждого района—по одному представителю в комитет. Всех кружков во всех районах было около 10, и в каждом кружке было от 5 до 8 человек. Не велики были наши силы, но огромны воодушевление и решимость начать борьбу за освобождение рабочего класса.

Насколько я помню, наш первый комитет состоял из 7 человек: Василия Буянова, Гавриила Мефодиева, Федора Афанасьева, Петра Евграфова, Егора Климанова, Николая Богданова и представителя от интеллигенции, покойного публициста Вас. Сем. Голубева; председателя не было. Кассир был Климанов и секретарем Богданов. Собрания комитета были раз в неделю, и собирались поочередно у членов комитета.

Это было время так называемой кружковщины, когда мы, забившись в подполье, занимались там исключительно пропагандой; о широкой агитации тогда еще не было и речи. Мы организовали несколько порядочных библиотек по районам, и научная книга у нас пользовалась спросом и уважением. Книги мы давали читать не только членам кружков, но и широким слоям рабочих. Очень многие рабочие из этих кружков сами вышли прекрасными пропагандистами и часто заменяли недостающих интеллигентов. С расширением организации, у нас иногда не доставало интеллигентов, тем более,

что их частенько арестовывали по различным студенческим делам. По одному из таких дел в конце 1889 г. был арестован и выслан Влад. Переверзин. У нас в кружке его заменил Гавр. Мих. Родзевич. Это был один из видных социал-демократов и пользовался у нас большим уважением.

В начале 1890 года мы сделали первую попытку заявить о себе во время забастовки в порту. Забастовка продолжалась всего 3—4 дня и кончилась безрезультатно, если не считать результатом высылку наиболее шумевших человек 30 рабочих. Мы выпустили свою первую прокламацию. Забастовка была вызвана не нами, а чисто стихийно, и руководить ею мы еще не могли. В своей прокламации мы указывали на всю безнадежность неорганизованной борьбы и призывали рабочих к организации своих сил под нашим знаменем.

В этом же году мы принесли свои первые жертвы: за Невской заставой был арестован тов. Клопов. С его арестом была утеряна связь с только что налаживавшимся Невским районом. Студент, ходивший в этот район, тоже был арестован по студенческому делу, и, таким образом, нельзя было восстановить сношения.

Я в это время служил на паровозе на Царскосельской ж. д., а так как эта служба для пропагандиста и организатора была неблагоприятна, то я бросил паровоз и переехал за Невскую заставу, где и поступил слесарем на карточную фабрику.

Из тюрьмы Клопов ухитрился сообщить одну фамилию товарища, работавшего на Обуховском заводе, и через него уже мне удалось опять завязать связи и закончить начатую организацию Невского района.

Несколько времени спустя был арестован еще один товарищ,—член комитета, рабочий Путиловского завода, Вас. Буянов. К нему полиция нагрянула во время занятия кружка; кружок успел разбежаться, а Буянова, как квартирохозяина, арестовали.

Клопова и Буянова выслали в Тулу. Мы потеряли видных товарищей; но Тула приобрела первых социал-демократических организаторов среди тульских рабочих.

Они сразу начали там работу, и у нас получилось фи-

лиальное отделение в Туле. С Тулой мы поддерживали живые сношения и помогали своим товарищам всем, чем могли.

В этом же 1890 г. некоторые народовольцы, возвратившиеся из ссылки, начали работать среди интеллигенции над возрождением партии «Народной Воли». Один из таких народовольцев, воронежец, Мих. Степ. Александров (ныне большевик), через одну знакомую курсистку познакомился со мной и хотел войти в связь с нашей организацией. Но мы в это время уже твердо стали на путь социал-демократической программы, а потому отказались от его услуг,—как его, так и его жены, Екатерины Михайловны, впоследствии тоже ставшей социал-демократкой.

РЕЧЬ Г. В. ПЛЕХАНОВА НА I КОНГРЕССЕ II ИНТЕРНАЦИОНАЛА.

Из журнала «Под знаменем марксизма». № 5—6, 1922 г. Парижский Международный; Социалистический конгресс 1889 г.—первый конгресс II-го Интернационала. После раскола и распадения Первого Интернационала впервые удалось собраться представителям 21 страны (395 делегатов) для обсуждения насущных вопросов международного рабочего движения. Россия была представлена шестью делегатами, из которых четверо представляли «интеллигентные кружки» (в их числе П. Л. Лавров и Г. В. Плеханов), а двое—русские рабочие группы в Америке и Лондоне. Конгресс заседал от 14 по 20-е июля, при чем первые дни были посвящены докладам представителей отдельных стран «о положении рабочего класса и о степени развития социалистического движения» в каждой стране. От России выступили П. Лавров и Г. Плеханов.

Речь Плеханова многих поразила своей смелой откровенностью и трезвым учетом реальной ситуации в России. До того русские революционеры на интернациональных конгрессах и в печатных выступлениях уверяли представителей международного пролетариата, что Россия накануне революции, что элементы социализма в русском народе уже сейчас существует и т. д. Впервые Г. В. Плеханов смело произнес слова, понятные западно-европейским марксистам. При всем том многим мысль о торжестве революционного движения России, как революционного движения рабочих, казалась чрезвычайно смелой. Однако эта мысль Плеханова для него была не новой. Уже в брошюре «Социализм и политическая борьба» (1883 г.) и в «Наших разногласиях» совершенно явственно проводилась такая же мысль, хотя и формулированная менее отчетливо. Примеч. ред. журнала «П. зн. м.».

Вам, может быть, странно видеть на этом рабочем конгрессе представителей России,—России, где рабочее движение

до сих пор, к сожалению, слишком слабо. Но мы думаем, что революционная Россия во всяком случае не только не должна держаться в стороне от новейшего социалистического движения Европы, но что, наоборот, теперешнее сближение ее с ним принесет большую пользу делу всемирного пролетариата.

Вам всем знакома роль русского абсолютизма в истории западной Европы. Русские цари были коронованными жандармами, считавшими своей священной обязанностью защищать и поддерживать европейскую реакцию от Пруссии до Италии и Испании. Было бы напрасной тратой слов говорить здесь о той роли, которую, например, Николай играл в 1848 и 1849 г.г.; ясно, как день, что падение русского абсолютизма равносильно торжеству международного революционного движения во всей Европе. Спрашивается только, при каких условиях революционное движение в России может одержать победу над русским абсолютизмом.

Некоторые писатели, фантазия которых значительно превышает их социально-экономические сведения, рисуют Россию страной вроде Китая, которая по своей экономической структуре ничего не имеет общего с Западом. Это совершенно ложно. Старые хозяйственные основы России находятся в процессе полного разложения. Наша сельская община, столь любезная некогда даже некоторым социалистам, а на деле составлявшая главную опору нашего абсолютизма, все более и более делается в руках сельской буржуазии орудием для эксплоатации большинства земледельческого населения. Беднейшая часть крестьянства вынуждена переселяться в города и промышленные центры, а одновременно с этим крупная фабричная промышленность растет, поглощая процветавшую некогда кустарную промышленность в деревнях. Побуждаемое нуждой в деньгах, наше самодержавное правительство всеми силами содействует этому процессу развития капитализма в России. Нам, социалистам, эта сторона его деятельности может доставить только удовольствие, потому что этим путем оно само копает себе яму. Пролетариат, образующийся вследствие разложения сельской общины, нанесет смертельный удар самодержавию. Если оно, несмотря на героические усилия русских революционеров, до сих пор не побеждено в России, то это об'ясняется изолированностью революционеров

от народной массы. Силы и самоотвержение наших революционных идеологов могут быть достаточны для борьбы против царей, как личностей, но их слишком мало для победы над царизмом, как политической системой. Задача нашей революционной интеллигенции сводится поэтому, по мнению русских социал-демократов, к следующему: она должна усвоить взгляды современного научного социализма, распространить их в рабочей среде и, с помощью рабочих приступом взять твердыню самодержавия. Революционное движение в России может восторжествовать только как революционное движение рабочих: другого выхода у нас нет и быть не может.

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ КРУЖКИ В ПЕТЕРБУРГЕ В НАЧАЛЕ 90-х ГОДОВ.

Из воспоминаний В. М. Карелиной. «Красная Летопись» № 4, 1922 г., стр. 12—19.

В 1890 г., двадцатилетней девушкой я, питомица Воспитательного дома, поступила ткачихой на Новую Бумагопрядильню. Еще до поступления на фабрику я познакомилась с рабочим мастерских Варшавской жел. дор., Карлом Грейнертом. Он носил мне книги для чтения, больше все беллетристику, например, стихотворения Некрасова, и тем самым дал толчок моему развитию. В техническом училище, где учился Грейнерт (в Дерптском пер.), занимались и его товарищи, в числе которых был и Николай Дементьевич Богданов. Скоро Карл Грейнерт познакомил меня и с ним.

Знакомство это принесло мне большую пользу, так как Богданов давал мне еще больше книг, и, таким образом, я прочла, под руководством Николая Дементьевича, почти всех русских классиков; особенным успехом пользовались такие книги, как сочинения Г. Успенского, Решетникова, Писарева, «Что

делать?» Чернышевского. Пытался Богданов читать со мной даже Спенсера, но из этого ничего не вышло, так как у меня не было тогда подготовки для понимания этого писателя.

Когда я стала немного разбираться в прочитанном, познакомили меня с ткачом Федором Афанасьевым (ему тогда было года 32), замечательной личностью, который и организовал кружок ткачей.

В этот кружок входили: Федор Афанасьев, его брат Егор Афанасьев, их зять Яков, Анна Егоровна Гаврилова ткачиха с фабрики Паля, я и рабочий, известный у нас под кличкой Григорий Нечесаный.

Это был интересный малый, всегда оборванный и взлохмаченный, за что он и получил свое прозвище. Он был уже пожилым человеком, ему шел сороковой год, он был учеником Халтурина, работал в Халтуринской организации, о чем и рассказывал нам. Помнил Нечесаный и других революционеров 70—80 годов. Так, Халтурин познакомил его с Михайловым, которого даже арестовали в рубахе Григория Нечесаного, потому что накануне ареста Нечесаный отдал Михайлову свою рубаху.

Занятия с нами вел в этом кружке молодой студент Леонид Борисович Красин. Прислал этого студента к нам Цивинский. Занятия в кружке велись по экономическим вопросам. Какие книги читались в кружке, точно не помню, помню только, читались и сочинения Маркса о заработной плате и, насколько помнится, «Коммунистический Манифест».

Занимались мы очень усердно в течение зимы 1890 — 1891 г.г.

При посредстве нашего кружка началась очень энергичная работа среди женщин, и было положено начало женской организации. Вообще, работа того центра, откуда исходило все движение, раскинулась довольно широко.

Кроме нашего кружка, были еще следующие кружки: 1) кружок слесарей; в нем организаторами были Гаврила Мефодиев, Николай Дементьевич Богданов и Хлопов; 2) кружок Алексея Егоровича Карелина, литографов; в этом кружке находились Яков Иванов, Белов и другие литографы и печатники; 3) кружок за Нарвской заставой, на Путиловском заво-

де, и 4) кружок на Васильевском острове, на Балтийском заводе.

Эти пять кружков времени зимы 1890—1891 годов связывались центральной организацией, которая состояла из представителей, выбранных отдельными кружками, в центральный кружок входили: от Красинского кружка—я и Гаврилова, от литографов—Карелин и Егор Афанасьев (от Экспедиции). Организатором этого кружка был Цивинский. Этот центральный кружок собирался на коммунальной квартире, которую держал Мефодиев на Забалканском проспекте. Там жили коммуной—Мефодиев с женой, Алексей Карелин, портниха Раиса, Татьяна, жена Хлопова, рабочего Путиловского завода, высланного под надзор полиции из столицы, с двумя детьми.

Вскоре нам, мне и Гавриловой, удалось организовать еще один кружок женский, из ткачих и служащих Воспитательного дома. В этот кружок входили: Маша (вышла замуж за раб. Маклакова), Феня (впоследствии жена Норинского), Наташа (впоследствии жена Кейзера), Паша (вышла замуж за Желабина), Елена Николаева, еще несколько ткачих и работниц других предприятий (например, Татьяна Разуева, фальсовщица из типографии Вольфа). Занималась пропагандой в этом кружке жена Михаила Степановича Александрова, Екатерина Александровна Александрова.

Привел Александрову в этот кружок Богданов. Для кружка имелась специальная квартира на Глазовой улице.

В конце 1890 года организовался еще один кружок в Экспедиции заготовления государственных бумаг. Здесь занимался Бруснев, с которым я познакомилась в конце 1890 года и который, по моему мнению, играл, если не главную, то, во всяком случае, крупную роль во всем движении. Он входил в центральную с.-д. организацию, которая была связана и с нашим рабочим центральным кружком.

В этот интеллигентский центр входили, кроме Бруснева, по моему мнению, Цивинские, Коробко, Красины и Святловский. Занятия же вели в рабочих кружках: Бруснев, Цивинские, братья Красины, Любовь Васильевна Миловидова (впоследствии Красина), курс. Томсоньян, Коробко, «Петр Петрович» (Михаил Степанович Александров), его жена Екатерина Александровна.

Кружок, где занимался Бруснев, был организован кузнецом Егором Афанасьевым и собирался на своей специальной квартире, на Рижском проспекте. С Бруснeвым приходилось встречаться часто, так как наш центральный рабочий кружок собирался каждое воскресенье; туда ходил и Бруснев. Обыкновенно там делались доклады о положении организации и отдельных кружков, фильтровали их состав, обсуждали кандидатуры новых членов. Самыми выдающимися членами центрального рабочего кружка, по моему мнению, были Богданов, Карелин, Мефодиев, Федор Афанасьев (ткач) и Егор Афанасьев (кузнец).

Замечательный это был человек. Он был крестьянином Петербургской губ., Ямбургского уезда, Редкинской волости, деревни Волны. Хотя по начитанности он и уступал другим рабочим, руководителям всего дела, как Богданов или Мефодиев, но зато отличался необыкновенной добротой, особой убежденностью, преданностью делу, уменьем подходить к человеку и поразительной красотой душевной. Этим он и брал, и привлекал к себе, особенно женщин и ткачей. То, чего ему недоставало в смысле знания, он с лихвой пополнял своей задушевностью и, если уступал в теории металлистам, которые вообще шли впереди всех рабочих, зато как практик и организатор был выдающимся человеком.

Таким образом, у нас в течение 1890—1891 г.г. было уже шесть кружков, и насчитывалось организованных рабочих человек до ста. В 1891 г. уже произошло событие, которое на время расстроило наши ряды: похороны писателя Шелгунова. Мы все очень ценили его сочинения и, в особенности, со вниманием читали его экономические и исторические статьи.

Еще месяца за два до смерти Шелгунова, мы, по мысли Цивинского, на одном из собраний решили поднести адрес от рабочих умирающему писателю. Содержание адреса известно [1]). На адресе подписалось много рабочих. Носили адрес Богданов, Карелин, Мефодиев, Афанасьевы и кто-то из интеллигентов. Адрес очень тронул Шелгунова. Он плакал и сказал, что если он встанет, то всю жизнь посвятит рабочим.

Как сейчас помню, пришел Егор Афанасьев и сообщил

---

[1]) См. ниже текст этого адреса. Примеч. ред.

о смерти Шелгунова и о том, что нужно возложить на его гроб венок от рабочих, пойти на панихиду и похороны. Панихида была назначена в воскресенье, в 6 час. вечера. Наши товарищи собрали деньги (с металлистов, кажется, по рублю, а с женщин и ткачей поменьше; жалованье, ведь наше было грошовое—12-14 рублей в месяц), Ф. Афанасьев, Мефодиев, Богданов и Карелин пошли в типографию к Вифту, на Садовой ул. (Вифт сочувствовал нам), и заказали там ленту, на которой отпечатали: «Дорогому учителю и руководителю от рабочих». — «Указтелю пути к свободе и братству от Пет. Раб.». На венке, на ленте подписались; были и наши женские подписи, моя и Гавриловой. В 6 часов отправились на квартиру Шелгуновых.

Представители рабочих возложили венок. Панихиду пели студенты. Венок и делегации рабочих очень тронули жену Шелгунова, и она со слезами благодарила нас.

Но на похороны, к сожалению, женщины не могли пойти, так как день был будний, и уйти с ткацких фабрик было очень трудно, так как за отлучку штрафовали, а то и прямо не пускали.

Демонстрация рабочих на похоронах всполошила полицию и вскоре начались аресты. Арестовали братьев Красиных, Коробко, из рабочих Мефодиева и Хлопова.

Бруснев уехал в Москву. Перед от'ездом он на квартире Егора Афанасьева, в Коломне, на большом собрании, где было человек 15 и в том числе Богданов и Карелин, очень тепло прощался с ними.

Квартиру на Забалканском проследили, и пришлось переносить центр в другое место. Таким местом и стала наша квартира на Глазовой улице. Это была очень интересная и конспиративная квартира. Помещалась она в злачном месте, где находились и два дома терпимости. В большом здании, где расположились эти учреждения, имелась небольшая квартирка, которую мы и сняли. Неприятное соседство скрашивалось тем, что полиция и на нас смотрела такими же глазами, как на обитателей веселых домов, и потому к нам безопасно могли ходить и наши товарищи. Занятия у нас всегда обставлялись так, что в одной комнате пели, играли на гармонике, танцовали, а в другой велись серьезные разгово-

ры, пропаганда. В этой первой комнате обыкновенно мы приглядывались к новым, только что приглашенным товарищам; если не подходил, мы его больше не звали, а если был свой, скоро переходил и в другую, заднюю комнату. В кружки новых людей допускали со строгим выбором, по рекомендации двух членов, с ответственностью рекомендующих. Хорошее было время, чистота какая-то в наших отношениях. Бывало, придет много товарищей, засидятся до-поздна, домой итти далеко, постелем что-нибудь на полу, ляжем все вповалку и заснем, как убитые. И вышли потом в жизнь из нечистого дома в большинстве чистые и преданные рабочему делу борцы. И дворник был у нас свой, сочувствующий. Всегда предупреждал, если, по его мнению, полиция начинала посматривать на нас косо.

До какой степени были мы чистые и отзывчивые тогда! Помню, как мы судили Михаила Князева, который соблазнил девушку и не хотел жениться на ней, отговариваясь, что нечем жить вдвоем. Мы собрали ему деньги и сыграли свадьбу.

В конце 1891 г. познакомились мы с литейщиком Михаилом Князевым, с Выборгской стороны, с завода Растеряева. На этом заводе образовался новый кружок, в котором, кроме Михаила Князева (бывшего народовольца, лет около 30), большую роль играли литейщики Егор Туманов и еще один, фамилии его не помню, но называли его за красивую наружность Коля-Ляля.

В это время как раз проследили нашу глазовскую квартиру; об этом нас предупредил дворник, и мы, по предложению Князева, переехали на Выборгскую сторону, на Полюстровскую улицу. Когда мы жили уже на Выборгской стороне, к нам в кружок приезжали рабочие писчебумажной фабрики Печаткина, из Кр. Села. Из этого кружка помню только одного рабочего Федора. Входили в этот кружок рабочие с завода Растеряева. Здесь, на Полюстровой, мы также организовали коммунальную квартиру: я, Гаврилова, Егор Туманов, Князев (б. народоволец) и еще рабочий из Москвы, Иван (Калужской губ.). Этот рабочий привез с собою много нелегальной литературы: книжки были больше народовольческого характера, например, письмо Цебриковой к Александру III, «Календарь Народной Воли».

Это происходило в начале 1892 г., когда мы еще не определились ясно, как социал-демократы. В это же время, начиная с середины года, у нас складываются уже более определенные убеждения, замечается тяга к социал-демократии. Тогда же мы познакомились через Иванова Якова с Кейзером, Фишером и Яковлевым, а также с Владимиром Владимировичем Святловским. Это последнее знакомство произошло при встрече Нового 1892 г., стало быть, 31 декабря 1891 г. на квартире у кузнеца Егора Афанасьева.

Святловский очень нуждался, жил вместе с рабочими на коммунальной квартире на Рижском проспекте, отличался большой простотой и очень нравился рабочим. Пропагандистскую работу Святловский вел в кружке Экспедиции заготовления госуд. бумаг. После празднования 1-го мая 1891 г. (я на этой маевке не была) Святловский ездил по какому-то поручению товарищей в Польшу, но с какой целью, не знаю; кажется, он возил для напечатания речи рабочих, произнесенные на этом собрании, для напечатания силами польской соц.-демократической организации.

В 1892 г. работа пошла усиленно. Организовался особый кружок — организаторский, специально для подготовки ответственных организаторов, которые бы самостоятельно могли развивать дело, заводить связи, заниматься пропагандой и агитацией, так как многочисленные и частые аресты вырывали из наших рядов особенно много интеллигентов. Организовал этот кружок и руководил им Цивинский. Организовали мы зимой 1892 г. еще несколько и первоначально новых кружков: на заводе Растеряева, на фабрике Чешера, помню там рабочего по имени Яков. В феврале 1892 г. арестовали Богданова, члена центрального кружка, и Филимонова с карточной фабрики за Невской заставой, где также был свой кружок. Аресты эти, впрочем, не повлияли на дело очень сильно, так как уже было много организованных и сознательных рабочих, втянутых в подполье. Да и дело мы вели осторожно и, завязывая новые знакомства, расширяли и укрепляли организацию. Дело велось так, что сначала давали большую культурную подготовку. Не говоря уже о том, что в центральном кружке имелась прекрасная легальная и нелегальная библиотека, имелись хорошие легальные библиотеки и в каждом

кружке. Книги любили и покупали все. Покупали и мы, но жалованье у нас было небольшое, и на него много купить было нельзя. Зато очень много покупали книг металлисты и вообще те рабочие, что много зарабатывали — Мефодиев, Богданов, Карелин. Особенно много покупал последний. Переплетали сами; у Карелина имелся переплетный станок, и в свободное время он занимался этим делом. Кроме нелегальных книг и беллетристики, большой популярностью пользовались книги естественно-исторического содержания, особенно книжки Рубакина и астрономия Фламмариона.

До 1892 г. мы, как я сказала, не определились и не могли считать себя соц.-демократами, но уже после первого мая этого года для нас ясно стало, что соц.-демократы к нам ближе.

В праздновании первого мая 1892 г. принимала участие и я. Организацию празднования подготовил центральный наш кружок. Был заранее разработан план, дорогу к месту собрания на Петровском острове нарисовали на бумажках и дали каждому участнику, сходиться предложили поодиночке, — кто ехал на лодке, кто шел пешком, кто на конке, так что сошлись незаметно к условленному месту и в условленный час, именно, в час дня. Собрались акуратно, расположились с едой и чаем на берегу, как будто на прогулке. Было человек 200, в числе рабочих—Цивинский и Святловский, одетые в крестьянское платье. Распространялись прокламации, книжки, карикатуры на Александра III. Уже намеревались приступить к произнесению речей, как явился сторож владений князя Белосельского (ему принадлежала эта земля) и стал нас прогонять с занятого нами места. Мы уходить не хотели, но в это время пришел патрульный Маклаков (мы их расставили тоже по плану) и сообщил, что едут жандармы. Пришлось уходить, а так как многие из нас приехали в одиночку на лодках, то мы сейчас разместились в них и стали удаляться по направлению к взморью с гармониками и песнями. Показались конные жандармы, но мы были уже на середине реки. Жандармы, бессильные что-либо сделать, смотрели на нас, а Святловский снял шляпу и сказал: «До свидания».

Так неудачно окончилась эта маевка, хотя никто из нас и не пострадал.

Через несколько времени произошло второе большое собра-

ние, на котором было тоже человек 200. Собрание было за Волковым кладбищем. Сошлись кружки всех районов — Нарвского, Выборгского, Невского, Петроградского, Васильеостровского (Медведев, токарь).

Первым на этом собрании говорил Егор Афанасьев, кузнец, о тяжелой жизни рабочих, гнете и эксплоатации капитала, о необходимости борьбы за улучшение рабочей жизни. После Афанасьева другие ораторы указывали на успешную борьбу, какую вели рабочие на Западе, и делали вывод, что это происходит потому, что там рабочие организованы, а организованы они в силу уже завоеванной свободы, и, стало быть, и нам надобно завоевать свободу, а для этого надобно организоваться в рабочую партию.

Читали здесь и Брусневскую программу, отпечатанную на гектографе.

Вскоре после этого собрания нас арестовали. Шпионы кого-то проследили, началась усиленная слежка, и в июне 1892 г. было арестовано 162 человека. Святловский и Цивинский не присутствовали на Волковской сходке, уцелели и благополучно уехали из Петербурга.

У меня арестовали всю библиотеку, собранную с таким трудом; посадили меня в Предвариловку. Просидела я три месяца, после чего была выпущена под особый надзор полиции до окончания дела. Других кого тоже оставили в Питере, а кого выслали подальше, под гласный надзор.

Нужно сказать, что здесь мы уже определенно стали соц-демократами. Уже после первого мая 1892 года в наших кружках читалась программа «Группы освобождения» и какое-то послание от польских социал-демократов.

Из арестованных и выпущенных вскоре в Петербурге остались, между прочим, Фишер и весь наш Выборгский кружок. И вот теперь-то и началась уже явная борьба на наших рабочих кружках между народовольцами и соц.-демократами. Спорили обыкновенно интеллигенты, но принимали иногда участие в этих спорах и мы. От народовольцев выступал Петр Петрович и другие, а от с.-д. Цивинский и наши рабочие.

Выйдя из тюрьмы, я поступила на Мариинские акушерские курсы. Поступить помогли мне Стасова и Серебренникова, посоветовавшие обратиться к Дрентельн, которая и поместила

меня на курсы. Окончить курсы, впрочем, тогда не удалось, так как в марте 1893 г. снова арестовали и посадили в Предвариловку. На этот раз продержали 1½ месяца и выслали за сходку на первое мая 1892 г. Уехала в г. Сумы Харьковской губернии.

Вспоминая теперь, почти через 30 лет, эту нашу чисто рабочую революционную соц.-демократическую организацию, думаю, что рост и успех происходили потому, что организовали ее мы, рабочие и работницы, правда, при помощи интеллигенции. С интеллигенцией у нас была самая тесная связь. К ее словам мы прислушивались и уважали ее. Самые формы нашей жизни выливались так просто и естественно из наших потребностей. Сходились мы с людьми близкими, с кем сжились и кого знали хорошо. На Выборгской стороне жили мы действительно настоящей коммуной. Жило нас четыре девушки: я, Наташа Александрова (портниха), Варя Николаева, горничная, и сестра Александровой, работница с красильной фабрики. Жили и мужчины, рабочие Растеряевского стале-литейного завода. Квартира считалась на имя матери Вари. Жили мы, действительно, коммуной: деньги вносились в общую кассу, имели общий стол, общую стирку, библиотеку. Все работали по дому, и никаких ссор и споров по этим делам у нас не было.

Девушки сыграли в организации большую роль. Молодые, здоровые, веселые, мы привлекали мужскую рабочую молодежь. Из ухаживанья выходило хорошее революционное дело. Я любила, как и другие, поплясать, попеть. «Вера хочет плясать»,—говорили частенько у нас, и мы устраивали вечеринки. На одной из таких вечеринок-собраний и познакомились с Шелгуновым (рабочим) в ноябре 1891 г. Это была большая организационная сходка, где ввели много женщин в организацию. Такие вечеринки бывали обыкновенно каждое воскресенье и на Глазовой, и на Выборгской стороне. Хорошая была жизнь. Бывало, встанем утром и, вместо молитвы, запоем «Стеньку Разина».

Организация была большая, всех кружков и не помню. Так, уже в 1893 г. завязали сношения с заводом Сан-Галли через Варина мужа, рабочего фабрики Печаткина. Были, вероятно, связи и с другими заводами, но теперь не помню. Хочу указать на чисто рабочий характер организации. Организато-

рами главными были рабочие Афанасьев (ткач), Богданов, Карелин, Мефодиев, а затем после Норинский (с ним познакомил меня Фишер), Кейзер, Фишер, Иван Яковлев, Маклаков, Прошин, Медведев. И потому, что организаторы были рабочие и действовали мы в своей знакомой среде, дело шло быстро. Сначала собирались два-три человека. а под конец, например, на Петроградской стороне, нередки были собрания по квартирам человек 40—50. Удавалось это потому, что мы быстро выработали приемы конспирации: кроме уже того, что

А. Фишер, В. Шелгунов и К. Норинский—организаторы с.-д. кружков в Петербурге в начале 90-х годов.

говорила, — вечеринки, гармошка, песни, — были у нас и клички, никто своим именем не назывался; когда, например, сходились на большие собрания, ставили патрульных, были пароли. У всех имелись конспиративные клички, а так как мы любили читать «Спартака», то дали себе названия по именам героев этого романа: Наташа называлась Лукрецией, я—Валерий, Коля-Ляля—Спартаком.

АДРЕС ПЕТЕРБУГСКИХ РАБОЧИХ Н. В. ШЕЛГУНОВУ.

Этот адрес впервые был напечатан (нелег.) в приложении к брошюре «1-е мая 1891 г.», изд. группы «Освобождение Труда», Женева, 1891 г. Николай Васильевич Шелгунов, популярный писатель-народник, работал еще в начале 60-х годов вместе с Чернышевским и Добролюбовым в журнале «Современник». За свою литературную деятельность многократно подвергался преследованиям и высылкам. Особенною популярностью стал пользоваться среди молодежи в 80-х г.г.
Примеч. ред.

Дорогой учитель Николай Васильевич!

Читая Ваши сочинения, научаешься любить и ценить людей, подобных Вам. Вы первый признали жалкое положение рабочего класса в России. Вы всегда старались и стараетесь до сих пор об'яснить нам причины, которые отодвигают нас назад и держат нас в том угнетенном состоянии, в котором мы закованы, словно в железные цепи, нашими правителями и капиталистами.

Вы познакомили нас с положением братьев-рабочих в других странах, где их тоже эксплоатируют и давят. Картина, которую Вы нарисовали, пробудила интерес сначала не в рабочих, а в других классах; да не для рабочих Вы и писали. Русские рабочие принуждены так много и так постоянно работать, чтобы только жить, что им некогда читать. Да бо́льшая часть и не умеет читать, а если кто из них и умеет,—что он найдет в книгах, написанных для рабочих? Никто не учит нас, как выбиться из жалкого положения, в котором мы теперь находимся. Нам твердят о терпении, о молчании, о том, чтобы мы не давали воли выражению наших страданий, и за это обещают награду в будущем. Только благодаря людям, которые, по Вашим собственным словам, имеют несчастие смотреть выше общего уровня или выше классовых интересов, научились мы понимать Ваши сочинения и узнали, как наши товарищи-рабочие в Западной Европе добились прав, борясь за них и соединяясь вместе. Мы поняли, что нам, русским рабочим, подобно рабочим Западной Европы, нечего рассчитывать на какую-нибудь «внешнюю помощь» помимо самих себя, чтобы улучшить свое положение и достигнуть свободы.

Те рабочие, которые поняли это, будут бороться без устали за лучшие условия жизни теми средствами, которые Вы

указали в Ваших сочинениях. Вы выполнили Вашу задачу,— Вы показали нам, как вести борьбу.

Может быть, ни Вы, ни мы не доживем до того, чтобы увидеть будущее, к которому стремимся и о котором мечтаем. Может быть, не один из нас падет жертвою борьбы. Но это не удержит нас от стараний достигнуть нашей цели.

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ КРУЖКИ 90-х ГОДОВ В НИЖНЕМ НОВГОРОДЕ.

Из воспоминаний А. Замошникова в Сборнике «Материалы по истории революционного движения», под редакцией Илларионова, ч. II, Н. Новгород, 1922 г., стр. 11—14.

Совсем юным я вступил на завод, где вся молодежь все свои силы должна была отдавать беспощадному молоху капитала, без просвета, без надежд на будущее. Старики покорно мирились, верили в «хозяина», считали, что и сам завод исключительно существует для него, и старались внушить те же мысли молодежи. Невидимые искорки, витавшие в стенах завода, говорили другое, звали к иной жизни.

На этом заводе молодые слесаря Пятибратов и Петров— первый воспринявший идеи соц.-дем., второй—народоволец, и во время самой работы, и во время перерывов неустанно громили существовавший тогда порядок и все предрассудки своего времени. Распространяемая литература общеобразовательного характера, уверенность тона, резкая критика властей, невольно создавали им авторитет, и в их сторону привлекали внимание. Не запомню точно времени, но вот два кружка: народовольческий и социал-демократический. Ведутся регулярные занятия, первоначально в квартире Громова, затем Афонасьева. Изучаем Эрфуртскую программу, «Капитал» Маркса, прочитываем отдельные рефераты по рабочему движению в Западной Европе. В то время были кружки среди типографов, смешанные. Они посещались охотно, несмотря на все трудности и продолжительность работ на заводе—обычных и ночных. Всем хотелось скорее приобрести знания, чтобы затем при устной агитации передавать свои знания в мастерских и не становиться в тупик перед просто по-

ставленным вопросом товарища по станку. В пропагандистах недостатка не было. Все запросы кружков удовлетворялись полностью. Присутствие на заводе двух кружков: народовольцев и с.-д. (марксистов) вызывало их на постоянные дебаты при всех встречах—в мастерских, в уборных, во всех уголках завода.

Мы, марксисты, в то время еще такие слабые, мы, небольшая горсточка, об'ятая одним общим желанием, целью, с пеной у рта спорили о правильности программы партии.

«Из'ятием высших представителей правительственной власти, рабочие и крестьяне могут добиться политических свобод, а через политические свободы рухнет весь экономический гнет»,—говорили народовольцы.

«Только организацией пролетариата, его сплоченностью и сознанием своих классовых интересов, пролетариат может сбросить с себя цепи рабства и пробьет пути к социализму»—неуклонно отвечали мы.

Один из самых энергичных проводников народовольческих идей на заводе был тов. А. Петров. Своим образом жизни, поведением в мастерских, он резко выявлял собою революционера того времени. В своей революционной работе он дошел до того, что во время завтраков в мастерской, прикрываясь легальной газетой, прочитывал перед рабочими нелегальную литературу.

Его глубокое убеждение в правоте своего образа мышления доходило до того, что, однажды, стоя у моего верстака и споря со мной, при уходе он не выдержал, взял чурбан и пустил его в меня. Хотя искренний тов. Петров и являлся таким ярым противником марксистов своего времени, но до сего времени у всех нас,—старых подпольников,—о нем сохранились самые лучшие чувства, как к одному из героев Чернышевского.

Руководительство соц.-дем. кружком на заводе, несомненно, принадлежало тов. Пятибратову, целиком посвятившему себя делу организации рабочих. В своих агитационных приемах он был особенно резок и невольно заставлял мысль работать в нужном ему направлении. Положительность, которая проглядывала во всех его словах и действиях, вызывала среди рабочих полное доверие и уверенность, что

он не только словами, но и делом будет верен идее. Из с.-д. кружка, как активных и развитых, должно отметить Громова, Заломова и Бронина. Связи между кружками (в виде об'единенных собраний) не было. Были попытки к этому, но неудачные. Созванное А. Кузнецовым, зимой 1895 г. (под видом товарищеского собеседования) в одной из гостиниц, такое собрание вызвало недоразумение с администрацией и вынуждено было разойтись. Только весной 1895 г., празднуя 1 мая на Моховых горах, мы, разбросанные и по Нижнему, Сормову, Канавину (до 50 человек), впервые собрались об'единенными под красным знаменем, и здесь мы чувствовали себя силой, мы знали, что мы не одни, что мы связаны с тысячами таких же собраний, происходивших в тот момент в разных концах России. И, бодрые, с верой в правоту своего дела, мы поздно ночью возвращались в город, кто на лодках, кто через Борский перевоз.

1896 год был более беспокойным. Введенная усиленная охрана наводнила Нижний шпиками, которыми почти все мы были выслежены по пятам, и всюду за нами бродили шпики; при всех связях, посещениях приходилось «колесить», но все эти условия не только не тормозили нашей работы, а, наоборот, создавали атмосферу действительности, и мы сознательно чувствовали, что творим серьезное, важное дело. Новые члены прибывали, повсюду завязывались связи. Весной кружком было выпущено воззвание к Курбатовским рабочим. Мне с Заломовым пришлось его распространять. Утром рабочие приходили в мастерские с воззваниями, читали их, обсуждали содержание, «услужливые» тащили листок в контору, чувствовался переполох, недоумение; слежка за нами усилилась. Чтобы сколько нибудь умерить нахальство шпиков, мы стали устраивать на них охоту. В этом особенно преуспевал тов. Лебедев, обладавший внушительной фигурой: завидя, при возвращении с работы, идущего шпика, он быстро отделялся от толпы рабочих, и с криком: «держи»,—бросался по направлению к нему. Шпик, чувствую ненормальность своего положения и охваченный паническим страхом, подбирая полы своей шубы, с ужасом бросался в бегство, сопровождаемый свистом молодежи, не совсем понимавшей происходившее. Конечно, такими приемами мы от слежки не из-

бавлялись, но делали ее для нас более незаметной, а это как-то лучше влияло на самочувствие и не будоражило чувства.

Маевку в этом году справляли на берегу Волги, против Сормова, в начале июня. Присутствующих было значительно больше, чем в предшествующий год. Выступал Розанов (о значении первомайского праздника), выступали и несколько рабочих. Что именно говорилось, подробно восстановить в памяти невозможно; пели революционные песни и весь день провели довольно оживленно. Казалось, что уже создалась такая сила, сокрушить которую не так-то легко. Возвращаясь с маевки, все забыли о всякой конспирации, шли по берегу Волги до самой ярмарки толпой, временами затягивая песни. Эта маевка явилась для нас роковой. Через несколько дней почти вся организация провалилась: все были арестованы. Я был арестован прямо в мастерской, во время работы, дорогой был завезен на квартиру, где весь дом жандармами был выворочен наизнанку, и при большой толпе любопытных (жителей фабричной слободы), посажен в темную карету и отвезен в полицейский участок, где ровно шесть месяцев терпел муки тантала. Крапивная лихорадка, клопы, тараканы и голод, отсутствие книг сделали из моего заключения сплошную пытку. Получая только один обед и никакой помощи со стороны (очевидно, старший брат перепугался и боялся что-либо принести), естественно, что через несколько дней я заболел. Сидя по соседству с тов. Любимцевым, через вентиляцию мы уговаривались с ним: жандармам никаких об'яснений не давать и отрицать всякие знакомсва. Сидя рядом с Поповым (посаженным в тюрьму, очевидно, по указаниям жандармов), постоянно приходилось чувствовать с его стороны неестественное любопытство, когда наши разговоры касались моментов организационной работы разных лиц. Лишь только спустя долгое время мы узнали причины его любопытства, и, как бы ни хотелось вспоминать, но не могу обойти молчанием того прискорбного факта, что сей тип, будучи в благоприятных материальных условиях, на нашу просьбу, поделиться хлебом, ловил, завязывал в кошелек мышенка и на шнурке через форточку преподносил его вместо хлеба. Только с переводом в верхний этаж (рядом с камерой, где сидела А. Сучкова), я почувствовал некоторое об-

легчение, ибо Сучкова, поняв весь ужас моего голодного положения, делилась со мной своими и хлебом и папиросами, хотя сама и обладала немного большим, чем я.

На седьмом месяце я попал в башню 1-го корпуса, где удалось «забыть» о голоде и аккуратно получать и литературу и помощь. Башня была для меня школой, литература— моим воспитателем. Одного за другим встретил я здесь своих товарищей, так же прочно засевших, как и я. Любимцев (погибший от чахотки), сидевший надо мной и органически ненавидевший весь политический режим, редкий день обходился без того, чтобы не устроить сцену начальнику тюрьмы или т. прокурора, по тому или иному поводу. Его светлая честная личность вечно будет жить в памяти, как верного товарища и честного энергичного революционера. Ровно через 18 месяцев двери тюрьмы отворились, и мы дружной семьей встретились, как близкие родные, в здании полицейского управления, чтобы выслушать свой приговор и отсюда отправиться в разные концы ссылки под гласный надзор. В дорогу либеральная интеллигенция нас снабдила и вещами и деньгами; особо деятельное участие в этом принимал тов. Боякович. Я и 8 товарищей: братья Ефимовы, Сахаров, Сучкова, Березкин и другие отправились в Самару, которая к тому времени была наводнена ссыльной интеллигенцией с разных концов России. Пребывание в Самаре в 1898 г. ограничивалось только внутренней связью всех ссыльных без работы вширь. Аресты 1896 года не застопорили начатой работы, а оставшиеся в Нижнем товарищи Заломов и немногие другие, энергично повели работу, и при встрече по освобождении Заломов говорил мне: «Мы, оставшиеся, чувствовали себя как бы виноватыми и в самой работе искали себе оправдания».

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ КРУЖОК В ЕКАТЕРИНОСЛАВЕ (1894 г.).

Из воспоминания А. Смирнова. «Пролетарская Революция», № 7, 1922 г., стр. 161—165.

Одним из первых социал-демократических кружков, организованных среди рабочих г. Екатеринослава в начале 1894 года, был кружок рабочих Брянского завода (X). Организация

кружка явилась как бы ответом на те разговоры, которые шли среди рабочих. Все чаще раздавались голоса против притеснений и произвола администрации; выражение же протеста бунтами (разбитием стекол, поломкой машин, избиением того или иного начальника), кроме порчи машин и имущества— не приводило к облегчению положения рабочих; поэтому рабочие приходили все больше к убеждению, что лишь путем организованного выступления всех рабочих, стачкой или демонстрацией можно заставить администрацию пойти на уступки; такие разговоры приходилось слышать нам почти в каждой мастерской.

Одно событие, происшедшее со мной и Мазановым, которого я знал и раньше, заставило нас перейти от разговоров к делу. Наши отцы работали все вместе в рельсо-прокатном цехе; и вот, как-то осенью, часов в 12 ночи, мы одновременно пришли в трактир на фабричной стороне «Красное село» за отцами, которые артелью пропивали деньги, заработанные за перевозку вальцев. На все просьбы итти домой мы получали только подзатыльники. Но зная, что дома родные ждут с тревогой возвращения отцов, мы не могли их оставить и стали на улице, возле трактира, ожидать, когда они пойдут домой.

Пока в трактире пили и ели, мы много передумали и задавали вопросы, кому выгодно и на что нужно пьянство рабочих; и решили отдать свою жизнь на борьбу за этих несчастных, темных, забитых людей, губящих свое здоровье на заводах и в трактирах. С этой памятной ночи и началось искание людей, могущих указать нам правильную дорогу, помочь и об'единить всех рабочих. Вскоре мы с Мазановым познакомились с Дмитрием Ефимовым, работавшим на болторезном станке в мостовом корпусе, где работал и я в размежной.

Разговор начался о тяжелом положении рабочих и каким способом помочь им; на эту тему разговоры шли почти каждый день не только с нами, но и с Томми, Белкиным, Гудимовым, Афанасьевым и другими рабочими. Как-то Ефимов принес почитать книженки: «Кто чем живет» Дикштейна, «Речь» Алексеева и «Речь Варлена перед судом в Париже»; для нас в этих книжечках было откровение, и мы их почти все знали на память.

После раздачи нам книжечек, он пригласил к себе на квартиру на Чечелевку меня, Мазанова и других. Ознакомившись ближе с нами, он сообщил, что сам он малограмотный и не может нам рассказать и ответить на те вопросы, которые мы ему задавали; но что он познакомит нас с интеллигентами, умеющими все об'яснить. Было условлено, что он познакомит пока только Мазанова и меня, а потом и других. Через несколько дней мы были приглашены к нему и познакомились с «Григорием» (Лейтейзеном, как мы после узнали на допросе у жандармов).

Первое впечатление при встрече с ним получилось самое хорошее: среднего роста, черные, как смоль, волосы, открытый высокий лоб, чистые глаза и плавная, спокойная речь. Мы как-то сразу сошлись и отнеслись доверчиво друг к другу. Знанием положения рабочих и толковыми, понятными ответами на наши вопросы он еще больше закрепил наше доверие к нему.

В следующий раз мы пришли почти все: Мазанов, Томми, Белкин, Гудимов, Афанасьев и я; тогда и было принято решение организовать кружок рабочих Брянского завода и ремесленников: Файна, Каца, Рольника, Шульца и др. Был выработан устав, определен процент с получаемого жалованья в кассу на нужды кружка; приобрели гектограф; и с этого дня, в начале 1894 года, собственно, и началась правильная организация и деятельность первого социал-демократического кружка рабочих г. Екатеринослава.

Деятельность нашего кружка заключалась в следующем:

1. Агитация среди рабочих за 8-часовой рабочий день; истребовать, чтобы все хозяева заводов, фабрик, мастерских и торговых заведений, имеющих у себя не менее 50 человек рабочих, обязаны были за свой счет содержать школу для детей, приемный покой, баню без всякой платы со своих рабочих и членов их семей.

2. Собирать сведения о случаях злоупотребления властьимущих, распространять нелегальную литературу, устраивать массовые собрания, как на заводе, так и вне, знакомить с рабочим движением в России и за границей, в особенности в Германии, где выступал Август Бебель.

3. При забастовках требовать свободы собраний, слова и выбора постоянных представителей из рабочих для защиты своих интересов.

Но мы хорошо сознавали, что для проведения всех пунктов нужно было много знаний при решении того или другого вопроса на заводе или фабрике. Для приобретения же необходимых знаний по вопросам охраны труда, политической экономии, истории рабочего движения и по другим предметам нужно было познакомиться со многими книжками. Ведь все мы были малограмотные, окончив лишь сельские школы. После рабочего дня на заводе, мы почти каждый вечер собирались на Чечелевке, в квартире Ефимова, и там под руководством интеллигентов учились, как лучше, вернее об'единить всех рабочих в одну семью и бороться за общее дело. Преподавателем был в начале «Григорий», но он не мог быть каждый вечер на собрании и заниматься с нами.

Как-то раз мы застали у Ефимова вместо «Григория» другого преподавателя, — как после выяснилось, А. Н. Винокурова (врача), с которым и познакомил нас хозяин квартиры, Ефимов. Высокого роста, с бородкой, прямой, всегда сдержанный, холодный, всегда настороже: все это вместе взятое не давало той необходимой спайки между нами, которой мы так хотели. Мы не знали тогда, что он находился в Екатеринославе под надзором полиции, чем и об'яснялось его, так поразившее нас, поведение. Самым интересным посетителем был для нас Григорий Мандельштам, приходивший на собрания («историк», как мы его прозвали).

Кроме указанных преподавателей нашего кружка, был и Фрейдель, студент Киевского университета, он занимался с нами по разным предметам и заменял того или другого преподавателя во время их отсутствия. Занятия распределялись так: Григорий Лейтейзен вел с нами беседы по агитации среди рабочих и по рабочему движению в России и за границей; А. Н. Винокуров—по политической экономии, охране труда и естествознанию; Григорий Мандельштам об'яснял историю народов, образование государств и их формы правления.

Сутулый, изможденный, с удушливым кашлем, Мандельштам казался нам как бы затравленным, совершенно беззащитным человеком. Помню, после обычных наших рассказов о

положении дел на заводах и фабриках города он заявлял: «Ну, теперь, перейдем к истории»—и начинал свои устные передачи каких-либо событий из истории народов или государств. Нужно было видеть его в это время. Он преображался, из сутулого делался прямым, и удушливый кашель оставлял его.

Каждый из нас старался не проронить ни слова, и мы уходили с его исторических рассказов просветленными и еще с бо́льшим желанием послушать нашего историка. Помню его определение истории. История — это повествование о борьбе двух классов, класса угнетателей и угнетаемых. Как в природе есть свет и тьма, тепло и холод, огонь и вода, два вечно борющихся начала, так и в жизни народов через всю историю человечества проходит красной нитью классовая борьба, принимая ту или иную форму, но по существу оставаясь неизменной.

Пособиями для ознакомления по всем указанным выше предметам и по общему развитию служили следующие книги: Шелгунова—«Положение рабочего класса в Англии», Ланге—«8-часовой рабочий день», К. Маркса — I и II томы, Авг. Бебеля и Энгельса—сочинения по разным вопросам, Дементьев — «Фабрика, что она дает и что берет у населения», лекции по истории проф. Ключевского, Липперта, Тэйлора и др.; сочинения почти всех лучших русских писателей: Белинского, Добролюбова, Писарева, Некрасова и др.

После 6 месяцев подготовки члены нашего кружка уже могли самостоятельно вести агитационную работу среди рабочих и стать во главе стачки по какому угодно случаю.

Работа нашего кружка шла энергично, захватывая все больше и больше рабочей молодежи. В это же время начал организоваться женский кружок, в котором принимали участие сестра Файна, Рольника, жена Норинского и другие знакомые девушки, живущие на Чечелевке, Кайданах и на фабричной стороне; налаживались связи с другими городами.

Обыкновенно мы делали так: с вечера подготовляли нелегальщину, чтобы утром нести в завод, являясь на работу раньше гудка. По приходе рабочих в мастерские, почти во всех цехах завода можно было видеть, как рабочие сходились в кружки и обсуждали подобранную прокламацию или неле-

гальную книжку. Нас почти все знали в лицо; указывали на нас, как на социалистов; многие рабочие приходили, знакомые и незнакомые, спрашивать, нет ли почитать листка или запрещенной книжечки; большею частью приходилось отказывать за неимением таковых.

Нередко были и такие случаи: гудок, работа окончена; все рабочие идут домой; в проходной давка — и вот кто-нибудь из знающих нас кричит через толпу: «Мазанов или Смирнов! принесите завтра на работу «Речь Алексеева» или «Кто чем живет». Для опытных людей было ясно, что нас при такой открытой агитации арестуют; между прочим, нас предупреждал об этом и Костя Норинский, высланный в Екатеринослав из Питера; но мы так увлеклись, что на его благоразумные советы быть осторожней только посмеивались и продолжали вести агитацию среди рабочих по-прежнему; собирали вскладчину деньги, устраивали вечеринки и там, в среде заводской молодежи, вели беседы по рабочему вопросу.

Как-то Мазанов сообщил мне, чтобы я пришел к нему в прокатный цех, где он работал токарем на вальцах, познакомиться с одним тоже токарем, Ткаченко. Прихожу, начали разговор; Ткаченко и говорит: «Я знаю, вы раскидываете прокламации и нелегальную литературу и где-то собираетесь; все это бесполезно, лучше бросайте бомбы, тогда скорей добьетесь улучшения положения рабочих». На это мы ответили: «Ну нет, — на бомбах далеко не уедешь; рабочие делали почище: ломали машины, били и убивали директора, а помочь своему положению не помогли».

Так мы с ним и разошлись. Прошло несколько дней после разговора с Ткаченко; как-то, идя домой с собрания от Ефимова, Мазанов и Афанасьев заметили идущих за нами двух прилично одетых господ. Когда мы вошли во двор чужого дома, они остановились, осматривая, куда мы ушли, и записали что-то. Но и на этот случай никто не обратил надлежащего внимания, а вскоре и совсем про него забыли; мы продолжали вести агитацию, как и раньше.

В ночь на 24 августа 1895 года, возвратившись с Борисом Афанасьевым с собрания домой (Борис уже жил у нас в семье) и приготовив на завтра для завода литературу, мы легли спать. Спали на дворе в сарае. Вдруг сквозь сон слышу

стоны матери и звон жандармских шпор. Не успел я разбудить Бориса, как жандармы вошли в сарай. После обыска, меня арестовали, Борис остался на свободе, но не надолго.

ИЗ ЖИЗНИ ПЕТЕРБУРГСКОГО МЕТАЛЛИСТА.

Из книги А. И. Шаповалова: «По дороге к марксизму. Воспоминания рабочего-революционера». Госиздат. Москва. 1922 г. Стр. 15—24.

Мне исполнилось 13 лет (в 1884 г.), когда железно-дорожная мастерская среднего ремонта приняла меня в свои недра. Хотя сделаться слесарем совпадало с моими желаниями, хотя я не был избалован судьбой и уже прошел суровую школу, но после дня, проведенного под началом старика медника Алексея Игнатьевича Соколова, я хотел сбежать. Вместо того, чтобы дать мне возможность учиться ремеслу, меня с утра до вечера гоняли за водкой. К моему несчастью, Соколов, с большой седой бородой, оказался самым горьким пьяницей в мастерской. В его «медницкую» сходились все слесаря, обсуждали вопрос, где бы достать денег, чтобы опохмелиться, устраивали складчину, и, как только находились деньги, медник кричал: «Сашка, беги за полштофом». Кабак находился на расстоянии версты. Ввиду того, что было необходимо обманывать бдительность заводских сторожей, следивших, чтобы не приносили на завод водку, я принужден был в жесточайшие морозы пробегать это расстояние в одной рабочей блузе, с засунутыми за рубашку бутылками. Конечно, я жестоко простуживался и очень часто хворал. Особенно много приходилось бегать за водкой после получки, когда у Алексея Игнатьевича и у других пьяниц болела с похмелья голова, и они испытывали непреодолимую потребность опохмелиться. Выпивки устраивались при всяком удобном и неудобном случае. Рождение ребенка, крестины, похороны, свадьбы—все эти события ознаменовывались выпивкой. Когда новый работник поступал на завод, он принужден был ставить товарищам «привальное». Когда он брал расчет, с него требовали «отвальное». При всех этих обстоятельствах по нескольку раз в день я слышал приказ: «Сашка, беги за полуштофом!»

Особенно сильно напивались в день молебна иконам, ко-

торые висели в каждой мастерской. В эти дни, по окончании молебна, все напивались до положения риз.

Когда все было пропито, и в карманах не оставалось ни полушки, совещание пьяниц решало прибегнуть к хитрости. Медник кричал: «Сашка, беги за треской!» Пока я бегал за этой соленой рыбой, мои пьяницы охотились за мышами и крысами. Пойманную мышь или маленькую крысу умерщвляли, расплющивали и старательно укладывали между слоями принесенной трески. Когда, по мнению совета пьяниц, мыши достаточно пропитывались соком трески, кто-нибудь из слесарей отправлялся со мной к тому лавочнику, у которого мною была куплена рыба.—Это у вас Сашка купил треску?—грозно вопрошал слесарь.—У меня,—отвечал лавочник,—что же, треска хорошая-с, первый сорт! — Какой первый сорт,—кричал слесарь,—треска гнилая и к тому же с крысой!—Как с крысой? Не может быть!—Да так с крысой; смотри, борода, чем ты торгуешь! Вот мы пойдем в полицию, составим протокол!—грозил слесарь.

Кончалось обыкновенно тем, что лавочник, хотя и подозревал обман, во избежание скандала, шел на мировую, давал отступного на четверть водки и выдавал еще фунта два хорошей, уже «без крысы» трески на закуску.

Некоторые рабочие до того были отравлены спиртом, что от одной рюмки впадали в состояние галлюцинаций. Им мерещились черти и лающие на них собаки. Некоторые из них говорили: «Если бы мне дали бочку водки, я попил бы и помер бы!».

Все старики-мастеровые того времени прошли суровую школу ученичества в течение пяти лет в маленьких кустарных мастерских. Вспоминая, как подмастерье гонял в первый год ученичества за водкой, как хозяин морил их голодом, не платя ничего, и лупил их шпандырем, они считали нас, учеников, крупных предприятий, где обучают ремеслу и еще платят, даже счастливчиками.

— Ты еще не знаешь, Сашка, кузькину плеть!—говорили они и при этом описывали, как, бывало, рассвирепевший хозяин рвал их за уши и бил шпандырем... Так как меня уже не рвали за ухо и не лупили шпандырем, то я должен был себя еще считать счастливым.

Только через год,—после того, как, бегая по морозу без теплой одежды, я очень сильно простудился,—я вырвался из-под власти медника Соколова и перешел в слесарную мастерскую.

Слыша постоянно от взрослых слесарей, что еще должен считать себя счастливым, что меня не бьют и платят 30 коп. в день жалованья, я совершенно примирился с положением слесарного ученика. До известной степени огрубел, опустился, перестал читать книги, научился курить, пить и ругаться самой отборной, крепкой русской руганью. Эта ругань слышалась целый день в мастерской: «мать, мать, мать!», кричали в одном углу, «мать, мать!», раздавалось в другом.

Рабочий день с «вечерами» (сверхурочные часы) длился с 7 утра до 10½ вечера. Работали также все воскресенья и такие большие праздники, как Рождество, Пасха и т. д. От постоянной тяжелой работы я начал еще более тупеть... С моим товарищем, Володькой Вагнером, по вечерам мы ходили в портерную. Возвращаясь назад подвыпивший, физически очень сильный Володька сваливал фонарные столбы, перегораживая пустынную дорогу. Я, конечно, помогал ему.

Осенью и зимой часто устраивались кулачные бои. Два враждебных лагеря шли друг против друга, стенка на стенку. Когда к подросткам начинали примыкать взрослые рабочие, бой иногда принимал жестокий характер. По окончании такого сражения расходились с фонарями под глазами, с выбитыми зубами, окровавленными лицами, поломанными ребрами. Однажды я получил такой чудовищный удар в спину, после того, как предыдущим ударом был свален на землю, что остался лежать на месте замертво, без чувств.

Состав рабочих-мастеровых нашей мастерской был далеко не однороден. Русских было немного больше половины. Остальные состояли из финнов, немцев, латышей и поляков. Немецкое влияние было очень сильно. Старший помощник начальника депо Спб-Варшавской жел. дор. Вагнер, Иван Иванович, старший монтер Янике—были немцы. Даже запись в книгу ремонта паровозов производилась на немецком языке, и русские коренные рабочие, входя утром в мастерскую, говорили не «здравствуйте», а «морген».

Немцы, финны и т. д. значительно отличались от рус-

ских рабочих. Последние, получив получку, не находили сил бороться с соблазном, который предоставляло из себя хмельное питье, и, ослабев, не выходили на работу дня по три. Первые пили водку ежедневно и регулярно, что не мешало им ежедневно выходить на работу. Затем они считались лучшими работниками, знающими свое дело. Держали себя с большим достоинством, одевались по-европейски и реже крали с завода медь, инструменты и т. д. Будучи грамотны, более культурны, обладая бо̀льшими, чем русские знаниями, они не только не любили русских, но относились, встречая одно отрицательное, ко всему русскому критически и даже с презрением.

Иностранец, попадая в другую страну, скорее, чем местный житель, замечает ее недостатки. Ему надо прожить в чужой стране долго, несколько лет, чтобы научиться находить хорошие качества и достоинства народа, в среду которого попал.

Иностранец, попавший в Россию при Александре III, наталкиваясь на варварство, азиатчину, на хамство и страшную некультурность, не мог выносить благоприятного впечатления о России. Особенно некоторые рабочие финны и поляки ненавидели все русское сильно и глубоко... Я, сталкиваясь с ними, задавал себе вопрос: почему, за что они нас так не любят, за что презирают? И этот вопрос будил мысль, заставляя думать, относиться более критически к нашей русской действительности.

Самыми отсталыми на железной дороге являлись кочегары и чернорабочие. Они жили в казарме, поражавшей грязью. Это были крестьяне, оторванные от сохи, прибывшие в Питер, чтобы подработать и вернуться в деревню. Это были люди очень выносливые, с самыми минимальными потребностями. Проработав известное время и накопив денег, кочегар покупал «тройку» — костюм, лакированные сапоги с вышитыми блестящими голеницами, пунцовую рубаху с поясом, гармонику-«тальянку» и возвращался к себе в деревню. В свободное время они ходили толпами по улицам, наигрывали на «тальянках» русскую и пели частушки: «Я во Питере живал, много денег наживал, платки девкам покупал!» и т. д.

Слесаря, помощники машинистов и машинисты соста-

вляли аристократию рабочих. По одежде, по привычкам, они мало отличались от немцев и финнов. Они невольно им подражали. Карманные часы являлись роскошью, мало доступной для рабочих. Чтобы не опоздать на работу, приходили к заводским воротам минут за 20—25 до свистка. В ожидании собирались летом на скамейках, а то и стоя у ворот завода, а зимой—в будке сторожа Шестакова. Среди представителей старого поколения находились такие, которые, вспоминая «доброе старое время», отчасти жалели, что прошло крепостное право. Старик Шестаков являлся одним из последних представителей старых николаевских солдат, доживавший свой век в «Чесменской богадельне», за Московской заставой. Будь они переодеты в какую угодно одежду, в этих 60-летних стариках с первого взгляда можно было узнать солдат Николая I, которые прошли 25-летнюю службу, и во всем существе которых как бы запечатлелись слова, приписываемые Николаю I: «десять убей, одного выучи!».

Крепкий, прямой, переживший все ужасы и всю муштру, старик Шестаков с презрением относился к молодому поколению, и был убежден, что оно «погибает». Он был всегда во власти старого, вспоминая свои походы и оборону Севастополя. Когда нужно было вызывать рабочих для того, чтобы паровоз, в'ехавший на поворотный круг, поставить в паровозное стойло, он, как прежде перед полком, кричал перед паровозом таким громовым голосом: «на круг!», что мы всегда вздрагивали.

Он, кузнец Кудимыч и плотник Копыл всегда пытались доказать, что после отмены крепостного права люди испортились, развратились, не стало «страху божьего» и почтительности к старшим.

Стуча своей толстой палкой, Кудимыч со своей седой бородой и густыми волосами, подстриженными по-русски в кружок, кричал на молодежь: «Эх, на конюшню бы вас, да всыпать вам пятьдесят горячих!».

Но старик латыш, слесарь Ассер, выступал против русской отсталости, грубости. Будучи сторонником немецкой культуры и указывая на превосходство европейцев над русскими, он отдавал дань уважения таким русским, как Копыл. Хотя в длинной бороде этого старика, которая свалялась в

войлок, и находили куски навара и солому, но, глядя, как в его руках топор «играет»; как с одним только топором и долотом он, русский плотник, мог выстроить и дом, и телегу, и мебель для дома, на что немцу понадобился бы целый ящик инструментов, Ассер, много видевший на своем веку, говорил: «Способный народ вы, русские, только попы вам мешают!».

Среди молодежи, против которой так негодовали старики, выделялись некоторые, которые как-то невольно отражали некоторые черты нашей свободомыслящей интеллигенции.

Однажды в 1885 г., когда утром я раздувал горн в медницкой мастерской, а старик Соколов жаловался на горькое житье, катальщик Семенов, вздохнув, вдруг сказал: «Эх, скорее наступила бы революция!». Когда я обернулся при этих непонятных словах, то заметил, как внезапно побледнел медник Соколов, как он схватил Семенова за руку и в ужасе шептал: «Что ты, что ты, с ума сошел!.. Молчи!»... Слово «революция», которое мне тогда было непонятно, очевидно, в то время, когда не заглох еще гром от взрывов народовольческих бомб, было многим известно. Невольно я припомнил, как даже мой отец, при всей его забитости, знал это слово.

В 1878 году я стоял, прислонившись к забору Московской заставы с моими родителями, и смотрел на торжественное вступление петербургских гвардейских полков, после победы над Турцией, в Петербург через Московские Триумфальные ворота. Во время прохода войск за невысоким забором, отделявшим нас от города, кого-то арестовали. Произошло замешательство. Когда мы возвращались, у моего отца тряслись руки, и он что-то говорил матери о студентах, о бомбах и революции. По возвращении с ночного дежурства, отец довольно часто в это время рассказывал о взрывах бомб, которые, по его словам, бросали негодяи, безбожники, студенты, нигилисты.

У меня остался в памяти день 1-го марта, в который рукой народовольца Гриневицкого был убит царь Александр II. Я в это время учился в Петербурге, в городской начальной школе. Учитель с расстроенным видом раньше времени, без видимой причины, закрыл школу и распустил нас по домам. На улицах испуганные полицейские приказывали закрывать лавки, магазины. С необычной торопливостью все в каком-то

испуге запирались и прятались. Пока я дошел до дому, весь город замер.

— Мама,—спросил я,—отчего нас распустили и отчего все лавки закрыты в городе?

— Царя убили,—ответила в испуге моя мать.—Ох, убили его, батюшку, окаянные безбожники социалисты!

А день был теплый. Рыхлый снег таял. Громко кричали галки и вороны. Пахло весной. У меня осталось воспоминание об этом дне, как о таком, когда чувствуется приближение весны.

Будучи шестнадцатилетним подростком, я был настолько еще несерьезным, что совершенно не мог понять, что означало слово революция. Жизнь я принимал, как она есть. Я как бы плыл по течению, не заботясь, куда унесет мою ладью быстрая река жизни. Прислушивался к тому, что говорили Кудимыч, Шестаков и кузнец Кусов, но не мог понять, кто из них прав. Меня очень интересовало слесарное и токарное ремесло: зарождалась своего рода поэзия труда. Слышать заводский гудок, тяжелые удары молота, дребезжание железа, шум вертящихся машин, вдыхать дымный, пахнущий углем, воздух завода мне было приятно. С удовольствием я пилил напильником, бил молотом, точил, сверлил. Не удовлетворяла наша маленькая мастерская. Мечтал о жизни среди леса фабричных труб, в фабричном городе, где на улицах фабрика следует за фабрикой, завод за заводом, где черный дым закрывает небо. Мне было чрезвычайно неприятно и больно соглашаться с финнами и немцами, что русские не умеют строить машин, что все они построены там, за границей. И я мечтал о том времени, которое, по моему, должно наступить, когда мы, русские, начнем делать такие же хорошие, а, может быть, и лучшие машины, чем те, которые привозили из заморских стран.

Чтобы усовершенствоваться в ремесле, я перешел в главные мастерские Варшавской жел. дор. Время было мрачное. Самодержавие торжествовало победу над «Народной Волей». Замер голос друзей народа. Подняла голову поповщина. О забастовках, о рабочем движении я ничего ни от кого не слы-

хал. Профсоюзов не было. Отдельные рабочие, сочувствовавшие народовольцам, которые уцелели от общего разгрома, замкнулись в себя.

От тяжелой постоянной работы я все более тупел. Ничего не читал. Особенно газеты с огромной массой иностранных слов казались непонятной китайской грамотой. Стал замечать, что разучиваюсь и писать. На меня как бы надвинулась ночь, и я погрузился в тот глубокий сон, которым спали рабочие массы. Слово «товарищ» носило только личный характер. Не было никаких касс взаимопомощи. Каждый рабочий был предоставлен самому себе и не мог рассчитывать ни на какую товарищескую поддержку. На фабриках процветали хамство, наушничество. Сознание собственного достоинства было очень редким качеством у рабочего. Мастер был — «царь» и «бог». Он, обыкновенно, знал не только. то, что делается на заводе, но и в семьях рабочих. Когда он шел по мастерской, рабочие, не дожидаясь поклона с его стороны, первые и часто униженно заискивающие снимали шляпу и говорили: «Здравствуйте, господин мастер!». Все начальники, мастера, чиновники, за редкими исключениями, немилосердно обворовывали казну и брали взятки. Это проклятое наследие царского рабства привилось рабочим. Тащили и крали с завода все, что могли, даже инструмент тащили друг у друга. Правилом жизни было: «не зевай, держи ухо востро!». Если у зазевавшегося токаря крали резец, кусок инструментальной стали для обточки металла, что обыкновенно случалось у точил, где собирались очереди для обточки резцов, толпа, видевшая, как крали резец, встречала хохотом его вопрос: «кто взял мой резец?». Украсть, «облакомить», обмануть, — считалось делом хорошим. На честного, правдивого, кто не лгал и не крал, смотрели, как на глупца и чудака.

Чтобы воспрепятствовать кражам, начальство устроило суровые обыски в «проходных» воротах. Но это мало помогало. Нравы были «жестокие», как говорит Островский. Если новый рабочий отказывался ставить привальное, хотя бы он умирал с голоду, его сживали с завода, устраивая пакости: в шестерни его машины накладывали гайки, машина ломалась, и его прогоняли. Развлекались тем, что привязывали

тому, кто зазевается, хвосты из «концов» или грязные тряпки и забавлялись, видя, что он ходит по мастерской, не замечая хвоста. Иногда этот хвост поджигали. Когда испуганный рабочий срывал, обжигая руки, горячие куски пакли, его встречал всеобщий хохот. Как ни тяжела была моя жизнь, но в мастерской среднего ремонта паровозов это были цветочки. Ягодки я узнал в большой токарной мастерской, где пришлось испытать все прелести сдельной платы.

Пока я оставался в маленькой мастерской среднего и текущего ремонта паровозов, где находился всего один токарный станок, где я выучился с грехом пополам токарному ремеслу, где работал поденно под непосредственным начальством старика-монтера, немца Янике, я не знал, что такое «Кузькина мать», о которой мне говорили старые рабочие, и мог по своему любить свое ремесло, мечтать о развитии русского машиностроения и о жизни в большом, исключительно фабричном городе, с лесом труб, с дымом, покрывающим небо. Немец Янике, бывший в Германии парикмахером, приехав в Россию, познакомившись теоретически с устройством паровоза, научившись подымать его на домкратах и опускать на колеса, проверять его шатуны и золотники, не владея ни пилой, ни зубилом, что необходимо знать слесарю и монтеру, и не понимая ничего в токарном деле, тем не менее, заведывал всей мастерской. Выпивая по-немецки каждые полчаса по маленькой рюмке русской водки, которую он очень любил, он напивался к вечеру до того, что становился красен, как кумач, и едва держался на ногах. Он обыкновенно ограничивался лишь тем, что покрикивал: «Давай, Сашка, давай скорее, паровоз ждет!».

Но все представление о жизни у меня перевернулось, когда в большой токарной мастерской я попал на сдельную плату. Последняя, как известно, очень выгодна для капиталиста. Сведя надзор над рабочими до минимума, она предполагает постоянное понижение расценков. В странах, где буржуазия не только прокучивает прибавочную стоимость, но и «работает», осторожное понижение их может приводить к улучшению техники. При таком условии положение рабочего ухудшается только относительно и не всегда абсолютно.

В России же, где буржуазия брала готовые образцы тех-

ники из Западной Европы, она не работала, мало заботилась об улучшении производства. У нас понижение расценков изменялось без удержу и приводило всегда к абсолютному ухудшению положения рабочих. Но как ни тяжело бывает положение человека, в каких униженных условиях он ни живет, в большинстве случаев он приспособляется к этим условиям. Среди рабочих находится всегда небольшая часть способных рабочих, которые ухитряются при всяких расценках выработать ту норму, которая полагается, и за которой тянется вся масса. Но среди рабочих находится всегда меньшинство, которое, как ни напрягает своих сил, остается позади, и на которое обрушиваются все неудовольствия и кары мастеров.

Попав на сдельную работу, я оказался менее приспособленным, чем другие, и был причислен к категории средних и, может быть, даже плохих рабочих. Мало-по-малу лишился всех иллюзий; в большой токарной мастерской небо в овчинку показалось, но все же она заставила меня задуматься о смысле жизни.

ИЗ ЖИЗНИ ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКОГО ТКАЧА.

Из книги Ф. Н. Самойлова. «Воспоминания об Иваново-Вознесенском рабочем движении». Гл. I. «Из моей биографии». Гос. Изд. Москва. 1922 г., стр. 9—15.

До тринадцати лет я жил в деревне. Отец, имея маленький крестьянский надел, не в силах был им одним содержать семью; поэтому по зимам работал в городе на ткацкой фабрике в качестве ткача. Такое положение полурабочего, полукрестьянина давало возможность кое-как содержать семью. Нас, детей, было трое. Когда мне, старшему, исполнилось тринадцать лет, отец решил поискать счастья в городе. Он распродал скотину (лошадь и корову), заколотил старую покривившуюся избенку и после сбора маленького урожая осенью переехал с семьей в город. Там он вместе с матерью поступил на ткацкую фабрику, а через некоторое время нашел работу и для меня. Дома на квартире остались два моих меньших брата: мальчики десяти и пяти лет.

Сначала всем нам казалось, что в городе жить лучше, чем в деревне, хотя без коровы молока и не было, но зато по праздникам пекли белый хлеб. Несмотря на утомительную фабричную работу, жизнь городская в первое время казалась нам интереснее и привлекательнее. Но прошел год, и картина резко изменилась. Мы все страшно заскучали по деревне. Душный, пыльный и грязный промышленный город сильно надоел, а крайне низкий заработок не позволял сколько-нибудь нормально питаться, несмотря на то, что из пяти членов семьи работало трое. Ели хотя и до-сыта, но только хлеб, кислые пустые щи да постную гречневую кашу и больше ничего, а мясо видели только несколько раз в год, по самым большим праздникам.

Воспоминания о деревне начали занимать нас все чаще и чаще. Там мы жили, хотя и бедно, почти всегда нуждаясь в самом необходимом (обуви, одежде и пр.), но некоторую часть года там было свое молоко; а вместо узких, пыльных, грязных и вонючих городских улиц рабочих кварталов, там был необ'ятный простор полей и лесов. Вместо грязной до крайности городской реки, там была чистая большая река. Вместо городской пыли, духоты и зловония, там был чистый, насыщенный ароматом полей и лесов, воздух. И, несмотря на тяжелую материальную нужду, там чувствовалась большая свобода и независимость от разных владельцев средств и орудий производства. Там нередко приходилось быть должником деревенского кулака, но не надо было вставать по гудку, а ложась спать, тревожиться мыслью не опоздать на фабрику. В таком виде представлялась нам разница между городом и деревней после года жизни в городе, и деревня тянула обратно к себе,—чем дальше, тем все сильнее.

Под влиянием тяжелых условий фабрики, отрицательные стороны деревни забывались, а положительные ярко вставали в памяти, и в умах созревало решение ехать обратно в деревню, несмотря на испытанные и там нужду и горе. Однако, прежде чем это решение созрело окончательно, прошло еще около полутора года. Только после того, как участь чистого пролетария, полностью и окончательно порвавшего с деревнею, была испытана в изрядной мере, отец, наконец, про-

жив в городе неполных три года, вместе с матерью и двумя моими меньшими братьями уехали обратно в деревню; только я остался один в городе. Это было в 1898 году.

Когда мне было шестнадцать лет, меня, так же, как и отца, страшно тянуло в деревню. Во сне и наяву, как говорится, видел я родные поля и леса и деревенскую реку с прозрачной, как стекло, водой и с зеленым ковром покрывающих ее берега лугов. В мечтах мне часто грезилось колосящееся, усеянное голубыми васильками, широкое ржаное поле. Живо представлялось оно волнующимся от легкого ветерка. В такие минуты казалось, что я чувствую пряный запах цветущих трав на широком зеленом берегу реки. Как наяву, в моем воображении стояла деревня из двух десятков больших и малых, крытых соломой, изб, с огородами у речки; за полем хвойный лесок, а над ними бездонное, чистое голубое небо; как гигантское покрывало раскинулось оно без конца и края и неотразимо манило куда-то в бесконечную пучину своей лазури. Я грезил этой милой с детства картиной родной деревни и ничего тогда больше не хотел, как поселиться там вместе с остальной семьей.

Но я хорошо знал, что там на маленьком клочке земли и без меня не сможет отец прожить без заработка на стороне. И ему снова придется работать в городе и в деревне, чтобы иметь хотя некоторую возможность жить. И поэтому я должен был оставаться в городе. Но, оставшись в городе, я все же на все праздники уходил в деревню. Это было нелегко. До деревни около двадцати верст, и за время праздничного перерыва в фабричной работе приходилось сделать до деревни и обратно около сорока верст. Несмотря, однако, на это, прогулки эти доставляли мне большое удовольствие. Я радовался уже тому, что хотя раз в неделю, хотя ценой большой усталости, все же мог несколько часов побыть среди дорогой с детства деревенской обстановки, подышать чистым воздухом, прогуляться в лесу и в поле, покупаться в чистой деревенской реке и выпить несколько стаканов свежего молока, которым каждый раз старалась напоить меня, как можно больше, моя добрая матушка, зная, что в городе, вследствие ничтожного заработка, молоко для меня совершенно недоступно.

На зиму отец, как и прежде, поступал на ткацкую фабрику. Остальная семья жила в деревне зимой и летом. Когда среднему брату, Петру, исполнилось пятнадцать лет, он тоже пришел в город и поступил на ту же фабрику. С этого момента мы с братом стали постоянно работать в городе, а отец фабрику бросил,—зиму и лето стал жить в деревне. Нашего с братом заработка не всегда хватало, чтобы отец мог вести свое маленькое хозяйство; но теперь мы все же кое-как перебивались.

Жизнь была нелегкая, и недостатки всяческие приходилось терпеть и теперь, иногда в самом необходимом; а мечта бросить фабрику и переселиться в деревню продолжала жить. Ее несбыточность была для меня почти очевидна, но расстаться с нею сил не хватало, ибо нечем, казалось, без нее было бы жить. Никаких других надежд впереди не было. Жизнь чистого пролетария представлялась бесконечно трудной, безрадостной и беспросветной. Приходилось хвататься, как утопающему, за соломинку, за несбыточную мечту переселиться в деревню. Так неумолимые законы капиталистического развития делали свое дело пролетаризации беднейшей части крестьянства, заставляя людей бросать насиженные места, вопреки самому страстному желанию удержаться на них во что бы то ни стало. Они гнали людей в промышленные города, на фабрики и заводы, и из маленьких хозяев-земледельцев делали наемными рабочими, не имеющими, кроме своих рабочих рук, никакой собственности, ставя их таким образом в правовом отношении в положение рабов, беспощадно эксплоатируемых. Они, насколько были в силах, сопротивлялись этому окончательному переходу на положение пролетариев, цепляясь всеми силами за свой веками поливавшийся кровавым потом дедов и прадедов клочок земли; но суровая действительность была неумолима.

Материальная нужда гнала деревенскую бедноту в города и создавала из нее кадры бездомных и бесправных рабов капитала, подготовляя ту самую силу, которая должна была уничтожить власть всесильного капитала. Я тогда еще этого не сознавал и, будучи пролетарием, не понимал, что выход из беспросветной материальной нужды и рабского бесправия заключался в единстве всего пролетариата и в его

дружной, организованной борьбе с хозяевами средств и орудий производства и со всеми теми, кто стоит на страже их интересов.

Понял я это только после того, как проработал на фабрике около пяти лет, когда в достаточной степени испытал тяжелую участь пролетария. Был я тогда малограмотным, а родители были совсем неграмотными. Школа была в приходском селе в семи верстах от деревни; ходить далеко, а часто было и не в чем: не было обуви или одежды. Поэтому я учился грамоте самоучкой. Дядя, брат моей матери, написал мне азбуку и показал буквы. Я их выучил, потом сам научился читать. Желание учиться было сильное; но руководить учением было некому, и я совершенно самостоятельно, без всякой посторонней помощи очень быстро выучился недурно читать, но письмо у меня подвигалось туго. Без указаний грамотного человека учиться писать оказалось гораздо труднее, чем читать. Тем не менее,—хорошо или плохо,—а в конце концов я умел читать и писать.

Первым моим чтением в деревне были разные книги духовного содержания, вроде евангелия, псалтири и т. д., которые мне доставали религиозные дядя и отец, потом я читал разные сказки вроде Ильи Муромца, Бовы-Королевича и т. п. Все эти книги я доставал у того же дяди. Серьезных и интересных книг не видал вплоть до приезда в город. Но и по прибытии в город, уже работая на фабрике в течение нескольких лет, я читал все еще не то, что нужно было читать рабочему. А к чтению у меня была охота очень большая. Читал я много, но совершенно без системы, без всякого порядка и почти без разбора; читал все, что попадало под руки, так как в той среде, в которой я жил, не было ни одного более или менее интеллигентного или хотя бы хорошо грамотного человека, могущего дать необходимые указания в выборе книг.

Книги я брал для чтения в бесплатных библиотеках-читальнях, которых тогда в городе было несколько. Помню, мы ходили в эти библиотеки после окончания работы на фабрике компанией—втроем или вчетвером: Семен Смирнов (впоследствии был эс-эром), Сергей Мухин (впоследствии был членом некоторое время с.-д. организации, но не активным), и некоторые другие. Читал я во время обеденных перерывов

на фабрике и по вечерам на квартире. На фабрике во время обеденного перерыва я забирался в шликтовку, садился где-нибудь на окошке и, выпив вместо обеда стакана два-три чаю с черным хлебом, брал книгу и читал до возобновления работ.

Здесь, в шликтовке, никто не мешал, и чтение подвигалось быстро; но вечером после окончания работы на квартире с чтением дело обстояло хуже. В доме, в котором я квартировал, квартирантов было всегда человек около пятнадцати; помещались они все в одной средней величины комнате,— мужчины и женщины, старые и молодые, холостые и женатые,—спали на полу подряд. Работали все на разных фабриках и в разных сменах и, в то время, как «денные», только что окончившие работы, приходили на квартиру, одна из смен, которой нужно было вставать на работу в три часа утра, уже ложилась спать, поэтому, чтобы не жечь много керосину, который хозяйка очень экономила, и не мешать спать другим, только что пришедшие с работ «денные», поужинав, тотчас же ложились спать. Выходило, что люди круглые сутки только работали, ели и спали, а больше не знали ничего, не чувствуя никаких духовных запросов и не отдавая себе ни малейшего отчета во всей нелепости и бессмыслице такой жизни.

Я не мирился с таким положением и, придя с работы, несмотря на усталость, тотчас же вместе с другими ложиться спать не хотел, а всегда брал книгу и зажигал свою, купленную на собственные деньги, свечку (хозяйка не давала своей лампы). Кругом на полу храпят на все лады, а я читаю. И читал я до тех пор, пока не начинали слипаться глаза.

Этим моим вечерним чтением были недовольны сожители, которым свет мешал спать: они хотели, чтобы я бросил чтение и потушил огонь; но я решительно отстаивал свое право проводить вечер так, как сам желал, и право это за мною осталось. Но однажды произошел очень неприятный случай. Дело было так. Чтобы хоть немного избавиться от нареканий, что моя свечка мешает спать, я разостлал себе постельку в одном из углов комнаты, поставил зажженную свечку в угол, взял книгу, лег под одеяло и, загородив собою от других свет, стал читать. Читая полулежа,

я и не заметил, как заснул; а свечка в это время догорела, и загорелся деревянный угол комнаты. Но, должно быть, он был очень гнилой и сырой и поэтому, к счастью, разгореться, как следует, не мог: подымился-подымился, да и сам потух. Хозяйка проснулась от дыма, и когда заметила обгоревший угол, то огня там уже не было; было лишь обгоревшее бревно, издававшее сильный запах дыма.

После этого случая, несмотря на счастливый исход его, мне со свечой читать было категорически запрещено. Зато я добился права читать за столом с хозяйской лампой.

В такой обстановке я провел около пяти-шести лет. В то время, как мои товарищи-рабочие, жившие в одинаковых со мною условиях, в одной со мною квартире, вели жизнь вьючных животных: только и знали, что спали, работали и ели, не зная никаких разумных развлечений, кроме грубых шуток, возни и иногда пьянства,—я имел перед ними такое преимущество, как страсть к чтению, которая часто заставляла меня забывать тяжелую действительность и уноситься мыслью в мир приключений, мир фантазии, мир всякого рода переживаний, совершенно неведомых остальным моим сожителям по квартире.

Я уносился мысленно в этот мир вслед за героями романов, повестей и рассказов, которые читал; забывая во время чтения суровую обстановку своего подневольного положения, я все же часто задумывался о нем, ища выхода. Вначале я читал таких авторов, как Жюль-Верн, Майн-Рид, Купер и др., описывавших путешествия по разным странам земного шара с самыми удивительными приключениями. Они так сильно меня увлекали, развивая мою фантазию, что я их читал, как говорится, «запоем»; большую часть праздников я также проводил за чтением. Позднее я читал уже классиков: Пушкина, Лермонтова, Гоголя и др. В промежутке между ними читал всякие романы из приложений к «Ниве», «Родине» и др. журналам, а также и некоторые из научных книг, которые можно было достать в бесплатной библиотеке.

Все это читалось, как я уже говорил, как попало, без всякого порядка и разбора; в результате прочитанное, конечно, плохо запоминалось. Каких-либо цельных представлений по отдельным вопросам в голове оставалось мало; а была она,

так сказать, полна всяких отрывочных мыслей, почерпнутых из самых разнообразных книг. Все это происходило потому, что в выборе книг я с самого начала был полностью предоставлен самому себе и читал, руководствуясь исключительно тем, что меня в даный момент интересовало и что попадало в руки. За пять-шесть лет, вплоть до моего первого знакомства с партийными товарищами, я прочел массу самых разнообразных книг, из которых ни одной не было могущей разбудить мое классовое самосознание.

За все это время мне не удалось встретить не только ни одной какой-нибудь нелегальной, революционной книги, или брошюры, или хотя бы прокламации, но и тех из легальных писателей, которые могли тогда так или иначе будить революционную мысль, как Некрасов и др., так как этих книг не было в бесплатной библиотеке. И вот, несмотря на мою «большую начитанность», как мне тогда представлялось, в смысле классовом я был почти таким же несознательным рабочим, как и те мои собратья, среди которых я жил и которые были настолько темны и забиты, что смеялись надо мной, когда я им об'яснял причины грома, молнии, дождя и других явлений природы с научной точки зрения; они считали меня «зачитавшимся и сбившимся с пути человеком», хотя я, как и они, был религиозен, ходил в церковь, признавая и соблюдая все обряды культа, посты и т. д.

Так, несмотря на все мои старания добиться путем чтения чего-то хорошего, поднявшись над темной толпой себе подобных людей, в конечном итоге я почти ничего не достиг. Только с момента знакомства с партийными товарищами, я, наконец, увидел тот свет, который осветил мне мое истинное положение подневольного раба капитала, при котором стал виден путь выхода из него. Я и раньше слыхал не раз от товарищей-рабочих, что есть какие-то люди, проповедующие учение, не признающее существования бога. Эти люди, согласно молве о них среди рабочей массы, призывали бороться против царя; но что они такое, почему не признавали бога и призывали свергнуть царя,—никто из тех, от которых приходилось мне слышать о них, не знал.

Однажды, помню, был в ткацком корпусе жандармами арестован рабочий-ткач. Жандармы пришли к его станку,

обыскали его и увели. После этого собралась в коридоре толпа ткачей. Среди них кто-то говорил, что арестованный принадлежит к тем, которые не признают царя и бога; но чего хотят эти люди, никто из собравшихся об'яснить не мог. У меня после этого случая усилилось любопытство, страшно захотелось узнать: что они такое—эти люди, и чего хотят? Но и на этот раз все мои попытки разрешить эти вопросы потерпели неудачу. Только один из товарищей сказал, что это политики и занимаются они политикой; а какой политикой—он объяснить не мог.

ОТДЕЛ ПЯТЫЙ

От „кружковщины“ к массовой агитации

ПЕРВЫЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ КРУЖКИ ПРОПАГАНДЫ И АГИТАЦИИ В МОСКВЕ, БРОШЮРА «ОБ АГИТАЦИИ».

Из статьи С. И. Мицкевича. «Очерки истории московской партийной организации» в сборнике «На заре рабочего движения в Москве». Москва, Госиздат, 1919 г., стр. 20—31.

В сентябре 1893 г. из вышеупомянутого[1]) интеллигентского кружка, с целью систематической пропаганды среди рабочих, выделился кружок из шести человек: А. Н. и П. И. Винокуровы, Е. И. Спонти, М. Н. Мандельштам, С. И. Мицкевич и С. И. Прокофьев. Основанием этого кружка и было положено в Москве начало развитию массового рабочего движения, несшего почти все двадцатипятилетие имя социал-демократического и лишь в последний год этого двадцатипятилетия усвоившего себе в отличие от соглашательского движения то имя, которое ему было дано еще Марксом и Энгельсом, имя коммунистического. Несмотря на все гонения, на частые провалы, на грандиозную, организованную Зубатовым провокацию,—рабочее движение в массах более уже не глохнет: после временных поражений оно поднимается всегда с новой силой.

В Москве и до образования этого кружка были кое-какие попытки со стороны марксистов заводить связи с рабочими, и у каждого из членов кружка были свои небольшие связи, но сколько-нибудь систематически-планомерно и широко это дело было поставлено впервые лишь этим кружком. Прежде всего, было образовано несколько кружков для пропаганды преимущественно из рабочих механических заводов и железно-дорожных мастерских. Мы были счастливы, что нам сразу удалось натолкнуться на несколько очень дельных и интеллигентных рабочих.

Надо сказать, что в это время среди рабочих было уже много элементов, рвущихся к знанию, стремящихся осознать

[1]) Выше тов. Мицкевич упоминал о марксистском кружке, сложившемся зимой 1891—1892 г.г. Прим. ред.

стихийное брожение рабочей массы, которое проявлялось в те годы в ряде стачек во многих местностях России. Заводить связи в рабочих кружках было легко.

Пропаганда среди рабочих в Москве велась народниками еще в середине 70-х годов (вспомним процесс 50-ти и речь на нем рабочего Петра Алексеева); в конце 70-х и в начале 80-х годов были связи среди московских рабочих у народовольцев, но с начала 80-х годов и по начало 90-х, т.-е. в течение 8—10 лет в Москве не велось сколько-нибудь систематической пропаганды среди рабочих. Однако в этот период у интеллигенции заводились кое-какие связи и знакомства с рабочими, по большей части рабочими более высших разрядов труда: монтерами, помощниками машинистов, токарями и т. д. Связи эти носили большей частью чисто-культурный характер: рабочим давали читать «хорошие» книжки и велись за стаканом чая беседы. Небольшой кружок таких рабочих группировался около одного известного писателя-народника Н. Н. Златовратского, другой кружок образовал в 1889 или 1890 году студент Добронравов, живший в рабочем квартале, в Грузинах, и имевший родственников среди рабочих. Попадались небольшие толстовские кружки и отдельные толстовцы среди рабочих; сравнительно большой толстовский рабочий кружок в это время был на фабриках Морозовых в Орехове-Зуеве. В это время среди рабочих стало проявляться заметное стремление к самообразованию: они записывались в библиотеки, посещали городские читальни, публичные лекции, выписывали вскладчину либеральные газеты, по преимуществу «Русские Ведомости», больше всего ценя в них иностранный отдел, в котором попадались хорошие статьи о рабочем движении на Западе. Из этих-то слоев рабочих и рекрутировались члены первых соц.-демократических кружков.

Приведу несколько примеров.

Был у нас знакомый рабочий, старый ткач, участвовавший еще в кружке Петра Алексеева. Это был малообразованный, простой ум, но очень дельный агитатор, хорошо знающий натуру русского рабочего; он пользовался большим авторитетом и уважением среди рабочих. Он уже давно не имел связей с интеллигенцией, но постоянно вел самостоятельно устную агитацию среди рабочих на почве их экономических нужд,

а также пользовался всяким случаем, чтобы резко порицать администрацию и правительство. Был еще у нас один кузнец из петербургского кружка лавристов; он тоже давно утратил связи с интеллигенцией, был большой индивидуалист и культурник, выписывал «Русские Ведомости», читал и вел разговор по поводу прочитанного со своими товарищами по мастерской. Из побывавших в народнических кружках того времени выделялся своей интеллигентностью молодой помощник машиниста на Смоленской дороге, С. И. Прокофьев; его принимали в рабочих кружках за интеллигента. Другой, очень интеллигентный, токарь с завода Вейхельта, Бойе, давно вел знакомство с интеллигенцией, много читал; мы его ценили, как самого дельного и умного организатора и руководителя рабочим делом. Он потом в тюрьме и ссылке изучил английский язык и уехал в Англию; потом через несколько лет возвратился в Россию. Его приятель, Саша Хозецкой, экспансивный юноша, слесарь, выдавался, как талантливый и смелый агитатор. Он тоже после ссылки ездил в Англию, тоже возвратился и умер от чахотки. Из самоучек помню Федора Полякова, ткача; он мальчиком работал в фабричной аптеке на Раменской мануфактуре, брал читать книги у врача, изучал начатки латинского языка, читал по медицине, естественным наукам и философии; был прекрасный рассказчик-юморист, писал недурные стихи, выдавался, как талантливый и очень любимый рабочими агитатор. Фабриканты его не выносили, он перебывал чуть ли не на всех фабриках московских и подмосковных; отовсюду его гнали, а после его ареста не принимали никуда и его жену. Он в ссылке, в Енисейской губернии, занимался фельдшерством, писал много корреспонденций, стихов, повестей в сибирских газетах. Умер от чахотки в Минусинске в мае 1903 г. Помню еще одного модельщика с фабрики Гоппера, Самохина; он еще до знакомства с нами очень интересовался рабочим вопросом, перечитал все легальные книги, которые мог достать в библиотеке по этому вопросу; изучал языки—эсперанто и французский, с целью завести переписку с заграничными рабочими, давно жаждал знакомства с интеллигенцией и был очень рад, когда встретился с нами. Первой книжкой, которую он от нас получил, была «Эрфуртская программа» Каутского, которую он сразу пре-

красно усвоил; он сам составил и вел с большим успехом кружок модельщиков; когда они усвоили хорошо вопросы о рабочем дне, заработной плате, о роли машин и т. д., тогда Самохин передал нам свой кружок, заявив, что его рабочие усвоили достаточно экономическую часть программы занятий, теперь хотят ознакомиться с политическими вопросами и с историей. Много связей среди рабочих передал нам Андрей Карпузи, интеллигент, пошедший на завод в качестве рабочего-слесаря и работавший, помнится, на зав. у Вейхельта. С помощью этих и нескольких других рабочих было организовано несколько кружков. Программа занятий в кружках была такова: сначала толковалось о первоначальном накоплении, об образовании капитала, далее, беседа за беседой, излагался 1-й том «Капитала», при чем изложение иллюстрировалось примерами из русской жизни, и таким образом попутно рисовалась картина положения рабочего класса в России по Дементьеву, Погожеву, Эрисману и др., потом трактовалось о конечной цели рабочего движения, о социализме, и доказывалось, что первым этапом по пути к социализму должно быть завоевание политической свободы, которое может у нас быть совершено только рабочим классом.

Среди рабочих, участвовавших в кружках, а через них и среди гораздо более обширного круга рабочих, распространялась литература. Какая же литература была в распоряжении нашего кружка? Во-первых, брошюры, изданные за границей группой «Освобождение Труда» (начиная с начала 1894 года, мы их получали довольно много). Брошюры были такие: «Речь Петра Алексеева», «Речь Варлена», «8-часовой рабочий день»—Плеханова. «Кто чем живет»—Дикштейна, «4 речи петербургских рабочих на 1-е мая». Во-вторых, кружок сам занялся литературной деятельностью. Тов. Круковский написал очень хорошую брошюру,—популяризацию Маркса, с примерами из русской жизни: она была впоследствии оттектографирована (в 1895 г.); тов. Винокуров написал брошюру о первоначальном накоплении, тоже с примерами из русской истории; тов. М. Мандельштам—брошюру: «Как крестьянин и кустарь в фабричного рабочего превращаются» и переделку на русский лад: «Религии капитала», Лафарга. Затем были переделаны несколько польских брошюр: «О конкуренции»,

«Рабочая революция», «Что должен знать и помнить каждый рабочий», «Рабочий день». Все эти брошюры были пересланы для издания за границу, но были напечатаны лишь две последние. Кроме этих брошюр, давали рабочим читать целый ряд переводных брошюр: Каутского, Шиппеля, Гэда, Лафарга. Все они были рукописные; для переписки их образовался целый штат переписчиков: студентов, курсисток, рабочих; среди переписчиков было даже двое городовых—родственников рабочих. У кружка был гектограф, потом к концу 1894 года мимеограф и маленький типографский станок, но по преимуществу для листков; брошюр было гектографировано всего две или три. Кроме нелегальной, распространялась и легальная литература: Бэллами—«Через 100 лет», Вебба и Кокса—«8-часовой рабочий день», «Фабрика»—Дементьева, некоторые журнальные статьи и вырезки из газет, наклеенные на тетрадку, по преимуществу, о рабочем движении на Западе.

Теперь скажу о некоторых особенностях в постановке дела в нашем кружке сравнительно с современными ему кружками в других русских городах.

Раньше, чем в Москве, началась соц.-демократическая пропаганда в Петербурге, там она ведет свое начало со 2-й половины 80-х годов, непосредственно переплетаясь с пропагандой «народовольцев». Затем, в 1891—1893 г.г. началась пропаганда и во многих других городах: в Киеве, Харькове, Одессе, Саратове, Казани, Н.-Новгороде и др. (я здесь не имею в виду Польши и сев.-зап. городов, где соц.-дем. пропаганда началась раньше, в 80-х годах). Во всех вышеупомянутых городах работа велась чисто-кружковая, пропагандистская. Расскажу, как велось дело, напр., в Н.-Новгороде. Такое ведение дела, насколько мне известно, было типичным и для других городов в 1892—1895 г.г. В Нижнем в 1892 г. были заведены связи с рабочими, образовался рабочий кружок, в который входило человек 12 рабочих. Они основательно штудировали Маркса, прочитали весь 1-й том «Капитала». Агитировать на заводах им запрещалось ради конспирации. В конце концов, из этих рабочих вырабатывались нередко интеллигенты, оторванные от рабочей массы и смотрящие несколько свысока на своих товарищей-серяков. Но находились некоторые товарищи, которые считали такой тип ведения дела вполне

правильным и нормальным; так, один марксист в Нижнем говорил, что он не может рабочего считать социал-демократом, прежде чем он не изучит всего Маркса; на брошюры, а тем более, на листки, он смотрел с презрением и считал их не только неполезными, но даже вредными; просто—все рабочие должны читать «Капитал». Ход развития рабочего движения он представлял так, что постепенно будет увеличиваться число рабочих, изучивших Маркса; они будут привлекать к этому изучению всех новых членов: со временем вся Россия покроется такими кружками, и у нас образуется рабочая партия. Это был крайний представитель кружковщины. У нас, москвичей, точка зрения на тип работы была совсем иная. Кружок наш почти на первых же шагах своей деятельности решил перейти к агитации в массе. Для этой цели мы через рабочих, занимавшихся в кружках, собирали сведения об условиях работы на фабриках и заводах: о длине рабочего дня, о заработной плате, о деятельности фабричной инспекции, о злоупотреблениях мастеров и т. д. Фактами, полученными таким путем, а также почерпнутыми из литературы о положении рабочего класса в России, мы иллюстрировали наше изложение теории Маркса, чем старались сделать эту теорию возможно близкой к жизни, связать ее с насущными и ближайшими нуждами рабочих. Далее, мы внушали рабочим, чтобы все, что они вынесут из занятий в кружках, по возможности, передавали бы своим товарищам по работе; мы их учили пользоваться для агитации, для выяснения классового самосознания рабочих каждым мелким фактом из их повседневной жизни. Для более широкого воздействия на массу, мы устраивали собрания, которые назывались «летучками»: рабочие из кружков собирали своих товарищей, прочитавших одну или две брошюры, или совсем еще ничего не читавших, человек 15—20, в какой-нибудь артельной рабочей квартире; приходил интеллигент и один-два более сознательных рабочих, и начиналась беседа. Беседа не отличалась систематичностью, говорилось обо всем: об условиях рабочей жизни, о политике, о религии и т. д. Беседы велись живо и имели большой успех. Из среды таких собеседников отбирались рабочие в кружки для более систематических занятий. На этих беседах особенно выделялся рабочий Немчинов своим умением действовать на серяка аргументами из священного

писания и примерами из обыденной жизни. Этот Немчинов в «Декабрьские дни» 1905 г. был влиятельным депутатом от Сокольнических трамвайных мастерских.

Кроме устной пропаганды и агитации и распространения брошюр, наш кружок старался действовать на массу и путем издания и распространения листков. О содержании листков я скажу ниже. Эти листки раздавались по рукам и вывешивались в тех местах на заводах, которые рабочим заменяли клубы. Около листков собирались толпы рабочих, кто-нибудь читал вслух и комментировал их. Листки производили среди рабочих большую сенсацию и имели громадный успех. Особенно большим успехом пользовались листки, специально написанные по поводу какого-нибудь случая на данном заводе, по поводу какого-нибудь столкновения с администрацией завода, по поводу задумываемой стачки и т. п. Первый такой листок был издан нами в феврале 1894 года по случаю стачки на одном заводе (точно не помню, но, кажется, на заводе Вейхельта). Надо здесь заметить, что полицейские условия для деятельности среди рабочих были тогда в Москве хорошие. Об'ясняется это тем, что дело это для Москвы было совершенно новым, и внимание полиции совершенно не было направлено в эту сторону. Она много занималась и интересовалась студенчеством, а рабочие были в забросе. Это дало возможность около двух лет проработать при сравнительно свободных условиях: устраивались большие собрания в рабочих квартирах, агитаторы открыто выступали в мастерских, листки висели на фабриках дня по два и т. д.

Чем же объясняется, что московские социал-демократы сразу взялись за агитационный метод? Думается, что на это натолкнули, прежде всего, условия и обстановка, в которой пришлось им работать: скопление больших масс пролетариата на громадных фабриках московского района, тяжелые условия труда, особенно на ткацких фабриках, толкали рабочих на борьбу, которая и началась уже стихийно, проявляясь иногда в очень резких формах, как, например, во время морозовской стачки в 1885 г. Но, говоря о новом пути, на который сразу так успешно встало рабочее дело в Москве, нельзя не упомянуть о товарище Е. И. Спонти, который много способствовал широкой постановке работы. Он приехал в

Москву с Запада,—до этого он живал в Польше и Северо-Западном крае, был хорошо знаком с польским и еврейским рабочим движением; он и ознакомил нас с постановкой работы в Западном крае; благодаря ему же мы ознакомились с польской агитационной литературой. Совместная работа и беседы с ним и способствовали скорейшему переходу к новой тактике нашего кружка, снова эта новая тактика получила и свое теоретическое обоснование. Произошло это при таких условиях: один из членов кружка в январе 1894 г. поехал в Вильну за литературой. В это время там тоже очень живо обсуждался вопрос о переходе от пропаганды к агитации. До этого времени пропаганда велась там среди евреев на русском языке и распространялась русская легальная и нелегальная литература; теперь же был поставлен на очередь вопрос о переходе к агитации на еврейском жаргоне, как языке более доступном для широкой массы. Наш посланный рассказал, что вопрос об агитации в высшей степени интересует и москвичей. На собрании была выработана резолюция по этому поводу, и один из товарищей (А. Кремер) обещал написать обоснование этой резолюции. Через некоторое время он это выполнил, и потом, сообща с нашим посланным, и была редактирована брошюра «Об агитации», которая впоследствии, в 1896 году, или 1897 г., была напечатана за границей.

Главная мысль ее была такая, что для того, чтобы развить классовое самосознание в рабочем классе, чтобы поднять его на планомерную экономическую и политическую борьбу, недостаточно вести пропаганду в его среде идей научного социализма; для этого необходимо, прежде всего, вести агитацию в массе на почве ближайших экономических нужд ее и постараться вовлечь ее в борьбу там, где она еще не начиналась, за эти ближайшие, а потому наиболее для массы понятные и доступные экономические нужды. Раз масса начнет такую борьбу, то она очень скоро придет к сознанию противоположности классовых интересов; она также очень скоро увидит и почувствует, что главным препятствием в этой борьбе является современный политический режим, и, таким образом, процесс экономической борьбы втянет ее и в борьбу политическую. Роль агитаторов и сознательных рабочих и будет состоять в том, чтобы помогать массе понять эту непосред-

ственную связь экономической и политической борьбы, содействовать развитию в процессе борьбы ее экономического и политического самосознания.) Но мы никогда не утверждали, что переход от ступени экономической борьбы к политической должен растягиваться на ряд лет, как потом стали толковать эту брошюру; мы полагали, что переход этот должен быть непосредственным в одном и том же листке или в одной и той же речи агитатора. Правда, главное содержание нашей пропаганды и агитации было экономическое: говорилось о плохом положении рабочих, об эксплоатации со стороны хозяев, о необходимости борьбы с капиталистами; но сейчас же указывалось, что у нас эта борьба крайне затруднена; нет ни свободы стачек, ни свободы собраний и союзов; указывалось, что правительство преследует рабочих за борьбу с хозяевами, что оно всегда защищает интересы капиталистов, и что для успехов в экономической борьбе необходимо добиваться изменения политического строя; приводились примеры из западной жизни, где порядки другие, где рабочие имеют участие в управлении государством, где обеспечен известный минимум свобод, а потому рабочие и добились многих улучшений в своем положении. Доказывалось, что все эти завоевания есть результат борьбы, к каковой и призывались русские рабочие. Эти мысли старались провести в каждом листке, в каждой брошюре и пользовались для этого каждым представляющимся случаем: отказ в жалобе, поданной фабричному инспектору, отказ в каком-либо ходатайстве рабочих со стороны генерал-губернатора, благодарность царя фанагорийцам за расстрел рабочих (в Ярославле в 1895 г.)—все это служило поводом для выяснения связи экономики с политикой. При подходящем случае писали и на чисто-политические темы: так, например, т. Винокуровым была написана брошюра по поводу смерти Александра III, в которой доказывалось, что вся политика его велась в интересах помещиков и капиталистов. При случае указывалось и на классовый характер церкви, как например, в листке по поводу архиерейского молебна на заводе «Доброва и Набгольц», деньги за который пробовали взыскивать с рабочих.

В общем надо сказать, что тактика, принятая нами, оказалась в высшей степени успешной. Наши листки всегда

встречали горячий интерес и сочувствие в самой серой массе; они были для нее понятны и касались ее наболевших нужд. Благодаря нашей тактике успешно достигалась и цель политического воспитания массы. Один пример развития политического и религиозного сознания, достигнутого тем, что мы начинали с экономики, я приведу здесь. Один рабочий говорил мне, что наша тактика, сравнительно с прежней народовольческой, скорее приводит к цели—развития политического сознания у рабочего. «Несколько лет тому назад,—рассказывал он,—жил я в Туле, на ружейном заводе; там один рабочий стал мне говорить, что царя не надо, бога нет. Я слушал, слушал его, да как дал ему по роже, да и ушел от него: а вот, как я прочел ваши листки, то я понял все правильно и о царе, и о боге». Другой рабочий прочитал брошюру Плеханова—«8-часовой рабочий день», в которой очень мало говорится о политике, и после ее прочтения тоже стал высказывать самым резким образом республиканские взгляды и подобных примеров было много.

Наша новая тактика не сразу была понята и оценена в других городах. Я помню разговор с одним казанцем и одним нижегородцем, которые наши листки называли вульгаризацией, чуть ли не профанацией Маркса. Казанец говорил, что это возвращение к старым и осужденным уже историей агитационным приемам «Народной Воли», что эта гектографическая пачкотня представляет уже пройденный этап и не выдерживает критики с точки зрения конспирации; достаточно-де легальной литературы и устных бесед в кружках. А когда я дал прочесть брошюру «Об агитации» одному петроградскому соц.-демократу (потом видному деятелю в партии), то на мой вопрос, как она ему понравилась, он только сказал, что, по его мнению, там неправильно изложен вопрос о рынках,—на главную мысль брошюры он даже не обратил внимания. Но, как бы то ни было, эта брошюра сыграла большую роль: она была разослана во все города, где были соц.-демократич. кружки, вызвала много толков и через год-другой принципы, изложенные в ней, были приняты везде, и это послужило сильным толчком к развитию в России более широкого соц.-демокр. рабочего движения.

СОЮЗ БОРЬБЫ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА.

Статья Н. К. Крупской в журнале «Творчество», 1920 г., №№ 7—10.

Члены „Петербургского Союза Борьбы“ за освобождение рабочего класса.
Сидят (слева направо): Старков, Кржижановский, Ленин, Мартов; стоят Малченко, Запорожец, Ванеев.

В 1894—1895 году в Петрограде возникла группа социал-демократов, которая повела планомерную работу среди питерского пролетариата. Эту группу принято называть «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса», что не совсем точно, так как группа приняла это название лишь после провала ее основного ядра, а именно в конце декабря 1895 г. Но это неважно, так как «Союз Борьбы» стоял на той же точке зрения, что и арестованные товарищи, и продолжал начатое ими дело.

В группу входили: Ленин, Кржижановский, Старков, Ванеев, Запорожец, Малченко, Зинаида Невзорова, Софья Невзорова, А. Якубова, Крупская, Сильвин, Цедербаум-Мартов, Ляховский, Гофман, Степан Иванович Радченко, Любовь Николаевна Радченко.

Членов ее связывала полная идейная солидарность.

Взгляды свои эта группа окончательно оформила в борьбе с народниками. Прежде чем она сформировалась в активную группу, члены ее прошли довольно основательную марксистскую школу. Правда, большинство читали только первый том «Капитала», «Происхождение семьи, собственности и государства» Энгельса—и то последнее читалось в рукописи,—но 1-й том «Капитала» знали на-зубок. Лучше были подкованы Ленин и Мартов. В борьбе с народниками были искушены все. По рукам ходили желтенькие гектографированные тетрадки «Друзья народа», написанные Лениным и критиковавшие Михайловского, В. В. Кривенко.

С другой стороны, шло идейное отмежевание и от так называемых «легальных марксистов». На квартире Классона, на Охте, на масляницe 1895 г. состоялась первая встреча Ленина со Струве и Потресовым. Ленин говорил о необходимости революционной борьбы. «Конечно, кто хочет спасать отечество в комитетах грамотности,—пусть, мы мешать не будем»,—заключил Ленин свою речь.

Наша группа периодически собиралась. Каждый работал в определенном районе, имел свой кружок рабочих. Ленин работал за Невской заставой.

В его кружок входили: Бабушкин, Грибакин, Арсений Бодров и др. Также приходилось иметь ему дело с Шелгуновым, работавшим в то время на Обуховском заводе. Я уже года три работала в Варгунинской вечерне-воскресной Смоленской школе и через школу хорошо знала рабочую публику на близ лежащих фабриках и заводах, знала, где кто имеет влияние и т. п. Большинство рабочих, посещавших кружки, ходило и в школу, заводило там новые связи и т. п. Хотя прямого разговора не было, но ученики прекрасно знали, что я принадлежу к определенной группе, и я знала, кто из них в какие кружки ходит.

В кружках велись занятия по Марксу—объяснялась прибавочная стоимость и т. п. Но после таких занятий велись беседы на злободневные темы. И это была самая оживленная часть бесед.

Рабочие рассказывали о порядках на своих фабриках и заводах, о безобразиях, которые там творились, о безмерной эксплоатации.

Помню, как раз Запорожец рассказывал о том, как хозяева эксплоатируют рабочих сапожных мастерских (он работал за Московской заставой). «За все штраф,—волновался Запорожец,—ушел на минуту—штраф, плохой товар, ползет под руками—шить нельзя, а плохо сшил—штраф, каблук на сторону посадил—штраф».—«Ну, каблуки-то на сторону сажать уж не следует!»—засмеялся Владимир Ильич.

Все увлекались вырисовавшимися перспективами экономической борьбы рабочих с хозяевами; на этом, казалось, удастся сплотить широкие массы рабочих.

Приехавшие из Вильны Мартов и Ляховский привезли с собой брошюру «Об агитации», которая возбудила много горячих споров. Решено было начать агитацию и в Питере при помощи листков. Дело было новое, как распространять листки? На Васильевском Острове, например, Якубова и Невзорова нагружались листками, отправлялись к воротам фабрики и быстро, идя навстречу выходившим из фабрики работницам, всовывали им в руки листки. Иногда кто-нибудь из спропагандированных рабочих пробирался в заводскую раздевальню и там рассовывал их по карманам пальто рабочих. Правда, вначале листковая агитация была весьма скромна. Так, например, за Невской заставой решено было распространить листок у Семянникова. Листок написал Ленин, переписали его от руки печатными буквами в 4-х экземплярах. Бабушкин разбросал по заводу. 2 листка подняли сторожа, а два подняты были рабочими и пошли по рукам—это считалось большим успехом тогда. Через школу удавалось следить за всей рабочей жизнью Невской заставы и собирать богатый материал. Через школу же узнавали, какой листок имел успех, какой—нет. В других районах материал собирался исключительно через кружки.

Но листковой литературы было недостаточно, появился громадный спрос на брошюрочную нелегальную литературу, на журнал. Типографии своей у группы не было; делавшиеся через Ст. Ив. Радченко предложения создать таковую были настолько неопределенны, что надеяться на выпуск чего-либо в ближайшее время было трудно.

Весной за публикой началась порядочная слежка: хождение в районы не проходило бесследно. На Пасхе ездили в

Царское Село к Сильвину, который жил там на уроке, со специальной целью наметить наследников на случай провала и передать им все связи. Так как за мной не было слежки, то связи переданы были мне. Все было тщательно обсуждено и зашифровано. Из нашей группы только Ленин знал старые народовольческие приемы конспирации, выработанной народовольцами, и он обучил им всю группу.

На лето решено было разъехаться, чтобы замести следы, а потом перемениться районами. Идейное отмежевание от «легальных марксистов» не ограничилось одним разговором со Струве и Потресовым. Была попытка издать совместно легально сборник статей. Струве и Потресов пустили в ход свои связи, и весной сборник был готов. Ленин поместил там статью под фамилией Тулин, где пытался развить точку зрения революционного марксизма. Как ни старались авторы говорить как можно осторожнее, условным языком, цензора оказались достаточно проницательными: сборник был сожжен, удалось спасти десятка два экземпляров. Летом Вл. Ильич ездил за границу—в Швейцарию, где впервые познакомился с группой «Освобождение Труда»—с Плехановым, Аксельродом и Засулич. Его брошюра: «Задачи русских социал-демократов», была издана в Женеве с предисловием Аксельрода. Возвращаясь назад, Вл. Ильич взял с собой чемодан с двойным дном, с заделанной между стенками нелегальной литературой.

Когда он вернулся в Питер, за ним началась бешеная слежка. Однако и он и вся группа продолжали работу, принимая только все необходимые предосторожности, стараясь уходить от шпиков, запутывать следы и пр.

В это время группа народовольцев (Ергины, Белевский, Прейс, Катанская и др.) устроила на Лахте свою типографию, которая стала очень энергично работать. Был выпущен ряд брошюр: «Царь-Голод», «Рабочий День», «Дикштейн» и пр. Группа эта идейно близко стояла уже к социал-демократам. Незадолго до своего провала она выпустила так называемый 4-й листок, где излагала свои взгляды, почти совершенно совпадавшие со взглядами социал-демократии. Некоторые члены этой группы (Ергины, Шаповалов, Катанская) потом официально примкнули к нашей партии.

Вообще в половине 90-х годов начал довольно часто наблюдаться переход народовольцев в ряды социал-демократии. Николай Леонидович Мещеряков, бывший тогда еще народовольцем, энергично распространял заграничные издания группы «Освобождение Труда». Перешли к социал-демократии Куделли, Лидия Мих. Книпович и некоторые другие. Среди рабочих социал-демократов было немало посещавших раньше кружки народовольцев.

Наша группа, через посредство Лидии Михайловны Книпович, сохранявшей еще обширные связи с народовольцами, вступила в сношения с группой Ергина.

Народовольцы печатали передаваемые им нами рукописи, а напечатанное передавали нам для распространения. В Лахтинской типографии была напечатана брошюра Ленина «О штрафах»; позднее там печаталась его же брошюра: «О стачках», во время печатания которой и нагрянула полиция. Там же мы предполагали печатать и популярный журнал «Рабочее Дело». Первый номер журнала был уже закончен. Этот журнал не стоит ни в какой организационной и идейной связи с издававшимся потом экономистами за границей журналом того же названия. В нашем журнале хотя отводилось достаточное место экономической борьбе, но на первом месте были статьи, посвященные и общим историческим задачам рабочего класса и политической борьбе. 8-го декабря журнал был готов к печати и на другой день должен был быть сдан в типографию. Ванеев взял к себе рукопись для окончательного просмотра. Но когда утром на другой день я зашла к Ванееву, чтобы взять рукопись, отворившая дверь горничная сказала, что Ванеев никогда тут не жил, а потом, что он уехал сегодня ночью. В течение дня мы выяснили, что арестовано из нашей группы 6 человек: Ленин, Кржижановский, Запорожец, Ванеев, Малченко, Старков. Их потом в шутку называли «декабристами».

В первый же раз, как я приехала в вечернюю школу после ареста «декабристов», меня отозвал в сторону Бабушкин и передал мне листок, написанный рабочими по поводу арестов членов группы. Этот листок обсуждался на заседании группы, имевшем место через несколько дней после ареста в квартире Степана Ивановича Радченко. Когда листок был за-

читан, т. Ляховский с недоумением воскликнул: «Но он, ведь, написан на чисто политическую тему!» (Обычно листки писались на экономические темы, на злобу дня.) Публика немного поколебалась,—понятен ли будет такой листок массам,—но ввиду того, что он был написан самими рабочими, его решили все же выпустить. Он вышел, кажется, 15-го декабря [1]). На этом же собрании, по предложению Мартова, группа была названа «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса», в отличие от двух других групп социал-демократов, работавших тогда в Питере: группы, во главе которой стоял Чернышев, и группы, во главе которой стоял Тахтарев. «Союз Борьбы» работал, не покладая рук. 4-го января 1896 года были арестованы Мартов, Ляховский. Тем временем с арестованными «декабристами» удалось завязать правильные сношения. С воли, при помощи химических писем, шифрованных записок, передаваемых через родственников, мы сообщали «декабристам» о ходе работы; они писали советы, передавали еще непереданные связи. Владимир Ильич написал молоком целую брошюру «О стачках», которая потом была проявлена, переписана и сдана в типографию. Шла оживленная химическая переписка и внутри тюрьмы.

Летом 1896 года я поехала в Киев, чтобы столковаться об издании общей нелегальной газеты и о подготовке съезда партии. Я должна была повидать Веру Кржижановскую и Тучапского. Но, заехав предварительно в Полтаву, я встретила там Тучапского, Румянцева, Аарона Лурье, Саммера. Обо всем столковались в Полтаве. В начале июля я получила письмо от Якубовой, которая торопила меня вернуться в Питер, где назревала забастовка текстильщиков. Я заторопилась и приехала как раз к началу забастовки. Тут я узнала о провале

---

[1]) «Экономизм» носился в воздухе: успех, который имела агитация среди рабочих на экономические темы, кружил голову. Противостоять экономизму могли лишь те, у кого была более или менее серьезная революционная подготовка, кто отчетливо представлял себе задачи развития рабочего движения. Иногда происходили на почве увлечения экономизмом довольно курьезные приключения. После провала «декабристов» стал сказываться недостаток литературных сил. Решено было для писания листков использовать также «сочувствующих». Таким сочувствующим был и Н. А. Рубакин. Он был народовольцем, много видался с рабочими и охотно согласился написать листок для рабочих фабрики Торнтона. Но написанный им листок был забракован «Союзом борьбы» за экономизм!

Лахтинской типографии, наших складов с нелегальной литературой, об аресте Лидии Михайловны Книпович и Зин. Невзоровой. В момент самой острой нужды надо было печатать листки, приходилось печатать их на восковой бумаге, на пишущей машинке и потом гектографировать. За время стачки написан был и издан целый ряд листков. Бастовало 30 тысяч текстильщиков. «Общество», «интеллигенция», сочувствовало этой забастовке, давало денег, прятало литературу. Это была пора весны русского рабочего движения, когда для большинства «публики» не видно было еще, к чему она приведет.

Диктатура пролетариата, низвержение власти капитала,— кто же думал об этом тогда?

У себя на службе (я служила в Главном Управлении железных дорог), я устроила «явку», ко мне приходили тогда и рабочие и работницы, студенты и курсистки, инженеры, подъезжавшие на рысаках. Чиновники, на глазах которых происходили наши разговоры, недоумевали. Но и они «сочувствовали».

Приехав из Полтавы, я тотчас направилась в нашу штаб-квартиру, к Степану Ивановичу Радченко. У него концентрировались обычно все связи. Он был очень осторожен и мучил нас своими конспирациями, запрещал подходить к окнам, громко разговаривать, приходить гурьбой и т. п. Но тут в его квартире я застала необычайную картину: на окне сидел представитель Чернышевской группы, Ленгник, у стола сидел Тахтарев, несколько человек из нашей группы ходили по комнате и громко разговаривали. Стачка текстильщиков заставила все группы социал-демократов объединить свои силы. Произошло слияние этих групп. Примкнули отдельные лица: Бауэр, Леман и др. На собрании в Комитете Грамотности, куда мы явились в качестве учителей, съехавшихся с мест, новая группа «Союз Борьбы» насчитывала в своей среде 17 человек. Эта группа идейно была гораздо менее сплочена, в ней имелись различные оттенки, но пока что разногласия были в скрытом состоянии—надо было не терять ни минуты, писать листки, распространять их, давать лозунги... 12-го августа большинство товарищей, входивших с самого начала в группу «Союз Борьбы», было арестовано; на воле остался

только Степан Иванович Радченко. Связь с волей у «декабристов» ослабела.

На этом можно закончить эти беглые воспоминания о «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса»...

Из «декабристов» погибли Ванеев и Запорожец. Ванеев схватил в тюрьме злейшую чахотку и умер в первый же год ссылки. Запорожец сошел с ума в тюрьме, и его не удалось вылечить. Он умер в 1905 г.

Из арестованных в январе заболел психически, и тоже неизлечимо, Гофман.

Большинство других продолжало потом работу.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ СТАЧКА ТКАЧЕЙ 1896 г.

Из книги К. М. Тахтарева «Очерк петербургского рабочего движения 90-х годов». По личным воспоминаниям. Гос. Изд., Петроград, 1921 г., стр. 35—50.

Весна была в полном разгаре. Приближалось лето. Пришло торжество коронации, стоившее тысяч искалеченных трупов и нескольких десятков миллионов рублей. Не успел еще слух о московских кровавых событиях облететь всю Россию, как разразились петербургские стачки.

Почвой для стачек были давно уже ставшие невыносимыми условия труда на бумагопрядильных и ткацких фабриках Петербурга. Хотя в течение года, благодаря частичным забастовкам и листкам, уничтожены были кое-какие вопиющие безобразия, но низкий заработок и длинный рабочий день оставались по-прежнему. Между тем, рабочие уже несколько искусились в борьбе... Непосредственным толчком, поводом и предлогом к забастовкам были вынужденно-безработные коронационные дни, за которые фабриканты отказались выдать обычную заработную плату.

Эти стачки, как и большинство массовых движений, начались и шли как-то стихийно, выдвигая временных вождей из рабочей среды. Хотя Союз, благодаря агитационной работе в течение целой зимы, и дал рабочим метод борьбы, создал некоторое общее настроение, но он был еще слишком слаб, чтобы руководить таким широким движением. Силы молодой,

неокрепшей, постоянно опустошаемой арестами организации уходили целиком на агитационную работу. В этом была и ее слабая сторона: у Союза было в то время мало рабочих кружков, и рабочие, принадлежащие к Союзу, были скорее агентами по собиранию сведений о положении дел и по распространению книг и напечатанных уже листков, чем организаторами и пропагандистами среди массы рабочих. Притом же, чтобы руководить стачкой, всякая организация должна обладать материальными средствами для ее поддержания. У Союза, конечно, не было этих средств, ибо что значат какие-нибудь 3.000 рублей для поддержания семей 30.000 забастовавших рабочих! В силу этих главных условий и кой-каких случайных причин, роль Союза во всех этих стачках можно скорее назвать вспомогательною, чем руководящею.

Стачки начались на Обводном канале, 23-го мая на «Российской» мануфактуре (она же Калинкинская) подручные явились в контору и потребовали уплаты за коронационные дни. Контора выдала деньги. Подоспел фабричный инспектор. Подручные заявили, что они требуют также уплаты за те лишние минуты, которые они работают ежедневно благодаря тому, что машины пускаются раньше положенного времени. На фабрике шло сильное волнение. На другой день, проработав до обеда, фабрика стала до 27-го числа. В этот день опять было начали работать, но после обеда все окончательно бросили работу. Волнение быстро распространялось на другие фабрики, и в тот же день 27-го забастовала большая «Екатерингофская» мануфактура. Затем в следующие дни присоединились две «Кениговских», «Митрофаньевская», «Триумфальная», «Новая», «Кожевниковская мануфактуры Нарвской заставы и Обводного канала», а также «Невская» мануфактура около Смольного (две фабрики Штиглица).

После «Воззвания к рабочим», рукописной прокламации [1]) рабочего Невской заставы к своим товарищам, с сообщением о делах на Обводном канале и с призывом при-

---

[1]) Вот эта прокламация: «Товарищи! Я хорошо в том уверен, что очень немногие из вас знают о том, что делается на Обводном канале. Там с обеда на вторник работала одна только Новая бумаго-прядильная фабрика, а все остальные не работали. Вы меня, конечно, спросите, как и почему они не работали? Очень просто, товарищи; там

мкнуть, началась стачка и за Невской заставой (стачка на мануфактурах Спасской, Петровской, Паля; волнения на заводах Александровском, Семянниковском и Обуховском).

В последних числах мая рабочие представители забастовавших заведений собрались в количестве около ста человек в Екатерингофском парке, там сообща выработали свои требования и передали Союзу. Первая прокламация Союза: «Чего требуют рабочие петербургских бумагопрядильных и ткацких» была выпущена 30-го мая. Привожу ее здесь:

ЧЕГО ТРЕБУЮТ РАБОЧИЕ ПЕТЕРБУРГСКИХ БУМАГОПРЯДИЛЕН И ТКАЦКИХ.

1) Мы хотим, чтобы рабочий день у нас продолжался от 7 ч. утра до 7 ч. вечера, вместо теперешних от 6 ч. утра до 8 ч. вечера.

2) Чтобы обеденное время длилось полтора часа и, таким образом, весь рабочий день продолжался 10½ ч. вместо 13 ч.

3) Чтобы расценки были повышены так, чтобы наши заработки не уменьшались бы.

4) Чтобы шабашили по субботам везде одновременно в 2 ч.

5) Чтобы хозяева самовольно не останавливали машин и не пускали их в ход раньше времени.

6) Чтобы заработок за первую половину месяца выдавали правильно и во-время, а не оттягивали.

7) Чтобы было заплачено сполна за коронационные дни.

Союз борьбы за освобождение рабочего класса.

30-го мая 1896 г.

как видно, наши братья рабочие поняли, что 15-часовой рабочий день выгоден для хозяев, но слишком вреден для рабочих. Вот это-то человеческое сознание и побудило их прекратить работы и требовать сокращения рабочего дня на 2½ часа.

Товарищи! Последуем же и мы их примеру, потребуем и мы дружно, в один голос, сокращения рабочего дня на столько же, насколько требуют наши ново-канавские братья, т.-е. на 2½ часа. Довольно с них и того, что они будут пить нашу кровь 10 или 11 час., а никак не 14 и 15 часов в сутки».

Через день был выпущен новый листок:

К РАБОЧИМ ВСЕХ ПЕТЕРБУРГСКИХ БУМАГО-ПРЯДИЛЕН.

Долго терпели мы, рабочие Петербургских бумагопрядилен, и, наконец, не выдержали. Невтерпеж нам больше стало работать до изнеможения сил, сносить хозяйские прижимки, видеть, как каждый день нас обсчитывают и обвешивают, как чуть не каждые полгода сбавляют расценок. А в последние дни пуще прежнего проявилась жадность хозяев. Жалко нашим богачам стало даже тех грошей, что причитались нам за дни коронации; не захотели они и отдохнуть-то дать хорошенько от работы; такая, мол, эта скотина, что в отдыхе особенно не нуждается.

Довольно! — сказали мы тогда себе. Довольно мы молча и безропотно слушались наших хозяев! Долго мы ждали от них улучшения своего положения, но ничего не дождались. И решили мы сами добиваться всего. Не хотят они уступить, будем мы требовать. А нужно нам требовать прежде всего:

1) Чтобы рабочий день продолжался от 7 ч. утра до 7 ч. вечера с полутора-часовым перерывом на обед, т.-е. всего 10½ часов; чтобы в субботу везде шабашили в 2 часа.

2) Чтобы расценки были повышены так, чтобы заработки не уменьшились.

3) Чтобы были уничтожены все несправедливые, незаконные прижимки и, чтобы было заплачено за коронационные дни.

Будем спокойно выжидать, пока хозяева не согласятся на наши требования. Не уступят они через неделю, будем ждать вторую; не сдадутся на второй, подождем третью; не согласятся и тогда, еще будем ждать. Довольно с них будет нашего каторжного труда и в течение 10½ часов! Достаточно они прибыли и без того от нас имеют.

Товарищи, будем помнить, что взоры рабочих всего мира обращены теперь на нас. Они с восторгом приветствуют в нас борцов за рабочее дело. Петербургские рабочие всячески стараются притти к нам на помощь, устраивая по мастерским сборы в нашу пользу.

Покажем и мы, что рабочий народ умеет добиваться исполнения своих требований, будем действовать дружно и спокойно, без буйства и насилий, и победа наверное останется за нами!

Союз борьбы за освобождение рабочего класса.

1-го июня 1896 г.

За стачками на Обводном и за Нарвской и Невской заставами забастовка распространилась в первых числах июня на Выборгскую и Петербургскую стороны (мануфактуры: «Сампсоньевская», «Новая Сампсоньевская», «Охтенская», «Бека», «Невка»), захватила и Васильевский остров (Воронина, бывш. Гука, сахарный завод Шухера). Примкнули кой-какие мелкие заведения. Пошли волнения на «Российско-Американской резиновой мануфактуре», на Путиловском и Балтийском заводах, на писчебумажной фабрике Варгунина.

Рабочие собрания и сходки происходили непрерывно. Наиболее горячее произошло в первых числах июня на Волковом кладбище. Сознательные рабочие хотели получше разъяснить политическое значение этой невиданной стачки. Благодаря преследованию сыщиков и полиции, собрание продолжалось очень недолго, по той же причине на нем было лишь около сотни рабочих. Многие, в том числе и интеллигент — представитель Союза, не попали во-время, благодаря травле сыщиков. Потом приходило много рабочих, но было поздно. Тем не менее это собрание было замечательно по своему духу. Там было высказано глубочайшее негодование рабочих на отношение правительства к рабочему классу и его нуждам.

Кроме общих листков с требованиями всех забастовавших фабрик, Союз выпускал листок за листком к рабочим отдельных фабрик на основании собранных сведений о частных злоупотреблениях и неустройствах той или другой фаб-

рики. В каждом таком листке излагалось общее положение дел и положение дел на данной фабрике; рабочие приглашались стоять дружно; и затем к общим требованиям всех забастовщиков присоединялись еще частные требования рабочих именно этой фабрики. Иногда рабочие сами составляли листок и просили его напечатать и издать от имени Союза; были случаи, что пускались в ход рукописные листки и гуляли с большим успехом (X).

Привожу здесь несколько сцен, переданных очевидцами, происходивших при начале забастовок.

«На Новой бумагопрядильне, лишь только пришли известия о стачках на Екатерингофской и Кениговской, пошло сильное волнение. 30 мая с самого утра подручные не явились на работу. В 9 часов прядильщики стали уходить с фабрики, говоря, что они не могут работать без подручных. После обеда фабрика окончательно стала: к стачке присоединились и ткачи. Каждого рабочего и работницу, которые являлись после обеда к воротам фабрики, молодые рабочие останавливали: «Куда идешь?» — «Вестимо, на работу»—«Стой». Так у ворот собралась громадная толпа. Появились управляющий и фабричный инспектор.

— Чего вы хотите?—спрашивает управляющий.

— Работать только от 7 ч. утра до 7 ч. вечера.

— Отчего же вы работать не хотите? фабрика у нас хорошая: чем же вы недовольны? Я думал, вы будете молодцами и не бросите работы, несмотря на стачки на других фабриках.

«Фабричный инспектор стал читать рабочим законы о стачках и приглашал возобновить работу. Тогда из толпы вышел один молодой рабочий (ткач) и начал говорить о бедственном положении рабочих и говорил очень хорошо. Потом некоторые рабочие благодарили его и жали ему руки. «Зачем,—говорил он,—у нас школы строят, когда нам в них учиться не дают?»

«Рабочим наскучили и управляющий, и фабричный инспектор с его законами, потому с криками «ура!» они удалились от ворот. Потом опять к воротам фабрики подходили кучки и расходились с теми же криками.

«На Петровской и Спасской фабриках (они же Максвел-

ля) стачки начались в корпусе мюльщиков, где мальчики первыми бросили работу. Ткацкую остановили подручные, дав знать в паровое отделение, чтобы остановили машины. Узнав об этом, управляющий сказал, что он давно этого ждал. Пришел пристав и просил рабочих обходиться без буйств; он-де давно служит в Шлиссельбургском участке, и никогда у него никаких беспорядков не бывало. Рабочие заявили, что все будет спокойно, если только не будет полиции. Вскоре приехал окружной фабричный инспектор вместе с участковым и оба прошли прямо в контору. Рабочим было предложено выбрать человек 5, которые изложили бы их желания. Начали было выбирать, но раздались голоса, что выбирать совсем не надо. Пусть инспектор сам выйдет и разговаривает со всеми. Оба инспектора вышли. Окружной строго обратился к рабочим, но, получив несколько резких ответов, он изменил тон и начал уговаривать рабочих приняться за работу. Он указывал им, что их образ действий по закону считается уголовным преступлением. Тем не менее рабочие наотрез отказались приняться за работу и заявили свои требования: 10½ ч. рабочий день, увеличение расценков и уничтожение произвольных штрафов. Участковый фабричный инспектор на это заявил им, что проект о сокращении рабочего дня до 10½ ч. уже у государя.

— Когда же этот проект будет подписан?—спросили рабочие.

— Года через два.

— Ну так мы лучше сейчас забастуем,—ответили на это рабочие.

— Все равно голод скоро заставит вас снова приняться за работу,—заметил инспектор.

— Помирать на мостовой будем, а работать на прежних условиях не пойдем!—раздалось в ответ со всех сторон.

«На другой день фабричной администрацией было вывешено объявление, приглашающее всех желающих работать явиться в понедельник, к 6 часам утра на работу. Явились только немногие, но и те были задержаны толпой, поджидавшей их у фабричных ворот».

Союзом выпускались листки и для поддержания колеблющегося духа бастующих на той или другой фабрике, и для

приглашения к стачке тех фабрик, которые еще не стали. Бывало, что под влиянием листка стачечники, принявшиеся было за работу, снова бросали ее, как, например, у Кенига.

Союз по силе возможности старался помогать и деньгами. Но, как уже было сказано, у него не было достаточно средств, чтобы оказать существенную денежную помощь. В этом отношении деньги, раздаваемые Союзом, имели, мне кажется, более нравственное значение, чем материальное. Одни слухи о том, что Союз помогает, равно как и о том, что заграничные рабочие обещали свою помощь, поднимали падающий дух не у одной сотни рабочих.

Но материальную помощь, и в более обширных размерах, оказывали рабочие больших механических заводов, поставленные, в смысле заработка, в лучшие условия, чем какие-либо другие рабочие. На заводах шли правильно организованные сборы по мастерским. Деньги немедленно же и непосредственно передавались стачечникам. К несчастью, нет решительно никакой возможности, хотя бы приблизительно, определить сумму, собранную таким путем. Давал всякий, кто мог. Я знаю даже случай присылки рабочим 5 рублей на стачку... из предварилки! Был момент, когда шли усиленные толки о забастовке на больших механических заводах под влиянием прокламаций Союза. Возможно, что забастовка заводов была бы очень уместна; в Союз поступили сведения, что министерства внутренних дел и финансов сильно боялись, чтобы не стали заводы,—тогда, мол, ни за что не сладить, придется пойти на уступки. Однако стачки на заводах не состоялось. Насколько я знаю, среди рабочих механических заводов, возражавших против стачки, выдвигалось такое соображение: кто же будет помогать забастовщикам, если и они забастуют?

Союз в своих прокламациях приглашал рабочих стоять дружно и стойко, не производить ни беспорядков, ни буйств, которые были бы лишь на руку полиции. И, действительно, спокойствие и выдержанность забастовщиков поразили всех и особенно правительство.

Впрочем, бывали и такие случаи. Соберется толпа человек в сто. «Ребята! Идем на Петербургскую! Мы все тут стоим, стоит весь Обводный, а те работают!»—говорит какой-ни-

будь оратор. «К Гуку!»—раздается в толпе. И вот утром у какого-нибудь «Гука» или «Бека» происходила свалка. Камни из мостовой летели в окна, попадали порой и в машины. Часом или двумя позднее можно было видеть идущую по городу толпу рабочих, оцепленную полицией... Это вели «подстрекателей» в какой-нибудь незаполненный еще участок, где держали несколько часов или дней, потом высылали. В этих толпах, попадавшихся на улицах Петербурга, вы могли увидеть и довольно хорошо одетых «квалифицированных» и бедно одетых чернорабочих, даже молодых матерей с ребятами на руках, и отца с шагавшим подле сынишкой. И шли они часто даже как будто веселые; и невольно вспоминались слова «Коммунистического Манифеста»: «...им нечего терять, кроме цепей». Впрочем, они шли с сознанием исполненного дела: у «Гука» или «Бека» уже начиналась забастовка.

Как-то, проезжая мимо Обводного, я видел такого рода сцену. Перед Калинкинской мануфактурой стояла толпа народу. Среди нее на кучах наваленного булыжника там и сям возвышались над толпой отдельные рабочие. Мне было не видно, читали ли они что-нибудь или говорили речь перед рабочим собранием... А вокруг толпы смиренно ходили городовые и околоточные, не вмешиваясь в «чужое» дело. Поневоле приходили в голову те далекие от нас страны, где рабочие могут свободно организовываться и собираться на митинги. Когда-то, думалось мне, у нас настанет то время, когда полицейские не будут вмешиваться «в чужие дела» не из боязни толпы, а из признания ее п р а в а собираться?!.

Помню также случай, кажется, на Новой Бумагопрядильне. Городовой, поставленный «смотреть» за рабочими, заметил на мостовой сверток. Это была только что изданная прокламация Союза, но по какой-то случайности не дошедшая до Новой Бумагопрядильни. Поднявши сверток и прочтя прокламацию, блюститель порядка нашел, что «хорошо написано, справедливо сказано», и передал сверток обступившей толпе рабочих, «заверяя», что их дело правое, и они, наверное, получат свое...

Но... такие идилии бывали изредка и лишь в первые дни стачки. Мало-по-малу наши «охранители» оправились от смущения, вызванного этой неожиданной стачкой, и решились

попытаться терроризировать рабочих и таким путем задавить движение. По распоряжению градоначальника, рабочие кварталы стали запружать отрядами казаков, жандармов и даже пехоты (Новочеркасский полк был поставлен около Торнтона). Отряды городовых (человек около 100) селились в близ лежащих трактирах, где они жили, ели и пили на счет фабрикантов, которые их сюда пригласили, чтобы иметь их всегда наготове. На фабриках, где еще продолжалась работа, и на заводах шныряли шпионы и полиция. Правительство разослало всем мировым судьям секретный циркуляр, предписывая разбирать дела фабрикантов с рабочими не по закону, а по обычаям, какие существуют на каждой фабрике.

Стали арестовывать всех, кто казался «подозрительным», вернее, кто попадался под руку. Тюрьмы были переполнены. Для допроса водили в «Окружный суд» за неимением места в «жандармском». Допытывались, главным образом, кто распространяет листки. Конечно, редко чего добивались. Если у кого находили в кармане листок, у обвиняемого всегда наготове был вполне определенный ответ—нашел на улице, ибо во многих случаях так и было.

По опустевшим улицам рабочих районов передвигались отряды жандармов и казаков. Петербург казался на военном положении. Можно было бы подумать, что на улицах его совершается революция. Да и действительно революция совершалась, но только не на улицах Петербурга, а в головах петербургских рабочих. Но об этом потом.

Хотя, благодаря лету, в Петербурге не было наиболее отзывчивой учащейся молодежи, однако слухи о стачке взбудоражили «общество». Ходили толки вкривь и вкось, и вообще стачки сделались на время злобой дня. Чтобы привлечь общественное внимание к этой, небывалой в России по своим размерам и стройности, борьбе рабочих за свои интересы, «Союз Борьбы» издал прокламацию «К русскому обществу», которая была разослана по городу в нескольких сотнях экземпляров.

Градоначальник, с одной стороны, посылая отряды казаков, полицейских, жандармов и сыщиков, думал застрашать рабочих; с другой стороны, думал подействовать убеждениями и воззваниями к «патриотическому» чувству. «Успо-

койтесь»,—говорил он,—«подумайте, что царю надо возвращаться домой. Как же он въедет в бунтующую столицу?» «Увещания» не помогали, все шло по-прежнему. Стачки продолжались, на заводах шли толки и волнения. Союз издавал прокламации ежедневно, иногда даже по 2—3 в день. Прокламации кой-где читались без всякого стеснения, иногда даже на улицах. Во многих прокламациях, иногда даже по специальной просьбе рабочих, выставлялось требование—освободить арестованных. Рабочие не раз ходили толпами к участкам и требовали выпустить заключенных и, случалось, добивались своего.

Градоначальник от увещаний снова переходил к «устрашению». Начались повальные обыски (обыскивали целыми домами) и повальные аресты. Не было места в тюрьмах и участках, начали сажать в манеж. Пошли массовые высылки на родину. Стали силою принуждать рабочих итти на работу. Конные жандармы, напавши на толпу рабочих на улице, гнали ее по направлению к фабрике и загоняли во двор... Околоточные и городовые, в сопровождении дворников, по утрам врывались в квартиры, стаскивали рабочих с постелей, полураздетых женщин отрывали от детей и тащили на фабрики. Рабочие прятались, куда могли: на чердаки, в отхожие места. Происходили раздирающие сцены...

Стачка продолжалась. Меры насилия не помогали, пускались в ход хитрости. Встают утром рабочие, видят, из фабричных труб валит дым. На минуту западает сомнение: «уж не начали ли работать?» В окнах фабрик мелькали фигуры рабочих... то бишь дворников, переодетых рабочими. Конечно, в конце концов все эти выдумки возбуждали лишь смех.

По предложению градоначальника, рабочие не раз отправляли к нему депутации. Рабочие надеялись убедить его в том, что их дело правое, и некоторые думали даже, что градоначальник может склонить фабрикантов к уступкам. Конечно, из депутаций ничего не выходило. Даже жандармские офицеры порой пробовали заговаривать с рабочими, критикуя листки Союза, а рабочие вступали в спор и отстаивали «свои» листки.

Рабочие постоянно собирались, и также постоянно их

разгоняли. Усердие полиции дошло до того, что полицейские делали обходы даже по полям и избивали попадающихся им навстречу рабочих. Рабочие собирались в поле, чтобы в свободное время, на вольном летнем воздухе, почитать и поучиться политической экономии. Правительство же своими преследованиями наглядно их учило русскому государственному праву. Если не удавалось устраивать собраний и в поле, рабочие забирались куда-нибудь подальше, в лес. Однажды было собрание даже на взморье. Рабочие лежали в камышах и лежа совещались.

После этого от полиции было временное распоряжение, совершенно непонятное для публики: на взморье были поставлены городовые и не позволяли катавшейся публике выходить на берег под предлогом, что это запрещено градоначальником ввиду-де повторяющихся в этих местах оргий (!!).

Беззаконные действия властей и их насильственные меры не приводили стачку к желанному концу. Снова было решено действовать «убеждением». На стенах фабрик и на заборах появился циркуляр градоначальника, взывающий к «рассудительности» рабочих.

От С.-Петербургского градоначальника сим объявляется прекратившим работу и присоединившимся к стачке рабочим, — говорилось в циркуляре, — что все претензии и требования их, послужившие предлогом и поводом к забастовке, останутся без всякого рассмотрения до тех пор, пока рабочие не станут на работу. Когда же рабочие приступят к обычным занятиям согласно правилам внутреннего распорядка, установленного на фабриках, жалобы и заявления их будут подвергнуты надлежащему рассмотрению чинами фабричной инспекции. И жалобы, подлежащие удовлетворению согласно закону (Устава о промышленности), будут удовлетворены немедленно. Те же заявления, которые не могут быть удовлетворены по силе действующих законов, будут представлены на усмотрение высшего начальства.

Градоначальник ген.-майор **Клейгельс.**

10-го июня 1896 г.

На другой день, для большей внушительности, «убеждение» было подкреплено угрозой рассчитать и выслать на родину всех, кто не примется за работу.

Наконец, на сцену выступило само «царское правительство», в лице министра финансов Витте, со своей знаменитой прокламацией к рабочим, от 15 июня, объявляющей, что «правительству одинаково дороги как дела фабрикантов, так и рабочих». Отмечу один курьезный эпизод при распространении этой прокламации. Министерская прокламация, как ей и надлежит быть, была расклеена на стенах и заборах и раздавалась полицейскими. Но во многих местах рабочие проходили мимо и не читали ее, а получая от полицейских, просто рвали и бросали с упоминаниями всех родителей. Тогда кое-где усердные городовые начали разбрасывать прокламации подобно тому, как разбрасывались листки Союза. «Было уморительно смотреть,—говорили некоторые рабочие,—как слуги правительства не нашли ничего лучшего, как подражать в тактике Союзу».

Между тем крайняя нужда начинала действовать. Среди рабочих начались разговоры о прекращении забастовки, колебания... Этому способствовали отчасти и неопределенные обещания правительства. Кое-где фабриканты обещали сделать кой-какие частные улучшения и уступки; что же касается главных требований, то слышались лишь одни обещания рассмотреть дело. Листки Союза, призывавшие к продолжению стачки, уже не производили никакого действия. Одна фабрика за другой становилась на работу.

Наконец, к 18-му июня стачка улеглась. Рабочие всюду вновь вернулись к своим станкам, но уже не теми, какими от них отошли. За время стачки рабочим пришлось столкнуться с правительством лицом к лицу, и столкновение не прошло бесследно. С одной стороны, «увещания», подкрепляемые угрозами, с другой стороны, — крутые меры, применяемые к мирным забастовщикам, производили настоящую революцию в головах даже наименее сознательных и наиболее забитых рабочих, заставляя их задуматься над вопросом, кто их действительные друзья и защитники их интересов и кто их угнетатели и враги. По свидетельству самих рабочих, под влиянием всех событий за время стачки, изменилось от-

ношение широких слоев рабочих к социалистам и агитаторам и к нелегальной социалистической литературе. Среди массы рабочих обнаружилась такая жажда знания, такое стремление выяснить многие стороны окружающей действительности и найти выход, каких до того времени никогда не замечалось. Тем, чем раньше интересовались лишь единицы и десятки, теперь стали интересоваться тысячи. Спрос на нелегальную литературу достиг небывалых до того времени размеров и далеко превысил предложение.

Правительству и другим классам общества впервые пришлось взглянуть на рабочий класс, как на новую народившуюся общественную силу. Для правительства и реакционеров стало уже поздно повторять избитую ложь, что у нас в России нет рабочего вопроса, и хвастаться «патриархальными отношениями» хозяев к рабочим, якобы царящими на русских фабриках.

Несмотря на все желание, движения нельзя было скрыть, ибо оно было вынесено, как говорится, на улицу и, благодаря прокламациям Союза, получило широкую огласку. Весь Петербург мог проверить то, что писалось в листках. Делать было нечего, и правительство, умудренное горьким опытом, пускается на новую штуку—объявить официально о забастовках. И вот в «Правительственном Вестнике», № 158, появляется, памятное всем интересующимся рабочим делом, сообщение правительства о стачках рабочих Петербурга. Конечно, сообщение было тотчас же перепечатано другими газетами и облетело все даже самые отдаленные уголки России. Правительство постаралось, однако, и тут слукавить: чтобы умалить грандиозность движения, оно убавило число забастовщиков больше, чем наполовину. Любопытно также, что на этот раз члены «Союза Борьбы» и других революционных организаций из «подстрекателей», какими они являлись в прежних секретных циркулярах министра Витте, превратились в «злонамеренных личностей», которые «пытались воспользоваться уже совершившимися стачками с целью придать им преступный политический характер».

Как бы в ответ на все эти правительственные сообщения, осенью Союзом была выпущена длинная прокламация, кото-

рая обличала лицемерие правительства, разъясняла рабочим его поведение и выясняла важность и значение стачек вообще.

Итак, стачка кончилась. Главные требования рабочих—уменьшение рабочего дня и соответственное повышение расценок—не были выполнены.

Правительством была образована из фабричных инспекторов и градоначальника комиссия для исследования причин забастовок. Фабричным инспекторам было поручено составить описание фабрик и условий работы. Несмотря на всю осторожность и сдержанность их авторов, эти описания нарисовали довольно некрасивую картину. Министр финансов выразил фабричным инспекторам свое неудовольствие по поводу того, что они могли допустить существование таких вопиющих безобразий. Неудовольствие было выражено и самим фабрикантам [1]), и некоторые из последних были обязаны подпиской безусловно устранить кое-какие безобразия, всплывшие наружу во время стачек. Таким образом, кое-где было уплачено за лишние минуты, которые оттягивались у рабочих ежедневно по утрам и вечерам, благодаря тому, что машины пускались в ход раньше времени и останавливались позже. Кое-где были удалены мастера-взяточники; была уничтожена чистка машин в нерабочее время; кое-где была улучшена питьевая вода. На некоторых фабриках были выданы деньги за коронационные дни, а на Екатерингофской даже выдали половинную плату за неделю стачки всем рабочим, кроме мюльщиков (×).

Перечисление результатов летней стачки было бы не пол-

---

[1]) Дабы кто-нибудь на основании этого не заподозрел г. Витте в пристрастии и в симпатии к рабочим и их нуждам, не могу здесь не отметить очень важного факта, касающегося поведения Витте во время стачек: он в своем усердии поддержать «престиж власти» превзошел даже министерство внутренних дел. В Союз было сообщено, что еще в самом начале стачек происходило экстренное заседание, где присутствовали министры: финансов и внутренних дел, градоначальник с помощником и фабричные инспектора. Витте настаивал, чтобы во время стачки рабочим не было сделано никаких уступок, хотя на собрании было выяснено, что многие фабриканты готовы пойти на уступки. Требование Витте было горячо поддержано старшим фабричным инспектором Рыковским.

ным, если бы мы не упомянули о том впечатлении, какое произвела борьба петербургских рабочих на рабочих всей России. Всем памятны те волнения среди рабочих, которые происходили в то время в Москве и в некоторых других городах. Само правительство помогало этому, высылая стачечников из Петербурга. Никогда не забуду рассказа одного ткача, которому после стачки пришлось работать на Хлудовской мануфактуре.

«Нас,—рассказывал этот рабочий,—поступило на Хлудовскую довольно много. Приняли нас со всем удовольствием, потому что в провинции всякому фабриканту выгодно иметь ткача, обученного в столице. Сколько нас ни пришло, все получили работу. Когда рабочие узнали, что мы из Питера,—как мухи начали льнуть: расскажи да расскажи о стачке. Ну и рассказываешь. Слушают да удивляются. Вот так молодцы, говорят. И нам бы, ребята, так надо; долго ли мы будем терпеть. И пошли ходить истории про нашу славную стачку, про Союз, про листки и про наши требования».

Необходимо также отметить то впечатление, какое стачка произвела на сознательных рабочих за границей. Она была, собственно говоря, первым фактом, который вполне осязательно свидетельствовал пред лицом европейских рабочих о выступлении русского пролетариата на сознательную борьбу за лучшее будущее. Английские рабочие приветствовали своих петербургских собратьев особым «адресом». Это обращение было подписано вождями всех социалистических организаций и важнейших профессиональных союзов Англии. Переведенное по-русски оно было распространено среди петербургских рабочих и произвело на них сильное впечатление. Подлинник обращения хранился в архиве Петербургского «Союза Борьбы», а теперь, по всей вероятности, погребен где-нибудь в архивах Департамента Полиции.

ПЕРВОМАЙСКАЯ ПРОКЛАМАЦИЯ ПЕТЕРБУРГСКОГО СОЮЗА БОРЬБЫ 1896 г.

Эта прокламация была написана т. Лениным, уже арестованным (в декабре 1895 г.), и передана из тюрьмы в организацию «Союза».
Прим. ред.

Товарищи, посмотрим внимательно на наше положение; оглянемся на ту обстановку, где мы проводим свою жизнь. Что мы увидим? Мы работаем много, мы создаем несметные богатства, золото и ткани, парчу и бархат, добываем из недр земли железо и уголь, строим машины, сооружаем корабли и дворцы, проводим железные дороги. Все богатство мира создано нашими руками, добыто нашим потом и кровью. Какую же мзду получаем мы за наш каторжный труд?—По справедливости мы должны бы жить в хороших квартирах, носить хорошее платье и уж во всяком случае не нуждаться в хлебе насущном. Но всем нам хорошо известно, что нашей заработной платы хватает едва на то, чтобы существовать. Наши хозяева понижают расценки, заставляют работать сверхурочное время, несправедливо штрафуют, словом, притесняют нас всячески, а в случае неудовольствия с нашей стороны, рассчитывают без рассуждения.

Мы много раз убеждались, что все, к кому мы обращались за защитой, оказываются прислужниками и друзьями хозяев. Нас, рабочих, держат во тьме, нам не дают знания, чтобы мы не надеялись бороться за улучшение своего положения. Нас держат в неволе, прогоняют с работы, высылают и арестуют всякого, кто дает отпор притеснениям, нам запрещают бороться. Тьма и неволя — вот те средства, которыми держат нас в угнетении капиталисты и все делающее в угоду им правительство. Но какое же есть у нас средство, чтобы улучшить свое положение, повысить заработную плату, сократить рабочий день, защититься от оскорблений, читать умные книги? Против нас все — и хозяева, потому что им жить тем лучше, чем хуже нам, и все их прислужники, все те, кто живет подачками капиталистов и в угоду им держат нас в невежестве и неволе. Нам неоткуда ждать помощи, мы можем надеяться только на самих себя. Наша сила в единении, наше средство — дружное, единодушное и упорное со-

противление хозяевам. Они-то давно уже поняли, в чем наша сила и всячески стараются разъединить нас, не дать нам понять, что у нас, рабочих, одни общие интересы. Они понижают расценки, но не всем сразу, а по одиночке; заводят старших, вводят поштучную плату, а сами, посмеиваясь в бороду, видя, как наш брат надрывается над работой, исподволь понижают расценки. Ну да не все же коту масленица! Всякому терпению бывает конец. В минувшем году русские рабочие показали своим хозяевам, что покорность рабов сменяется в них стойким мужеством людей, не поддающихся наглости жадных до дарового труда капиталистов. В разных городах возникло множество стачек: в Ярославле, Тейкове, Иваново-Вознесенске, Белостоке, Вильне, Минске, Киеве, Москве и других городах. Большинство стачек кончилось удачно для рабочих; но и неудачные стачки неудачны только повидимому. На самом деле они страшно пугают хозяев, приносят им большие убытки и заставляют из страха перед новой стачкой итти на уступки. Фабричные инспектора тоже начинают суетиться и замечать бревна в глазу фабрикантов. Они бывают слепы до тех пор, пока рабочие стачкой не откроют им глаза. Где же, в самом деле, заметить фабричным инспекторам безобразие на фабрике таких влиятельных особ, как господин Торнтон, или акционеры Путиловского завода? Наделали мы хлопот хозяевам и у нас в Петербурге. Стачка ткачей у Торнтона, папиросниц у Лаферма, прядильщиков у Лебедева, на фабрике механического производства обуви, волнения рабочих у Кенига, Воронина и в Порту показали, что мы перестали быть безответными страстотерпцами и принялись за борьбу. Как известно, рабочие из многих фабрик и заводов образовали у нас Союз борьбы за освобождение рабочего класса, с целью разоблачать все злоупотребления, искоренять безобразия, бороться с наглыми притеснениями и прижимками наших бессовестных эксплоататоров-хозяев и добиться полного освобождения от их власти. Союз распространяет листки, при виде которых трепещут сердца хозяев и их прислужников—властей. Не листки им страшны, а возможность нашего дружного сопротивления, проявления нашей могучей силы, которую мы им не раз показали. Мы, петербургские рабочие, члены Союза, приглашаем всех

остальных наших товарищей присоединиться к нашему Союзу и способствовать великому делу объединения рабочих для борьбы за свои интересы. Пора и нам, русским рабочим, разорвать цепи, которыми спутали нас капиталисты и правительство, чтобы держать в угнетении, пора и нам присоединиться к борьбе наших братьев-рабочих других государств, стать с ними под общее знамя, на котором написано: Рабочие всех стран, соединяйтесь!

Во Франции, Англии, Германии и других странах, где рабочие уже объединились в сильные союзы и завоевали себе много прав, они устраивают 19 апреля (по заграничному первого мая) всеобщий праздник труда.

Бросив душные фабрики, они, с музыкой и знаменами, стройными толпами проходят по главным улицам города, показывая хозяевам все возрастающую свою силу, они собираются на многочисленные и многолюдные собрания, где говорят речи, пересчитывая победы над хозяевами, одержанные в минувшем году, и намечая планы борьбы в будущем.

Под страхом стачки ни один хозяин не штрафует рабочих, не явившихся в этот день на работу. В этот день рабочие напоминают также хозяевам свое главное требование: ограничения рабочего дня 8 часами: 8 часов работы, 8 часов сна и 8 часов отдыха. Вот о чем заявляют теперь рабочие других государств. Было время, и не так давно, когда они так же, как мы теперь, не имели права заявлять о своих нуждах, так же были подавлены нуждой и разъединены, как мы теперь. Но они упорной борьбой и тяжелыми жертвами завоевали себе право обсуждать сообща свое рабочее дело. Пожелаем же нашим братьям в других странах, чтобы борьба привела их скорей к желанной победе, к тому времени, когда не будет ни господ, ни рабов, ни рабочих, ни капиталистов, а все будут одинаково работать и одинаково разумно наслаждаться жизнью.

Товарищи! если мы будем действовать дружно и единодушно, то недалеко то время, когда и мы, сомкнувшись в стройные ряды, будем в состоянии открыто присоединиться к этой общей борьбе всех рабочих всех стран без различия веры и племени, против всех капиталистов всего мира. И подымется наша мускулистая рука, и падут позорные цепи

неволи; подымется на Руси рабочий народ и затрепещут сердца капиталистов и всех прочих врагов рабочего класса.

Союз борьбы за Освобождение рабочего класса.

19 апреля 1896 года.

СТАЧКА ТКАЧЕЙ НА ФАБРИКЕ БРАТЬЕВ ЗОТОВЫХ В КОСТРОМЕ.

Корреспонденция в журнале «Работник», № 3—4, Женева 1897 г.

Мощный отголосок летней стачки 17-ти петербургских фабрик, гулко пронесясь не только в России, но и за границей, достиг также и малочисленной, но бодрой духом кучки ткачей на фабрике бр. Зотовых в Костроме. 25-го сентября около 400 чел. рабочих и работниц этой фабрики не явились в обычное время на работу, и пустота и безмолвие воцарились в ее ткацком отделении.

Стачка вызвана была, во-первых, крайним понижением заработной платы, а во-вторых, наглым обсчитыванием ткачей на вырабатываемом ими куске полотна, обсчитыванием, производимым при помощи всевозможных технических уловок, «примерок» с целью заставить сработать больше, чем следует; наконец, и обстоятельное знакомство с грандиозной петербургской стачкой немало способствовало их решимости начать стачку.

Вечером 24-го сентября, после получки двухнедельного заработка, к местному фабричному инспектору Горбунову явилась депутация рабочих в числе 5 чел. Инспектор, однако, не только не принял их, но даже обругал и приказал прогнать. Тогда ткачи окончательно решили не являться завтра на работу и, вместо того, собраться возле фабричного здания и добиться возможности переговорить с инспектором, так как самого Зотова в это время не было в Костроме. Решение забастовать не сопровождалось ни одним буйным поступком, ни одной противозаконной выходкой; оно созрело и перешло в действие тихо, спокойно, домашним, так сказать, образом. Со-

гласно уговору, утром следующего дня ткачи собрались на лугу возле фабричных ворот, не входя, однакоже, в фабричный двор из боязни быть там запертыми. Вскоре приехал инспектор и, не слезая с пролетки, громко обругал рабочих «фабричной рванью» и быстро повернул назад. Вдогонку ему послышалось оглушительное насмешливое «ура!» и «дурак!». Через час или два он снова приезжает, привозя уже с собой представителей полицейской власти в лице полицеймейстера (Власьевского) и пристава (Борисова). Инспектор прибегнул к обыкновенному в подобных случаях запугиванию и прочитал рабочим статью устава, гласящую, что за такой поступок они подвергаются строгой ответственности и могут быть заключены на четыре месяца в тюрьму. Но это не оказало ожидаемого действия и когда он предложил рабочим самим удостовериться в истинности прочитанного и передал им в руки устав, ему пришлось совсем расстаться со своим уставом: рабочие, взяв книжку как бы с целью убедиться самим в существовании такой статьи, живо передали ее от одного к другому, оставив у себя для необходимых им по ведению своего дела справок. Горбунов, сконфуженный и рассерженный, ретировался. Место его заступил полицеймейстер Власьевский, который, между прочим, сказал: «Ведь вы, господа, не крепостные здесь. Если не хотите работать на условиях, предложенных фабрикой, кто запрещает вам уйти совсем с нее и поискать себе другое место?». Тогда из среды рабочих вышел средних лет мужчина и горячо ответил: «Уйти, г-н полицеймейстер? Уйти, после того, как мы расстратили здесь все свои силы, убили все свое здоровье? с семьями на руках?! Куда нам итти? воровать? так вы же посадите в часть!» Власьевский усмехнулся и с иронией произнес: «Ну, видно, что здесь петербургские агитаторы действовали!» На это тот же рабочий возразил ему: «Нет, г-н полицеймейстер, не петербургские агитаторы, а голод гонит нас на это дело, и если-б вы зашли ко мне, да увидели, в какой грязи и вони живу я с семейством из четырех ребят да жены, беременной пятым, то не сказали бы этого». Полиция и инспекция уехали, ничего не добившись.

В следующие дни рабочие продолжают собираться и обсуждают обстоятельства дела, ведя себя все время замеча-

тельно спокойно и умело. На третий день стачки они собрались за городом для обсуждения вопроса, что предпринять им дальше, но были разогнаны повсюду расставленной в рабочем квартале полицией. Но все же им удалось собраться и выбрать из своей среды одного рабочего, на которого они и возложили ведение дела; тут же была составлена доверенность от рабочих, которую они подписали. Выбранный ими уполномоченный просил их в обеспечение его семьи собрать по 20 коп с человека в случае, если его прогонят с фабрики. Рабочие обещали ему это. На сходке же решено было на следующий день подать письменное изложение своих требований в полицию. Власьевский, с своей стороны, передал эти требования судебному следователю (×).

Если рабочие не дремали, то нужно сказать, что и полиция, с своей стороны, не сидела, сложа руки. На пятый или шестой день стачки ночью были арестованы 6 чел., да жандармерией—пять (×). Она всячески старалась выведать фамилии руководителей стачки, разнюхивала, нет ли посторонних влияний, напр., интеллигенции. Но на все такие расспросы и подходы полиции рабочие неизменно отвечали, что никаких зачинщиков не было, что все, мол, сразу не пошли на работу.— Да ведь начал же кто-нибудь первый-то? подал же вам кто-нибудь мысль об этом?—горячилась полиция.—Никто не подавал никакой мысли, так просто, значит, сообща не пошли на работу, вот тут и весь разговор,—отвечали рабочие. Так полиция и не могла ничего добиться от арестованных и должна была их выпустить из кутузки (×).

Дело ткачей перешло к судебной власти. Последняя же, в лице судебного следователя и товарища прокурора, высказалась в пользу рабочих; они заявили, что подобная мирная забастовка рабочих не составляет преступления. Прокурор, однако, настаивает на обвинении рабочих в заранее подготовленной стачке.

Сам Зотов, бывший при возникновении стачки в Петербурге и приехавший оттуда через три дня, колеблется и готов пойти на уступки, но встречает противодействие со стороны полицейской власти (×).

Рядом с этим усердием властей против стачечников, не лишним будет отметить сочувствие и поддержку, оказанные

им со стороны местного общества. Много бодрости придало им известие о присланной из Москвы и Питера денежной помощи. Так, московский центральный рабочий союз прислал 200 руб., московские студенты — 50 руб., петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» — 200 руб. и т. д. В общей сложности стачечники получили со стороны 725 руб. Кроме того, местные рабочие собственными средствами помогали беднейшим из стачечников.

Несмотря, однако, на умение держать себя во время стачки, несмотря на примеры замечательной распорядительности и энергии, рабочие все же оказались недостаточно подготовленными; недоставало организации, не было вполне сознательного отношения к своим интересам и стойкости в преследовании своих целей; последнее, конечно, естественно вытекает из предыдущего. Поэтому, стачечники не довели дело до конца.

Стачка, однако, не прошла даром (×). Все местные фабриканты сделали немаловажные уступки своим рабочим, и сам Зотов вынужден был согласиться на требования чесальщиков из боязни, чтобы они не примкнули к ткачам. Фабричная администрация также понизила свой тон в обращениях к рабочим; мастера и всякого рода управители на всех фабриках стали замечательно любезны. Рабочие остальных фабрик, а также не участвовавшие в стачке зотовские рабочие, благодарили ткачей за те улучшения, которые, благодаря им, были введены на фабриках.

Эта стачка была первая серьезная попытка костромского рабочего собственными силами улучшить свое положение, и нельзя сказать, чтобы она была бесплодной в отношении даже тех требований, которые выставили костромские ткачи: примерка полотна уничтожена, переноска машин и материалов на станки производится уже не ими и, наконец, обещано через месяц или два возвысить заработную плату.

Таковы непосредственные результаты стачки; но наиболее важным и серьезным последствием является воспитательное значение ее для рабочих.

ЗАБАСТОВОЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЕКАТЕРИНОСЛАВЕ В 1898 ГОДУ.

Из брошюры «Рабочее движение в Екатеринославе», Женева 1900 г., стр. 4—6.

19-го марта 1898 г. рабочие франко-русских вагонных мастерских забастовали и потребовали сокращения рабочего дня в субботу и кануны праздников, увеличения расценков, усиления врачебного персонала и более человечного обращения со стороны администрации завода. Требования эти уже не раз предъявлялись администрации завода, но та всегда давала лишь уклончивые ответы. Но на этот раз рабочие твердо решили добиться своих требований. Несмотря на ласковые обещания со стороны администрации завода и угрозы со стороны фабричного инспектора, рабочие стояли на своем. Были выбраны депутаты для переговоров; они заявили, что никто не возьмется за работу до тех пор, пока все требования рабочих не будут исполнены. Администрация вынуждена была уступить, и работы возобновились.

Волнения на этом заводе возобновились в начале мая, когда администрация вздумала уволить депутатов, ведших переговоры во время стачек. Рабочие, возмущенные этим поступком, собрались у конторы и потребовали объяснения от помощника директора завода (Белоножкина), за что пострадали их товарищи. Тот, вместо ответа, стал им, по обычаю, рассказывать, что он всегда был к ним очень добр, что он только о них и заботится и что, если рабочие не сумеют оценить его заслуг перед ними, он совсем уйдет с завода. Рабочие, очевидно, желая высказать свое мнение о «заслугах» Белоножкина, одели ему на голову мешок и поколотили. По этому поводу были арестованы и преданы суду 10 человек, но так как против них улик не оказалось, то все были освобождены.

В июне, после бунта, разразившегося на Брянском заводе, во время которого была сожжена заводская контора и разгромлены казенный винный склад и потребительный магазин, был выпущен листок к рабочим Брянского завода. В этом листке указывалось на весь вред для рабочего дела от таких диких вспышек, вроде недавно происходивших, говорилось о борьбе рабочих в других городах России и в заклю-

чение рабочие призывались на стойкую борьбу за улучшение своего положения.

Спустя некоторое время, произошла успешная стачка на трубном заводе. 150 человек вальцовщиков потребовали повышения платы, чего и добились сейчас же.

В октябре на Брянском заводе возникло недовольство против одного монтера (Миляка), который по своему произволу штрафовал рабочих по малейшему поводу и даже без всякого повода.

После целого ряда столкновений с этим мастером рабочие потребовали, чтобы его удалили с завода. Начальник механического цеха не соглашался. Тогда рабочие пригрозили стачкой, и их требование было немедленно удовлетворено. В том же октябре, на том же заводе были введены новые расчетные книжки, в которых были исключены 12 праздников и изменен пункт относительно ответственности хозяев за увечья рабочих. (Такие же изменения в расчетных книжках были введены и на Каменском-Днепровском зав.). По новым правилам завод не принимает на себя ответственности за несчастные случаи, если они произошли «по собственной неосторожности рабочего». По этому поводу «Союз» выпустил листок, призывавший рабочих к борьбе за отмену новых правил...

ПЕРЕХОД К АГИТАЦИИ В КИЕВЕ.

Из статьи Б. Эйдельмана: «К истории возникновения Р. С.-Д. Р. П.». «Пролет. Револ.», № 1, стр. 28—30.

Конец 1895 года и 1896 год был годом борьбы и споров в киевских соц.-дем. кружках. Шла борьба между сторонниками пропаганды и агитации (×). Агитация сводилась в то время к так называемому широкому распространению прокламаций и брошюр путем разбрасывания и расклеивания. Главные доводы за агитацию были: быстрота распространения идей борьбы, целесообразность метода в смысле конспирации, так как, чем больше агитация захватывает массу, тем неуловимее центральный кружок. В спорах по поводу агитации Мельников [1])

---

[1]) Ювеналий Димитриевич Мельников—один из первых инициаторов и руководителей Киевского организованного рабочего движения. Умер в 1900 году в Астраханской ссылке.

говорил: «Лучше поднять массу на один дюйм, чем одного человека на второй этаж». При новой тактике агитации, пропаганда в кружках уходила на второй план и меняла свой характер. Более глубокое изучение основ и задач организованного рабочего движения становилось делом самообразования, которому должны были способствовать систематические толковые указатели литературы и руководства чтением. Придавая большое значение агитации, Мельников не упускал из виду и пропаганду. Он называл ошибочной то место предисловия к первому изданию «Эрфуртской программы» Каутского, где русские издатели писали о рабочем, углубляющемся в изучение теории, как о таком, который потерян для рабочих.

Противники немедленного перехода к агитации боялись преждевременного провала организации, без предварительного укрепления связей и подготовления преемников.

Под последним доводом скрыта была боязнь понижения уровня руководителей местного движения. Для решения вопроса одним из членов группы было предложено внести обсуждение спорного вопроса в рабочие кружки. Предложение было принято большинством всех против одного. Тогда почти вся работа приостановилась, а «Русская группа» [1]), после ухода одного члена к польским социал-демократам, переименовавшись в группу «Рабочее Дело», приступила к новой тактике агитации. Первым изданием этой группы была киевская рабочая газета «Вперед» № 1.

Киевский «Вперед» был, кажется, первой русской газетой, изданной социал-демократической организацией в России в 90-х годах. № 1 «Вперед» помечен 8 декабря 1896 г., но вышел он только 6 января 1897 года. Издан был этот номер на гектографе. Затем группа приобрела ремингтон с мимеографом и 10 февраля 1897 года широко и успешно распространила в большом количестве экземпляров прокламацию по поводу петербургской стачки ткачей. Указывая причины петербургской стачки и общие требования стачечников, прокламация призывала киевских рабочих к борьбе за улучшение своего положения. Эта прокламация имела большой успех. Между тем пропаганда в кружках велась своим чередом. С этой

[1]) Существовавшая в Киеве «Русская группа» называлась так в отличие от двух польских П. П. С. и П. С.-Д.

целью в группу было принято несколько новых членов, но для издательского дела, а также для сношений с другими группами, группа «Рабочее Дело» выделила так наз. редакционную комиссию.

28 февраля 1897 года вышел второй номер «Вперед». Под заголовком газеты печатался следующий девиз: «Сила рабочих в их союзе, счастье рабочих в их собственных руках». Тема передовой статьи первого номера—необходимость самим рабочим говорить за себя, только они сами могут сказать за себя всю правду. Кончалась статья намеком на плохой гектограф следующими словами: «лучше кривыми буквами говорить правду, чем прямыми и красивыми—ложь». В фельетоне первого номера была напечатана сказка «Чорт и рабочие». Здесь изображается суматоха, когда вдруг не стало рабочих, которых хозяева так часто посылают к чорту; какая поднялась суета и тревога, когда прекратились все работы, как встревожились капиталисты и большое и малое начальство; как, в поисках за исчезнувшими рабочими, сам жандармский генерал собакой переодевался. Была в двух первых номерах и рабочая хроника (о несправедливости фабричного инспектора и судьи, которые являются защитниками интересов капиталистов), были и корреспонденции из других городов.

В первом номере было помещено объявление о брошюрке «Рабочее Дело». Польский «Работник», давая отчет о первом номере «Вперед», называет эту брошюру переводом с польского. Но брошюра не была переводом. Она представляла живое и общедоступное изложение противоположности интересов капиталистов и рабочих. Брошюра была передана для издания, но в пути пропала. Следует упомянуть еще об одном издании группы «Рабочее Дело». Это—«Как министр заботится о рабочих». Брошюра была написана по поводу циркуляра министра финансов Витте к фабричным инспекторам, который не был предназначен к опубликованию. Петербургские товарищи рассказывали, что брошюрка пользовалась успехом среди рабочих. Она выдержала несколько изданий. В рукописи брошюрка впервые читалась в Киеве на майском собрании рабочих в 1896 году [1]).

---

[1]) Почти все в первых двух №№ «Вперед» и упоминаемые брошюры были написаны Вигдорчиком.

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ В МОСКВЕ, ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКЕ, КИЕВЕ И ДРУГИХ ГОРОДАХ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 90-х ГОДОВ.

Из брошюры «Доклад о русском с.-д. движении Международному Социалистическому Конгрессу 1900 г. в Париже». Женева, 1901 г.

Параллельно с под'емом промышленности и ростом стачечного движения в середине 90-х годов, стали расти и социал-демократические организации. Если первые марксистские группы образовывались чисто случайно, в зависимости от скопления в данной местности интеллигенции, главным образом, в университетских городах и в тех местах, которые служат пристанищем для политических поднадзорных, как, например, Орел, Саратов, Самара, Казань, то теперь широкие рабочие организации возникают уже в промышленных центрах. В них создаются уже оформленные организации. Первым, по времени, осенью 1895 г. возник Петербургский Союз Борьбы за освобождение рабочего класса (X).

В Москве наши товарищи сорганизовались приблизительно одновременно с петербургскими, зимой 1894—1895 г. Майский день был впервые отпразднован в 1895 г. на тайном собрании, где присутствовало около 200 товарищей. В июне и августе произошли повальные аресты, находившиеся уже в связи с начавшимся стачечным движением.

В феврале 1896 г. наши московские товарищи могли, однако, послать французским рабочим к предстоявшему 25-летнему юбилею парижской коммуны привественный адрес от имени 605 рабочих, занятых в 28 крупных фабриках и заводах.

Вскоре организация была переустроена на новых началах. Во главе был поставлен центральный комитет, состоявший из 10—12 членов, и при нем совещательный орган, состоявший из представителей, по одному от каждого промышленного заведения. Организация имела тайную библиотеку и общую кассу борьбы для всей Москвы.

Быстро растущее массовое движение, которое летом 1896 года проявилось в частых стачках и волнениях, потребовало приложения всех сил к агитации.

16 июня 1896 г., на собрании свыше 300 человек, впервые в Москве было поднято красное знамя и торжественно провозглашено основание «Московского Рабочего Союза». Это же собрание постановило, выслушав отчет о петербургской массовой стачке, поддержать требование столичных ткачей одновременной стачкой в Москве. Приготовления пошли хорошо, в начале июля произошел ряд стачек, со дня на день ожидали общей стачки, когда, 6 июля, были произведены массовые аресты. Незадолго до того одно собрание уполномочило Веру Засулич от имени 1.000 членов Союза представлять Союз на Лондонском интернациональном социалистическом конгрессе.

Осенью 1896 года произошли многочисленные стачки, вызвавшие усиленное издание прокламаций. Правительство снова ответило арестом 53 человек в ночь с 10 на 11 ноября и новыми арестами в декабре. Стачки тем не менее продолжались и в 1897 г.

На-ряду с ожесточенными преследованиями, движению в Москве, несмотря на быстрое промышленное развитие, вредит еще то обстоятельство, что широкая масса рабочих принадлежит к необученным и постоянно отливает из фабрики назад в деревню. Это мешает организации и просвещению массы, стоящей в общем на весьма низком культурном уровне. К тому же в Москве почти нет мужских воскресных школ, да и других просветительных учреждений, народных библиотек, публичных читален очень мало вследствие систематических запрещений со стороны властей.

Тем не менее, все наблюдатели констатируют, что умственный уровень рабочих и их самосознание быстро растут, так что они все более и более созревают для сознательной борьбы за свое освобождение.

С зимы 1898—1899 г.г. московская организация действует в качестве «Комитета Российск. Соц.-дем. Раб. Партии». Вследствие предшествовавших арестов Комитет должен был прежде всего заняться восстановлением старых связей среди рабочей массы и завязать новые, затем организовать распространение соц.-дем. литературы, пропаганду и агитацию. Для агитационных целей были выработаны Комитетом и распространены вопросные листки о положении рабочих на разных фабриках и заводах. На основании собранных сведений были

распространены на некоторых заводах листки, следствием которых были уступки со стороны хозяев: в одном случае сокращение рабочего времени на полчаса, в других случаях устранение разных злоупотреблений (X).

В Иваново-Вознесенске, «русском Манчестере», центре текстильной промышленности (X), первая пропагандистская группа возникла в 1890 г. Но уже в 1891 г. она была уничтожена арестами. В следующем году водворенный полицией в Иванове товарищ положил основание боевой организации, действующей, несмотря на все понесенные ею потери, и до сих пор. В 1895 году число ее членов значительно возросло, и она образовала «Иваново-Вознесенский Рабочий Союз», устроивший кассу и библиотеку с значительным количеством легальных и запрещенных изданий.

Со времени стачки ткачей в октябре 1895 г. (2.000 участников) начинается агитационная деятельность членов Союза, хотя Союз, как таковой, не счел еще возможным выступить. Он выступил открыто лишь весной, после того, как его силы увеличились. Рядом с социалистической пропагандистской программой для наиболее развитых рабочих была выработана и агитационная программа для широкой массы, в основу которой легло устройство стачечных касс. Молодой ткач Отроков (преждевременно умерший от лишений в 1899 г. на 28 году жизни, в ссылке) выказал себя, как особенно способный, воодушевляющий массу агитатор. В большой декабрьской стачке 1897 г. (15.000 участников) наиболее энергичные члены Союза с Отроковым во главе действовали, как вожаки и агитаторы, в то же время распространяя среди стачечников агитационные издания.

Майский день был впервые отпразднован Союзом в 1897 году при большом числе участников.

В 1897—1898 г.г. Союз завязал сношения с группами соседних промышленных городов Кохмы и Шуи, а также с московской организацией.

Само собой разумеется, что и в Иваново-Вознесенске история нашей борьбы есть, вместе с тем, история страданий борцов. Союз перенес три погрома (1896, 1897, 1898), которые вырвали из его рядов около 100 товарищей, в том числе четырех

наиболее выдающихся, которые были доведены царским правительством до преждевременной смерти или до самоубийства.

Но организация выдержала эти страшные удары и продолжает работать, хотя и с переменной энергией.

Осенью 1898 г. «Рабочий Союз» присоединился к Российской Социал-Демократической Рабочей Партии и с тех пор действует в качестве Иваново-Вознесенского Комитета Партии.

В Киеве пропагандистская деятельность была систематически организована в 1895 году после слияния нескольких, ранее возникших пропагандистских групп.

Под влиянием массового движения и тут перешли к агитации на почве экономической борьбы. Опыт наших петербургских товарищей летом 1896 года послужил образцом и для Киева. Но борьба ведется здесь в сравнительно скромных размерах. Киев со своими 240.000 жителей, хотя и представляет собой большой торговый и культурный центр, насчитывает лишь около 10.000 фабричных рабочих. Главная масса пролетариата состоит из подмастерьев или работающих на дому на большие магазины, между тем как пришлые из Центральной России 5.000 строительных рабочих — непостоянная по составу и безграмотная масса. Точно так же не может быть и речи об успешном воздействии социал-демократов на многочисленных поденщиков. Носителем рабочего движения в Киеве является в сущности ремесленный пролетариат.

Но и на этой сравнительно неблагоприятной почве наша организация умелой и настойчивой работой достигла хороших результатов, несмотря на повторяющиеся погромы (×).

Летом 1897 года все киевские социал-демократические группы объединялись в общую организацию «Союз Борьбы за освобождение рабочего класса», состоявший из двух комиссий: редакционной и агитационной. Кроме того, был организован состоявший исключительно из рабочих «Рабочий Комитет».

С декабря 1896 года издается газета «Вперед». До весны 1900 г. вышло 9 номеров. В 4-м номере (янв. 1899 г.) было заявлено о слиянии «Союза» и «Рабочего Комитета» в «Киевский Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии».

Наиболее тяжелые потери потерпела наша киевская организация в марте 1898 года, во время массовых арестов, про-

исходивших по всей России: киевские товарищи поплатились в сумме 78 годами ссылки, не считая долгого предварительного заключения. Но уже месяц спустя, майские листки были распространены по всему городу.

1-е Мая в Киеве с 1894 года празднуется в тайных собраниях. В 1900 г. на майском собрании присутствовали свыше 100 рабочих.

В Екатеринославе наша организация быстро развилась.

Необыкновенно быстрый рост металлургического производства в Южной России и особенно в Екатеринославской губернии вызвал за последние годы сначала стихийно-бунтарское стачечное движение, которое стало принимать затем под влиянием социал-демократической пропаганды и агитации сознательный, организованный характер.

В декабре 1897 года две группы, из которых одна состояла из интеллигентов, другая из рабочих, слились в «Екатеринославский Союз Борьбы за освобождение рабочего класса». Союз поставил себе ближайшей задачей вести чисто экономическую агитацию в широкой массе рабочих на почве сознанных самой массой потребностей. В марте 1898 г. в Екатеринославе в связи с одновременными массовыми арестами по всей России произошло 15 арестов. Но Союз тем не менее продолжал свою деятельность по-прежнему. 1-го мая он издал листок о значении международного праздника.

В 1898 году было много стачек и волнений, зачастую носивших характер бунта. В течение этого года агитационная деятельность товарищей была направлена исключительно в сторону экономической борьбы. Не считали тогда еще целесообразным выступать с политическими требованиями, которые при низкой ступени развития движения остались бы непонятными для массы. Но положение изменилось, когда правительство стало все чаще и все беззастенчивее вмешиваться в стачки в защиту предпринимателей. Озлобление рабочих против администрации росло, и наша организация могла с успехом перейти к политической агитации.

В январе 1899 года она издала прокламацию, распространенную в количестве 2.000 экземпляров, в которой объявляла рабочим о возникновении Российской Социал-Демократиче-

ской Рабочей Партии и о своем присоединении к ней, разъясняя при этом цели и значение партии. С тех пор она подписывает все свои листки: «Екатеринославский Комитет Р.С.-Д. Р.П.».

В майском листке 1899 года (3.000 экземпляров), составленном и напечатанном самими рабочими, впервые были выставлены политические требования. Состоялось тайное майское собрание при участии около 100 ремесленников-подмастерьев. В произнесенных речах екатеринославские рабочие впервые провозгласили свою готовность бороться за политическую свободу.

В дальнейшем развитии своей деятельности Комитет пользовался каждым подходящим случаем для политического просвещения массы. Здесь следует, прежде всего, отметить распространенный в количестве 3.000 экземпляров листок по поводу избиения стачечников в Мариуполе, призывавший рабочих к борьбе за политическую свободу. В общем, Комитет издал в 1899 г. 6.000 печатных и 6.500 гектографированных листков.

В марте 1900 года появился первый номер «Южного Рабочего», носящий резко-политическую окраску. Отпечатанных 3.000 экземпляров оказалось недостаточно. Второй номер издан в количестве 2.000—3.000 экземпляров. 80 арестов накануне 1-го мая и взятие типографии не прервали деятельности Комитета.

Спрос со стороны рабочих на нашу литературу чрезвычайно растет. Комитет снабжает ею и другие южные города.

Стремления к организации все сильнее проявляются в рабочей массе. Возникают самостоятельные мелкие союзы — не только среди ремесленников, которых легче организовать и которые в общем умственно развитее, но и среди заводских рабочих. Притом рабочие союзы ставят себе всегда известные политические цели. Так, уже второй год существуют среди заводских рабочих кассы, одной из целей которых, кроме приобретения книг, является помощь арестованным товарищам. В сентябре 1899 года среди рабочих некоторых заводов возникла касса «Начало», цель которой — приобретение и распространение среди рабочих легальной и нелегальной литературы и помощь арестованным.

Харьков лишь за последние годы стал промышленным центром. Наше движение, как массовое явление, там моложе всего.

Первые соц.-демократические группы среди рабочих возникли в 1894—1895 г.г. Об агитационном воздействии на массу, хотя бы только на почве экономической борьбы, тогда еще не могло быть и речи.

Положение изменилось с возникновением и развитием нескольких машиностроительных и других крупных заводов. Среди пришлых, преимущественно из средней России, рабочих, в общем стоявших, впрочем, на низком культурном уровне, были и петербургские, московские и иваново-вознесенские рабочие, уже прямо или косвенно затронутые соц.-демократической пропагандой. Скоро в массе началось брожение, время от времени разражавшееся стачками.

В 1897—1898 г.г. замечаются уже явные признаки сознательной, организованной борьбы. Возникло несколько кружков, как среди заводских рабочих, так и среди ремесленников. В феврале 1898 г. была распространена прокламация по поводу закона 2 июня. 1 мая было в 1898 г. отпраздновано в нескольких маленьких загородных собраниях, на каждом из которых присутствовало несколько десятков рабочих.

В июне 1898 г. кружки ремесленников потерпели тяжелые потери: сделано было около 50 обысков среди рабочих и интеллигенции и арестовано свыше 20 товарищей. Погром этот почти не затронул заводских рабочих.

В 1898—1899 г.г. движение сделало дальнейшие успехи. Связи нашей организации среди заводских рабочих расширились. 1 мая 1899 г. она распространила за подписью Харьковского Комитета Р.С.-Д.Р.П. майскую прокламацию «Рабочей Газеты» на всех крупных фабриках и заводах и во многих ремесленных мастерских. Прокламация была встречена с большим сочувствием; на многих заводах поговаривали о том, чтобы бросить работу 1-го мая, но эти попытки не удались. 1 мая опять отпраздновали только в загородных собраниях при участии около 50 товарищей. Кроме обычных майских речей, тут происходили прения по тактическим вопросам, об основании касс и библиотек, пропаганде, агитации и проч.

Вскоре после того, благодаря устной агитации соц.-демократических рабочих, на некоторых машиностроительных заводах возникло движение в пользу сокращения рабочего дня с 11½ до 10½ час. (Раб. день в 10½ ч. существовал уже на более крупных заводах, а в железнодорожных мастерских работали 10 часов). Через несколько дней требования рабочих были удовлетворены.

Власти ответили на майскую агитацию наводнением фабричных кварталов солдатами и сыщиками. Но до столкновения дело не дошло, только несколько сыщиков были избиты рабочими. Многочисленные обыски и 20 арестов не помогли «стражам порядка»: рабочие отказывались называть распространителей прокламаций, и всех арестованных пришлось выпустить через 2—3 недели. Но, по настоянию властей, много «подозрительных» рабочих было уволено.

Замечательно живое сочувствие рабочих к бурному студенческому движению того года. В демонстративных проводах высылаемых студентов на вокзале всегда участвовали многие сотни рабочих. Вечером 1 мая около 1.500 рабочих собрались перед казармами, где сидели арестованные студенты, и кричали им «ура». Дело дошло до столкновения с полицией и казаками, не принявшего, однако, серьезного характера.

Все эти события оказали на массу просвещающее и возбуждающее действие. Все сильнее обнаруживаются стремления к организации, возникают небольшие кассы с несколькими десятками членов, библиотечки, рабочие комитеты.

Наиболее блестящее проявление молодого харьковского движения—это майский праздник 1900 г. и связанное с ним стачечное движение. В середине апреля были распространены майские брошюры, а неделю спустя—прокламации, призывавшие к забастовке и выставлявшие следующие требования: свободу слова и печати, участие народа в управлении, свободу стачек и союзов, 8-часовой рабочий день и повышение платы. Призыв воспламенил массу; 1 мая (ст. ст.) забастовали почти все рабочие механических заводов и часть ремесленников: наборщики, портные, булочники, кондитеры, заготовщики, столяры и др. 2.000 заводских рабочих устроили демонстративное шествие с красными знаменами при пе-

нии революционных песен, а около железнодорожных мастерских состоялось под открытым небом собрание 3.000 рабочих. А когда казаки арестовали 150 человек, то рабочие, особенно железнодорожные, добились их освобождения 2-го мая, отказавшись итти на работу. С другой стороны, рабочие многих заводов забастовали, выставив, кроме требований местного характера, требования 8-часового рабочего дня и участия рабочих в установлении внутренних распорядков на фабриках и заводах. Стачка продолжалась в разных заведениях от 2 дней до 2 недель и окончилась частичным успехом железнодорожных рабочих и повышением платы на одном машиностроительном заводе; на других же заводах она окончилась неудачно — преимущественно вследствие страшного давления со стороны властей. Не удалась также возобновленная 17 мая стачка железнодорожных рабочих, имевшая единственной целью добиться освобождения арестованных накануне 51 рабочего.

Майское движение показывает рост чувства солидарности, политического и классового самосознания среди широкого слоя харьковских рабочих. Быстрые успехи соц.-демократической деятельности объясняются, главным образом, относительно высоким умственным уровнем коренных харьковских рабочих, нуждавшихся только в толчке промышленного развития, чтобы присоединиться к освободительной борьбе русского рабочего класса в ее передовой форме.

В Одессе в настоящее время носителями движения являются, преимущественно, более развитые рабочие мелких производств. Уже в конце 70-х и начале 80-х годов тамошние рабочие обнаружили большую восприимчивость к пропаганде социализма и идей политической свободы. В начале 90-х годов началась соц.-демократическая пропаганда. Частые и многочисленные аресты лишь временно ослабляли движение.

В 1895 году долгое время собирались в одном ресторане около 200 рабочих для выработки «программы южно-русских рабочих». Эта попытка обошлась, помимо предварительного заключения (в один день было сделано 150 арестов, преимущественно среди строительных рабочих), в 61 год ссылки.

Останавливаясь на наиболее губительных разгромах, отметим еще 40 арестов среди рабочих и интеллигенции в 1897 г.

и 50 арестов в марте и апреле 1898 г. Тем не менее, 1-го мая были распространены прокламации.

В конце 1898 г. несколько кружков соединились для общей работы и начали успешную агитационную деятельность.

Из стачечного движения последнего времени приводим следующие факты: осенью 1899 г. движение булочников за сокращение рабочего дня до 12 часов и другие требования, при чем 500 рабочих собрались на сходку за городом; затем около 10 успешных мелких стачек (30—100 участников), главным образом, с требованием повышения платы, в одном случае с требованием сокращения рабочего дня до 10½ час., отмены штрафов, подчинения мастерской надзору фабричной инспекции и др., наконец, три удачные стачки слесарей, требовавших повышения платы и 10-часового рабочего дня.

Майский праздник 1899 г. отпразднован на собрании 60 организованных рабочих, в 1900 г. в майском собрании приняли участие 100 человек и распространены майские прокламации. Вскоре затем было произведено 120 арестов.

Несмотря на все аресты, одесская партийная организация продолжает существовать.

Николаеву предстоит, на-ряду с Одесской, сделаться на юге центром рабочего движения. Первая соц.-дем. организация—«Южно-Русский Рабочий Союз»—возникла там в 1897 г. Пользуясь опытом движения других мест, Союз начал прямо с массовой агитации. Кроме прокламаций, которые успешно возбуждали рабочих к борьбе против злоупотреблений в отдельных заведениях, Союз издавал в 100 экземплярах гектографированную газету или, вернее, журнал «Наше Дело», где появлялись статьи по общественно-политическим вопросам; так, например, о законе 2-го июня, о национальной вражде, о фабричных инспекторах, о шпионстве, затем биография Лассаля. Как мы уже говорили, появилось всего три номера журнала. Кроме того, Союз распространял и другие соц.-демократические издания, получавшиеся из Одессы.

Политическая полиция в Николаеве, до тех пор не знавшая «неблагонадежных» элементов, и потому неопытная в шпионском деле, относительно долго не могла напасть на след Рабочего Союза, несмотря на его очень плохую конспиративную технику. К январю 1898 г. Союзу удалось сорганизо-

вать около 200 распропагандированных рабочих в небольших кружках с максимальным числом членов в 25 человек. Шесть месяцев после образования Союза была основана центральная касса, которою заведывал центральный комитет. Половина дохода предназначалась для стачечного фонда, одна треть — для взаимопомощи и одна шестая — для библиотеки.

Но дни Союза уже были сочтены. В ночь с 21 на 22 января 1898 г., после десятимесячной деятельности, произошли первые аресты и притом по доносу предателя (×).

Новейшие события в Николаеве: две большие стачки в ноябре 1899 г. и одна в январе 1900 г. на судостроительных механических заводах. Главные требования были: повышение платы, отмена штрафов, удаление одного мастера и освобождение 10 арестованных стачечников. Рабочие добились своих требований. В течение январской стачки соц.-демократическая группа распространила прокламации (×).

На Урале, где насчитывается полмиллиона горных и металлургических рабочих, массовая борьба за улучшение экономического положения сделалась с начала 90-х годов постоянным явлением. Борьба велась, главным образом, за повышение крайне низкой платы. В Златоусте движение особенно отличается, как солидарным и дисциплинированным поведением стачечников, так и достигнутыми результатами. Тамошние рабочие на казенных заводах добились в 1897 году удвоения платы, а в 1898 г.—восьмичасовой смены. Разумеется, не обошлось при этом без арестов «зачинщиков», а в июле 1898 г. 12 рабочих были по суду приговорены к 2-недельному аресту. В Екатеринбурге в мае 1898 года на одной суконной фабрике были расклеены, к великому ужасу полиции, никогда еще не переживавшей ничего подобного, прокламации, призывавшие к борьбе за увеличение платы.

Затем, за последние годы, надо отметить стачечные движения и доволвно серьезные попытки соц.-демократической пропаганды и агитации в Саратове, Нижнем-Новгороде, Ярославле, Твери, Брянске (Орловской губ.), Полтаве, Кременчуге и Ростове-на-Дону.

В Саратове 1 мая (ст. ст.) 1898 г. распространены гектографированные прокламации «группой саратовских соц.-демократов». В июне и июле 1899 г. появились два номера ге-

ктографированной газеты «Саратовский Рабочий». Кроме статей, имеющих общий интерес, там были помещены отчеты о местных стачках в железнодорожных мастерских и на металлургическом заводе, повлекших, конечно, за собой аресты.

ОТДЕЛ ШЕСТОЙ

1-й Съезд Р. С.-Д. Р. П. (**1898** г.)

К ПОДГОТОВКЕ СЪЕЗДА.

БЛИЖАЙШИЕ ЗАДАЧИ РУССКОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ.

Передовая статья из 2 № «Рабочей Газеты» (ноябрь 1897 г.).

Когда говорят о рабочем движении в Англии, Германии, Франции или другой какой-либо заграничной стране, то у всякого перед глазами встает вполне ясная картина. Там существуют громадные рабочие союзы и могущественные рабочие партии. Там устраиваются многочисленные собрания и съезды, на которых открыто обсуждаются нужды и задачи рабочих. В парламентах заседают представители от рабочих, неустанно защищающие интересы их и заявляющие их требования. Наконец, там существует рабочая пресса, распространяются в громадном количестве газеты, журналы, книги, посвященные рабочему вопросу. Короче, и словом, и делом заграничное рабочее движение постоянно заявляет о себе. Его все знают и о нем все говорят. Злейшие враги рабочего движения не могут отрицать его существования и его силы.

Не то у нас. Под гнетом царского самодержавия рабочее движение не может жить открытою жизнью. У нас запрещены и преследуются рабочие союзы и собрания; у нас нет парламента, нет представителей от рабочих; у нас нет прессы, которая открыто защищала бы интересы рабочих Во всей стране никто не может публично говорить о русском рабочем движении. И не только наши враги отрицают его существование, но немало найдется и рабочих, которые не знают, что в России существует рабочее движение.

А между тем русское рабочее движение не только суще-

ствует, но и имеет уже значительную силу. Об этом свидетельствуют не только стачки и волнения рабочих, то-и-дело вспыхивающие в разных концах России; об этом свидетельствует и множество других фактов. Правда, у нас нет открытых, всеми признанных союзов, но у нас существуют тайные союзы и кассы, помогающие борьбе рабочих, объединяющие их и разъясняющие им их положение. Нам запрещают устраивать собрания и публично обсуждать интересующие нас вопросы, но это не мешает нам устраивать собрания тайные. У нас запрещают книги, в которых свободно обсуждается рабочий вопрос. Но мы читаем и распространяем книги запрещенные. У нас не бывает открытых и торжественных съездов представителей рабочих, но это не мешает им съезжаться тайно, не мешает также русским рабочим посылать своих представителей на международные рабочие съезды за границей.

В России не существует парламента; мы не принимаем участия в издании законов; однако упорной борьбой и нам иногда удается вырвать у правительства полезный для нас закон. Издание закона 2 июня сего года об ограничении рабочего дня знаменует славную победу русского рабочего движения.

И с каждым днем русское рабочее движение все более и более усиливается. Тяжелое экономическое положение неудержимо толкает русского рабочего на борьбу за лучшую жизнь. Никакие притеснения правительства не в состоянии прекратить эту борьбу.

На место каждого вырванного из строя борца за рабочее дело появляются двое других. Каждый рабочий, высланный с поля борьбы, переносит борьбу в новое место, способствует распространению рабочего движения в России. Каждый выстрел в толпу рабочих будит массу рабочих, внушая ей вражду и ненависть к притеснителям. Так, несмотря на тяжелое ярмо правительственных притеснений, рабочее движение растет и крепнет.

Каковы же ближайшие задачи русского рабочего движения, к чему оно, прежде всего, должно стремиться?

Русские рабочие находятся под двойным гнетом: под гнетом капиталистической эксплоатации и под гнетом правительственных притеснений. Они страдают не только от чрезмер-

ного, изнуряющего труда и от нищенской платы, не только от вредных условий труда, порождающих болезни и раннюю старость; не только от того, что их дети вырастают без материнского ухода и обречены с детского возраста на губительную фабричную работу, не только от всех этих и еще тысячи других экономических условий, — русские рабочие страдают еще и от своего политического бесправия. Они страдают от того, что, по малейшему подозрению, каждого из них могут оторвать от родных и друзей, бросить в тюрьму и сослать в Сибирь. Они страдают от того, что за малейшую попытку борьбы за улучшение своего положения их объявляют бунтовщиками, высылают против них, как против неприятельской армии, войско, которое не останавливается даже перед пролитием невинной крови женщин и детей. Русские рабочие страдают от того, что им запрещают читать книги, где выясняется положение рабочих, запрещают собираться, устраивать союзы, кассы. Короче, русские рабочие страдают еще от того, что они не пользуются никакими политическими правами.

Тяжела борьба с капиталистическим гнетом, нелегко рабочему добиться улучшения своего экономического положения, но в тысячу раз это становится труднее, когда рабочий не имеет права ни говорить, ни писать, ни читать, ни собираться, ни объединяться, ни бороться. И хотя никакие преследования не могли остановить рост русского рабочего движения, однако неизмеримо сильнее было бы это движение и неизмеримо крупнее были бы его успехи, если бы русские рабочие пользовались политическими правами. Если бы в наши стачки не вмешивались ни полиция, ни жандармы, ни войско, если бы наши союзы могли жить открытою жизнью, если бы голос, призывающий нас на борьбу, мог беспрепятственно раздаваться перед многотысячной массой, если бы никакие книги, газеты, прокламации не подвергались преследованию, и наши лучшие товарищи не вырывались из нашей среды, — тогда русское рабочее движение играло бы такую же роль в жизни России, какую играют западно-европейские рабочие партии в жизни заграничных государств.

В железных тисках правительственного гнета становится уже тесно русскому рабочему движению. Как воздух нужен

всякому живому существу, так нужна нам политическая свобода. Не добившись свободы стачек, собраний, союзов, слова и печати, не добившись права принимать участие в управлении страной и в издании законов,—мы никогда не сбросим с себя гнетущих нас цепей экономического рабства. Вот почему борьба с самодержавным правительством за политическую свободу есть ближайшая задача русского рабочего движения.

Но для того, чтобы выполнить эту трудную задачу, для того, чтобы одержать победу над царским правительством, русское рабочее движение должно еще вырасти и окрепнуть. И не только армия борющихся русских рабочих должна увеличиться в количестве, но каждый солдат этой армии должен яснее понять цели и средства своей борьбы и научиться итти дружно, в ногу со своими товарищами. Но этого мало. Подобно тому, как тысяча солдат, объединенных в один полк, имеющих одного вождя и одно знамя, проявляет в войне гораздо большую силу, чем десять тысяч разрозненных, лишенных предводителя и потерявших знамя, — точно так же и русское рабочее движение удесятерит свои силы, если выступит, как единое целое с общим именем и стройной организацией. Уже недостаточно того, что русские рабочие сочувствуют друг другу,—нужно, чтобы они содействовали. Мало того, что они понимают значение и пользу единения,—нужно, чтобы они действительно объединились. Наступает пора, когда отдельные, разбросанные всюду рабочие кружки и союзы должны превратиться в один общий союз или одну общую партию. Эта партия будет способствовать объединению русских рабочих и росту русского рабочего движения; она будет направлять силы и средства оттуда, где они в избытке, туда, где в них нуждаются; она будет руководить борьбой русских рабочих, будет стремиться к тому, чтобы сделать эту борьбу стройной и организованной. Русское рабочее движение, пока незаметное и скрытое, проявится наружу во всей своей силе.

Всякая партия, выступающая впервые на арену истории, должна, прежде всего, развернуть свое знамя. На этом знамени она должна начертать те цели, за которые она намерена бороться, и не только ближайшие, но и самые отдаленные, конечные цели. И русские рабочие, выступая, как объединенная сила, как партия, должны развернуть свое знамя, должны показать своим друзьям и врагам, кто они, к каким целям они стремятся и какими средствами пользуются для достижения этих целей.

Какое же знамя будет развеваться над русским рабочим движением? Конечно, то самое знамя, на котором великие учителя рабочих, Маркс и Энгельс, начертали слова: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», — то знамя, под которым борются передовые рабочие всех стран земного шара, к которому и в России примыкают почти все рабочие кружки, кассы и союзы. Это красное знамя международной социал-демократии.

Русская рабочая партия будет партией социал-демократической.

Объявив себя социал-демократами, объединенные русские рабочие тем самым вполне ясно и определенно покажут, каковы их цели и стремления, каковы их ближайшие задачи, каковы их средства и способы их борьбы.

Развернув над собой знамя социал-демократии, они покажут, что, подобно социал-демократам всего мира, они стремятся не только к частичному улучшению своего положения, не только к увеличению заработной платы, сокращению рабочего дня, введению страхования рабочих, не только к приобретению политических прав, но что их конечною целью является полное переустройство общества на социалистических началах, т.-е. создание такого общественного строя, когда фабрики, заводы, пути сообщения, земли и все, вообще, средства производства будут находиться в руках общества, когда все члены общества будут равны, когда не будет сытых тунеядцев и голодных работников. Далее, объявив себя социал-демократами, русские рабочие покажут, что достижение своих целей они считают возможным только путем постепенного развития самосознания в рабочем классе, его объединения и неустанной борьбы с господствующими классами.

Словом, русские рабочие присоединяются к тем целям и средствам, которые выработали их заграничные товарищи путем долгого и тяжелого опыта.

Образование русской социал-демократической партии даст сильный толчок развитию русского рабочего движения. Окрепшее и усилившееся русское рабочее движение свергнет иго самодержавия и добьется политической свободы. А когда мы получим возможность открыто говорить и писать все, что угодно, собираться в собрания, устраивать союзы и стачки, когда мы добьемся права участвовать в издании законов и в управлении страной, тогда наша борьба пойдет вперед семимильными шагами. Наша рабочая партия вырастет и окрепнет, и приобретет такое же громадное значение, какое имеют партии наших заграничных товарищей. Она сольется с ними в один международный рабочий союз, в один всемирный могучий поток, который смоет с земли нищету, рабство, невежество, преступление и создаст новый мир,—мир счастья и справедливости.

ОБЗОР СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ КО ВРЕМЕНИ 1-го СЪЕЗДА.

Из статьи Б. Эйдельмана «К истории возникновения Р. С.-Д. Р. П., в «Пролет. Рев., 1921, № 1, стр. 54.

После первого провала Московского рабочего Союза первого состава и краткого расцвета второго состава (×) Москва так и не создала большой и сильной организации. На съезд от Москвы был приглашен молодой и слабый московский союз борьбы.

Виленчане успели создать областную организацию (Бунд), которой не было еще во время киевской конференции [1]).

---

[1]) Киевская конференция была первой, неудачной попыткой 1-го съезда. На ней участвовали две киевских с.-д. организации (группа «Рабочее Дело» и группа польских с.-д.) и Петроградский «Союз Борьбы». Эта конференция ограничилась обсуждением общепартийных нужд движения и вынесла постановление об именовании всех нарождающихся с.-д. организаций «Союзами борьбы за освобождение рабочего класса». Прим. ред.

Из четырех Союзов борьбы особенную физиономию имел екатеринославский. Одно время (1894—1895 г.г.) тут работали и провалились киевские студенты [1]), которые стояли близко к русской социал-демократической группе. Провалившись, они дали членов заграничной колонии эмигрантов и сибирской колонии ссыльных. В Екатеринославе Союз борьбы несколько напоминал нормальный тип союза, создаваемого центральной организацией [2]). Сразу здесь осела небольшая группка членов организаций других городов с известным опытом. А среди рабочих были ссыльные из других двух центров рабочего движения. Были виленские ремесленники, высланные сюда, и большая группа петербургских участников стачки 1896 года. Екатеринославский Союз принялся за объединение всех этих элементов.

Еще группе «Рабочей Газеты» были известны организации в Одессе, Николаеве и Харькове.

В Одессе киевская группа имела связи и готовилась создать местную организацию, но призывать из Одессы представителей на съезд мы не считали нужным.

Относительно Одессы надо то же сказать, что и о Москве. И тут, и там ранний провал организации совершенно уничтожил всякую надежду на воссоздание ее. Что касается Одессы, то мы имеем в виду провал 1894 г. при попытке без предварительной подготовки начать широкую агитацию [3]).

О Николаеве мы узнали, что там имеется маленькая живая группка, которая за очень короткое время успела

---

[1]) Это группа Линдова-Лейтейзена и доктор Фридель.

[2]) В екатеринославском Союзе борьбы принимали участие: К. А. Петрусевич, Орлов, (работавший раньше в Кременчуге), Левина (тоже из Кременчуга) и другие. Из Вильно в Екатеринославе работал Гальперин, настоящей фамилии не знаю.

[3]) Кстати, сошлюсь на эти примеры в оправдание осторожности в тактике при переходе к новым формам борьбы, как эта осторожность проявилась киевской группой «Раб. Дело». Киевская с.-д. группа убеждала в своей прокламации сознательных рабочих не участвовать 18 марта 1897 г. в демонстрации, на которую призывала рабочих киевская группа эс-эров. Один социал-демократ, (работавший одиночкой д-р Е. П. Севастьянов), по поводу упомянутой с.-д. прокламации говорил, что это ушат холодной воды на и без того негорячую голову русских рабочих. Но возбуждающие средства для нормального питания должны занимать только скромное место и никогда почти не заменяют собой продолжительной подготовки путем пропаганды, агитации и организации.

проявить большую энергию в агитации масс. К нам доходила газета, издаваемая этой группой («Наше Время»)[1] (×). Николаевскую группу мы считали мало конспиративной. Группа была накануне провала. Поэтому группа не получила приглашения на съезд.

В Харькове мы имели через Роялиста[2]) связи в рабочей среде и таким образом разыскали молодую интеллигентскую группку. При первом объезде предстояло обратить особое внимание на две организации: на московскую и харьковскую. На московскую потому, что она по личному составу была нам очень мало известна, хотя и считалась преемницией московского Рабочего союза. Харьковская же организация была совсем молодая. Эта группа при первом объезде после долгих переговоров дала свое согласие, но когда при втором посещении ей была передана программа съезда, она представила письменный отказ от участия в съезде, мотивируя его неблаговременностью создания партии при слабости групп петербургского и московского Союзов борьбы.

Из национальных с.-д. организаций только за несколько дней до съезда была приглашена на съезд литовская с.-д. партия, но она делегата не прислала. Приглашена была эта организация так поздно потому, что мы ее очень мало знали раньше. Что касается Социал-демократии Царства Польского и Литвы, то ее мы также очень мало знали, и она приглашена не была. Хорошо нам была известна Польская партия социалистическая, но ее мы и не думали приглашать, так как ни группа «Р. Г.», ни какая другая из социал-демократических групп не считала ее социал-демократической.

Чтобы закончить с имевшимися к первому съезду группами, которые имели право на участие в съезде, нам остается рассказать, почему не были приглашены на съезд заграничная группа «Союза русских социал-демократов»[3]) и группа «Рабочего Знамени».

О наших отношениях к Союзу р. с.-д. мы уже выше говорили. Все сказанное об этом Союзе сводится к тому, что, как

---

[1]) Газета, согласно указанию т. Эльцина в «Правде», называлась «Наше Дело».
[2]) Кличка т. Ис. Д. Поляка, наборщика. Примеч. ред.
[3]) Образовавшегося за границей в 1897 г. Примеч. ред.

организация, она была чужда нам. Мы знали хорошо только пару-другую имен и несколько книг. Но мы не видели в Союзе живой и деятельной организации. К тому же мы особенно не доверяли не-практикам (в узком смысле слова), вообще, как не знающим местных условий (на этом основан первый пункт устава съезда), и, кроме того, особенно мы не доверяли заграничным из предполагаемой неконспиративности их. Вот почему заграничный Союз р. с.-д. не был приглашен на съезд. Но так как образовавшейся партии нужны были и литераторы, и заграничный комитет, то на съезде об этом и было вынесено известное постановление. Правда, мы мало или почти ничего не знали о разногласиях между членами и, принимая на съезде решение о заграничном комитете партии, имели в виду, конечно, всех работников, а не одну какую-нибудь группу этого Союза.

Теперь нам остается рассказать, почему не было на съезде группы «Рабочего Знамени».

В первом номере «Рабочего Знамени» написано, что только условия подпольной работы в России послужили причиной одновременного появления двух, ничем не отличающихся между собой партий. Цитирую на память цитату из «Рабочего Знамени» в «Рабочем Деле», но за смысл ручаюсь. Так представляет дело «Рабочее Знамя». Но это не совсем так.

Как известно группа эта на своих изданиях до появления «Рабочего Знамени» называла себя кружком рабочих-революционеров. Это был белостокский кружок (×). Мы знали об этой группе, что у нее имеется около 12—15 членов, кажется, по преимуществу рабочих, что у них имеется хорошо поставленные типографии. Об одном из их изданий был дан отзыв во втором номере «Рабочей Газеты». Также мы знали, что группа эта вербует членов в Киеве. До выхода их издания «Задачи русской рабочей партии», которое представляет собой перепечатку женевского издания «Чего хотят социал-демократы» с прибавлением одной-двух страниц о тактике, — мы не имели данных считать эту группу социал-демократической, да и она сама себя, кажется, таковой не считала. Мы судили о группе по Белосточанину, который имел весьма широкие полномочия. Так, например, он мог, одобрив рукопись, взяться печатать ее в типографии группы. С этой целью ве-

лись у нас переговоры, но они ни к чему не привели. Одно время в их типографии долго лежала изданная потом за границей брошюра Ленина [1]), переданная через нашу группу из Петербурга, но напечатана не была. Может быть, эта брошюра не осталась без влияния на самоопределение белостокской группы в смысле принятия социал-демократической программы. Киевляне считали эту группу отчасти неопределившейся и несколько близкою по своим воззрениям к киевским эс-эрам (X). После издания «Задач русской рабочей партии», один член киевского союза борьбы и один петербургского получили предложение от белостокской группы присоединиться к этой партии. Это было незадолго до съезда. Мы считали эти предложения за желание построить партию вокруг белостокской группы—«Рабочего Знамени», как центра. Но для этого собиравшиеся на съезд группы не считали ее пригодной. Против приглашения группы «Рабочего Знамени» на съезд говорило сравнительно недавнее присоединение ее к социал-демократической программе и недавняя близость ее во взглядах киевских членов к эс-эрам. Затем мы считались и с тем, что взгляды группы, судя по Белосточанину, представляли некоторые такие особенности, что мы считали нужным выждать их дальнейшего выяснения. Вот почему группа будущего «Рабочего Знамени», заявившая о своем существовании и работе, что давало по неписанному уставу съезда ей право на участие в нем, как социал-демократической (X),—не получила приглашения на съезд. Но выбранный на съезде Центральный Комитет партии одним из первых вопросов решил вопрос о вступлении в переговоры с ней для выяснения отношений и вступления ее в образовавшуюся на съезде партию.

Таким образом, на с'езде оказались следующие организации: Союзы борьбы за освобождение рабочего класса—петербургский, московский, киевский, екатеринославский, Бунд и группа «Рабочей Газеты» [2]) (X).

---

[1]) Точного заглавия не помню; кажется «К вопросу о задачах и тактике с.-д.».

[2]) К перечисленным организациям можно было бы еще прибавить киевский рабочий комитет, который имел своего представителя. Это был Тучапский, который одновременно представлял и киевский рабочий комитет и киевский союз борьбы.

Как устраивались выборы делегатов на съезд в других организациях, в том числе и в Бунде, пославшем в своей делегации одного рабочего, не знаем. Заметим только, что посылка делегации для Бунда была облегчена тем, что съезд происходил в районе Бунда, в Минске, а средства, конечно, были весьма скромные.

В Киеве выборы на съезд происходили таким образом.

Киевскому Союзу борьбы в полном собрании было доложено, что предстоит съезд для образования партии и передана программа съезда и предложение принять участие. Союз выбрал делегата. Затем были собраны все члены «киевского рабочего комитета» и несколько не-членов, и сделаны тот же доклад и предложения. Кроме рабочих была и одна работница; на этом заседании расширенного рабочего комитета присутствовали и два интеллигента [1]). Один из них был членом рабочего комитета в это время, а другой — раньше, в комитете первого состава. Эти интеллигенты уже имели мандаты на съезд. На этом собрании интеллигенты сделали указание, что желательно послать делегатом на съезд рабочего. Но рабочие, из недоверия ли к своим силам, из других ли соображений, выбрали интеллигента. Не сомневаюсь, что, будь в это время в Киеве Мельников, он был бы выбран, но он в это время, больной, был под надзором полиции в Ромнах, в ожидании приговора.

Из группы «Рабочей Газеты» был выбран один и потом, по его предложению, другой [2]), хотя не без пользы и с полным правом группа могла бы послать и еще одного-двух. Имела значение и экономия, и желание собрать как можно меньше людей из конспирации, а количество голосов, предоставленное каждой организации, как и раньше предполагалось и на съезде было решено, был один голос для каждой. Но на съезде царило полное согласие, и члены его скоро перестали считать голоса при решении вопросов, так как все решения принимались подавляющим большинством.

---

[1]) Присутствовали Тучапский и я.

[2]) Были выбраны я и Вигдорчик.

ПЕРВЫЙ СЪЕЗД.

Из той же ст. Б. Эйдельмана.

Таким образом, первого марта 1898 года, вечером в Минске собрались девять представителей социал-демократических

организаций: четыре—от четырех союзов борьбы, три—от Бунда и два—от группы «Рабочей Газеты» [1]).

---

[1]) От «Рабочей Газеты» — Эйдельман и Вигдорчик, от петерб. «Союза Борьбы»—Степан Иванович Радченко, от екатериносл. «Союза Борьбы»—Каз. Ад. Петрусевич, от киевск. «Союза Борьбы» и киевск. раб. ком.—П. Л. Тучапский, от московского «Союза Борьбы»—Александр Ванновский, от Бунда—Александр Кремер, Мутник (Глеб) и рабочий часовщик (фамилии не знаю). (9-м членом съезда был часовщик Ш. Кац (см. № 7 «Кр. Летописи», 1923 г.). Прим. ред.).

Первое заседание началось до приезда девятого делегата, который ожидался вечерним поездом и приехал ко второй половине заседания [1]).

Порядком дня служила программа съезда. Эта программа была представлена группой «Раб. Газ.» и была передана для обсуждения и дополнения во все социал-демократические организации. Из всех организаций только петербургский Союз прибавил определение задач Центр. Комитета—руководство движением; в программе имелся перечень функций, какие возлагались на Ц. К. В программе было сделано указание, что делегаты должны иметь полномочия обсуждать и принимать решения и по таким вопросам, если бы они возникли, о которых программа не упоминает.

Мне кажется, что ясное представление об этой программе можно составить себе по решениям съезда, которые приложены к манифесту, так как эти решения представляют ответы на вопросы, предложенные в программе. Программа по некоторым вопросам давала и предполагаемое решение, например, по вопросу о названии партии давались два ответа: русская и российская.

Первым вопросом на первом заседании обсуждался вопрос о названии партии. К слову «Российская» было прибавлено слово: рабочая, которого в программе не имелось [2]). На съезде на второй или на третий день были даны названия учреждениям партии: Центральный Комитет, местные комитеты и известные теперь (писано в 1906 г.) формы для изданий, с названием партии в заголовке.

Слово Р о с с и й с к а я было избрано для партии, чтобы указать, что в работе, какую партия наша делает, прини-

[1]) Возможно, что описываемое здесь собрание происходило не 1 марта, а накануне, и представляло собою не первое заседание, а только предварительное, как это указано в статье Акимова, по воспоминаниям других членов съезда.

[2]) Тут у меня написано, что на съезде к названию партии было прибавлено слова: р а б о ч а я. Это неверно. Дело вот в чем: когда я впервые в 1901 году увидел напечатанный манифест, то меня смутило название партии. И я не знал, что думать об этом: решения съезда и последний абзац манифеста о преемстве партией наследства «Народной Воли» (так как это предложение на съезде было сделано мной) говорило о съезде 1898 г., но слово р а б о ч а я, прибавленное к названию партии, ставило меня в тупик, и я решил, что память мне изменила. Вот причина моей ошибки.

мают участие не только русские пролетарии, но и пролетарии всех других населяющих Россию народов.

Как организация борьбы, партия пролетариата России должна была, по мысли съезда, в лице всей центральной организации, быть единой, как един ее ближайший противник.

После вопроса о названии партии, одним из первых было формулировано отношение нашей партии к национальному вопросу. Вопрос возник по поводу пункта порядка дня: отношение к P. P. S. [1]). Будучи практиками, мы хотели решить вопрос об отношении нашей партии к революционной организации, с которой мы не могли не встречаться, как работавшей на том же поле, что и мы, а главное, против того же противника, который был и нашим противником. Ища решения частного конкретного вопроса и не находя его за недостатком данных в опыте партии, мы натолкнулись, однако, на общий вопрос, который должен был быть решен предварительно. И, поставивши последний, мы дали на съезде то его решение, которое вошло в программу второго съезда вместе с прибавленными на втором съезде некоторыми следствиями из него.

Это был единственный программный вопрос, обсуждавшийся и решенный на первом съезде.

Вопрос о признании заграничного Союза русских с.-д. представителем партии за границей был решен довольно быстро. Но и об этом потом была речь на заседании Ц. К.

В связи с вопросом об автономии местных комитетов была предоставлена и автономия Бунду. Бунд от других организаций, участвовавших на съезде, отличался тем, что представлял объединенный комитет нескольких городов, и некоторая особенность его автономии зависела также от особого языка его членов. Так как Центральный Комитет партии не мог рассчитывать, по крайней мере на первых порах, сам издавать литературу на еврейском языке, то эта задача выпадала автономному Бунду. Но в то время, как все остальные местные комитеты могли ставить себе задачей только местные по преимуществу издания, так как общий орган должен был издавать Ц. К., еврейские издания все оставались в руках Бунда. В помощь Бундовской издательской деятельности со

---

[1]) Польская партия социалистическая.

стороны центрального органа партии было обещано передавать Бунду для его еврейского органа газетный материал для одновременного его появления и на еврейском языке. Из всего этого видно, что автономия Бунда, по смыслу постановления с'езда, была скорее всего технического свойства, отличавшаяся от автономии других комитетов тем, что права, предоставленные всем местным комитетам, Бундом осуществлялись в большей степени, чем другими, и часть этих прав и функций (имеем в виду издательство на еврейском языке), повидимому, могла и должна была расшириться с помощью Ц. К. Во всяком случае ни один комитет, ни Бунд не получили права сношений с другими организациями ни в России, ни за границей помимо Ц. К. партии (×).

После решения вопросов о названии партии, автономии местных комитетов и Бунда и о заграничном комитете, занял место вопрос о времени созыва экстренного с'езда и количестве голосов, имеющих право созвать его. Этим вопросом очень интересовался делегат московского Союза борьбы. Более молодая организация — она больше других боялась власти Ц. К.

При этом более нетерпеливые участники с'езда, так как вопрос был ясен, упрекнули председателя в неискусном руководстве прениями; на самом деле, говорил каждый, кто сколько считал нужным, пока делалось возможным удовлетворяющее всех решение. На одном из последних заседаний были сделаны доклады делегатов о положении дел на местах. Бундовский доклад был больше других. Доклад представителя киевского Союза борьбы и Рабочего комитета имел пессимистическую нотку. В общем положение дел для всех было ясно, и доклады ничего нового не дали.

По поводу выборов в Ц. К. партии было сделано предложение о предоставлении выполнения решений с'езда представителям трех групп, которые фактически и до сих пор отчасти выполняли задачи общепартийной центральной организации. Имелись в виду группы петербургского союза, Бунда и «Рабочей Газеты». Они-то и были избраны в Ц. К. Выбрано было три члена [1]). Ц. К. имел два-три заседания, в которых был

[1]) С. И. Радченко, А. Кремер и Б. Эйдельман.

намечен целый ряд задач. Члены Ц. К. должны были жить, где по роду их деятельности кому было удобно, и с'езжаться по мере надобности. Кроме решений Ц. К. о переговорах с группой «Рабочего Знамени» и союзом русских социал-демократов за границей, были предположения о создании новых комитетов в некоторых волжских городах.

По вопросу о редакции центрального органа партии, каковым была признана «Раб. Газета», Центральный Комитет, которому было поручено устроить его редакцию, решил передать ее, начиная с третьего номера «Р. Г.», который почти весь был готов [1]), одному литератору-марксисту, оставив за собой контроль за всем, написанным в газете. Особенно на этом контроле настаивал один из членов Ц. К.

Первый Ц. К. смотрел на себя, как на учреждение, которое в близком будущем должно было сильно измениться и увеличиться. Его задача была наладить текущие дела, вступить в переговоры с невошедшими еще в партию социал-демократическими организациями и столковаться с заграничной организацией. Покончив с текущими неотложными делами, что легко было официальному общепризнанному представительному учреждению партии, каким был выбранный на с'езде Ц. К., этот комитет полагал не позже шести месяцев, которых было бы достаточно для решения неотложных дел, собрать второй с'езд. Закрывая с'езд, председатель его предложил всем членам его считать себя членами Ц. К., собственно кандидатами, и если хотя бы один уцелел в случае провала, то ему вменялось в обязанность выполнить постановления с'езда. Председатель с'езда тогда же предупреждал товарищей не возбуждать среди членов своих организаций слишком преувеличенных надежд, но если Ц. К., говорилось дальше, удастся просуществовать месяцев шесть, тогда, казалось, и большие надежды могут считаться осуществимыми. Ц. К. считал свои ближайшие задачи осуществимыми и посильными для себя, а если будет дано несколько месяцев жизни без провала, тогда следующий с'езд очень скоро мог бы, казалось, дать полную социал-демократическую программу.

На с'езде подробно финансы партии не обсуждались. Но

---

[1]) Не было только передовой статьи.

в Центральном Комитете был подсчитан ежемесячный бюджет.

С'езд начался первого марта вечером и окончился третьего марта вечером. Заседания начинались с раннего утра и продолжались до позднего вечера, с перерывом на обед.

Третьего марта вечером была устроена вечеринка, где присутствовали члены местной организации.

Пели песни. Были тосты. О двух из них следует вспомнить. Первый—это тост рабочего, участника с'езда, за то, чтобы на следующем с'езде было более рабочих, чем на первом. Другой тост—представителя киевского Союза и Рабочего комитета. В небольшой речи он напомнил товарищам, что время основания партии совпадает с пятнадцатилетием выхода в свет первого издания первых основателей социал-демократии в России—группы «Освобождение Труда».

Первым делом Ц.К. должно было быть издание манифеста об образовании партии, редакция которого предоставлена была Ц.К. На с'езде было только сделано указание на то, чтобы в манифесте было, кроме указания на задачи партии, указано, что Р.С.-Д.Р.П., как организация борьбы, является преемницей «Народной Воли».

Не совсем удачная формулировка этой мысли (см. предпоследний абзац манифеста) дала повод к нападкам на социал-демократию со стороны одного ее критика.

Два слова в заключение. Стремясь организовать партию, группа «Раб. Газ.» и другие группы—участницы с'езда—хотели построить ее путем разрешения назревших потребностей практической деятельности и считаясь с уровнем развития большинства организаций.

Усилить центральную организацию партии считали поэтому возможным в процессе работы этого центра. Партийность надо было еще нажить и воспитать. Юридически, первому Ц.К. была дана задача больше всего обслуживать организации: издание и доставка литературы, издание центрального органа, издание прокламаций по поводам, общим для всей России, например, майской и т. п. Но это обслуживание должно было превратиться неизбежно в руководство организованым рабочим движением в России. И с'езд 1898 года сделал первый шаг в этом направлении. В этом все его значение.

И, несмотря на то, что от минского с'езда до брюссельского [1]) прошло несколько лет, брюсельский с'езд не мог не считать себя вторым, хотя только этот с'езд дал партии настоящую социал-демократическую программу.

МАНИФЕСТ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ.

50 лет тому назад над Европой пронеслась живительная буря революции 1848 года. Впервые на сцену выступил — как крупная историческая сила — современный рабочий класс. Его силами буржуазии удалось смести много устарелых феодально-монархических порядков. Но буржуазия быстро рассмотрела в новом союзнике своего злейшего врага и предала и себя, и его, и дело свободы в руки реакции. Однако было уже поздно: рабочий класс, на время усмиренный, через 10—15 лет снова появился на исторической сцене, с удвоенными силами, с возросшим самосознанием, как вполне зрелый боец за свое конечное освобождение.

Россия за это время оставалась, повидимому, в стороне от столбовой дороги исторического движения. Борьбы классов в ней не было видно, но она была и, главное, все зрела и росла. Русское правительство с похвальным усердием само насаждало семена классовой борьбы, обездоливая крестьян, покровительствуя помещикам, выкармливая и откармливая на счет трудящегося населения крупных капиталистов. Но буржуазно-капиталистический строй немыслим без пролетариата или рабочего класса. Последний родится вместе с капитализмом, растет вместе, крепнет и по мере своего роста все больше и больше наталкивается на борьбу с буржуазией.

Русский фабричный рабочий, крепостной и свободный, всегда вел скрытую и явную борьбу со своими эксплоататорами. По мере развития капитализма размеры этой борьбы росли, они захватывали все бо̀льшие и бо̀льшие слои рабочего населения. Пробуждение классового самосознания русского

---

[1]) Т. е. до 2-го съезда 1903.

пролетариата и рост стихийного рабочего движения совпали с окончательным развитием международной социал-демократии, как носительницы классовой борьбы и классового идеала сознательных рабочих всего мира. Все новейшие русские рабочие организации всегда в своей деятельности сознательно или бессознательно действовали в духе социал-демократических идей. Силу и значение рабочего движения и опирающейся на него социал-демократии всего ярче обнаружил целый ряд стачек за последнее время в России и Польше, в особенности знаменитые стачки петербургских ткачей и прядильщиков в 1896 и 1897 г.г. Стачки эти вынудили правительство издать закон 2-го июня 1897 г. о продолжительности рабочего времени. Этот закон — как бы ни были велики его недостатки—останется навсегда достопамятным доказательством того могущественного давления, которое оказывают на законодательную и иную деятельность правительства соединенные усилия рабочих. Напрасно только правительство мнит, что уступками оно может успокоить рабочих. Везде рабочий класс становится тем требовательнее, чем больше ему дают. То же будет и с русским пролетариатом. Ему давали до сих пор лишь тогда, когда он требовал, и впредь будут давать лишь то, чего он потребует.

А чего только не нужно русскому рабочему классу? Он совершенно лишен того, чем свободно и спокойно пользуются его заграничные товарищи: участия в управлении государством, свободы устного и печатного слова, свободы союзов и собраний, — словом, всех тех орудий и средств, которыми западно-европейский и американский пролетариат улучшает свое положение и вместе с тем борется за свое конечное освобождение, против частной собственности и капитализма — за социализм. Политическая свобода нужна русскому пролетариату, как чистый воздух нужен для здорового дыхания. Она — основное условие его свободного развития и успешной борьбы за частичные улучшения и конечное освобождение.

Но нужную ему политическую свободу русский пролетариат может завоевать себе только сам.

Чем дальше на Восток Европы, тем в политическом отношении слабее, трусливее и подлее становится буржуазия, и тем большие культурные, политические задачи выпадают

на долю пролетариата. На своих крепких плечах русский рабочий класс должен вынести и вынесет дело завоевания политической свободы. Это—необходимый, но лишь первый шаг к осуществлению великой исторической миссии пролетариата: созданию такого общественного строя, в котором не будет места эксплоатации человека человеком. Русский пролетариат сбросит с себя ярмо самодержавия, чтобы с большей энергией продолжать борьбу с капитализмом и буржуазией до полной победы социализма.

Первые шаги русского рабочего движения и русской социал-демократии не могли не быть разрозненными, в известном смысле случайными, лишенными единства и плана. Теперь настала пора об'единить местные силы, кружки и организации русской социал-демократии в единую «Российскую Социал-Демократическую Рабочую Партию». В сознании этого представители: «Союзов борьбы за освобождение рабочего класса», группы, издающей «Рабочую газету» и «Общееврейского рабочего союза в России и Польше» устроили с'езд, решения которого приводятся ниже.

Местные группы, соединяясь в партию, сознают всю важность этого шага и все значение вытекающей из него ответственности. Им они окончательно закрепляют переход русского революционного движения в новую эпоху сознательной борьбы. Как движение, так и направление социалистическое, Российская Социал-Демократическая Партия продолжает дело и традиции всего предшествовавшего революционного движения в России; ставя главнейшей из ближайших задач партии в ее целом завоевание политической свободы, социал-демократия идет к цели, ясно намеченной еще славными деятелями старой «Народной Воли». Но средства и пути, которые избирает социал-демократия, иные. Выбор их определяется тем, что она сознательно хочет быть и остаться классовым движением организованных рабочих масс. Она твердо убеждена, что «освобождение рабочего класса может быть только его собственным делом», и будет неуклонно сообразовывать все свои действия с этим основным началом международной социал-демократии.

Да здравствует русская, да здравствует международная социал-демократия!

РЕШЕНИЯ СЪЕЗДА.

1. Организации «Союзов борьбы за освобождение рабочего класса», группы «Рабочей газеты» и «Общееврейского рабочего союза в России и Польше» сливаются в единую, под названием «Российской Социал-Демократической Рабочей Партии», при чем «Общееврейский рабочий союз в России и Польше» входит в партию как автономная организация, самостоятельная лишь в вопросах, касающихся специально еврейского пролетариата.

2. Исполнительным органом «Партии» является Центральный Комитет, избранный с'ездом «Партии», которому он и отдает отчет в своей деятельности.

3. На обязанности Центрального Комитета лежит:

а) забота о планомерной деятельности «Партии» (распределение сил и средств, выставление и проведение однообразных требований и проч.). Центральный Комитет руководится при этом общими указаниями, даваемыми с'ездами «Партии»;

б) создание и доставка местным комитетам литературы;

в) организация таких предприятий, которые имеют общее для всей России значение (празднование 1 мая, издание листков по поводу выдающихся фактов, помощь стачечникам и проч.).

4. В особо важных случаях Центральный Комитет руководится следующими принципами:

а) в вопросах, допускающих отсрочку, Центральный Комитет обязан обращаться за указаниями к с'езду «Партии»;

б) в вопросах, не допускающих отсрочки, Центральный Комитет по единогласному решению поступает самостоятельно, отдавая отчет в сделанном ближайшему очередному или экстренному с'езду «Партии».

5. Центральный Комитет имеет право пополнять свой состав новыми членами.

6. Средства «Партии», которые находятся в распоряжении Центрального Комитета, составляются:

а) из добровольных единовременных взносов местных комитетов в момент образования «Партии»;

б) из добровольных периодических отчислений из средств местных комитетов; и

в) из специальных сборов на «Партию».

7. Местные комитеты выполняют постановления Центрального Комитета в той форме, какую они найдут более подходящей по местным условиям. В исключительных случаях местным комитетам предоставляется право отказаться от выполнения требований Центрального Комитета, известив его о причине отказа. Во всем остальном местные комитеты действуют вполне сознательно, руководясь лишь программой «Партии».

8. «Партия» через свой Центральный Комитет вступает в сношения с другими революционными организациями, поскольку это не нарушает принципов ее программы и приемов ее тактики. Партия признает за каждой национальностью право самоопределения.

ПРИМЕЧАНИЕ: Местные комитеты вступают в сношения с такими организациями только с ведома и по указаниям Центрального Комитета.

9. Высшим органом «Партии» является с'езд представителей местных комитетов. С'езды бывают очередные и экстренные. Каждый очередной с'езд назначает время следующего очередного. Экстренные с'езды созываются Центральным Комитетом как по собственной иницативе, так и по требованию двух третей числа местных членов.

10. «Союз русских социал-демократов» за границей является частью «Партии» и ее заграничным представителем.

11. Официальным органом «Партии» об'является «Рабочая газета».

Подробная программа «Партии» будет опубликована по рассмотрении ее местными комитетами.

АДРЕС РУССКИХ С.-Д. ОРГАНИЗАЦИЙ ГЕРМАНСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ ПО ПОВОДУ 50-ЛЕТИЯ МАРТОВСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (1848 Г.).

Этот адрес был помещен в центр. органе германской социал-демократии «Vorvärts», № 65 от 18 марта 1898 г. Как видно из даты (3 марта по ст. стилю) и из подписи организаций—участников 1-го съезда, посылка адреса могла состояться в связи с съездом. О самом съезде в адресе, однако, не упоминается, вероятно, по конспиративным соображениям, (чтобы не дать жандармам возможности открыть участников съезда по свежим следам).

Прим. ред.

С.-Петербург, 15 марта 1898 г.

Немецкой социал-демократии.

Товарищи! Мы приветствуем немецкую социал-демократию в знаменательный день великой борьбы против политического бесправия народа.

50 лет тому назад революционные борцы нанесли в Германии первый удар абсолютизму. Преклоняясь перед могилами павших борцов, немецкий пролетариат может сегодня с заслуженной гордостью сказать, что он был верным хранителем революционных заветов, ибо создал политическую партию, которая ведет его прямой дорогой к победе.

Отдавая должную дань памяти немецких борцов 1848 года, мы — русские рабочие — тем сильнее чувствуем их заслуги перед немецким пролетариатом, что наш абсолютизм находится в полном расцвете своих сил; не ослабляемый общественными учреждениями, он стоит поперек пути нашему пролетариату и возлагает на него труднейшие задачи. Положение русского пролетариата затрудняется тем, что он не может рассчитывать на содействие буржуазных элементов, ибо финансовые потребности страны принудили царизм ослабить оковы феодализма и без борьбы, без кровопролития дать буржуазии тот простор для промышленного развития, который он на западе должен был завоевать на баррикадах.

Но развитие промышленности гигантскими шагами идет вперед в России, вместе с промышленностью развивается русский пролетариат и растет его классовое сознание.

Борьба против абсолютизма вскоре станет для русского пролетариата ближайшей целью и условием его дальнейшего развития.

Вам известно, в каких тяжелых условиях ведут свою в борьбе за политическую свободу. Память об их геройской бири. Но никакие преследования не испугают русского пролетариата, который не оставит борьбы до тех пор, пока он не добьется своего освобождения от политического рабства.

Мы чествуем память борцов 1848 г., как наших учителей в борьбе за политическую свободу. Память об их геройской гибели в борьбе за свободу будет вечно жить в наших сердцах.

Союзы борьбы за освобождение рабочего класса в Петербурге, Москве, Киеве и Екатеринославе и Всеобщий Еврейский Рабочий Союз России и Польши.

ОТДЕЛ СЕДЬМОЙ

Легальный марксизм и экономизм

ЛЕГАЛЬНЫЙ МАРКСИЗМ 90-х Г.Г.

Из брошюры П. Орловского (В. В. Воровского, убитого швейцарскими фашистами в 1923 г.): «К истории марксизма в России». Гос. изд., Москва, 1919 г., стр. 26—34.

Начало 90-х годов прошлого века знаменуется глубоким поворотом в общественной мысли передовых кругов России. Наступает—и притом весьма резко—кризис в господствовавшей до тех пор народнической идеологии. В деле разрушения старых верований сыграли решительную роль два фактора, имеющие общие корни в социально-экономическом развитии России предшествовавших десятилетий: с одной стороны, крупный рост промышленного пролетариата [1]) и пролетаризации крестьянства, с другой—разочарование интеллигенции в спасительных свойствах «народного» производства после голода 1891 года, раскрывшего истинную картину деревенской жизни.

С этого времени начинают расти и умножаться марксистские кружки—и интеллигентские, и рабочие. Идет подготовительная работа к выступлениям — литературному 1894—1895 г.г., боевому 1896 года. Задержание и постоянное неприятное присутствие в обществе нового, враждебного народничеству образа мыслей начинает все заметнее сказываться на той нервозности, с которой реагирует оно на—пока только возможное—выступление марксизма. Содержанно-доброжелательное отношение к марксизму, даже к его «про-

---

[1]) Хотя этот факт тогда отрицался народниками. Так, в 1894 г. Ник.—он, полемизируя против г. П. Струве, утверждавшего в статье в «Soc.-pol. Centralblatt», что «миссия капитализма» в России—переместить центр тяжести из крестьянства в пролетариат, писал, что у нас за последнее время количество пролетариата относительно сократилось. Но об'ективная действительность сильнее действовала на умы, чем уверения народников.

извольным гипотезам», превращается теперь в полемику, принимающую все более и более сердитый и обиженный тон. Весьма характерно, что тяжелая артиллерия была двинута против марксизма еще задолго до того, как начали появляться в русской литературе печатные произведения марксистов [1]. Первая схватка с молодым поколением марксистов в экономической области носила, так сказать, международный характер, ибо завязалась она из-за немецкой статьи г. Струве.

Собственно поворот к марксизму не произошел так неожиданно и вдруг, как могло казаться. Не говоря уже о систематическом влиянии литературы группы «Освобождение Труда», особенно в конце 80-х годов и в период голода 91-го года, следует отметить ряд легальных проявлений марксизма в публицистике и науке. Статьи Г. Валентинова (×), статьи А. Скворцова, появлявшиеся в 1890 году, а также его книга «Влияние парового транспорта на сельское хозяйство»,—все это подготовляло почву для дальнейших шагов марксизма [2].

В № берлинского журнала «Social-politisches Centralblatt» от 2-го октября 1893 г. появилась статья г. П. Струве «Zur Beurtheilung der kapitalistischen Entwickelung Russlands», в которой он выступил главным образом против «Очерков» г. Николая—она. Задетый им попутно, г. Кривенко поспешил возразить в 12-й книжке «Русского богатства» за тот же год. («По поводу культурных одиночек».) В первых двух №№ следующего 1894 года появились статьи Н. К. Михайловского («Литература и Жизнь»), направленные против социологического учения Маркса. В первой статье разбирался вопрос об экономической необходимости пролетаризации крестьянства в России и развития капитализма, во второй—речь шла о диалектике. В этих статьях была положена основа всей дальнейшей полемике против марксизма как со стороны са-

---

[1] Н. К. Михайловский занял вполне боевую позицию (и сильно расходящуюся с его позицией 1877 г.) еще в январском и февральском №№ «Русского Богатства» за 1894 г., между тем, как первая марксистская книжка «Критические заметки» — П. Струве, появилась в свет к сентябрю того же года. То же самое проф. Кареев в своих многочисленных статьях против «экономического материализма».

[2] В сущности, г. А. Скворцова только условно можно назвать марксистом. Мы упоминаем его здесь, лишь поскольку он выступал против народнической идеологии.

мого Михайловского, так и со стороны его единомышленников. Здесь он более полно развил ту мысль, которую мы отметили выше в статье 1877 г., именно, что последовательный марксист «должен радоваться разлучению труда и собственности», что марксизм заставляет русского человека способствовать насаждению капитализма, а в лучшем случае обрекает его на косность. Вместе с тем к своему прежнему мнению, что гегелианство можно снять с марксизма «как крышку», он прибавил теперь оговорку: исключая одного пункта. Именно необходимость перехода от капитализма к социализму у Маркса доказывается-де только при помощи «триады» Гегеля.

В области экономики выступил против молодого, или, как выражался Н. К. Михайловский, против нео-марксизма, г. Николай—он. В июньской книжке «Русского Богатства» за тот же год он напечатал большую статью об условиях развития народного хозяйства в России. В своей двойной роли «истинного марксиста» и противника «нео-марксистов» он одновременно выступил против г. Слонимского и против г. Струве (против его немецкой статьи). Весьма характерно, что против г. Слонимского он выдвинул как раз предисловие к «Zur Kritik der politischen Oekonomie», которое так усиленно оспаривалось народниками, а также критическую заметку г. И. К—на из «Вестника Европы», сильно расходящуюся с новой оценкой Маркса г. Михайловским.

Но вот в сентябре 1894 г. выходят в свет нашумевшие «Заметки» г. Струве [1]). С их резкой критикой социологического и экономического учения народничества, с их безапелляционным, несколько утрированным разжалованием личности, эти «Заметки» явились для народнического течения тем же, чем красная тряпка для быка. Особенно пресловутые заключительные слова книги: «Нет, признаем нашу некультурность, и пойдем на выучку к капитализму»,—вызвали бурю негодования.

Началась отчаянная борьба. Тотчас по выходе книги в октябрьском номере «Русского Богатства» появилась статья Михайловского, мелочные придирки и личные выпады кото-

---

[1]) «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России». Спб. 1894.

рой свидетельствовали, насколько больно била марксистская критика старое мировоззрение [1]).

Но книга г. Струве не только била народничество: она таила в себе и элементы грядущего ревизионизма. В предисловии он вполне откровенно заявил, что «примыкая по некоторым основным вопросам к совершенно определившимся в литературе взглядам (т.-е. к марксизму П. О.), он нисколько не считал себя связанным с буквой и кодексом какой-нибудь доктрины. Ортодоксией он не заражен, если только под ортодоксией не разуметь стремления к последовательному мышлению» [2]). Особенно рельефно сказалась эта свобода от ортодоксии в критике народнической философии истории и в изложении марксистской. По мнению автора, «ч и с т о ф и л о с о ф с к о е о б о с н о в а н и е этого учения (т.-е. экономического материализма) еще не дано», это учение «еще не справилось с тем огромным конкретным материалом, который представляет всемирная история. Нужен, очевидно, п е р е с м о т р ф а к т о в с точки зрения новой теории; нужна к р и т и к а т е о р и и на фактах. Быть может, многие односторонности и слишком поспешные обобщения будут оставлены» [3]). Однако сам г. Струве не обратился к тому «пересмотру» (в Германии это называлось «ревизией») и к той «критике», которые считал «нужными». В своей книге он просто «дополнил» Маркса и Энгельса аргументами А. Риля и Г. Зиммеля.

С г. Струве повторилась та же история, что с «марксистами» первого периода: он тоже принял экономическое учение Маркса, не приняв или, вернее, не усвоив его социологического учения и—главное—его метода мышления. Но за спиной экономистов 70-х годов не стоял пробуждающийся пролетариат, а потому их догматическое профессорское отношение к экономике Маркса не могло принести большого вреда. Формально оно являлось даже плюсом по сравнению с гос-

---

[1]) Возражения на книгу г. Струве посыпались, как из рога изобилия. В том же № «Русского Богатства» была напечатана заметка (личная) г. Кривенко; Н. К. Михайловский в «Литературе и Жизни» (октябрь 1894 г.); Ник.—он: «Апология власти денег, как признак времени» и т. д., и т. д. Были и отдельные брошюры, напр., И. Гофштеттера «Доктринеры капитализма».. Спб. 1897 г.

[2]) «Критические заметки», предисловие, стр. IX.

[3]) Там же, стр. 46.

подствовавшей школой, разжижавшей Ад. Смита учениями французских вульгарных экономистов. В совершенно другом положении очутился г. Струве. Его книга, таившая под личиной марксизма совершенно анти-марксистское явление, не могла не заражать ядом еще не окрепшую мысль подраставшего поколения социал-демократов.

Это обстоятельство заставляло революционных марксистов отмежевываться от г. Струве, хотя и приходилось вести с ним рука об руку борьбу против господствовавшего народничества. С определенной и резкой критикой струвизма выступил К. Тулин (Н. Ленин) в статье: «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» [1]. «Основная черта рассуждений автора,—писал Тулин,—отмеченная с самого начала, это его узкий об'ективизм, ограничивающийся доказательством неизбежности и необходимости процесса и не стремящийся вскрывать в каждой конкретной стадии этого процесса присущую ему форму классового антагонизма,—об'ективизм, характеризующий процесс вообще, а не те антагонистические классы в отдельности, из борьбы которых складывается процесс» [2]. Исходя из этой общей оценки, К. Тулин подверг критику г. Струве тщательному пересмотру, отмечая каждый шаг отступления от марксизма и противопоставляя его ошибочным положениям правильные положения «ортодоксии».

Менее определенную позицию занял другой представитель революционного крыла марксистов—Н. Бельтов. По поводу книги г. Струве он в то время ясно не высказывался, считая, повидимому, полемику неудобной. Однако по тем приемам, которыми он з а щ и щ а л эту книгу от Михайловского и др., видно, насколько для него была невозможна прямая ее защита. По поводу пресловутой заключительной фразы г. Струве Бельтов говорит, что «г. Струве все-таки очень неосторожно выразился». Но эта «неловкость», по его мнению, «причинена благородным увлечением западника»

---

[1]) «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития», сб., Спб. 1895 г. Перепечатано у Вл. Ильина, «За 12 лет», Спб. 1908 г.

[2]) «За 12 лет», стр. 120. «Это—язык объективиста, а не марксиста (материалиста)»,—говорит он в другом месте (стр. 48).

(здесь приводится пример из жизни Белинского). «Шуметь по ее поводу,—продолжает Бельтов,—позволительно только тому, кому нечего возражать, например, на экономические доводы этого писателя» [1]). Эта ссылка на «экономические» доводы явно прикрывает нежелание ссылаться на философские и социологические его доводы [2]). Не менее двусмысленно и то, якобы незначительное, примечание, которое брошено в другой статье. «Мы не говорим о книге г. П. Струве,—пишет здесь Бельтов,—потому что она г. Николаю—ону неприятна. Но напрасно г. Николай—он так решительно называет эту книгу никуда негодной. В споре с г. Николаем—оном г. П. Струве очень и очень постоит за себя» [3]). Однако сборник, в котором была напечатана статья Тулина и последняя цитированная статья Бельтова, был сожжен цензурой, и немногие уцелевшие экземпляры не могли стать достоянием широкой публики. А с другой стороны, в легальной литературе продолжалось дружное сотрудничество г. Струве с Ильиным, Бельтовым и др., чем немало подготовлялась почва для последующего ревизионистского шатания.

Крупным вкладом в молодую легальную марксистскую литературу была вышедшая в начале следующего 1895 года книга Н. Бельтова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю—ответ г.г. Михайловскому, Карееву и комп». Здесь впервые в русской литературе были развиты последовательным маркистом основные положения диалектического материализма, и был он резко отмежеван, с одной стороны, от диалектического идеализма, с другой—от метафизического материализма. Бельтов заговорил совсем другим языком, чем Струве. «Действие,—писал он,—об'ясняет материалисту-диалектику историческое развитие разума общественного человека. К действию же сводится вся его

---

[1]) «Еще раз г. Михайловский и еще раз «Триада», приложение к «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», изд. 2-е, Спб. 1905 г., стр. 249.

[2]) Это умолчание о философском диссидентстве г. Струве со стороны Н. Бельтова было тотчас же замечено и использовано Н. К. Михайловским («Русское Богатство», январь, 1895 г., стр. 138).

[3]) «Несколько слов нашим противникам», первоначально под псевдонимом Утиса, в «Материалах к характеристике нашего хозяйственного развития». Перепечатано в приложении II ко 2-му изданию «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», стр. 281.

практическая философия. Диалектический материализм есть философия действия»[1]). Вместе с тем Бельтов дал и более глубокую критику социологического метода суб'ективистов, вскрыв всю противоречивость их своеобразного марксизма. «Вы признаете экономические взгляды Маркса,—писал он,—отрицая его историческую теорию, говорите вы. Надо сознаться, этим сказано очень много, а именно: этим сказано, что вы не понимаете ни исторической его теории, ни его экономических взглядов»[2]).

Книжка Бельтова, понятно, вызвала новую бурю протестов в народническом лагере[3]). А так как ее выход в свет отделяли всего три-четыре месяца от появления книги г. Струве и, следовательно, противники не успели еще о ней вполне высказаться, то на первые месяцы 1895 г. приходится наиболее ожесточенная полемика. Это был кульминационный пункт общей полемики, когда встали друг против друга во весь рост две системы мировоззрения. Вся дальнейшая борьба сводилась уже, главным образом, к частичным атакам на отдельные позиции. Мы не имеем возможности проследить здесь эту полемику, растянувшуюся на целые годы и мало-по-малу захватившую все прогрессивные журналы. Сосредоточенная сперва почти исключительно в «Русском Богатстве», она переходит постепенно в «Русскую Мысль», в «Новое Слово», а там в «Мир Божий», и в «Научное Обозрение», не считая других журналов, где она отражалась эпизодически, или где она была использована в совершенно посторонних целях (например, в «Русском Вестнике» и т. п.).

Что касается специально марксистской литературы, то последующий период был ею довольно беден. Кроме нескольких переводов (например, «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Энгельса) следует отметить

---

[1]) «К вопросу о развитии» и пр. 2-е изд., стр. 202.

[2]) «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», 2 изд., стр. 183.

[3]) Из критических статей отметим: «Литература и жизнь» Н. К. Михайловского (январь 1895 г.); «Что же значит «экономическая необходимость» Ник.—она (март 1895 г.); «На высотах объективной истины» Н. Кудрина (март 1895 г.).

статью Ушакова (Бельтова) в «Русской Мысли» [1]) и книжку Волгина против г. В. В. [2]).

Но это не значило, что исчерпались или исчезли силы марксизма. От общей первоначальной схватки предстояло перейти к детальной очистке умов от верований, взглядов и предрассудков народничества. Для этого нужен был орган, что по тогдашним временам представляло большую трудность. Только весной 1897 г. марксистам удалось получить в свои руки журнал «Новое Слово», служивший до тех пор народническому направлению [3]). Здесь сосредоточились все силы марксистов обоих поколений—и группы «Освобождение Труда», и девятидесятников. Будущие ревизионисты, а впоследствии идеалисты, как г. Струве или г. Булгаков, выступали здесь под бдительным контролем ортодоксов и «не портили ансамбля». Журнал просуществовал только до конца года. Декабрьская книжка его была конфискована, а журнал закрыт. Новую попытку создать свой орган удалось сделать только через год. С января 1899 г. приступили к изданию журнала «Начало», просуществовавшего лишь пять месяцев [4]). К этому времени начали все яснее сказываться ревизионистские тенденции, нашедшие себе место и на страницах «Начала», от которого были фактически отстранены в силу различных обстоятельств наиболее активные марксисты ортодоксального крыла [5]). Наступил кризис русского марксизма, затянувшийся на несколько лет и окончившийся полным разложением так называемого «легального» марксизма.

---

[1]) «Несколько слов в защиту экономического материализма» (открытое письмо к В. А. Гольцеву). Перепечатано в «За 20 лет», Спб. 1906 г., изд. 2-е, стр. 403.

[2]) А. Волгин — «Обоснование народничества в трудах г. Воронцова» (В. В.), Спб. 1896 г.

[3]) «Новое Слово» в марксистской редакции выходило с апреля по декабрь 1897 г. Главнейшие статьи перепечатаны: Бельтова в «За 20 лет»; В. Ильина в «Экономические этюды и статьи», Спб. 1899; В. Засулич в «Собр. сочинений», Спб. 1906; П. Струве в «На разные темы», Спб., 1901; С. Булгакова в «От марксизма к идеализму», Спб.; А. Потресова в «Этюдах о русской интеллигенции». Спб., 1906.

[4]) Двойная книжка за январь—февраль, затем мартовская и майская книжка. Апрельская была конфискована. Статьи некоторых авторов вошли в указанные выше сочинения (см. предыд. примечание).

[5]) Провал петерб. «Союза борьбы» забросил главное ядро социал-демократических литераторов в ссылку.

«CREDO» «ЭКОНОМИСТОВ» И ПРОТЕСТ РОССИЙСКИХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ.

Документ, ставший известным под именем «Credo» (символ веры), был составлен, как это теперь установлено, г-жей Кусковой, ныне стоящей в первых рядах воинствующей белогвардейской эмиграции. Хотя этот документ был наиболее зрелым и наиболее грамотным обоснованием «философии истории» «экономического» направления конца 90-х годов, тем не менее, для печати этот документ не предназначался, и его опубликование вызвало бурю негодования в среде «экономистов» (или «молодых»). упорно утверждавших, что у них нет никаких принципиальных разногласий со «стариками». Опубликование «Credo» и его критика срывали маску с тех «вождей» рабочего движения, которые, идя официально под флагом революционной партии, на деле старались навязать рабочим—даже не буржуазный либерализм, а только прислужничество этому либерализму.

Инициатором протеста против «Credo», как направления в социалдемократии, был тов. Ленин, находившийся в то время в сибирской ссылке. Летом 1899 г. ссыльные социал-демократы Минусинского уезда (Енисейской губ.) собрались в селе Ермаковском, где после прочтения и горячего обсуждения этого «исторического документа» (полученного тов. Лениным из Петербурга) был принят с некоторыми поправками составленный тов. Лениным проект протеста. 17 участников этого протеста, как сообщает в своих воспоминаниях тов. Лепешинский, были следующие:

Из села Шушенского: В. И. Ульянов (Ленин), Н. К. Ульянова (Крупская), Оскар Энберг (петербургский рабочий); из Минусинска: В. В. Старков, А. М. Старкова, Г. М. Кржижановский, З. П. Кржижановская (Невзорова); из села Тесинского: А. С. Шаповалов (петерб. рабочий), Ф. В. Ленгник, Е. В. Барамзин и из села Ермаковского: А. А. Ванеев, Д. В. Ванеева, М. А. Сильвин, В. К. Курнатовский, О. Б. Лепешинская и П. Н. Лепешинский.

В рукописном виде этот протест рассылался по многим городам России и стал первой платформой враждебного «экономизму» революционного крыла русских социал-демократов. В 1900 г. этот протест был впервые напечатан в брошюре Г. В. Плеханова «Vademecum» (путеводитель) для редакции «Рабочего Дела», откуда он здесь перепечатывается.

Прим. ред.

Собрание социал-демократов одной местности (России), в числе семнадцати человек, приняло единогласно следующую резолюцию и постановило опубликовать ее и передать на обсуждение всем товарищам:

В настоящее время среди русских социал-демократов замечаются отступления от тех основных принципов русской социал-демократии, которые были провозглашены как ее основателями и передовыми борцами — членами группы «Освобождения Труда», так и социал-демократическими изданиями русских рабочих организаций 90-х годов. Ниже при-

водимое «credo», долженствующее выражать основные взгляды некоторых (так называемых «молодых») русских социал-демократов, представляет из себя попытку систематического и определенного изложения «новых» воззрений. Вот это «credo» в полном виде.

«Существование цехового и мануфактурного периода на Западе положило резкий след на всю последующую историю, в особенности на историю социал-демократии. Необходимость для буржуазии завоевать свободные формы, стремление освободиться от сковывающих производство цеховых регламентаций, сделали буржуазию революционным элементом; она повсюду на Западе начинает с liberté, égalité, fraternité (свободы, равенства и братства), с завоевания свободных политических форм. Но этим завоеванием она, по выражению Бисмарка, выдавала вексель на будущее своему антиподу — рабочему классу. Почти повсюду на Западе рабочий класс, как класс, не завоевывал демократических учреждений, — он ими пользовался. Нам могут возразить, что он участвовал в революциях. Исторические справки опровергают это мнение: так, именно в 1848 г., когда произошло на Западе упрочение конституции, рабочий класс представлял из себя ремесленно-городской элемент, мещанскую демократию; фабричный же пролетариат почти не существовал, а пролетариат крупного производства (ткачи Германии — Гауптман, ткачи Лиона) представляли из себя дикую массу, способную лишь к бунтам, но отнюдь не к выставлению каких-либо политических требований. Можно прямо сказать, что конституции 1848 г. были завоеваны буржуазией и мелким мещанством, артизанами. С другой стороны, рабочий класс (артизаны и рабочие мануфактур, типографщики, ткачи, часовых дел мастера и пр.) с средних веков еще привык участвовать в организациях, — в кассах взаимопомощи, религиозных обществах и проч. Этот организационный дух до сих пор еще живет у обученных рабочих Запада и резко отличает их от фабричного пролетариата, плохо и медленно поддающегося организации и способного лишь к так называемому lose organi-

sation (примитивным организациям), а не к прочным организациям с уставами и регламентами. Эти же мануфактурно-обученные рабочие составили ядро социал-демократических партий. Таким образом, получилась следующая картина: сравнительная легкость и полная возможность политической борьбы, с одной стороны, с другой — возможность планомерной организации этой борьбы с помощью воспитанных мануфактурным периодом рабочих. На этой почве вырос на Западе теоретический и практический марксизм. Исходной точкой явилась парламентарная политическая борьба с перспективой (только по внешности сходной с бланкизмом, по происхождению совершенно другого характера) — с перспективой захвата власти, с одной стороны, Zusammenbruch'a (катастрофы) — с другой. Марксизм явился теоретическим выражением господствующей практики: политической борьбы, превалирующей над экономической. И в Бельгии, и во Франции, особенно в Германии рабочие с невероятной легкостью организовали политическую борьбу и с страшным трудом, с огромным трением — экономическую. И до сих пор экономические организации по сравнению с политическими (не касаюсь Англии) страдают необычайной слабостью и неустойчивостью и повсюду laissent à désirer quelque chose (оставляют желать кое-чего). Пока энергия в политической борьбе не была вся исчерпана — Zusammenbruch являлся необходимым организующим Schlagwort'ом, которому суждено было сыграть огромную историческую роль. Основной закон, который можно вывести при изучении рабочего движения—линия наименьшего сопротивления. На Западе такой линией являлась политическая деятельность, и марксизм, в том виде, в каком он был формулирован в Коммунистическом манифесте, являлся как нельзя более удачной формой, в которой должно было вылиться движение. Но когда в политической деятельности была исчерпана вся энергия, когда политическое движение дошло до такой напряженности, дальше которой вести его было трудно и почти невозможно (медленный рост

голосов за последнее время, апатия публики на собраниях, унылый тон литературы), с другой стороны, бессилие парламентской деятельности и выступление на арену черной массы неорганизованного и почти не поддающегося организации фабричного пролетариата — создали на Западе то, что носит теперь название бернштейниады, кризиса марксизма. Более логического хода вещей, чем период развития рабочего движения от Коммунистического манифеста до бернштейниады, трудно себе представить, и внимательное наблюдение всего этого процесса может с точностью астронома определить исход этого «кризиса». Речь идет здесь, конечно, не о поражении или о победе бернштейниады, — это мало интересно; речь идет о коренном изменении практической деятельности, которое уже давно понемногу совершается в недрах партии.

Изменение это произойдет не только в сторону более энергичного ведения экономической борьбы, упрочения экономических организаций, но главное, и это самое существенное, в сторону изменения отношения партии к остальным оппозиционным партиям. Марксизм нетерпимый, марксизм отрицающий, марксизм примитивный (пользующийся слишком схематичным представлением классового деления общества) уступит место марксизму демократическому, и общественное положение партии в недрах современного общества должно резко измениться. Партия п р и з н а е т общество; ее узко-корпоративные, в большинстве случаев сектантские задачи расширятся до задач общественных и ее стремление к захвату власти преобразуется в стремление к изменению, к реформированию современного общества в демократическом направлении приспособительно к современному положению вещей, с целью наиболее удачной, наиболее полной защиты прав (всяческих) трудящихся классов. Содержание понятия «политика» расширится до истинно общественного значения, и практические требования минуты получат больше веса, могут рассчитывать на большее внимание, чем это было до сих пор.

Нетрудно из этого краткого описания хода развития рабочего движения на Западе сделать вывод для России. Линия наименьшего сопротивления у нас никогда не будет направлена в сторону политической деятельности. Невозможный политический гнет заставит много говорить о нем и именно на этом вопросе сосредоточивать внимание, но никогда не заставит он практически действовать. Если на Западе слабые силы рабочих, будучи вовлечены в политическую деятельность окрепли на ней и сформировались, у нас—слабые силы эти, наоборот, стоят перед стеной политического гнета и не только не имеют практических путей для борьбы с ним, а следовательно, и для своего развития, но даже систематически душатся им и не могут пускать даже слабых ростков. Если прибавить к этому, что рабочий класс наш не получил в наследие того организационного духа, каким отличались борцы Запада, — то картина получится удручающая и способная повергнуть в уныние самого оптимистического марксиста, верящего в то, что лишняя фабричная труба, уже одним фактом своего существования, несет великое благополучие. Трудна, бесконечно трудна и экономическая борьба, но она возможна, она, наконец, практикуется самими массами. Приучаясь в этой борьбе к организации и поминутно наталкиваясь в ней на политический режим, русский рабочий создаст наконец то, что можно назвать формой рабочего движения, создаст ту или те организации, которые наиболее подходят к условиям русской действительности. В настоящее время можно с уверенностью сказать, что русское рабочее движение находится еще в амебовидном состоянии и никакой формы не создало. Стачечное движение, существуя при всякой форме организации, не может еще быть названо кристализованной формой русского движения, а нелегальные организации уже с чисто количественной точки зрения не заслуживают внимания (не говоря о их полезности при настоящих условиях).

Вот положение. Если прибавить сюда еще голодуху

и процесс разорения деревни, способствующие streickbrecher'ству, и следовательно, еще большую трудность под'ема рабочих масс на более сносный культурный уровень, то.... что же тут делать русскому марксизму? Разговоры о самостоятельной рабочей политической партии суть не что иное, как продукт переноса чужих задач, чужих результатов на нашу почву. Русский марксизм— пока печальное зрелище. Его практические задачи в настоящем мизерны, его теоретические познания, поскольку он пользуется ими не как орудием исследования, а как схемой деятельности, не имеют цены для выполнения даже этих мизерных практических задач. Кроме того, эти схемы, взятые с чужого плеча, в смысле практики являются вредными. Забыв, что на Западе рабочий класс выступил уже на расчищенное политическое поле деятельности, наши марксисты более, чем это нужно, относятся с презрением к радикально или либерально-оппозиционной деятельности всех других не-рабочих слоев общества. Малейшие попытки сосредоточить внимание на общественных проявлениях либерально-политического свойства вызывают протест ортодоксальных марксистов, забывающих, что целый ряд исторических условий мешает нам быть марксистами Запада, и требует от нас иного марксизма, уместного и нужного в русских условиях. Отсутствие у каждого русского гражданина политического чувства и чутья не может, очевидно, быть искуплено разговорами о политике или воззваниями к несуществующей силе. Это политическое чутье может быть дано лишь воспитанием, т.-е. участием в той жизни, как бы она ни была немарксистична, которую предлагает русская действительность. Насколько «отрицание» было уместно (временно) на Западе, настолько у нас оно вредно, потому что отрицание, исходящее из чего-то организованного и имеющего фактическую силу, — одно, а отрицание, исходящее из бесформенной массы разрозненных личностей, — другое.

Для русского марксиста исход один: участие, т.-е. помощь экономической борьбе пролетариата и участие

в либерально-оппозиционной деятельности. Как «отрицатель», русский марксист пришел очень рано, а это отрицание ослабило в нем ту долю энергии, которая должна направляться в сторону политического радикализма. Пока все это не страшно, но если классовая схема помешает деятельному участию русского интеллигента в жизни и отодвинет его слишком далеко от оппозиционных кругов, — это будет существенный ущерб для всех, кто вынужден бороться за правовые формы не рука об руку с рабочим классом, еще не выдвинувшим политических задач. Политическая ненависть русского марксиста-интеллигента, скрытая за головными рассуждениями на политические темы, может сыграть с ним скверную штуку».

Мы не знаем, много ли найдется русских социал-демократов, разделяющих эти воззрения. Но несомненно, что вообще идеи этого рода имеют сторонников, и потому мы считаем себя обязанными категорически протестовать против подобных воззрений и предостеречь всех товарищей от грозящего совращения русской социал-демократии с намеченного уже ею пути, именно: образования самостоятельной политической рабочей партии, неотделимой от классовой борьбы пролетариата и ставящей своей ближайшей задачей завоевание политической свободы.

Выше приведенное «credo» представляет из себя, во-первых, «краткое описание хода развития рабочего движения на Западе», и, во-вторых, «выводы для России».

Совершенно неверны прежде всего представления авторов «credo» о прошлом западно-европейского рабочего движения. Неверно, что рабочий класс на Западе не участвовал в борьбе за политическую свободу и в политических революциях. История чартизма, революция 48 г. во Франции, Германии, Австрии показывают обратное. Совершенно неверно, что «марксизм явился теоретическим выражением господствующей практики политической борьбы, превалирующей над экономической». Напротив, «марксизм» появился тогда, когда господствовал социализм неполитический (оуенизм,

«фурьеризм», «истинный социализм»), и «Коммунистический Манифест» сразу выступил против неполитического социализма. Даже тогда, когда марксизм, выступил во всеоружии теории («Капитал») и организовал знаменитое «Международное Общество Рабочих», политическая борьба отнюдь не была господствующей практикой (узкий тред-юнионизм в Англии, анархизм и прудонизм в романовских странах). В Германии великая историческая заслуга Лассаля состояла в том, что он превратил рабочий класс из хвоста либеральной буржуазии в самостоятельную политическую партию. Марксизм связал в одно неразрывное целое экономическую и политическую борьбу рабочего класса, и стремление авторов «credo» отделить эти формы борьбы принадлежит к самым неудачным и печальным отступлениям их от марксизма.

Далее, совершенно неверны также представления авторов «credo» о современном положении западно-европейского рабочего движения и той теории (марксизма), под знаменем которой идет это движение. Говорить о «кризисе марксизма» значит повторять бессмысленные фразы буржуазных писак, усиливающихся раздуть всякий спор между социалистами и превратить его в раскол социалистических партий. Пресловутая бернштейниада—в том смысле, в каком ее обыкновенно понимает широкая публика вообще и авторы «credo» в частности, — означает попытку сузить теорию марксизма, попытку превратить революционную рабочую партию в реформаторскую, и эта попытка, как и следовало ожидать, встретила решительное осуждение со стороны большинства германских социал-демократов. Оппортунистические течения не раз обнаруживались в германской социал-демократии и всякий раз были отвергаемы партией, которая верно хранит заветы революционной международной социал-демократии. Мы уверены, что всякие попытки перенести оппортунистические воззрения в Россию встретят столь же решительный отпор со стороны громадного большинства русских социал-демократов.

Точно так же не может быть и речи ни о каком «коренном изменении практической деятельности» западно-европейских рабочих партий, вопреки мнению авторов «credo». Громадное значение экономической борьбы пролетариата и необходимость такой борьбы были признаны марксизмом с самого на-

чала, и еще в сороковых годах Маркс и Энгельс полемизировали против утопических социалистов, отрицавших значение такой борьбы.

Когда, около 20-ти лет спустя, образовалось «Международное Общество Рабочих», вопрос о значении профессиональных рабочих союзов и экономической борьбы был поднят на первом же конгрессе в Женеве в 1866 г. Резолюция этого конгресса точно указала значение экономической борьбы, предостерегая социалистов и рабочих, с одной стороны, от преувеличения ее значения (заметного у английских рабочих в то время), с другой стороны, от недостаточной оценки ее значения (что замечалось у французов и у немцев, особенно у лассальянцев). Резолюция признала профессиональные рабочие союзы не только закономерным, но и необходимым явлением при существовании капитализма; признала их крайне важными для организации рабочего класса в его ежедневной борьбе с капиталом и для уничтожения наемного труда. Резолюция признала, что профессиональные рабочие союзы не должны обращать исключительного внимания на «непосредственную борьбу против капитала», не должны сторониться от общего политического и социального движения рабочего класса; их цели не должны быть «узкими», а должны стремиться к всеобщему освобождению угнетенных миллионов рабочего люда.

С тех пор среди рабочих партий разных стран не раз вставал и не раз будет, конечно, вставать вопрос о том, не следует ли в данный момент обратить несколько больше или несколько меньше внимания на экономическую или политическую борьбу пролетариата; но общий и принципиальный вопрос и сейчас стоит так, как он поставлен марксизмом. Убеждение в том, что единая классовая борьба пролетариата необходимо должна соединять политическую и экономическую борьбу, перешло в плоть и кровь международной социал-демократии. Исторический опыт неопровержимо свидетельствует далее, что отсутствие политической свободы или стеснение политических прав пролетариата всегда ведет к необходимости выдвинуть политическую борьбу на первый план.

Еще менее может быть речи о сколько-нибудь существен-

ном изменении в отношении рабочей партии к остальным оппозиционным партиям. И в этом отношении марксизм указал верную позицию, одинаково далекую и от преувеличений значения политики и от заговорщичества (бланкизма и проч.), и от пренебрежения политикой или сужения ее до оппортунистического, реформаторского социального штопанья (анархизм утопический и мелкобуржуазный социализм, государственный социализм, профессорский социализм и проч.). Пролетариат должен стремиться к основанию самостоятельных политических рабочих партий, главной целью которых должен быть захват политической власти пролетариатом для организации социалистического общества. На другие классы и партии пролетариат отнюдь не должен смотреть, как на «одну реакционную массу»: напротив, он должен участвовать во всей политической и общественной жизни, поддерживать прогрессивные классы и партии против реакционных, поддерживать всякое революционное движение против существующего строя, являться защитником всякой угнетенной народности или расы, всякого преследуемого вероучения, бесправного пола и т. д. Рассуждения на эту тему авторов «credo» свидетельствуют лишь о стремлении затушевать классовый характер борьбы пролетариата, обессилить эту борьбу какимто бессмысленным «признанием общества», сузить революционный марксизм до дюжинного реформаторского течения. Мы убеждены, что громадное большинство русских социалдемократов безусловно отвергнет подобное искажение основных принципов социал-демократии.

Неверные посылки относительно западно-европейского рабочего движения приводят авторов «credo» к еще более неверным «выводам для России».

Утверждение, что русский рабочий класс «еще не выдвинул политических задач», свидетельствует лишь о незнакомстве с русским революционным движением. Еще «Северно-русский рабочий Союз», основанный в 1878 г. и «Южно-русский рабочий союз», основанный в 1879 г. выставили в своей программе требование политической свободы. После реакции 80-х годов рабочий класс неоднократно выдвигал то же требование в 90-х годах. Утверждение, что «разговоры о самостоятельной рабочей политической партии суть не что

иное, как продукт переноса чужих задач, чужих результатов на нашу почву», свидетельствует лишь о полном непонимании исторической роли русского рабочего класса и насущнейших задач русской социал-демократии. Собственная программа авторов «credo» клонится, очевидно, к тому, чтобы рабочий класс, идя «по линии наименьшего сопротивления», ограничился экономической борьбой, а «либерально-оппозиционные элементы» боролись при «участии» марксистов за «правовые формы». Осуществление подобной программы было бы равносильно политическому самоубийству русской социал-демократии, равносильно громадной задержке и принижению русского рабочего движения и русского революционного движения (два последние для нас совпадают). Одна уже возможность появления подобной программы показывает, насколько основательны были опасения одного из передовых борцов русской социал-демократии. П. Б. Аксельрода, когда он писал, в конце 1897 г. о возможности такой перспективы:

> «Рабочее движение не выходит из тесного русла чисто экономических столкновений рабочих с предпринимателями и само по себе, в целом, лишено политического характера, в борьбе же за политическую свободу, передовые слои пролетариата идут за революционными кружками и фракциями из так называемой интеллигенции». (Аксельрод. «К вопросу о совр. задачах и тактике русских социал-демократов». Женева 98 г., стр. 19).

Русские социал-демократы должны об'явить решительную войну всему кругу идей, нашедших себе выражение в «credo», так как эти идеи прямо ведут к осуществлению такой перспективы. Русские социал-демократы должны приложить все усилия к тому, чтобы осуществилась другая перспектива, излагаемая П. Б. Аксельродом, в таких словах:

> «Другая перспектива: социал-демократия организует русский пролетариат в самостоятельную политическую партию, борющуюся за свободу частью рядом и в союзе с буржуазными революционными фракциями (поскольку таковые будут в наличности), частью же привлекая прямо в свои ряды или увлекая за собой наиболее народолюбивые и революционные элементы из интеллигенции» (там же, стр. 20).

В то самое время, когда П. Б. Аксельрод писал эти строки, заявления социал-демократов в России показали ясно, что громадное большинство их стоит на той же точке зрения. Правда, одна газета петербургских рабочих, «Рабочая Мысль», склонилась, как будто бы, к идеям авторов «credo», высказывая, к сожалению, в своей передовой программной статье (№ 1, октябрь 1897 г.) ту совершенно ошибочную и противоречащую социал-демократизму мысль, что «экономическая основа движения» может быть «затемнена стремлением постоянно не забывать политического идеала». Но в то же время другая газета петербургских рабочих «С. П. Б. Рабочий Листок» (№ 2, сентябрь 1897 г.) решительно высказывалась за то, что «ниспровергнуть самодержавие... может лишь крепко организованная многочисленная рабочая партия», что, «организовавшись в сильную партию», рабочие «освободят себя и всю Россию от всякого политического и экономического гнета». Третья газета, «Рабочая Газета», в передовой статье (№ 2, ноябрь 1897 г.) писала: «Борьба с самодержавным правительством за политическую свободу—есть ближайшая задача русского рабочего движения». «Русское рабочее движение удесятерит свои силы, если выступит как единое стройное целое с общим именем и стройной организацией...»—«Отдельные рабочие кружки должны превратиться в одну общую партию». «Русская рабочая партия будет партия социал-демократическая». Что громадное большинство русских социал-демократов разделяло вполне именно эти убеждения «Рабочей Газеты», это видно и из того, что состоявшийся весною 1898 г. съезд русских социал-демократов образовал «Российскую Социал-Демократическую Рабочую Партию», опубликовал ее «Манифест» и признал «Рабочую Газету» официальным органом партии. Таким образом авторы «credo» делают колоссальный шаг назад против той ступени развития, которой русская социал-демократия уже достигла и которую она запечатлела в «Манифесте Российской Социал-Демократической Рабочей Партии». Если отчаянная травля русского правительства привела к тому, что в настоящее время деятельность Партии временно ослабела и ее официальный орган перестал выходить, то долг всех русских социал-демократов состоит в том, чтобы приложить все усилия к окончательному

укреплению Партии, к выработке программы Партии, к возобновлению ее официального органа. Ввиду того шатания мысли, о котором свидетельствует возможность появления таких программ, как выше разобранное «credo», мы считаем особенно необходимым подчеркнуть следующие основные принципы, изложенные в «Манифесте» и имеющие громадную важность для русской социал-демократии.

Во-первых, русская социал-демократия «хочет быть и остаться классовым движением организованных рабочих масс». Отсюда следует, что девизом социал-демократии должно быть содействие рабочим не только в экономической, но и в политической борьбе; агитация не только на почве ближайших экономических нужд, но и на почве всех проявлений политического гнета; пропаганда не только идей научного социализма, но и пропаганда идей демократических. Знаменем классового движения рабочих может быть только теория революционного марксизма, и русская социал-демократия должна заботиться о ее дальнейшем развитии и претворении в жизнь, оберегая ее в то же время от тех искажений и опошлений, которым так часто подвергаются «модные теории» (а успехи революционной социал-демократии в России сделали уже марксизм «модной» теорией). Сосредоточивая в настоящее время все свои силы на деятельности в среде фабрично-заводских и горных рабочих, социал-демократия не должна забывать, что в ряды организуемых ею рабочих масс должны войти с расширением движения и домашние рабочие, и кустари, и сельские рабочие, и миллионы раззоренного и умирающего с голода крестьянства.

Во-вторых: «На своих крепких плечах русский рабочий должен вынести и вынесет дело завоевания политической свободы». Ставя ниспровержение абсолютизма своей ближайшей задачей, социал-демократия должна выступить передовым борцом за демократию и уже в силу этого должна оказывать всякую поддержку всем демократическим элементам русского населения, привлекая их к себе в союзники. Только самостоятельная рабочая партия может быть твердым оплотом в борьбе с самодержавием, и только в союзе с такой партией, в под-

держке ее могут активно проявлять себя все остальные борцы за политическую свободу.

Наконец, в-третьих: «Как движение, так и направление социалистическое, Российская Социал-демократическая Партия продолжает дело и традиции всего предшествовавшего революционного движения в России; ставя главнейшею из ближайших задач Партии в целом завоевание политической свободы, социал-демократия идет к цели, ясно намеченной еще славными деятелями старой «Народной Воли». Традиции всего предшествовавшего революционного движения в России требуют, чтобы социал-демократия сосредоточила в настоящее время свои силы на организации партии, укреплении дисциплины внутри ее и развитии конспиративной техники. Если деятели старой «Народной Воли» сумели сыграть громадную роль в русской истории, несмотря на относительную слабость тех общественных слоев, которые поддерживали немногих героев, несмотря на то, что знаменем движения служила вовсе не революционная теория, то социал-демократия, опираясь на классовую борьбу пролетариата, сумеет стать непобедимой. «Русский пролетариат сбросит с себя ярмо самодержавия, чтобы с тем большей энергией продолжать борьбу с капиталом и буржуазией до полной победы социализма».

Мы приглашаем все группы социал-демократов и все рабочие кружки в России обсудить выше приведенное «credo» и нашу резолюцию и высказать определенно свое отношение к поднятому вопросу, чтобы устранить всякие разногласия и ускорить дело организации и укрепления Российской Социал-демократической Рабочей Партии.

Резолюции групп и кружков могли бы быть сообщаемы заграничному «Союзу Русских Социал-демократов», который на основании пункта 10-го решений с'езда русских социал-демократов 1898 г. является «частью Российской Социал-демократической Партии и ее заграничным представителем».

ЭКОНОМИЗМ, КАК ПРЕКЛОНЕНИЕ ПЕРЕД СТИХИЙНОСТЬЮ.

Из брошюры Н. Ленина «Что делать?» (Наболевшие вопросы нашего движения). Изд. Дитца, Штуттгардт, 1902 г., Цитиров. по собр. соч. Вл. Ильина (Н. Ленина) «За 12 лет». Изд. Петросовета, 1919 г., стр. 217—223.

Прежде, чем переходить к литературным проявлениям этого преклонения, отметим следующий характерный факт (X), который бросает некоторый свет на то, как в среде действовавших в Петербурге товарищей возникла и росла рознь будущих двух направлений русской социалдемократии. В начале 1897 г. А. А. Ванееву и некоторым из его товарищей пришлось участвовать перед отправкой их в ссылку на одном частном собрании, где сошлись «старые» и «молодые» члены «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Беседа велась, главным образом, об организации и, в частности, о том самом «уставе рабочей кассы», который в окончательном своем виде напечатан в № 9—10 «Листка Работника» (стр. 46). Между «стариками» («декабристами», как их звали тогда в шутку петербургские социал-демократы) и некоторыми из «молодых» (принимавшими впоследствии близкое участие в «Раб. Мысли») сразу обнаружилось резкое разногласие и разгорелась горячая полемика. «Молодые» защищали главные основания устава в том виде, как он напечатан. «Старики» говорили, что нам нужно, прежде всего, вовсе не это, а упрочение «Союза борьбы» в организацию революционеров, которой должны быть соподчинены различные рабочие кассы, кружки для пропаганды среди учащейся молодежи и т. нод. Само собою разумеется, что спорившие далеки были от мысли видеть в этом разногласии начало расхождения, считая его, наоборот, единичным и случайным. Но этот факт показывает, что возникновение и распространение «экономизма» шло и в России отнюдь не без борьбы со «старыми» социал-демократами (это часто забывают нынешние экономисты). И если эта борьба не оставила, по большей части, «документальных» следов, то причина этого единственно та, что состав работающих кружков менялся невероятно часто, никакая преемственность не устанавливалась, а потому и разногласия не фиксировались никакими документами.

Возникновение «Раб. Мысли» вывело экономизм на свет божий, но тоже не сразу. Надо конкретно представить себе условия работы и кратковременность жизни русских кружков (а конкретно представляет себе это только тот, кто это пережил), чтобы понять, как много случайного было в успехе или неуспехе нового направления в разных городах и как долго ни сторонники, ни противники этого «нового» не могли, буквально-таки не имели никакой возможности определить, действительно ли это особое направление или просто выражение неподготовленности отдельных лиц. Например, первые гектографированные номера «Раб. Мысли» остались даже совершенно неизвестны громадному большинству социал-демократов, и если мы теперь можем ссылаться на передовицу первого номера, то только благодаря перепечатке ее в статье В. И—а («Листок Работника», № 9—10, стр. 47 и сл.), который не преминул, разумеется, усердно—не по разуму усердно — расхвалить новую газету, столь резко отличавшуюся от названных выше газет и проектов газет [1]). А на передовице этой стоит остановиться — настолько рельефно выразила она весь дух «Раб. Мысли» и экономизма вообще.

Указав на то, что руке в синем обшлаге не удержать развития рабочего движения, передовица продолжает... «Такой живучестью рабочее движение обязано тому, что рабочий сам берется, наконец, за свою судьбу, вырвав ее из рук руководителей», и этот основной тезис подробно развивается дальше. На самом деле, руководители (т.-е. социал-демократы, организаторы союза борьбы) были вырваны полицией из рук, можно сказать, рабочих [2]), а дело представляется так, будто рабочие вели борьбу с этими руководителями и освободились от их ига! Вместо того, чтобы звать вперед, к упрочению ре-

---

[1]) Кстати, эта похвала «Р. Мысли» в ноябре 1898 г., когда экономизм, особенно за границей, вполне определился, исходила от того самого В. И—а, который вскоре сделался одним из редакторов «Раб. Дела». И «Раб. Дело» отрицало еще существование двух направлений в русской социал-демократии, как продолжает отрицать и теперь.

[2])Что это сравнение правильно, можно видеть из следующего характерного факта. Когда после ареста «декабристов» среди рабочих Шлиссельбургского тракта распространилось известие, что провалу посодействовал близкий к одной из соприкасавшихся с «декабристами» групп провокатор Н. Н. Михайлов (зубной врач), то эти рабочие были так возмущены, что решили убить Михайлова.

волюционной организации и расширению политической деятельности, стали звать **назад**, к одной трэд-юнионистской борьбе. Провозгласили, что «экономическая основа движения затемняется стремлением постоянно не забывать политический идеал», что девиз рабочего движения—«борьба за экономическое положение» (!) или, еще лучше, «рабочие для рабочих»; об'являлось, что стачечные кассы «дороже для движения, чем сотня других организаций» (сравните это, относящееся к октябрю 1897 года утверждение с спором «декабристов» с молодыми в начале 1897 года) и т. п. Словечки в этом роде, что во главу угла надо ставить не «сливки» рабочих, а «среднего» рабочего, массового рабочего, что «политика всегда послушно следует за экономикой» [1]) и т. д., и т. д., сделались модой и приобрели неотразимое влияние на массу, привлекаемой к движению молодежи, знакомой в большинстве случаев только с обрывками марксизма в легальном его изложении.

Это было полным подавлением сознательности стихийностью—стихийностью тех «социал-демократов», которые повторяли «идеи» г-на В. В., стихийностью тех рабочих, которые поддавались тому доводу, что копейка на рубль ближе и дороже, чем всякий социализм и всякая политика, что должны вести «борьбу, зная, что борются они не для каких-то будущих поколений, а для себя и своих детей» (передовая № 1 «Р. Мысли»). Подобные фразы составляли всегда излюбленное оружие тех западно-европейских буржуа, которые, ненавидя социализм, сами работали (в роде немецкого «социал-политика» Гирша) над пересаживанием английского трэд-юнионизма на родную почву, говоря рабочим, что только профессиональная борьба [2]) есть именно борьба для самих себя и своих детей, а не для каких-то будущих поколений с каким-то будущим социализмом,—и теперь «В. В. русской со-

---

[1]) Из той же передовицы первого номера «Рабочей Мысли». Можно судить по этому, какова была теоретическая подготовленность этих «В. В. русской социал-демократии», которые повторяли грубое опошление «экономического материализма», в то самое время, когда в литературе шла война марксистов против настоящего г. В. В., давно уже прозванного «реакционных дел мастером» за такое же понимание отношения политики и экономики.

[2]) У немцев есть даже особое слово: «Nur Gewerkschaftler», означающее сторонников «только профессиональной» борьбы.

циал-демократии» принялись повторять эти буржуазные фразы. Важно отметить здесь три обстоятельства, которые нам очень пригодятся при дальнейшем разборе современных разногласий [1]).

Во-первых, указанное нами подавление сознательности стихийностью произошло тоже стихийным путем. Это кажется каламбуром, но это—увы!—горькая правда. Оно произошло не путем открытой борьбы двух совершенно противоположных воззрений и победы одного над другим, а путем «вырывания» жандармами все большего и большего числа революционеров—«стариков» и путем все большего и большего выступления на сцену «молодых» «В. В. русской социал-демократии». Всякий, кто—не скажу, участвовал в современном русском движении, а хотя бы только нюхал его воздух, превосходно знает, что дело обстоит именно так. И если мы, тем не менее, особенно настаиваем на том, чтобы читатель вполне уяснил себе этот общественный факт, если мы для наглядности, так сказать, приводим данные о «Рабочем Деле» первой формации и о споре между «стариками» и «молодыми» в начале 1897 г.,—то это потому, что на незнании широкой публикой (или совсем юной молодежью) этого факта спекулируют люди, хвастающиеся своим «демократизмом». Мы вернемся еще к этому ниже.

Во-вторых, уже на первом литературном проявлении экономизма мы можем наблюдать то в высшей степени своеобразное и крайне характерное для понимания всех разногласий в среде современных социал-демократов явление, что сторонники «чисто-рабочего движения», поклонники самой тесной и самой «органической» (выражение «Раб. Дела») связи с пролетарской борьбой, противники всякой не-рабочей интеллигенции (хотя бы это была социалистическая интеллигенция) вынуждены прибегать для защиты своей позиции к доводам буржуазных «только трэд-юнионистов». Это показывает нам, что «Р. Мысль» с самого своего начала, принялась—бессознательно для самой себя—осуществлять «Credo».

---

[1]) Мы подчеркиваем современных по адресу тех, кто фарисейски пожмет плечами и скажет: теперь легко разносить «Рабочую Мысль», но только это ведь архаизм. Mutato nomine de te fabula narratur — ответим мы таким современным фарисеям, полное порабощение которых идеям «Раб. Мысли» будет доказано ниже.

Это показывает (чего никак не может понять «Р. Дело»), что всякое преклонение пред стихийностью рабочего движения, всякое умаление роли «сознательного элемента», роли социал-демократии означает тем самым,—совершенно независимо от того, желает ли этого умаляющий или нет, — усиление влияния буржуазной идеологии на рабочих. Все, кто толкует о «переоценке идеологии [1]), о преувеличении роли сознательного элемента [2]) и т. п., воображают, что чисто-рабочее движение само по себе может выработать и выработает себе самостоятельную идеологию, лишь бы только рабочие «вырвали из рук руководителей свою судьбу». Но это глубокая ошибка. В дополнение к сказанному выше приведем еще следующие глубоко справедливые и важные слова К. Каутского, сказанные им по поводу проекта новой программы австрийской социал-демократической партии [3]).

«Многие из наших ревизионистских критиков полагают, будто Маркс утверждал, что экономическое развитие и классовая борьба создают не только условия социалистического производства, но также и непосредственно порождают сознание (курсив К. К.) его необходимости. И вот эти критики возражают, что страна наиболее высокого капиталистического развития, Англия, всего более чужда этому сознанию. На основании проекта можно было бы думать, что этот, якобы ортодоксально-марксистский взгляд, опровергаемый указанным способом, разделяет и комиссия, выработавшая австрийскую программу. В проекте значится: «чем более капиталистическое развитие увеличивает пролетариат, тем более он вынуждается и получает возможность вести борьбу против капитализма. Пролетариат приходит к сознанию «возможности и необходимости социализма. В такой связи, социалистическое сознание представляется необходимым непосредственным результатом пролетарской классовой борьбы. А это совершенно неверно. Разумеется, социализм, как учение, столь же коренится в современных экономических отношениях, как и классовая борьба пролетариата, столь же, как и эта последняя, вытекает из борьбы против порождаемой капитализмом бедноты и нищеты масс, но социализм и классовая борьба возникают рядом одно с другим, а не одно из другого, возникают при различных предпосылках. Современное социалистическое сознание может возникнуть только на основании глубокого научного знания. В самом

---

1) Письмо «экономистов» в № 12 «Искры».

2) «Р. Дело», № 10.

3) «Neue Zeit», 1901—1902, XX, I; № 3 стр. 97. Проект комиссии, о котором говорит К. Каутский, принят Венским с'ездом (в конце прошлого года) в несколько измененном виде.

деле, современная экономическая наука настолько же является условием социалистического производства, как и современная, скажем, техника, а пролетариат при всем своем желании не может создать ни той ни другой; обе они возникают из современного общественного процесса. Носителем же науки является не пролетариат, а буржуазная интеллигенция (курсив К. К.): в головах отдельных членов этого слоя возник, ведь, и современный социализм, и ими уже был сообщен выдающимся по своему умственному развитию пролетариям, которые затем вносят его в классовую борьбу пролетариата там, где это допускают условия. Таким образом, социалистическое сознание есть нечто, извне внесенное (von aussen hinein getragenes) в классовую борьбу пролетариата, а не нечто, стихийно (urwüchsig) из нее возникшее. Соответственно этому старая гайнфельдская программа и говорила совершенно справедливо, что задачей социал-демократии является внесение в пролетариат (буквально: наполнение пролетариата) сознания его положения и сознания его задачи. В этом не было бы надобности, если бы это сознание само собой проистекло из классовой борьбы. Новый же проект перенял это положение из старой программы и пришил его к вышеприведенному положению. Но это совершенно перервало ход мысли»...

Раз о самостоятельной, самими рабочими массами в самом ходе их движения вырабатываемой идеологии не может быть и речи [1]), то вопрос стоит только так: буржуазная или социалистическая идеология. Середины тут нет (ибо никакой «третьей» идеологии не выработало человечество, да и вообще, в обществе, раздираемом классовыми противоречиями, и не может быть никогда вне-классовой или над-классовой идеологии). Поэтому всякое умаление социалистической идеологии, всякое отстранение от нее, означает тем самым усиление идеологии буржуазной. Толкуют о стихийности. Но стихийное развитие рабочего движения идет именно к

[1]) Это не значит, конечно, что рабочие не участвуют в этой выработке. Но они участвуют не в качестве рабочих, а в качестве теоретиков социализма, в качестве Прудонов и Вейтлингов, участвуют, другими словами, лишь тогда и постольку, поскольку им в большей или меньшей степени удается овладевать знанием своего века и двигать вперед это знание. А чтобы рабочим чаще удавалось это, для этого необходимо, как можно больше заботиться о повышении уровня сознательности рабочих вообще, для этого необходимо, чтобы рабочие не замыкались в искусственно суженные рамки «литературы для рабочих», а учились бы овладевать все больше и больше общей литературой. Вернее даже было бы сказать вместо «замыкались»— были замыкаемы, потому что рабочие-то сами читают и хотят читать все, что пишут и для интеллигенции, и только некоторые (плохие) интеллигенты думают, что «для рабочих» достаточно рассказывать о фабричных порядках и пережевывать давно известное.

подчинению его буржуазной идеологии, идет именно по программе Credo, ибо стихийное рабочее движение есть трэд-юнионизм, есть Nur-Gewerkshaftlerei, а трэд-юнионизм означает как раз идейное порабощение рабочих буржуазией. Поэтому наша задача, задача социал-демократии, состоит в борьбе со стихийностью, состоит в том, чтобы совлечь рабочее движение с этого стихийного стремления трэд-юнионизма под крылышко буржуазии и привлечь его под крылышко революционной социал-демократии. Фраза авторов «экономического» письма в № 12 «Искры», что никакие усилия самых вдохновенных идеологов не могут совлечь рабочего движения с пути, определяемого взаимодействием материальных элементов и материальной среды, совершенно равносильна, поэтому отказу от социализма, и если бы эти авторы способны были продумать то, что они говорят, до конца бесстрашно и последовательно, как должен продумать свои мысли всякий, кто выступает на арену литературной и общественной деятельности, то им ничего не осталось бы, как «сложить на пустой груди ненужные руки» и... и предоставить поле действия гг. Струве и Прокоповичам, которые тянут рабочее движение «по линии наименьшего сопротивления», т.-е. по линии буржуазного трэд-юнионизма, или гг. Зубатовым, которые тянут его по линии поповско-жандармской «идеологии».

Вспомните пример Германии. В чем состояла историческая заслуга Лассаля пред немецким рабочим движением? В том, что он совлек то движение с того пути прогрессистского трэд-юнионизма и кооперативизма, на который оно стихийно направлялось (при благосклонном участии Шульце-Деличей и им подобных). Для исполнения этой задачи нужно было нечто, совсем не похожее на разговоры о преуменьшении стихийного элемента, о тактике-процессе, о взаимодействии элементов и среды и т. п. Для этого нужна была отчаянная борьба со стихийностью, и только в результате такой, долгие-долгие годы ведшейся борьбы достигнуто было, например, то, что рабочее население Берлина из опоры прогрессистской партии сделалось одной из лучших крепостей социал-демократии. И борьба эта отнюдь не закончена и посейчас (как могло бы показаться людям

изучающим историю немецкого движения по Прокоповичу, а философию его по Струве). И сейчас немецкий рабочий класс, если можно так выразиться, раздроблен между несколькими идеологами: часть рабочих об'единена в католические и монархические рабочие союзы, другая—в гриш-дункеровские, основанные буржуазными поклонниками английского трэд-юнионизма, третья—в союзы, социал-демократические. Последняя часть неизмеримо больше всех остальных, но этого главенства социал-демократическая идеология могла добиться, и это главенство она сможет сохранить только путем неуклонной борьбы со всеми остальными идеологиями.

Но почему же,—спросит читатель,—стихийное движение, движение по линии наименьшего сопротивления идет именно к господству буржуазной идеологии? По той простой причине, что буржуазная идеология по происхождению своему гораздо старше, чем социалистическая, что она более всесторонне разработана, что она обладает неизмеримо большими средствами распространения [1]). И чем моложе социалистическое движение в какой-либо стране, тем энергичнее должна быть поэтому борьба против всех попыток упрочить несоциалистическую идеологию, тем решительнее надо предостерегать рабочих от тех плохих советчиков, которые кричат против «преувеличения сознательного элемента» и т. п. Авторы экономического письма громят, в унисон с «Раб. Делом», нетерпимость, свойственную младенческому периоду движения. Мы ответим на это: да, наше движение действительно находится в младенческом состоянии и для того, чтобы скорее возмужать, оно должно именно заразиться нетерпимостью по отношению к людям, задерживающим его рост своим преклонением пред стихийностью. Нет ничего смешнее и ничего

---

[1]) Часто говорят: рабочий класс стихийно влечется к социализму. Это совершенно справедливо в том смысле, что социалистическая теория всех глубже и всех вернее определяет причины бедствий рабочего класса, а потому рабочие усваивают ее так легко, если только эта теория сама не пассует пред стихийностью, если только она подчиняет себе стихийность. Обыкновенно это подразумевается само собою, но «Раб. Дело», как раз забывает и извращает это подразумеваемое. Рабочий класс стихийно влечется к социализму, но наиболее распространенная (и постепенно воскрешаемая в самых разнообразных формах) буржуазная идеология, тем не менее, стихийно всего более навязывается рабочему.

вреднее, как корчить из себя стариков, давно уже переживших все решительные эпизоды борьбы!

В-третьих, первый номер «Раб. Мысли» показывает нам, что название «экономизм» (от которого мы не думаем, разумеется, отказываться, ибо так или иначе, а эта кличка уже установилась) недостаточно точно передает сущность нового направления. «Раб. Мысль» не отрицает совершенно политической борьбы: в том уставе кассы, который напечатан в № 1 «Раб. Мысли», говорится о борьбе с правительством. «Рабочая Мысль» полагает лишь, что «политика всегда послушно следует за экономикой» (а «Рабочее Дело» варьирует этот тезис, уверяя в своей программе, что «в России более, чем во всякой другой стране, экономическая борьба *неразрывна* с политической»). Эти положения «Рабочей Мысли» и «Рабочего Дела» совершенно неверны, *если понимать под политикой социал-демократическую политику*. Очень часто экономическая борьба рабочих бывает связана (хотя и не неразрывно) с политикой буржуазной, клерикальной и проч., как мы уже видели. Положения «Раб. Дела» верны, если понимать под политикой политику трэд-юнионистскую, т.-е. общее стремление всех рабочих добиваться себе от государства тех или иных мероприятий, направленных против бедствий, свойственных их положению, но еще не устраняющих этого положения, т.-е. не уничтожающих подчинения труда капиталу. Это стремление действительно обще и английским трэд-юнионистам, враждебно относящимся к социализму, и католическим рабочим, и «зубатовским» рабочим, и проч. Есть политика и политика. Таким образом, мы видим, что и по отношению к политической борьбе «Рабочая Мысль» проявляет не столько отрицание ее, сколько преклонение пред ее *стихийностью*, пред ее бессознательностью. Вполне признавая стихийно вырастающую из самого рабочего движения политическую борьбу (вернее: политические пожелания и требования рабочих), она совершенно отказывается от *самостоятельной выработки* специфической *социал-демократической политики*, отвечающей общим задачам социализма и современным русским условиям.

ЛЕГАЛЬНЫЙ МАРКСИЗМ И ЭКОНОМИЗМ.

Из брошюры Н. Ленина «Что делать?» (1902 г.). Цитиров. по сборнику соч. Вл. Ильина (Ленина) «За 12 лет». Изд. Петросовета, 1919 г., стр. 203—206.

Основная особенность России в рассматриваемом отношении [1]) состоит в том, что уже самое начало стихийного рабочего движения, с одной стороны, и поворота передового общественного мнения к марксизму, с другой, ознаменовалось соединением заведомо разнородных элементов под общим флагом и для борьбы с общим противником, устарелым социально-политическим мировоззрением. Мы говорим о медовом месяце «легального марксизма». Это было вообще чрезвычайно оригинальное явление, в самую возможность которого не мог бы даже поверить никто в 80-х или начале 90-х годов. В стране самодержавной, с полным порабощением печати, в эпоху отчаянной политической реакции, преследовавшей самомалейшие ростки политического недовольства и протеста, внезапно пробивает себе дорогу в подцензурную литературу теория революционного марксизма, излагаемая эзоповским, но для всех «интересующихся» понятным языком. Правительство привыкло считать опасной только теорию (революционного) народовольчества, не замечая, как водится, ее внутренней эволюции, радуясь всякой направленной против нее критике. Пока правительство спохватилось, пока тяжеловесная армия цензоров и жандармов разыскала нового врага и обрушилась на него, до тех пор прошло немало, на наш русский счет, времени. А в это время выходили одна за другой марксистские книги, открывались марксистские журналы и газеты, марксистами становились повально все, марксистам льстили, за марксистами ухаживали, издатели восторгались необычайно ходким сбытом марксистских книг. Вполне понятно, что среди окруженных этим чадом начинающих марксистов оказался не один «писатель, который зазнался»...

В настоящее время об этой полосе можно говорить спокойно, как о прошлом. Ни для кого не тайна, что кратковре-

---

[1]) Выше, в брошюре шла речь о выставленном редакцией «Рабочего Дела» требовании «свободы критики» и о защите ее бернштейнианства. Прим. ред.

менное процветание марксизма на поверхности нашей литературы было вызвано союзом людей крайних с людьми весьма умеренными. В сущности, эти последние были буржуазными демократами, и этот вывод (до очевидности подкрепленный их дальнейшим «критическим» развитием) напрашивался кое перед кем еще во времена целости «союза» [1]).

Но если так, то не падает ли наибольшая ответственность за последующую «смуту» именно на революционных социал-демократов, которые вошли в этот союз с будущими «критиками»? Такой вопрос, вместе с утвердительным ответом на него, приходится слышать иногда от людей, чересчур прямолинейно смотрящих на дело. Но эти люди совершенно неправы. Бояться временных союзов, хотя бы и с ненадежными людьми, может только тот, кто сам на себе не надеется, и ни одна политическая партия без таких союзов не могла бы существовать. А соединение с легальными марксистами было своего рода первым действительно политическим союзом русской социал-демократии. Благодаря этому союзу была достигнута поразительно быстрая победа над народничеством и громадное распространение вширь идей марксизма, хотя и в вульгаризированном виде. Притом союз заключен был не совсем без всяких «условий». Доказательство: сожженный в 1895 г. цензурой марксистский сборник «Материалы к вопросу о хозяйственном развитии России». Если литературное соглашение с легальными марксистами можно сравнить с политическим союзом, то эту книгу можно сравнить с политическим договором.

Разрыв вызван был, конечно, не тем, что «союзники» оказались буржуазными демократами. Напротив, представители этого последнего направления—естественные и желательные союзники социал-демократии, поскольку дело идет о ее демократических задачах, выдвигаемых на первый план современным положением России. Но необходимым условием такого союза является полная возможность для социалистов раскрывать рабочему классу враждебную противоположность его интересов и интересов буржуазии. А то бернштейнианство

---

[1]) Здесь имеется в виду статья К. Тулина против Струве, составленная из реферата, который носил заглавие «Отражение марксизма в буржуазной литературе».

и «критическое» направление, к которому повально обратилось большинство легальных марксистов, отнимало эту возможность и развращало социалистическое сознание, опошляя марксизм, проповедуя теорию притупления социальных противоречий, об'являя нелепостью идею социальной революции и диктатуры пролетариата, сводя рабочее движение и классовую борьбу к узкому трэд-юнионизму и «реалистической» борьбе за мелкие, постепенные реформы. Это вполне равносильно было отрицанию со стороны буржуазной демократии права на самостоятельность социализма, а, следовательно, и права на его существование; это означало на практике стремление превратить начинающееся рабочее движение в хвост либералов.

Естественно, что при таких условиях разрыв был необходим. Но «оригинальная» особенность России сказалась в том, что этот разрыв означал простое удаление социл-демократов из наиболее всем доступной и широко распространенной «легальной» литературы. В ней укрепились «бывшие марксисты», вставшие «под знак критики» и получившие почти что монополию на «разнос» марксизма. Клики: «против ортодоксии» и «да здравствует свобода критики», повторяемые теперь «Р. Делом», сделались сразу модными словечками, и что против этой моды не устояли и цензора с жандармами, это видно из таких фактов, как появление трех русских изданий книги знаменитого, (геростратовски знаменитого) Бернштейна, или как рекомендация Зубатовым книг Бернштейна, г. Прокоповича и проч. («Искра», № 10). На социал-демократов легла теперь трудная сама по себе и невероятно затрудненная еще чисто внешними препятствиями задача борьбы с новым течением. А это течение не ограничилось областью литературы. Поворот к «критике» сопровождался встречным влечением практиков-социал-демократов к «экономизму».

Как возникала и росла связь и взаимозависимость легальной критики и нелегального экономизма,—этот интересный вопрос мог бы послужить предметом особой статьи. Нам достаточно отметить здесь несомненное существование этой связи. Пресловутое «credo» потому и приобрело такую заслуженную знаменитость, что оно откровенно формулировало эту

связь и проболтало основную политическую тенденцию «экономизма»: рабочие пусть ведут экономическую борьбу (точнее было бы сказать, трэд-юнионистскую борьбу, ибо последняя об'емлет и специфически рабочую политику), а марксистская интеллигенция пусть сливается с либералами для «борьбы» политической. Трэд-юнионистская работа «в народе» оказывалась исполнением первой,—легальная критика—второй половины этой задачи. Это заявление было таким прекрасным оружием против экономизма, что если бы не было «credo», его стоило бы выдумать.

«Gredo» не было выдумано, но оно было опубликовано помимо воли и, может быть, даже против воли его авторов. По крайней мере, пишущему эти строки, который принимал участие в извлечении на свет божий новой «программы» [1]), приходилось слышать жалобы и упреки по поводу того, что набросанное авторами резюме их взглядов было распространено в копиях, получило ярлык «credo» и попало даже в печать вместе с протестом. Мы касаемся этого эпизода потому, что он вскрывает очень любопытную черту нашего экономизма: боязнь гласности. Это именно—черта экономизма вообще, а не одних только авторов «credo»: ее проявляли «Р. Мысль», самый прямой и самый честный сторонник экономизма, и «Р. Дело», (возмущаясь опубликованием «экономических» документов в Vademecum'e) и Киевский комитет, не пожелавший года два тому назад дать разрешение на опубликование своего profession de foi вместе с написанным против него опровержением, и многие, многие отдельные представители экономизма.

Эта боязнь критики, проявляемая сторонниками свободы критики, не может быть об'яснена одним лукавством (хотя кое-когда, несомненно, не обходится и без лукавства: нерасчетливо открывать для натиска противников неокрепшие еще ростки нового направления!). Нет, большинство экономистов совершенно искренно смотрит (и, по самому существу эконо-

---

[1]) Речь идет о протесте 17-ти против «Credo». Пишущий эти строки участвовал в составлении этого протеста (конец 1899 г.). Протест вместе с «Credo» был напечатан за границей весной 1900 г. В настоящее время из статьи г-жи Кусковой, (кажется в «Былом») уже известно, что автором «Credo» была она, а среди заграничных «экономистов» того времени, виднейшую роль играл г. Прокопович.

мизма, должно смотреть) с недоброжелательством на всякие теоретические споры, фракционные разногласия, широкие политические вопросы, проекты сорганизовать революционеров и т. п. «Сдать бы все это за границу»,—сказал мне однажды один из довольно последовательных экономистов, и он выразил этим очень распространенное и опять-таки чисто трэд-юнионистское воззрение: наше дело — рабочее движение, рабочие организации—здесь, в нашей местности, а остальное—«выдумки доктринеров»...

